

Земля хеттов

Джон Гарстанг

THE LAND OF THE HITTITES

AN ACCOUNT OF RECENT EXPLORATIONS AND
DISCOVERIES IN ASIA MINOR, WITH DESCRIPTIONS OF THE HITTITE MONUMENTS

With Maps and Plans
Ninety-nine Photographs and a Bibliography

BY
JOHN GARSTANG D.Sc. B.Litt. M.A.

RANKIN PROFESSOR OF THE METHODS AND PRACTICE OF
ARCHÆOLOGY IN THE UNIVERSITY OF LIVERPOOL; FELLOW
OF THE SOCIETY OF ANTIQUARIES OF LONDON
HON. MEMBER OF THE SOCIETY OF NORTHERN
ANTIQUARIES, COPENHAGEN

LONDON
CONSTABLE AND COMPANY, LTD.
10 ORANGE STREET, LEICESTER SQUARE, W.C.

1910

The Project Gutenberg eBook of The land of the Hittites.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Земля хеттов

Рассказ о недавних исследованиях и открытиях в Малой Азии, с описанием хеттских памятников

Автор: Джон Гарстанг

Автор введения и т. д.: А. Х. Сайс

Дата выхода: 21 августа 2022 года [eBook #68806].

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: United Kingdom: Constable & Co, 1910

Кредиты: Тургут Динсер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE LAND OF THE HITTITES ***

БУЛГАР МАДЭН: ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТАВРСКИМ ГОРАМ

Деревня лежит в долине между двумя хребтами.

Фронтиспис (см. [с. 43](#)).

ЗЕМЛЯ ХЕТТОВ

РАССКАЗ О НЕДАВНИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОТКРЫТИЯХ В МАЛОЙ АЗИИ С ОПИСАНИЕМ ХЕТТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

С картами и планами

Девяносто девять фотографий и библиография

ДЖОН ГАРСТАНГ Д.С. Б.Литт. М.А.

РАНКИН ПРОФЕССОР МЕТОДОВ И ПРАКТИКИ

АРХЕОЛОГИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ ЛИВЕРПУЛЯ; ЧЛЕН

ЛОНДОНСКОГО ОБЩЕСТВА АНТИКВАРОВ

ЧЕСТЬ. ЧЛЕН ОБЩЕСТВА СЕВЕРНЫХ

АНТИКВАРОВ, КОПЕНГАГЕН

ЛОНДОН

КОНСТЕБЛЬ И КОМПАНИЯ, ЛТД.

10 ORANGE STREET, LEICESTER SQUARE, W.C.

1910

Ливерпульский университет

Институт археологии

МОЕЙ ЖЕНЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА

Преподобный профессор А. Х. Сейс, доктор философии, доктор литературы, магистр искусств.

История древней восточной цивилизации постепенно раскрывается перед раскопщиками и археологами. Научные раскопки велись в Египте, Ассирии, Вавилонии и Палестине; теперь настала очередь Малой Азии, как к северу, так и к югу от Тавра; и есть признаки того, что откровения, которые готовит для нас Малая Азия и соседние земли Сирии, будут еще более поразительными, чем те, что пришли из Египта и Вавилонии. Там мы уже знали, что когда-то процветали великие империи и широкомасштабные культуры; ранняя история Малой Азии, напротив, была пустой. Но этот пробел начинает заполняться, и мы узнаем, что и там когда-то существовала империя, которая на равных соперничала с империями Нила и Евфрата и обладала культурой, которая стала связующим звеном между Востоком и Западом. То, что я когда-то назвал забытой империей хеттов, наконец-то появляется на свет, и вскоре многое, что до сих пор остается загадочным в искусстве и религии Греции и Европы, будет объяснено.

Это уже выяснилось в результате раскопок, проведенных немецкой экспедицией под руководством профессора Винклера в Богаз-Кеуи, к северу от Халиса, где находилась столица хеттов. Но в Малой Азии и Северной Сирии есть много других мест, где когда-то процветала хеттская культура, и где, следовательно, можно ожидать открытий, подобных тем, что поразили научный мир в Богаз-Кеуи. Некоторые из этих мест были изучены профессором Гарстангом во время его предварительных исследований; на других он начал раскопки и обнаружил важные остатки искусства и древности.

Сакдже-Геузи находится на небольшом расстоянии от Синджерли, где немецкие раскопщики обнаружили памятники, составляющие главную достопримечательность хеттской секции в Берлинском музее. Курган Сакдже-Геузи представляет собой непрерывную историю, насчитывающую бесчисленное количество веков. Более ранние слои - это накопления неолитического народа; над ними возвышаются руины хеттских и арамейских строителей. Храм, раскопанный профессором Гарстангом, показывает нам, каким было хеттское искусство в Сирии десятого и последующих веков до нашей эры, и позволяет нам догадаться о характере культа, который в нем совершался.

На следующих страницах он рассказал о своей работе и выводах, которые можно сделать на основе. Однако это занимает лишь небольшую часть его книги. Основная цель книги - обзор наших современных знаний об истории, искусстве и археологии хеттов, описание известных на сегодняшний день хеттских памятников и прослеживание истории хеттской империи в том виде, в каком она предстала перед нами благодаря недавним открытиям.

Среди великих политических сил древнего восточного мира мы теперь знаем, что ни одна не оказывала более глубокого влияния, чем хетты Малой Азии. Именно они свергли аморейскую династию в Вавилонии, к которой принадлежал Амрафель из Бытия; именно им было приписано падение египетской империи в Азии, и именно они на протяжении веков сдерживали опустошительное наступление ассирийцев. В Палестине их влияние было огромным, и не зря в десятой главе Бытия Хет назван вторым среди сыновей Ханаана. Они были основателями династии Ираклидов в Лидии, а вавилонское искусство, видоизмененное в Малой Азии, было перенесено ими к греческим морям. Греческая религия и мифология во многом обязаны им; даже амазонки из греческой легенды, как оказалось,

были воительницами-жрицами великой хеттской богини. Прежде всего, именно хетты контролировали рудники Малой Азии, которые снабжали древний мир серебром, медью, свинцом, а возможно, и оловом. Еще до эпохи Авраама торговцы везли малоазийскую бронзу в Ассирию и Палестину, преобразив тем самым всю культуру западной Азии. История забытого народа очень увлекательна, и читатель не может сделать ничего лучше, чем изучить ее под руководством профессора Гарстанга, чья работа надолго станет стандартным авторитетом в этом вопросе.

А. Н. Sayce.

Нубия, 1 декабря 1909 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

С тех пор как более тридцати лет назад профессор Сейс и доктор Райт впервые обратили внимание на забытую империю и цивилизацию хеттов, не появилось ни одной книги, которая бы позволила английскому читателю быть в курсе новых сведений, появившихся с тех пор на эту тему. Тем временем исследования, проведенные британскими и немецкими исследователями в северной Сирии и Малой Азии, а также работы многочисленных ученых, занимавшихся этой проблемой, продвинули положение настолько, что хетты перестали быть туманными, а предстали в ясном свете истории, требуя внимания всех, кто интересуется историей библейских земель, Малой Азии и ранней Греции. Положение и характер Малой Азии придают широкий интерес и очарование ее прошлому не меньше, чем настоящему.

Настоящий том призван заполнить пробел, который уже слишком разросся. Он начинается с краткого обзора хеттских земель и изложения их истории. Затем дается обзор хеттских памятников, каждый из которых описывается отдельно и независимо, таким образом, чтобы быть полезным для любого, кто посетит их *на месте* или в музеях Константинополя и Берлина, где есть отделы, специально посвященные этой отрасли археологии. Библиография и многочисленные перекрестные ссылки в сносках, как можно надеяться, сделают работу удобной для археолога в качестве справочной книги. Собственные теории автора в основном ограничиваются последней главой, и была сделана попытка провести различие между доказанными или общепризнанными фактами и личным мнением. Попытка восстановить историю XIV и XIII веков до н. э. на основе архивов, недавно обнаруженных доктором Винклером в Богаз-Кеуи, предпринята условно, и, несомненно, лучше бы ее осуществил филолог. В рамках данного тома и его названия оказалось невозможным рассмотреть тему хеттского искусства и религиозного символизма в целом.

Поэтому лучше сразу отметить некоторые другие моменты. Одна из целей книги - заинтересовать английского читателя увлекательной, но забытой темой, поэтому библиографические ссылки даются на английском языке везде, где имеются переводы иностранных авторов. К сожалению, некоторые шедевры современной науки, такие как "*Geschichte des Alterthums*" Мейера, еще не переведены на английский язык. Географические названия, даже с риском несоответствия, используются наиболее знакомые или общеупотребительные. Так, Хамат вместо Хамы, Алеппо вместо Халеба, Кархемиш вместо Иераблуса, Тиана вместо Килисса Гиссара. Что касается термина "хеттский", то он в первую очередь относится к тому классу памятников, который известен как хеттский, а значит, и к древнему народу, чьей рукой они были сделаны. Слово "хатти" используется в

более ограниченном смысле, подразумевая центральное и в свое время доминирующее хеттское государство или государства, чья резиденция и центр организации находились в Богаз-Кеуи. Но не следует забывать, что на самом деле слова "хетты" и "хатти" взаимозаменяемы.

В завершении работы над книгой на разных этапах принимали участие многие друзья. Среди них - коллеги писателя во время двух его исследовательских поездок по Малой Азии. Преподобный У. М. Линтон Смит исправил несколько глав в гранках и предоставил несколько фотографий фригийских памятников. Мистер Артур Уилкин любезно предоставил фотографии Эфеса, Сардиса и богини на горе Сипилус. Однако большая часть иллюстраций - дело рук г-на Хорста Шлифака, и они говорят сами за себя. Любой, кто пробовал фотографировать в условиях путешествия по Малой Азии, поймет, с каким мастерством были получены эти результаты. В Константинополе нашей работе постоянно помогали сэр Эдвин Пирс и мистер Г. Х. Фицморис, а Е. П. покойный Хамди-бей значительно облегчил наши экспедиции своей доброй волей в качестве директора Императорского Османского музея. В этой связи мы не можем не упомянуть тех меценатов науки, чья щедрость позволила осуществить эти экспедиции, а именно: почтенного сэра Джона Т. Бруннера, барта, магистра, покойного доктора Людвиг Монда, мистера Ральфа Броклбэнка, мистера Мартина Кеннарда и мистера Роберта Монда. Эти джентльмены заслужили благодарность всех тех, кто заинтересован в прогрессе знаний; и писатель искренне верит, что они найдут на этих страницах то, что вознаградит их интерес к этим начинаниям. Мистер Хогарт и доктор Мессершмидт также заслуживают благодарности за предоставление нескольких фотографий, а также за возможности, предоставленные в музеях Оксфорда и Берлина, находящихся под их контролем.

Основная нагрузка по корректуре вновь легла на плечи преподобного У. Макгрегора, а миссис Р. Гурни помогла пересмотреть значительную часть рукописи перед печатью; в этой связи не забыта помощь и доброжелательная критика коллег из Ливерпуля. Наконец, профессору Сэйсу писатель выражает самую горячую благодарность как за первые уроки хеттского языка, так и за постоянный стимул в виде предложений и поправок, неослабно вносимых из фондов его знаний. Приятный труд лучшей части двух лет, посвященный подготовке этого тома, был сполна вознагражден многими восхитительными днями, проведенными с ним среди прошлого в Оксфорде и Эдинбурге, а также на Ниле.

J. G.

Мероз, 7 февраля 1910 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ: Преподобный профессор А. Х. Сейс, доктор философии, доктор философии, доктор лит.	vii
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА,	xi
I. ГЛАВА О ГЕОГРАФИИ,	1-50
Границы и физические особенности (с. 2-4); восточный Тавр и Антитавр (с. 5); северная часть Сирии: равнины, долины Африна и	

Кара-Су (с. 6-13); перевалы Амана (с. 14-15); долина Оронта (с. 16).
Плато Малой Азии, границы и особенности (стр. 17-19); пять областей (стр. 20-21); положение Кесарии, дороги (стр. 22-25); река Халис (стр. 26-28), ее бассейн (стр. 29-31); положение Богаз-Кеуи и Эюка (стр. 32-33); северные дороги и реки (стр. 34-35); западные области, Ангора, Фригия, Кония (стр. 36-40); юго-восточная область, Кара-даг, Ивриз, Тиана (стр. 41-42); Тавр: Булгарский даг (стр. 43, 44), Киликийские ворота (стр. 45-47); Киликия (стр. 48-50).

II. НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,

51-73

Очерк хеттского периода: империя, возрождение и окончательное погружение (с. 52-55); сохранение обычаев (с. 56). Фригийцы в ассирийской и греческой истории (с. 57-58), их цивилизация и памятники (с. 59-61); урарты и киммерийцы (с. 62). Лидия (с. 63-64); греческие колонии (с. 65, 66). Персидское владычество (с. 67). Александр и эллинизирующее влияние (с. 67, 68). Римский период: Селевкиды, понтийские цари, киликийцы; организация (с. 69-70); памятники (с. 71). Сарацинские (арабские) завоевания (с. 72); турки-сельджуки (с. 73).

III. ПАМЯТНИКИ ХЕТТОВ,

74-195

Предварительно: метод исследования (с. 74-76), хронология (с. 77-79), классификация (с. 80-82), диспозиция (с. 84-91).

Раздел а.- Памятники севера Сирии: Хамат, Рестан, Алеппо (с. 93-97); Куртс-оглу, Синджерли, Кара-буршлу, Сакдже-Геузи (с. 98-106); Айнтаб, Килиз, Мараш (с. 107-122); Джераблус (Кархемиш), Телль-Ахмар, Самсат, Рум-Кале (с. 123-131).

Раздел б.- Памятники в Тавре и Антитавре: Малатия, Дерендех, Паланга, Гурун (с. 132-144); Арслан-Таш, Альбистан (с. 132-146); Куру-Бел (с. 147); Экрек, Ташджи, Фрактин (с. 148-151).

Раздел с.- Памятники бассейна Халыса: Асарджик, Суаса (с. 152, 153); Карабурна, Богче, Ямоола (с. 154-157); Богаз-Кеуи, Денек Маден (с. 158-160).

Раздел d.- Памятники Запада: Ангора, Гяур-Калеси, Ярре (Чесме Кеупру), Доганлу, Бей-Кеуи (стр. 161-167); Сипилус, Кара-Бель (стр. 168-172); Кёлит-оглу, Эфлатун-Бунар, Фасилер (стр. 173-176).

Раздел д. - Памятники юго-востока: Кара-Даг, Кизил-Даг (с. 177-182); Эмир-Гази, Ардистама (с. 183, 184); Таяна, Бор, Нигдех, Андавал (с. 185-189); Булгар-Мадан (с. 190); Ивриз (с. 191-195).

IV. СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА: Описание древнего города в Богаз-Кеуи и скульптур, называемых Иасилы-Кая,

196-241

Часть i.-Отношение к Птери (с. 197); история, экономика и положение (с. 198-200); валы акрополя, ворота и оборонительные сооружения (с. 201-205), Нишан-Таш и другие памятники (с. 206); Нижний дворец (с. 207, 208); хронологические свидетельства (с. 209-211).

Часть ii. Скальные скульптуры Иасилы-Кая: Положение, описание святилища и декоративная схема (стр. 211, 213); ведущие фигуры богов (стр. 214-216); фигура жреца (стр. 217); процессия мужских фигур (стр.

218-220); план и график (стр. 221); ведущие богини и т.д. (стр. 222, 223), процессия женщин (стр. 224), царь-жрец (стр. 225); церемониальный праздник и чудовища (стр. 226). Внутренняя галерея: движущиеся фигуры (с. 227); Дирк-божество (с. 228). Общий обзор (с. 230-232); исторические соображения (с. 233-234); божественная триада (с. 235-241).

V. ОБНЕСЕННЫЕ СТЕНОЙ ГОРОДА И ДВОРЦЫ,

242-314

Часть I. Дворец и скульптуры Эюка (с. 242-269). Исследования (с. 242, 243): местоположение (с. 244-245); ворота со сфинксом (с. 246-248); здания и кладка (с. 249-252). Скульптуры: сфинксы, бог-бык, жрец и жрица, каменщики, музыканты (стр. 253-262); богиня-мать, львиный угловой камень, группы (стр. 263-266); сцена омовения, двуглавый орел (стр. 267-270).

Часть ii. Город и скульптуры Синджерли (стр. 270-298). Раскопки, краткое описание результатов (стр. 270-273); рельефы у городских ворот, орлиноголовые божеества, всадники на лошадях, крылатые чудовища, мужские фигуры, луки, зайцы и олени (стр. 274-276); ворота цитадели (стр. 277-278); рельефы - (i) возница и жертва, (ii) воин, (iii) лев, (iv) бог погони, (v, vi) лев и чудовище (стр. 279-283); (vii) мужчина, несущий ребенка, (viii) церемониальный пир, (ix, x) три мужские фигуры, (xi) лучник, (xii-xiii) олень и ребенок, (xiv) крылатый лев, (xv-xvi) фигуры с двойным молотом (стр. 284-288); (xvii) воин и сфинкс, (xviii) чудовище, (xix) фигура женщины (стр. 289-291); (xxiv, xxv) бык и всадник, (xxvi-xxvii) бык и человек с булавами (стр. 292-294); (xxviii-xxix) пара оленей, (xxx) крылатый лев, (xxxi) воин, (xxxii) охотник, (xxxiii) собака, (xxxiv) музыкант, (xxxv) мужская фигура, (xxxv, xxxvii) пара козлов (стр. 295-296); реконструкция ворот, угловые камни льва, два своеобразных бюста, основания сфинксов (стр. 297-298).

Часть iii.- Курганы и дворец-портик Сакдже-Геузи (стр. 298-314).

Местная история и исследования, обнесенная стеной цитадель (стр. 298-300); вход во дворец, украшения, львиные угловые камни (стр. 301-302); рельефы, орлиноголовое божеество, оплодотворяющее дерево, сфинкс, царь-жрец, слуги (стр. 303-308); основание сфинкса (стр. 309-311); исторические результаты, стратификация, керамика, внешние связи (стр. 312-314).

VI. ИСТОРИЯ ХЕТТОВ,

315-391

Власти (с. 315-316). Хетты, их приход и расселение, ранняя культура, самые ранние исторические упоминания (с. 317-325). Правители Хатти; завоевания Субби-лулиумы, договоры с Митанни, аморитами и Египтом (с. 326-336). Империя Субби-лулиума, правление Мурсила; Муталу и битва при Кадеше (с. 337-343); Хаттусил, египетский договор и внешняя политика; его преемники (с. 346-352). Обзор хеттской цивилизации при Хатти; положение женщин, религия, организация, армия, дороги и города, скульптуры и архитектура (с. 353-367). Европейские миграции, разрушение хеттской империи, Муски, ассирийцы, Кархемиш (с. 368-371). Великое возрождение, Киликийская империя, расположение хеттских царств, с картой, соотношение сил (с. 372-377). Изменения в декоративном и

религиозном искусстве; семитское влияние в Сирии (с. 377-380).
 Наступление Ассирии, коалиции хеттских государств, битва при Каркаре, падение Тарса (с. 381-384). Ваннийские цари, завоевания в Сирии, решающая битва с Ассирией; господство Ассирии в Сирии; падение Кархемиша, Мараша и Табала (с. 385-390). Эпохи в истории хеттов (с. 390-391).

Приложение А. - Библиография хеттской археологии,	392-394
Приложение Б. - Индекс хеттских памятников с библиографией,	395-401
Указатель авторов, классические и библейские ссылки,	402-403
Общий указатель,	404-416

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФОТОГРАФИИ

Пластика		К лицевой странице
I.	Булгар-Мадан: Приближение к горам Тавра,	Фронтиспис
II.	(i) Долина в Тавре, (ii) Верховья реки Халис около Сиваса,	4
III.	Алеппо: вид на город из цитадели,	6
IV.	Каракуль: Семья курдов у себя дома,	8
V.	Картал: (i) Веранда дома, (ii) Группа турчанок,	12
VI.	Богче: Главный перевал через Аманусские горы,	14
VII.	Бейлан: Вершина перевала,	16
VIII.	Леса на южных склонах Тавра,	18
IX.	Кесария: Монастырь школы и цитадель,	22
X.	Инджесу: Мечеть и город,	24
XI.	Река Халыс, между Чок Гез и Бир Гез,	26
XII.	Ени-Хан, около Секкили: Лагерь кочевников,	28
XIII.	(i) Чесме Кеупру: внутренняя часть хана, (ii) Секкили (рядом): Лагерь юруков,	30
XIV.	(i) Нефез-Кеуи: Женщины черпают воду у источника, (ii) Таяна: Турецкие женщины и ребенок,	32
XV.	(i) Юзгат: дервиш и бродяги, (ii) Кулаклы-Кеуи: Типы жителей,	34
XVI.	Ангора: Старые дома на окраине,	36
XVII.	Нефез-Кеуй; ковроткачество,	38

XVIII.	(i) Нефез-Кеуи: Минарет деревенской мечети, (ii) Анатолийские лошади: Полуденный привал,	40
XIX.	Бор: Мост через Кизилджа-Су,	42
XX.	Приближение к Киликийским воротам,	44
XXI.	Вход в Киликийские ворота,	46
XXII.	(i) Проход на юг через Киликийские ворота, (ii) Тарс: сады и город,	48
XXIII.	Тарсус: (i) Стены Дунук-Таша, (ii) Священный камень в арабском святилище,	50
XXIV.	(i) Бей-Кеуи: Королевская дорога, (ii) Димерли: павший лев,	56
XXV.	(i) Димерли: гробница льва, (ii) Аязин: Гробница со львами, (iii) Тиана: Фригийская надпись Мидаса,	60
XXVI.	Вид в окрестностях Сардиса: Долина Пактола,	64
XXVII.	Киликия: Римские акведуки над восточной равниной,	68
XXVIII.	Кирр: (i) римская гробница и (ii) разрушенный мост,	70
XXIX.	Баальбек: скульптура и руины храма,	72
XXX.	Эфес: Библиотека Цельса,	74
XXXI.	Ангора: Храм Рима и Августа,	76
XXXII.	Нигдех: Портал Белого Мидрессека, 1223 г. н.э.,	78
XXXIII.	Нигдех: гробница периода Сельджук,	80
XXXIV.	(i) Эфес: Средневековая крепость с остатками эпохи Сельджуков, (ii) Кония; Зазадин Хан, работа Сельджука,	82
XXXV.	Ровандуз Калех; средневековая крепость,	84
XXXVI.	Кесария: Старое турецкое кладбище,	88
XXXVII.	Хамат: Надпись хеттскими иероглифами,	94
XXXVIII.	Алеппо: Крепость на Акрополе,	98
XXXIX.	Сакдже-Геузи: Сцена королевской охоты,	104
XL.	(i) Киллиз: Бронзовые фигуры, (ii) Денек Маден; печать из слоновой кости,	106
XLI.	Айнтаб: Надпись на скульптурном угловом камне,	108
XLII.	Мараш: Угловой камень с надписью "Архитектурный лев",	110
XLIII.	Ровандуз: Сцена в лагере в Курт-Даге,	122
XLIV.	Малатия: (i) Жрец приносит в жертву богу молний быка, (ii) Жрица, приносящая жертву	138

крылатому божеству,

XLV.	Паланга: колонная статуя с надписью,	142
XLVI.	Экрек: хеттская надпись с христианскими эмблемами,	148
XLVII.	Фрактин: наскальные скульптуры,	150
XLVIII.	Богче: хеттская надпись на камне с круглой вершиной,	154
XLIX.	Ямула: Гигантский орел, стоящий на львах,	156
L.	Ангора: Акрополь,	162
LI.	Аязин: Каменные гробницы и церковь,	164
LII.	" Крыша церкви с куполом,	166
LIII.	Сипилус: Изображение богини-матери,	168
LIV.	Кара-Бел: Хеттский бог оружия,	172
LV.	Тиана: Разрушенные римские акведуки,	184
LVI.	Бор: Хеттская надпись и рельеф,	186
LVII.	Ивриз: Гигантские скульптуры на скале,	192
LVIII.	Богаз-Кеуи: Место Птери,	200
LIX.	" Ущелье Беюк-Каянин Дареси,	202
LX.	" Львиные ворота,	204
LXI.	" (i) Крепость под названием Енидже-Калех,	206
	(ii) Остатки нижнего дворца,	
LXII.	" Вид на Нижний дворец с высоты птичьего полета,	208
LXIII.	" (i) Лагерь у подножия Беюк Калех,	210
	(ii) Иасили Кая: Скульптуры слева,	
LXIV.	" Общий вид Ясилы-Кая,	212
LXV.	" Центральные скульптуры в,	214
LXVI.	" Группа из двух чудовищных фигур,	218
LXVII.	" Одна из женских фигур,	222
LXVIII.	" Царь-священник в Иасили-Кая,	224
LXIX.	" (i) Малая галерея: вид,	226
	(ii) Хеттские портреты, три фигуры,	
LXX.	" Дирк-божество,	228
LXXI.	" Хеттский бог, обнимающий жреца,	232
LXXII.	Эюк: Скульптуры, украшающие фасад дворца,	252
LXXIII.	" (i) Святилище богини-матери,	260
	(ii) Музыканты с волынкой и гитарой,	
LXXIV.	Береговой путь вокруг Иссусского залива,	270
LXXV.	Синджерли: (i) церемониальный праздник,	280
	(ii) Воин с копьем,	
LXXVI.	" Скульптуры ворот <i>in situ</i> ,	286
LXXVII.	" (i) Хеттский бог неба,	292

	(ii) Бог двойного топора,	
LXXVIII.	Сакдже-Геузи: Вход во дворец,	300
LXXIX.	" Угловой камень со львом (слева),	302
LXXX.	" Лев и прилегающие скульптуры (справа),	304
LXXXI.	" (i) Скульптуры левой фланкирующей стены,	306
	(ii) Продолжение серии,	
LXXXII.	" Сфинкс-пешеход к центральной колонне,	310
LXXXIII.	Союзники хеттов: (i) монголоиды,	318
	(ii) протогреки,	
LXXXIV.	Сохранившиеся (i) аморит	320
	типы: (ii) хеттский,	
LXXXV.	Кочевники, проходящие в Малую Азию,	322
LXXXVI.	Кесария: Типы семитских поселенцев,	334
LXXXVII.	Ени-Хан: группа женщин-кочевниц,	340
LXXXVIII.	Битва при Кадеше: Хеттские колесницы заряжаются,	344
ПЛАНЫ		
Богаз-Кеуи: План скального святилища под названием Иасили Кая,		221
Эюк: План ворот Сфинкса,		247
Синджерли: эскизный план ворот,		278
КАРТЫ		
Хеттские государства после возрождения в X веке до н.э,		375
Погружение хеттских государств (восьмой век до н.э.),		385
Карта хеттских городищ в Малой Азии и Северной Сирии,		<i>Клицу 390</i>

I ГЛАВА ГЕОГРАФИИ

В самом начале нашей работы мы сталкиваемся со значительным недоумением, поскольку земля, которую мы собираемся исследовать, практически не определена. Мы, конечно, руководствуемся смутными и скудными историческими сведениями о севере Сирии и востоке Малой Азии, но для более широкого и четкого разграничения, пусть и неполного, мы должны полагаться на свидетельства, предоставленные расположением самих хеттских памятников. Они не могут установить для нас каких-либо определенных границ, и территория, на которой они были найдены, не совпадает с какими-либо крупными природными ориентирами, которые обычно образуют границы государств. С другой стороны, их любопытное расположение и сама разобщенность территории, на которую они указывают, пробуждают наш интерес, наводя на мысль о необычных обстоятельствах, способных объединить в политическое единство народы, условия жизни которых столь различны. И хотя в основном полуостров находится в самом центре, омываемый голубыми волнами двух великих внутренних морей, ни одна часть длинной береговой линии не может

быть включена, по нынешним данным, в нашу территорию. Возможно, причина лишь в том, что условия там не благоприятствуют сохранению или восстановлению памятников; но, тем не менее, следует отметить, что никаких следов хеттской работы до сих пор не обнаружено на побережье, будь то вдоль лесистых берегов Черного моря на севере, на плодородных заливах на западе^[1] или на скалистых перевалах сирийского побережья; Также пока не доказана четкая связь между объединившимися народами хеттов и теми мореходами, которые из своих гаваней под южным кровом Тавра совершали пиратские набеги на египетскую дельту в тринадцатом веке до нашей эры.С.^[2]

Таким образом, мы видим, что хетты были сугубо внутренним народом, и к морю они относились не более благосклонно, чем современные турецкие народы. Центром их памятников является горная область системы Тавра и Антитавра, откуда они, с одной стороны, ведут нас к жарким равнинам, лежащим между правым берегом Евфрата и горой Аманус (Гяур-Даг), с продолжением на юг долиной Оронта до его истоков в Ливане; а с другой стороны - расширяется, охватывая не только северную окраину Таврских гор и бассейн реки Халис, но и практически всю широкую столовую область Малой Азии, с одним пальцем, указывающим вниз по долине Гермуса мимо Сардиса на запад. Выводы, которые можно сделать из этих предварительных соображений, получают подтверждение по ходу нашего исследования, когда мы найдем основания полагать, что народы, чьи земли мы пытаемся наметить, были горного происхождения. Проблема их расселения, однако, остается неясной; мы должны дождаться результатов дальнейших исследований, чтобы определить, было ли это объединенное движение народов, принесших с собой элементы своей цивилизации, как турки в современной истории, или же они веками терпели суровые условия горной жизни, прежде чем стали достаточно сильными, чтобы спуститься на гостеприимные равнины внизу.

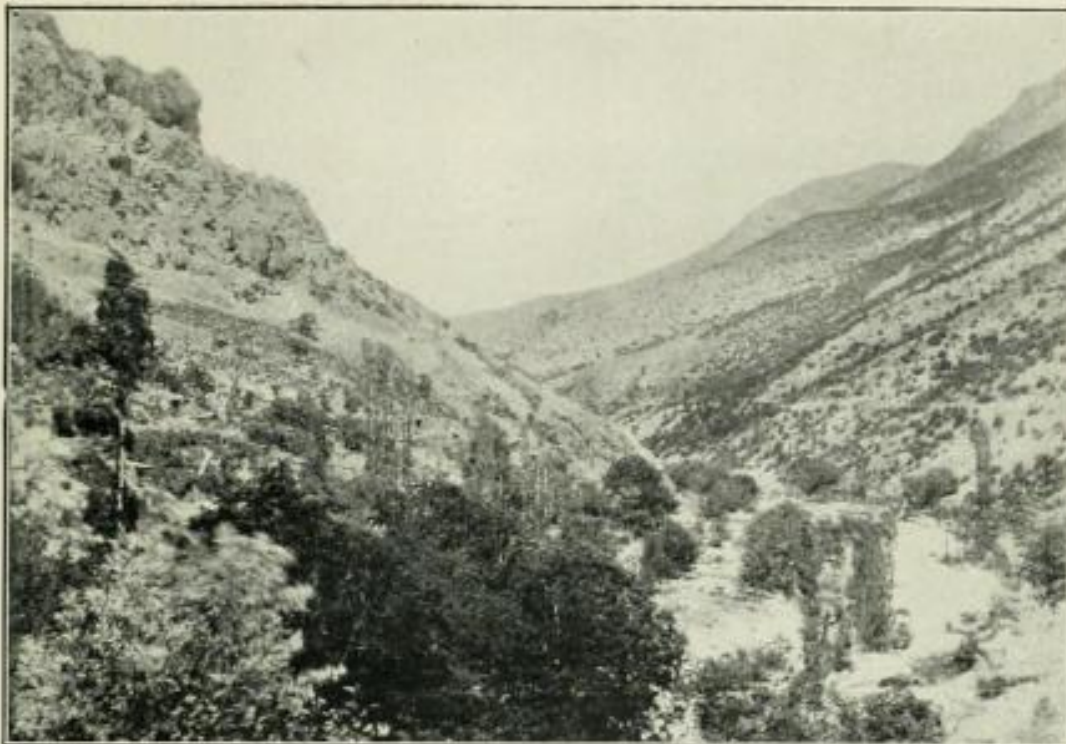
Более дикие горы Великой Армении, к востоку от верховьев Евфрата, не обнаруживают никаких определенных признаков хеттского поселения;^[3] но они образуют отличительную границу нашего региона, являясь кульминацией системы, частью которой являются Тавры. Здесь также находится центр горных хребтов, которые, как и реки, поднимающиеся на их высотах, спускаются в нескольких направлениях. На севере возвышающаяся вершина Арарата, высотой в семнадцать тысяч футов, смотрит вниз на зеленые долины Кавказа. На востоке хребет, окаймляющий Каспийское море, соединяется с системами Центральной Азии. На юге другая цепь удерживает как бы нагорья Азии, с одной стороны, уступая место бассейнам Евфрата и Тигра, а с другой - соприкасаясь с восточными водами Персидского залива.

Система Тавра - еще одна подобная цепь, направленная на запад, отделяющая Малую Азию от остальной Азии, огибающая южное побережье, затем ломающаяся и рассеивающаяся по мере падения уровня на запад, пока не спустится ниже моря, где ее вершины, все еще выступающие, образуют Эгейский архипелаг, пока, собранные вместе, они не выйдут на сушу на земле Греции. В сердце этих гор два главных истока реки Евфрат текут в западном направлении, пока не соединяются над Малатией;^[4] затем, постоянно извиваясь и поворачивая в поисках прохода через противостоящие ей скалистые валы, великая река движется в восточном направлении, пока не приближается к равнинам. Однако, не доходя до Гергера, она снова меняет направление, поворачивая на запад по длинной кривой мимо Самсата к Айнтабу и на юг до широты Алеппо: отсюда ее течение становится более спокойным и прямым по направлению к Персидскому заливу.

Изгиб Евфрата под Малатией в настоящее время обозначает границу страны хеттов на востоке. Вся горная область, лежащая к западу от этого ориентира, разделена ущельями

Пирама, включающими в себя мрачные восточные высоты главного хребта Тавра, с одной стороны, и более изрезанные, но менее бесплодные области Антитавра, лежащие внутри. С Тавра многочисленные потоки падают на юг, чтобы соединиться с изгибом Евфрата, а северные склоны того же хребта смотрят вниз на глубокую долину Тохма-Су. Эта река, текущая на восток, является еще одним главным притоком Евфрата, с которым она соединяется недалеко от Малатии, и образует нашу современную границу на севере в этом направлении.^[5] Ее истоки находятся высоко за Гуруном в главном водоразделе, из которого одни реки текут на юг к Киликийской равнине, другие - на северо-запад, чтобы питать Халис.

ПЛИТА II

Долина в Таурусе (см. [с. 5.](#))

Водоемы Халыса близ Сиваса (См. [с. 26.](#))

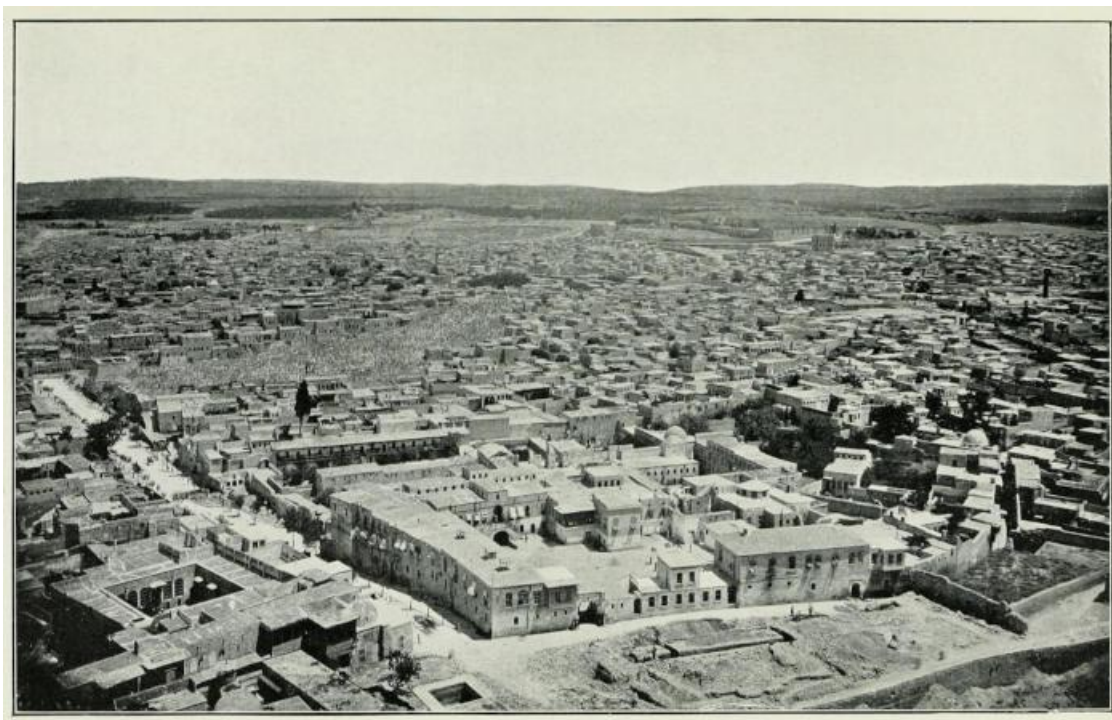
Маршруты, соединяющие север Сирии с Малой Азией, используют эти естественные каналы подхода. Так, главная дорога из Айнтаба на север, достигнув Пирама у Мараша, следует вдоль этой реки до Альбистана, откуда русло ручья ведет к водоразделу, уступающему место долине Тохмы Су. Таким образом, Дерендех достигнут; и по этой новой долине дорога проходит через Гурун на север, и так через водораздел к Сивасу в долине Халиса. Из Альбистана другой путь ведет на восток в Малатию; а на запад путь, проходящий через Изгин, поднимается через горы во внутренние районы страны.^[6] Более прямой путь, однако, из Айнтаба и Мараша ведет вдоль потоков, питающих Пирам, на северо-запад до Шахра (классическая Комана), у истоков киликийского Саруса; затем, через один из нескольких перевалов, среди которых Куру-Бел, достигаются верховья Заманти-Су, что ведет в Кесарию у подножия горы Аргесий. Последняя из названных рек является притоком Саруса и на своем пути проходит мимо Экрека, Ташджи и Фрактина.

Можно судить, что регион, столь изрезанный горными потоками, не является полностью бесплодным или суровым. Сама высота над уровнем моря, составляющая в среднем шесть тысяч футов, дает передышку от летней жары, которая делает жизнь на сирийских равнинах обременительной. Зеленые насаждения скрываются под укрытием высот, защищая от суровых зимних метелей, когда горные проходы могут быть занесены снегом. А в глубоких долинах, хотя их берега в основном скалистые, широкие склоны по обе стороны благоприятны для выращивания зерновых и других необходимых культур. Многочисленные города, возникшие в благоприятных местах, в основном на месте хеттских поселений, с их садами и виноградниками, фруктовыми и оливковыми плантациями, ткацкой и вышивальной промышленностью, открывают нам привлекательность и возможности древнего поселения.

Как дороги этого региона сходятся в Мараше, так и из этого центра расходятся другие пути сообщения в южные регионы. С одной стороны, долина Пирама ведет на Киликийскую равнину; с другой - дорога на Айнтаб, по которой мы сейчас идем, приводит нас в самые северные районы Сирии, исторически являющиеся ареной борьбы хеттов с фараонами и Ассирией. Вся территория, лежащая перед нами, вплоть до Алеппо, имеет двойкий характер: на востоке находятся великие равнины, простирающиеся до Евфрата, а на западе между ними и морем располагаются два горных хребта, лежащие параллельно друг другу и побережью.

Равнины являются вершиной Сирийской пустыни, которая сама по себе скудно орошается зимними ручьями, текущими к Евфрату, и некоторыми самостоятельными реками, которые, не найдя выхода, превращаются в небольшие соленые озера и болота. Здесь нет ни деревьев, ни другой защиты от палящего солнца, а поверхность нарушают лишь невысокие хребты и курганы, отмечающие места древних поселений.^[7] Население в основном курды, смешанные с оседлыми потомками северных бедуинов, говорящих на примитивной арабской речи. Их жизнь тяжела: урожай высыхает раньше, чем его успевают собрать; но тем не менее благодаря опыту многих поколений они находят средства для жизни и пропитания своих стад. За исключением местных путей, единственные дороги, пересекающие этот пустынный район, ведут из Алеппо и из Айнтаба к переправе через Евфрат, которая сейчас находится в Биреджике, недалеко от места древнего Кархемиша в Иераблусе^[8].

ПЛИТА III

Алеппо: вид на город из Цитадели: конак в окружении (см. [с. 7](#) и [табличку xxxviii](#)).

Сам Алеппо следует отнести к равнинным городам, хотя его экономика отличается. Здесь находится естественный центр торговли для севера Сирии и значительной части Западной Азии. Поэтому, вместо крестьянской деревни на берегу безымянного ручья, Алеппо превратился в один из самых красивых городов Востока. Местная промышленность развивалась, пополняя его ресурсы. Его каменные дома и общественные места, его рощи и фруктовые сады, а также сердечный дух его жителей являются признаками его процветания. Еще один город, представляющий значительный интерес и важность, - Киллиз, расположенный на границе равнины, на полпути между Алеппо и Айнтабом. Приближаясь к нему, дорога проходит через мили оливковых рощ, которые образуют длинные линии темно-зеленого цвета на красной суглинистой почве.

От Киллиза, как только мы поворачиваем на запад, характер ландшафта сразу же меняется; равнины остаются позади, и мы вступаем в горную страну, которая лежит между ними и морем. Из двух горных хребтов, упомянутых ранее, Курт-Даг, который встречается первым, менее смелый, чем его западный сосед, а также менее непрерывный, постепенно уступая место югу. Однако он достаточно дикий и разнообразный, чтобы создать ряд запоминающихся панорам горных пейзажей. К северу истоки реки Африн (Afrîn) прорезали глубокие ущелья в ее лесистых вершинах; а главный поток, текущий на юг по дикой и малокультурной долине, высек для себя скалистое ложе, по которому он течет, пока холмы не останутся позади, а затем, повернув на запад, вливается в Оронт недалеко от Антиохии. Неудивительно, что в такой стране не сохранилось ни одного хеттского памятника. Тем не менее, с обеих сторон она соприкасается с местами, где были обнаружены некоторые из наиболее поучительных хеттских работ; поэтому у нас возникает желание немного задержаться в этом незнакомом регионе, ища в жизни и чертах его жителей живое свидетельство древних цивилизаций, в которых он, должно быть, принимал участие.

Население, естественно, скудное и варьируется в зависимости от расовой принадлежности. На базальтовом плато, которое является восточной границей долины, ведущей вниз к Киллизу и Айнтабу, расположено несколько деревень с курдскими семьями. Здесь они часто

общаются с городами и нередко смешиваются с другими представителями турецкого народа. Дома часто построены из хорошей кладки, так как камня здесь много; действительно, все плато так густо усеяно, что даже тропинки трудны и узки, а перед тем как запустить плуг в землю, нужно сначала расчистить место с большим трудом. Поэтому площадь возделываемых земель невелика, и даже те редкие злаки, которые дико растут на тысячах акров, остаются неубранными. Помимо оседлых деревень и развалин многих заброшенных хуторов, эта возвышенность в летнее время свободно покрывается палатками кочевников, либо временно ищущих убежища на восточных равнинах, в соответствии с общепринятой практикой, либо останавливающихся на короткий сезон в своем бесконечном путешествии.

ПЛИТА IV

КАРАКУЛЬ: СЕМЬЯ КУРДОВ У СЕБЯ ДОМА

Муж, жена, ребенок старшей жены; два брата слева.

Скалистые края этого плато с западной стороны то и дело нарушаются расселинами, по которым сверху стекает более обильный поток воды, открывающийся в маленьких уголках под укрытием высот, прежде чем соединиться с главной долиной реки внизу. В таких местах можно найти деревню среди сравнительно роскошного земледелия, что хорошо иллюстрируют виноградники и шелковица Ровандуза. Это приятное место лежит у подножия крутого спуска с Каракуля на плато и отмечено руинами прекрасного средневекового замка, венчающего выдающийся конусообразный холм.^[10] Рощи и сады поливаются примитивной системой ирригации. Богатая почва с готовностью оплачивает за труд, затраченный на ее возделывание.

Ниже, в главной долине и ближе к руслу реки, вид страны в целом дикий и запущенный. Короткий засохший кустарник покрывает поверхность земли, которую во всех направлениях разрывают сухие овраги зимних потоков. Основные маршруты здесь, как и в других местах, проходят по более высоким уровням, пересекая расселины у их истоков, пока они не стали слишком грубыми и крутыми для подъема. Другие пути, естественно, пролегают вдоль русла реки, которое они пересекают и пересекают, взбираясь на скалы, где вода обнажила камни, а в другое время проходят по более открытым пространствам, радуя узкими полосками кукурузных полей и обильным цветением мириад олеандров, где крутые берега немного отступают в ту или иную сторону. Однако по этим нижним тропам нелегко идти даже при благоприятных условиях, как из-за многочисленных переходов по скалам, часто обрывистым, где неверный шаг лошади или человека может привести к катастрофе, так и из-за многочисленных переправ через реку, часто обманчивых для тех, кто не знаком с бродами. Последнее препятствие становится серьезной опасностью после горных бурь, которые могут пройти в долине почти незамеченными. Даже в летнее время грозовые тучи время от времени собираются над высотами, и среди великолепного блеска молний и раскатов грома проливной дождь в считанные минуты преобразует каменистую котловину реки. Пересохшие овраги оживают брызгами, дремлющие речушки превращаются в пенящиеся потоки, и внезапный рев несущихся потоков и рождающихся каскадов поражает слух странной необычностью и предчувствием.^[11] Через час-другой потоки вновь становятся спокойными, снова появляется солнце, но река внизу приняла почти всю выпавшую воду и бурлит, глубокая и опасная. Броды, которые мало изменили свой вид, теперь непроходимы, и никто, кроме чужака, не попытается их пересечь.

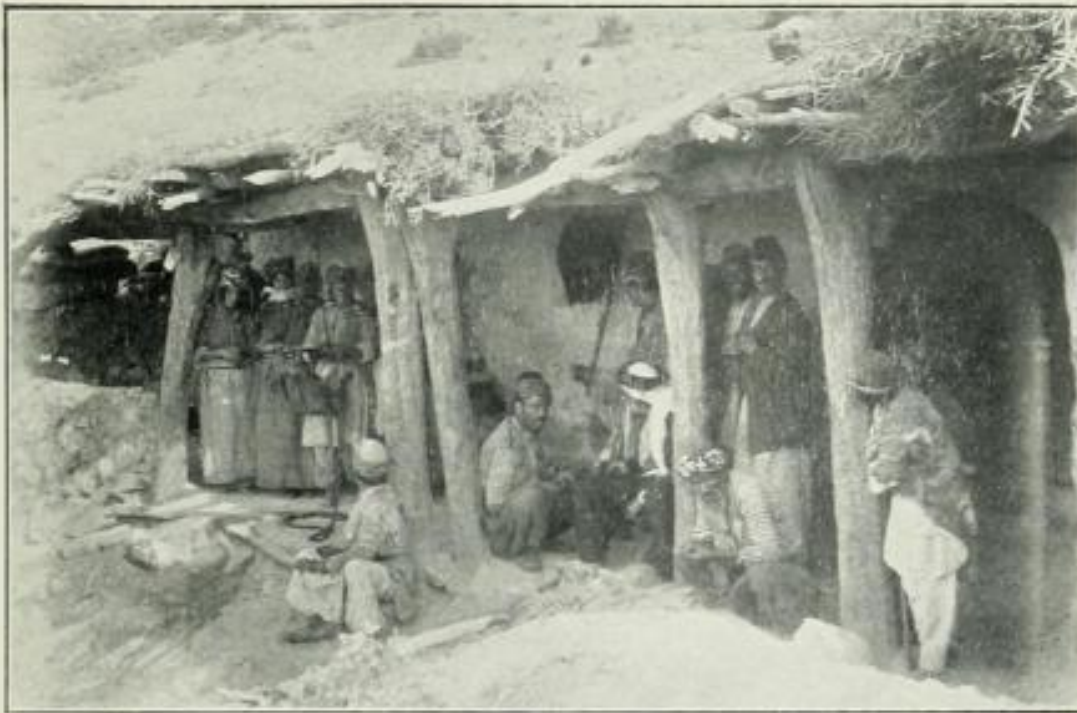
Даже без этих временных опасностей неосторожный путник в такой стране, пытающийся форсировать марш, не зная деревенских троп и местных ориентиров, непременно попадет в беду; и хотя через час или два он окажется в какой-нибудь деревне, где его ждет лояльное, хотя и скупое гостеприимство, он обнаружит, что заблудился, не зная, как направить свои стопы. Ведь деревня, в которую он мог бы попасть, скрыта от глаз в каком-нибудь укромном уголке, или за поворотом реки, или за возвышенностью. Но даже если он доберется до деревни ночью, будь то вооруженный отряд или заблудившийся странник, его прием будет надежным, а жизнь - священной. Его не будут расспрашивать, не будут спрашивать о причине его прихода. В качестве угощения ему предложат теплое молоко и домашние лепешки, а иногда и мед; после нескольких простых любезностей в его распоряжение будет предоставлена лучшая комната. Утром "свист-вист" чурки, надутой козьей шкуры, сообщит ему, что хозяйка занята завтраком: вскоре дверь открывается, и он узнает в слуге, который ставит перед ним круглый поднос, не кого иного, как своего хозяина, старосту деревни. Его лошадь накормлена и оседлана, а сын вождя - его проводник.

Однако в главной долине мы не нашли того, что искали. Продвигаясь дальше по одному из истоков реки, мы достигаем Картала, расположенного в зеленой лощине, увенчанной

лесистыми холмами. Хотя это место находится в стороне от проторенной дороги, от Айнтаба до него всего один день пути по горной тропе. Возможно, поэтому люди здесь более свободны. Простота их жизни та же, но любопытство больше, а сдержанность меньше. Здесь мы быстро подружились, и у нас появилась возможность изучить их манеры и черты лица. Их дома частично выдолблены в склоне холма, как и во многих других частях Малой Азии, как для экономии при строительстве, так и для лучшей защиты от дождя и холода. Крыши построены из дерева и так покрыты землей, что, спускаясь сверху, трудно отличить их от поверхности земли, с которой они непрерывны. Главным занятием жителей деревни, помимо ухода за своими полями и стадами, является производство масла и молочных продуктов, которые отправляются на рынок в Айнтаб. Говорят, что они туркоманы, потомки странников с Востока, которые осели здесь много поколений назад, и теперь являются частью турецкого народа. Но в их лицах есть что-то, напоминающее хеттские портреты, что в целом заметно у женщин, и сильно выражено у некоторых мужчин, хотя у других совсем нет. Этот отблеск, по-видимому, вызван смещением в прошлые времена с ранее существовавшим населением; ведь на холмах выше есть поселения лесорубов, которых даже эти жители считают несколько странным и непохожим на других народом. Наконец, здесь мы сталкиваемся с тем замечательным типом, который так четко изображен на египетских скульптурах, а также представлен на хеттских памятниках и характеризуется сильным носом, расположенным на одной линии с покатым лбом, круглым выступом головы сзади, тяжелыми губами и бородой, а также неподвижным взглядом. Фигура короткая и стройная, что говорит о выносливости и силе. Наша фотография[12] была сделана в Кучук-Кизил-Гиссаре, ближе к Айнтабу, но очевидно, что родиной этого типа является горная страна, где он уединился и до сих пор сохранился.

Наши странствия по этому району не были бесплодными. Путешественник может быть вознагражден картиной удивительной красоты, которую можно увидеть на закате с лесистых высот у истоков рек Африн и Кара-Су. Перо не может описать нежность и гармонию красок деревьев, эффекты света и тени среди их листьев и в тенях на переднем плане; кисть не может передать величие и глубину, приданную природой дальности этой сцены. Хребет за хребтом, разнообразных форм и смягчающих цветов, ведет туда, где под краснеющим сиянием виднеются пурпурные хребты цепи Амануса, в то время как покрытые снегом вершины далекого Тавра на севере все еще сверкают в последних лучах света.

ПЛИТА V

КАРТАЛ: ВЕРАНДА ДОМА

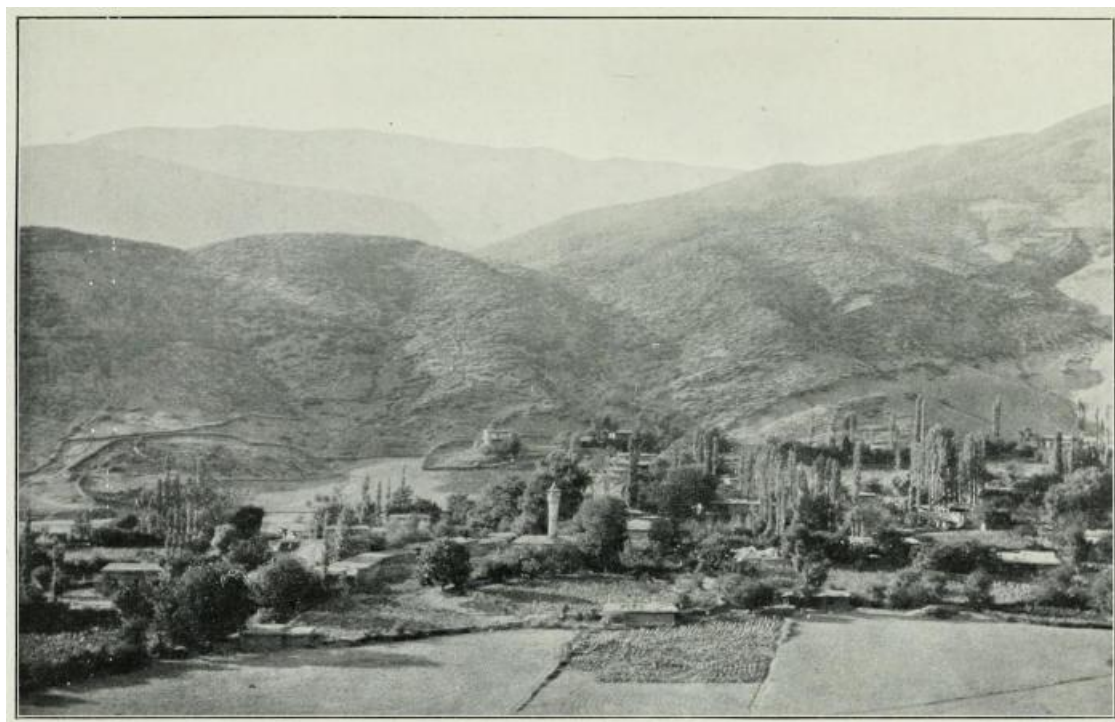
Взбивание зерна (слева); раздавливание зерна деревянным молотком (справа).

КАРТАЛ: ГРУППА ТУРЕЦКИХ ЖЕНЩИН

(Обратите внимание на цилиндрическую шляпу и чехол).

Отсюда западный край хребта Курт-Даг круто спускается в широкую и болотистую долину, закрытую с другой стороны Гяур-Дагом. Земля здесь плоская, а ручьи, спустившись с гор, большей частью застаиваются в болотах, заросших тростником и кустарником. Из средней части урочища выход почти полностью закрыт хребтами и выходами из холмов. Вытекающая вода течет либо на север, соединяясь с Пирамом, либо на юг, образуя Кара-Су. Хотя сейчас эта долина поражена малярией и мало заселена, она, естественно, очень плодородна, а многочисленные курганы, усеявшие ее поверхность, свидетельствуют об обширных древних поселениях. ^[13] Среди них - Синджерли и Сакдже-Геузи, которые дают нам наиболее полные архитектурные памятники хеттов по эту сторону Тавра. Здесь, по-видимому, существовал ряд мелких государств или княжеств, ^[14] состоявших из групп городов, группировавшихся вокруг дворца местного царя, сильно укрепленного каменными стенами и башнями. Мы еще не знаем, каковы были точные отношения этих элементов населения друг с другом; но ясно, что во времена господства хеттов они должны были быть среди тех племен, которые входили в конфедерацию. ^[15] Также очевидно, что ни один народ не мог надеяться на защиту в этой долине, не удерживая перевалы горных хребтов по обе стороны.

ПЛИТА VI

БОГЧЕ: ДЕРЕВНЯ, ДАВШАЯ НАЗВАНИЕ ГЛАВНОМУ ПЕРЕВАЛУ ЧЕРЕЗ ГОРЫ АМАНУС

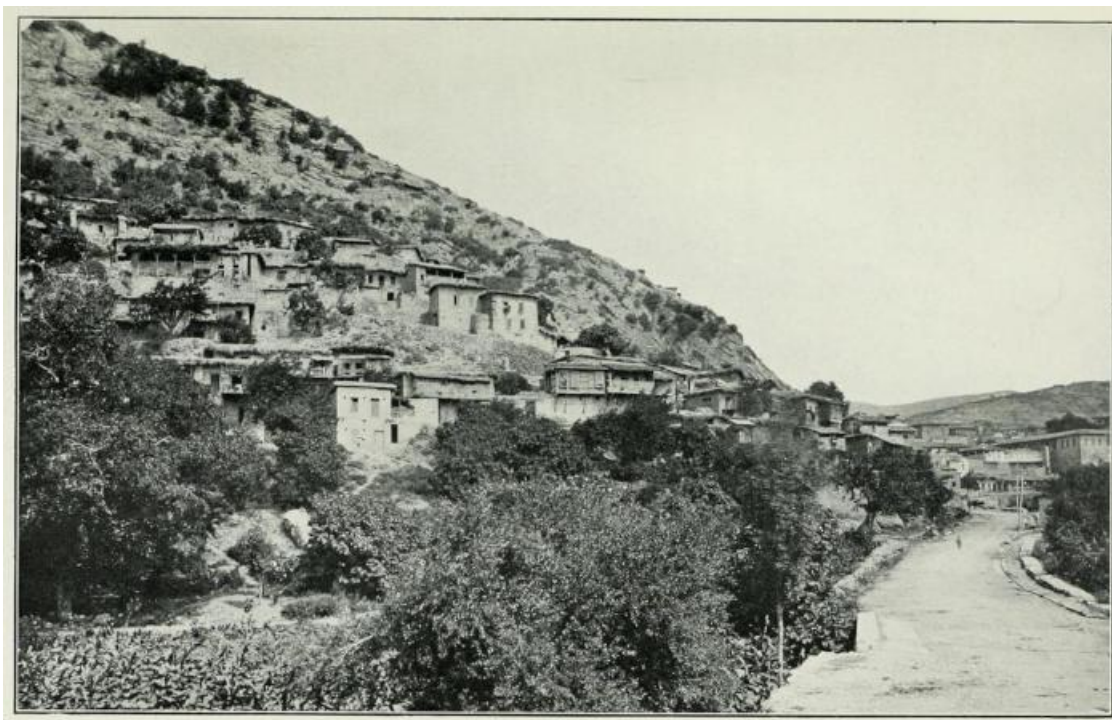
Западная цепь Гяур-Дага, действительно, была легко обороняема. За исключением нескольких местных троп, доступных только летом, через ее непрерывный массив проложено всего несколько перевалов, и те хорошо обозначены. Этот великолепный горный массив, более известный как горы Аманус, образует главную ветвь системы Тавра, от которой его отделяет только долина Пирама. Она отделяет Сирию от Киликии на западе и, касаясь моря у Александретты, следует вдоль побережья на юго-запад, пока не упирается в широкую долину Оронта. Средняя высота цепи составляет от четырех до шести тысяч футов, а некоторые ее вершины достигают почти линии снега. ^[16] Из нескольких проходов, пересекающих ее, тот, что ведет в поперечном направлении из Мараша в Киликию, имеет самый легкий уклон и часто используется караванами, хотя и непроходим для телег.

Центральный перевал над Богче, однако, более известен, так как является прямой линией сообщения между Киликией и Востоком. До самого Богче можно добраться из Османие на восточной границе Киликийской равнины по тропе, которая, следуя в целом по долине реки Богче-Су, пересекает и некоторые отдаленные хребты. Таким образом, деревня оказывается живописно расположенной на открытом и плодородном месте среди холмов. Длинный подъем продолжается до одного из главных истоков того же ручья, пока не будет пересечен водораздел, после чего начинается крутой и изрезанный спуск в долину. Далее путь лежит прямо по Сакдже-Геузи через Курт-Даг в Айнтаб, и так на восток до пересечения Евфрата. Хотя этот путь прямой и не очень сложный, он еще не проходим для телег, и, возможно, по этой причине почта из Аданы и с запада идет береговым путем, на мулах, до Александретты,^[17] откуда поднимается главная дорога во внутренние районы страны. Перевал Бейлан, как его называют, выше Александретты, безусловно, самый легкий, а крутой уклон с обеих сторон так хорошо продуман, что едва ли можно понять, где проходит водораздел. Этот путь, ведущий прямо к крупному морскому порту на Средиземном море, на протяжении веков был главным каналом торговли между Европой и Азией; и пока железная дорога, соединяющая Алеппо с Бейрутом, не отвлекла значительную часть движения, ежедневно можно было видеть караваны, состоящие из сотен груженных верблюдов в длинной процессии, вывозящих товары с Востока и увозящих промышленные товары с Запада.

Горная цепь поворачивает на юго-запад и резко заканчивается скалистой точкой, называемой по-арабски *Рас-эль-Ханзир*, "Свиная голова", а ее южные склоны круто спускаются к устью Оронта. За ним гористый характер побережья продолжается на юге в горах Джебель-Ансария (или Баргилус), которые держатся до тех пор, пока не обрываются широким разломом, отделяющим их от Ливана. Прижимаясь к восточной стороне этого хребта, река Оронт течет на север и, резко поворачивая в месте излома гор, течет мимо Антиохии на юго-запад к морю. В излучине она соединяется с рекой Африн и Кара-Су в широкой и болотистой котловине, почти закрытой горными хребтами и восточными равнинами.

Истоки Оронта находятся в северной части Антиливана, и здесь достигается южная граница хеттских памятников.^[18] В этих окрестностях находился Кадеш, пограничная крепость хеттов, которая так часто фигурирует в сценах сражений в Египте. Здесь же находится Хомс, ныне замечательный арабский город, расположенный на пересечении главных путей из Дамаска в Алеппо и из Пальмиры в Триполис на море. Дальше к северу находится Рестан, расположенный в излучине реки на крутом и хорошо защищенном холме. Еще дальше - Хамат, где главная дорога и река разделяются: последняя поворачивает на запад, чтобы найти свое зеленое русло под горами, а первая идет прямо к Алеппо через равнины. Здесь, в Хамате, были найдены иероглифические надписи, которые впервые дали толчок к систематическому изучению хеттов. Здесь же найдены типы людей, сильно напоминающие о прошлом, как живые модели древних скульптур^[19].

ПЛИТА VII

БЕЙЛАН: вид на деревню на вершине перевала (см. [с. 15.](#))

Этот район, расположенный в верховьях Оронта, был не только хеттской границей, но и таким, каким хетты в период своего расселения, по-видимому, наслаждались. Здесь возникли их обнесенные стенами города и цитадели, посреди хорошо орошаемой и достаточно плодородной земли, под сенью гор, отрезавших их от моря и от врага с юга; в то время как позади была открыта дорога, чтобы в случае необходимости призвать на помощь северные ветви своего народа.

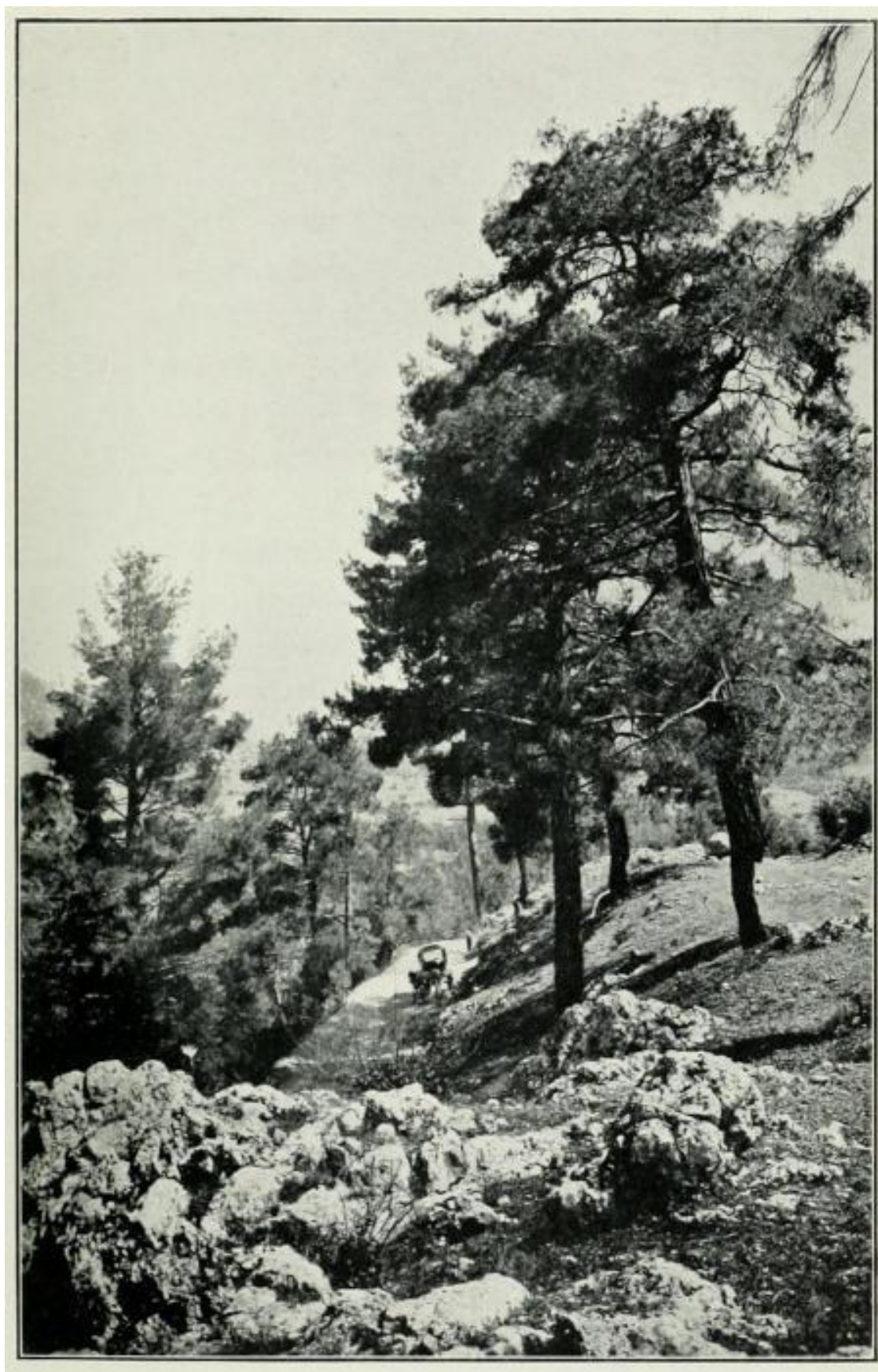
От Тавра мы спустились сначала на север Сирии, потому что в развитии хеттских исследований этот регион впервые привлек внимание благодаря упоминаниям о нем в египетской и ассирийской истории. Но современные исследования добавили к нашим знаниям о хеттских землях более обширную и другую территорию по другую сторону. Там спуск вглубь Малой Азии с гор не так заметен, ведь даже у подножия заснеженного Аргея, самой передовой вершины системы, плато все еще находится на высоте четырех тысяч футов над морем. Уровень постепенно понижается к западу, но редко опускается ниже трех тысяч футов; с другой стороны, многочисленные мелкие хребты, пересекающие поверхность внутренних районов, достигают значительно большей высоты. Эта возвышенность почти окружена горными хребтами: на севере и юге они спускаются прямо к побережью; на западе они более изломаны и менее смелы, но представляют собой не менее значительное препятствие между плато и зелеными долинами Эгейского побережья. [20] На востоке, как мы уже видели, находятся хребты Антитавра, за которыми возвышаются армянские холмы. Огражденная таким образом возвышенность имеет в поперечнике от двух до трехсот миль в зависимости от направления, поскольку ее форма неравномерна. Только на юге граница резко очерчена, где хребет Тавра образует мощную стену, которая в середине поворачивает почти под прямым углом, уходя на северо-восток и северо-запад. Все плато можно считать неправильной пятиугольной формой.

Внутренние районы сильно различаются по своим характеристикам, главным из которых являются особенности речных систем. Многие реки не находят выхода к морю: это особенно характерно для равнины, лежащей у подножия западных хребтов Тавра, где воды застаиваются, образуя соленые озера или болота. Эта равнина зеленая вокруг Конии, но ее продолжения на севере и

востоке практически пустынные, в летние месяцы они пересохшие и бесплодные. На северо-востоке, в центре полуострова, его границей является самое большое соленое озеро внутренних районов, которое питается также несколькими небольшими внутренними потоками. Однако есть и такие реки, которые находят выход даже через хребты Тавра, но они чаще встречаются на западе и северо-западе. Районы, которые они омывают, являются одними из самых привлекательных в Малой Азии, с естественными лесами и зелеными пастбищами, а также плодородной почвой для возделывания.

Но самой большой рекой и самой важной достопримечательностью внутренних районов является Халис, которая описывает широкий круг через сердце плато, замыкая на северо-востоке территорию около ста пятидесяти миль в поперечнике, которая в основном лежит в бассейне реки, хорошо орошаемом ее многочисленными притоками. Этот регион является одним из самых важных в нашей теме. Хотя он и не является широко возделываемым, так как стабильное население здесь относительно невелико, он, тем не менее, очень плодороден. Его холмы и склоны в основном покрыты зелеными пастбищами, а в плоских долинах есть длинные участки, пригодные для пахоты. Другой благоприятный район лежит к югу от Халиса, проходя мимо горы Аргея, огибает восточные края равнины и орошается ручьями с Антитавра. Здесь, в окрестностях Тианы, раскинулись обширные кукурузные угодья, в изобилии растут сады и даже деревья.

ПЛАТЬЯ VIII

Леса на южных склонах Тавра (см. с. [19](#), [47](#).)

В глубине страны леса встречаются редко, но на склонах гор деревья растут в изобилии. Средние высоты Тавра покрыты девственным лесом, особенно на юге , где встречаются все виды

европейских деревьев; а сосновые леса Фригии на западе были характерны для страны на протяжении всей ее истории.^[21] Склоны, выходящие к Черному морю, однако, получают основную долю северных дождей, и здесь, следовательно, лесные массивы обильны,^[22] и почти непрерывны вдоль побережья. Внутри страны летом почти не бывает дождей^[23], и водоснабжение зависит главным образом от зимних бурь и последующего таяния горных снегов. Благодаря высокой высоте над морем холодное время года здесь сурово и продолжительно: мрачные ветры с юга России проносятся по равнинам и открытым пространствам, загоняя население открытых мест в дома, либо опущенные под поверхность земли, либо выдолбленные в берегах ручьев. Компенсация за это ненастье в полной мере достигается летней погодой, когда теплое солнце, светящее с голубых небес, сменяется освежающими бризами, которые создает высота над уровнем моря - особенности климата, отличающие эту столовую гору от южных побережий и от равнин Сирии.

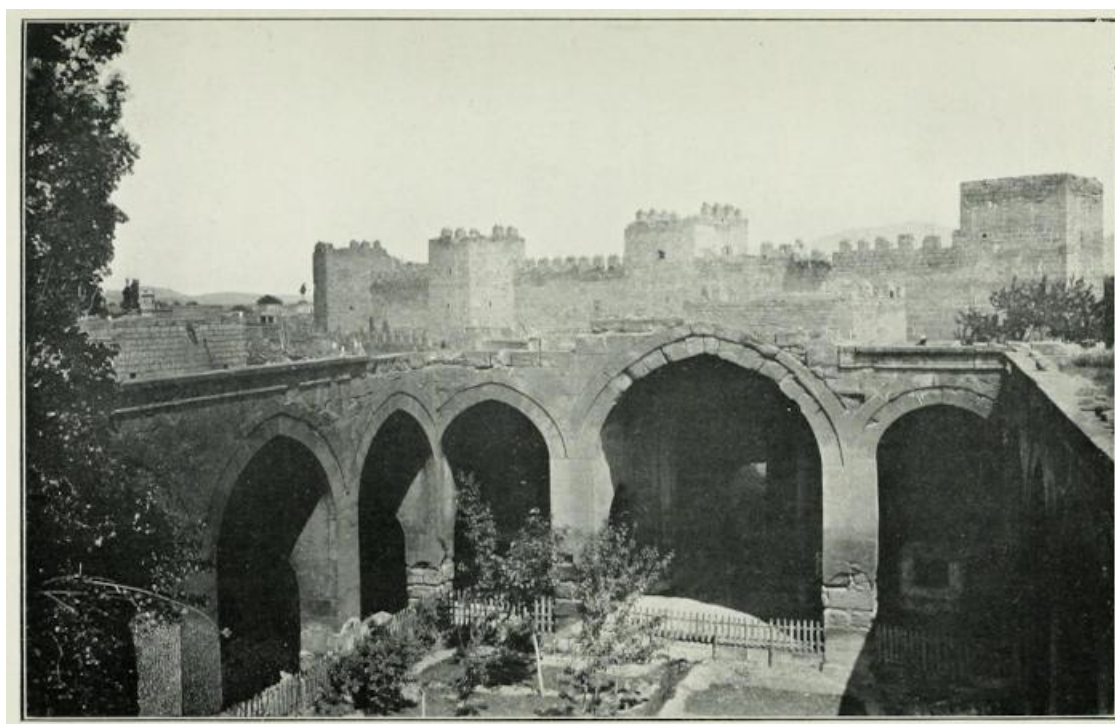
Таковы вкратце поразительные особенности этой части земли хеттов. На этих прохладных нагорьях древний народ находил все элементы довольства: охотник, дровосек, пастух и крестьянин - каждый находил свой дом, в котором природа обеспечивала его всем необходимым для жизни. Развитие его цивилизации не было остановлено и расселением: ресурсы его страны были неисчерпаемы; шахты полезных и драгоценных минералов не были редкостью;^[24] и средства обеспечения другими товарами были под рукой, так как стены плато не были лишены отверстий, чтобы способствовать некоторым отношениям с побережьем и другими землями. Но в целом занятые им возвышенности были экономически самодостаточны, и за стимулом для его цивилизации мы, естественно, обращаемся к Востоку, и особенно к старинной культуре на Евфрате, связи с которым, в силу характера его поселения, были открыты и находились в его власти^[25].

Из вышеизложенного общего представления о Малой Азии мы видели, что внутренняя часть столовой земли может быть удобно разделена для описания на пять основных регионов, которые в большинстве своем не отделены друг от друга какими-либо определенными границами, но каждый из которых характеризуется какими-либо особыми чертами. На юге это равнины, лежащие к северу и востоку от Иконии; на западе - покрытые соснами холмы и зеленеющие пастбища Фригии, где берут начало несколько больших рек, спускающихся в разных направлениях; на севере - возвышенность, но не горная местность вокруг Ангоры, в которой также проходит водораздел между некоторыми притоками Сангария и Халиса; на северо-востоке - широкая область, окруженная выпуклым изгибом реки Халыс, к которой мы еще вернемся; и на юго-востоке - область, центром которой является Тиана, куда мы включим восточную часть равнины Конии и хребет Тавра, ограничивающий ее с юга. Из этих регионов два последних можно рассматривать как восточную или внутреннюю группу в противоположность трем первым, лежащим к западу от них, от которых они физически отделены, во всяком случае, более четко, чем компоненты обеих групп друг от друга, широким пространством пустыни, большим центральным озером и особенно средним течением реки Халис. Это различие между восточными и западными народами будет иметь реальное значение по мере развития нашей истории: однако с самого начала ясно, что первая группа впервые получила и дольше всего сохраняла контакт с восточной цивилизацией, будь то естественные подходы через водораздел между Евфратом и Халисом, или несколько переходов через Антитавр, сходящихся к Кесарии, или то, что сейчас является главным каналом связи через Таврские горы через Киликию. Это различие еще больше подчеркивается сравнительным обилием хеттских памятников с одной стороны и их скудостью на западе. На южных равнинах, действительно, огибая главный хребет Тавра, продвижение на запад было менее сдержанным;^[26] но то, что Халис на севере представлял собой настоящий барьер^[27], подтверждается тем фактом, что когда лидиец Крёс пересек Халис в шестом веке до н. э., он обнаружил странное и, предположительно, странное место. до н. э., он обнаружил странный и,

предположительно, неарийский народ, выживший на восточной стороне, который действительно, согласно Геродоту, [28] греки называли сирийцами, а этот историк говорил о сиро-каппадокийцах.

К двум восточным частям мы должны отнести равнину и район к западу от Кесарии, область, которая на севере частично лежит в бассейне реки Галис, а на юге практически непрерывна с равнинами Тианы, от которых ее отделяет лишь невысокая гряда холмов. На западе находятся примечательные деревни троглодитов, [29] где, вероятно, с далекой древности жители выдолбили свои жилища в мягкой поверхностной породе и конических курганах, которые являются характерной особенностью этой местности. Однако пока еще мало свидетельств, чтобы придать этому региону значение для нашей темы, и лишь недавно в Сесарии были обнаружены следы хеттской работы [30]. Тем не менее, продолжение исследований, несомненно, приведет к появлению новых памятников, поскольку этот район находится в самом сердце страны хеттов; а Старая Сесария (Мазака) была резиденцией каппадокийских царей.

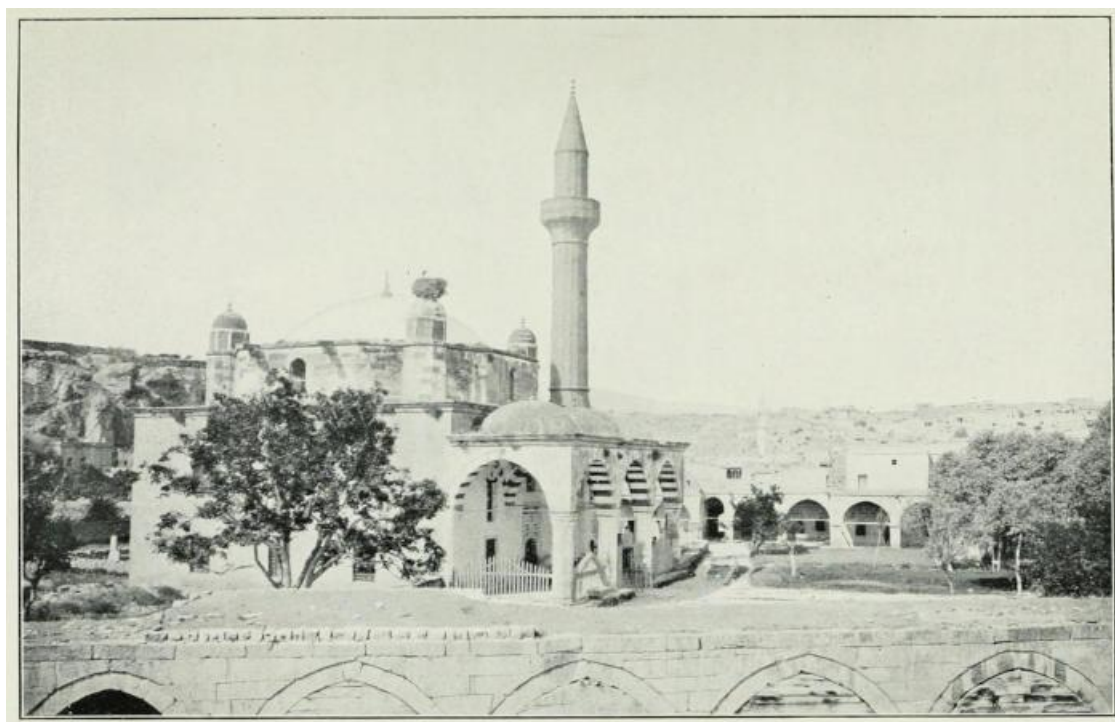
ПЛИТА IX

СЕСАРИЯ: МОНАСТЫРЬ ШКОЛЫ, ЗА КОТОРЫМ НАХОДИТСЯ ЦИТАДЕЛЬ

Географическое положение Кесарии имеет большое значение, и, по крайней мере, с римских времен она была центром торговли и движения, а следовательно, и системы дорог во внутренних районах страны. Почва здесь очень плодородна благодаря вулканической природе. Здесь пышно растут и процветают виноградники и фруктовые деревья. Средние высоты дремлющего Argæus густо покрыты сосновыми лесами. Заснеженная вершина этой горы возвышается в небесах, являясь заметной чертой горизонта и ориентиром на два дня пути со всех сторон. Ее форма коническая: на западе и юге, где она поднимается прямо с равнины, ее основание омывают большие озера и болота разной протяженности. На востоке он соединен изломанными хребтами с системой Антитавра. На его северном склоне находится Асарджик, с которого открывается вид на Кесарию, лежащую у подножия горы с этой стороны. Место древнего города (Мазака), вероятно, отмечено руинами греко-римского периода, которые можно найти в виноградниках на невысоком отроге горы примерно в миле к югу от современного города. [31] Это место, которое однажды будет вознаграждено раскопками за то, что в нем обнаружится множество неизвестных исторических фактов. В современном городе, помимо базаров и промышленных предприятий, а

также великолепных средневековых останков,[32] одним из самых интересных зрелищ является постоянно меняющийся поток человеческих лиц, который можно увидеть на его улицах, так как его движение и расположение ежедневно приводит к нему караваны со всех сторон. Среди жителей города много греков и армян; но особый интерес для нашего предмета представляют еврейские семьи,[33] в которых преобладающие черты лица и роста напоминают тип, ранее замеченный в Картале в Северной Сирии. Главные дороги расходятся от Кесарии во всех направлениях: на северо-восток в Сивас по долине Халиса; на север в Юзгат, пересекая реку, находящуюся в пяти часах езды от Кесарии, по замечательному многопролетному мосту (поэтому он называется *Чок-Гез-Кеупру*); на северо-запад по более низкому мосту (называемому *Бир-Гез*, или Однопролетный мост), направляясь затем прямо в Ангору по мосту Чошме Кеупру; на запад через равнины в Конию по Султан Хану, огибая южную границу соленого озера (Туз Геул); на юг по Инджесу и Таяне, и так до Киликийских ворот, или по западному ответвлению в Эрегли. Альтернативный путь из Кесарии к Киликийским воротам, более короткий, но непроходимый для телег, ведет через дефиле дикой красоты по окраинным хребтам Антитавра. На юго-востоке есть несколько хорошо известных горных путей, таких как Фрактин и Экрек, но есть один, представляющий особый интерес и древность, о котором мы уже упоминали, направляющийся прямо в Мараш через высокий перевал Куру-Бел[34] и проходящий отсюда мимо Команы. Среди других перечисленных маршрутов есть один, который уже имел значение на общих основаниях, прежде чем недавнее открытие придало ему особый исторический интерес. Это главная дорога на север и юг, проходящая через Юзгат, которая в древности связывала Богаз-Кеуи с востоком через Тиану и Киликийские ворота. Это явно южный этап Царской дороги персидского периода, но был ли это основной маршрут, невозможно определить по описанию Геродота.[35] Однако теперь он прослежен на протяжении нескольких миль между Инджесу и бродом реки возле Богче,[36] по глубоким колеям и широкой дорожке на поверхности скалы, точно такой же, как участок, ранее прослеженный через Фригию сэром Уильямом Рамзи.[37] Примечательно, что этот маршрут не касался Кесарии, для достижения которой необходимо совершить значительный обход вокруг подножия Аргея, настолько, что даже сейчас используется дополнительный маршрут от Инджесу до Чок-Геуз-Кеупру. Старый маршрут был, если можно так выразиться, еще более прямым, так как из Инджесу, возле которого он прослеживается, он направлялся к реке в нужном направлении к Богаз-Кеуи. Хеттская надпись над рекой в Богче, непрерывные следы дороги, приближающейся к Инджесу с этого направления, фригийская надпись, найденная на месте Тианы,[38] и хеттские надписи из тех же окрестностей,[39] являются свидетельствами древности этой дороги, аналогичными во всех отношениях тем, которые были приняты как идентифицирующие ее во фригийской стране, от Бей-Кеуи до Доганлу. Кстати, в этом открытии мы находим свет на историческую древность Киликийских ворот как главного канала связи с востоком. Позже на этих страницах[40] мы найдем основания полагать, что западная часть великой Царской дороги, по которой персидские посты, пересекая Малую Азию, совершали широкий обход через Птерию (хотя город был в руинах),[41] была сделана и создана хеттами в тринадцатом веке до нашей эры, когда каменные стены их столицы венчали вершины холмов Бохаз-Кеуи. Возможно, самое раннее сообщение с Востоком осуществлялось через долину *Тохма-Су*[42] или через Мараш; но развитие этого южного ответвления главного колесничного пути не может быть позже десятого века до нашей эры, когда выросло второе царство хеттов с центром в Тиане (или, возможно, в Кесарии).

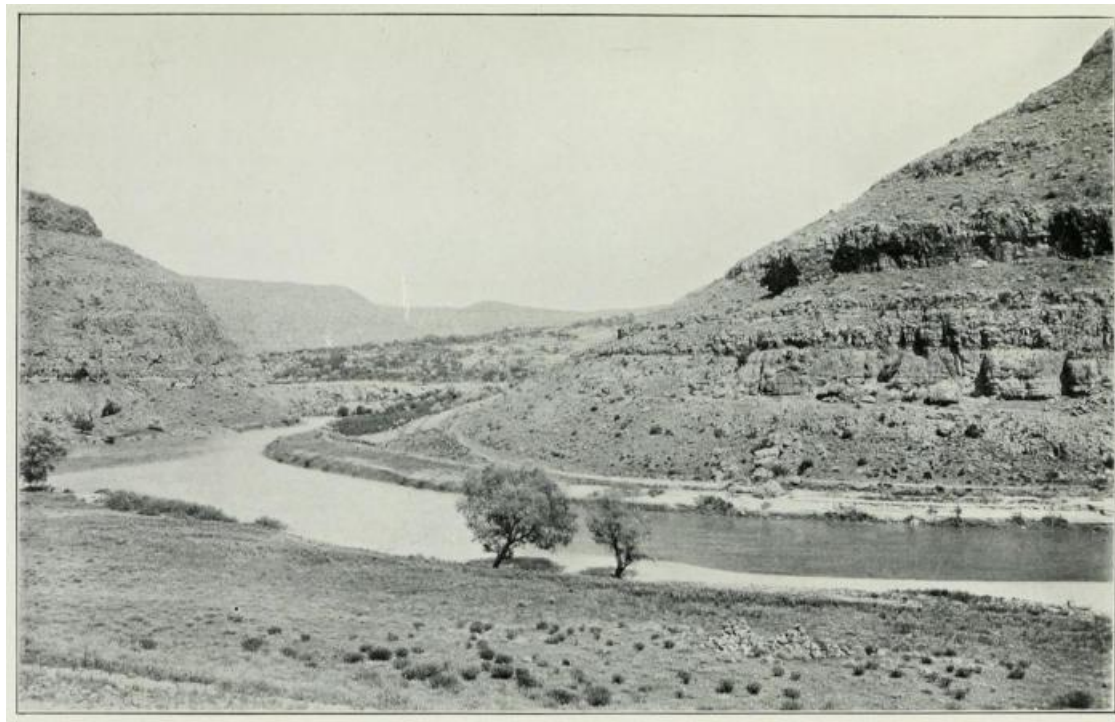

ИНДЖЕСУ: ВИД НА МЕЧЕТЬ И ГОРОД

Переходя к более детальному изучению географии тех частей столовой области, которые будут наиболее интересны нам в последующих главах, мы не можем начать более уместно, чем с описания самой реки Халис, как одной из определенных достопримечательностей внутренних районов, и как включающей в свой круг некоторые из наиболее поучительных хеттских работ. Эта великолепная река, известная на турецком языке как Кизил Ирмек, имеет общую длину в пятьсот миль, не считая мелких изгибов. Ее истоки следует искать на карте за Сивасом, далеко на северном склоне нижних армянских холмов,^[43] где в одной точке всего несколько миль отделяют ее от нескольких притоков Евфрата. На протяжении почти двухсот миль она течет в юго-западном направлении по холмистой местности, питаемая с обеих сторон многочисленными короткими ручьями, которые прокладывают себе глубокие русла при своем стремительном спуске. Ее воды окрашены в красно-коричневый цвет из-за богатого осадка, который она несет. Берега ее изрезаны, и, как и большинство главных рек Западной Азии, она течет глубоко под общим уровнем бассейна, который она дренирует. До моста напротив Кесарии (Чок-Гез) можно добраться только по крутому подъему с обеих сторон. Между этим и другим мостом, расположенным примерно в пятнадцати милях ниже, река течет по характерной крутобокой долине, по берегам которой лишь узкие полосы зелени. Эти полосы ценны, и, хотя их может смыть наводнением,^[44] они с большой тщательностью возделываются отдельными крестьянами, которые получают в награду фрукты и даже цветы, а также овощи, которые являются их главной заботой.^[45] Иногда эти полосы, ширина которых никогда не превышает нескольких футов, полностью исчезают, когда выступающие из берегов скалы представляют собой препятствие, вокруг которого бурлят глубокие воды. Однако время от времени крутые берега отступают, оставляя зеленый оазис, где среди посевов лежит деревня. Таким местом является Ямула, где правый берег отступает по мере приближения к нижнему мосту. Но по большей части края плато, в которое погрузилось русло реки, настолько изрезаны и усеяны камнями, что остаются невозделанными. То тут, то там встречаются деревни на берегах реки; в некоторых случаях дома вырыты целиком, так что их окна смотрят на воду сквозь стены из цельного камня, как в Чок-Гез-Кеупру; в других случаях выемка более частичная, оставляя большую часть фасада и часть крыши

для строительства - в одном случае из грязи, в другом из дерева и грязи, как можно увидеть, следуя по левому берегу ниже нижнего моста. В летнее время путешественник будет вознагражден полевыми цветами, разнообразие которых превосходит воображение, что возможно только на очень плодородной и запущенной почве. Розовые, голубые, оранжевые, белые и желтые пятна быстро сменяют друг друга. Розы растут в изобилии, а то тут, то там встречаются целые поля пурпурных ирисов, сияющих и меняющих оттенков, когда они склоняются под солнечными лучами и ветрами, которые играют на них.

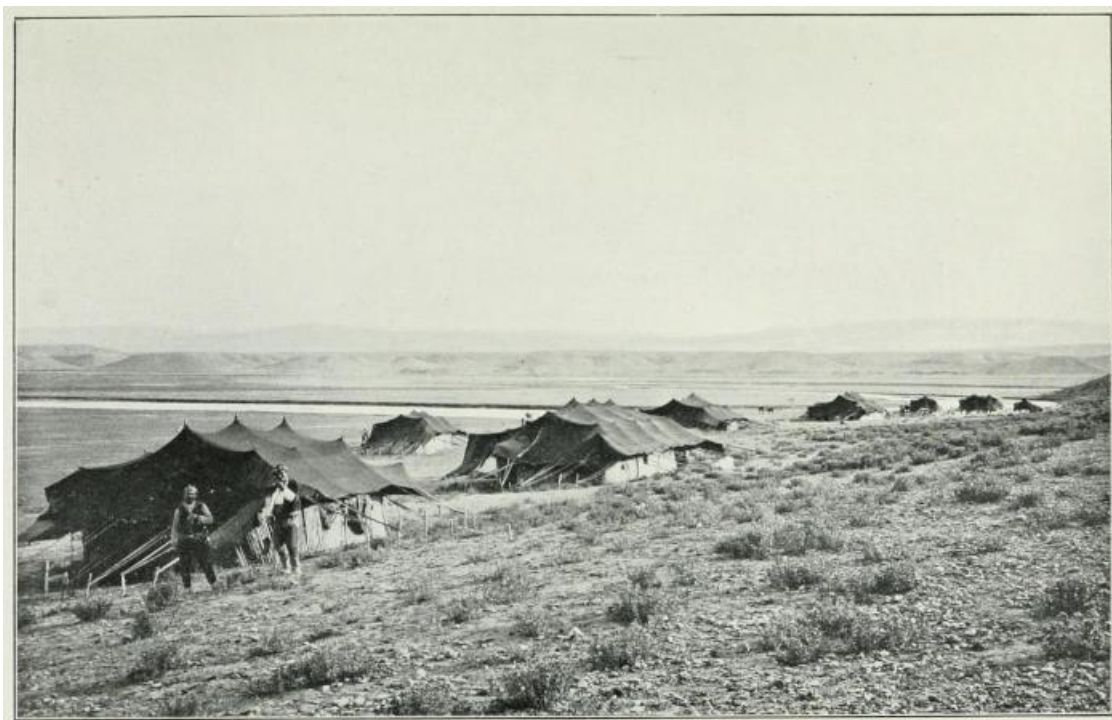
ПЛАТЬЕ XI

РЕКА ХАЛИС, МЕЖДУ ЧОК-ГЕЙЗОМ И БИР-ГЕЙЗОМ

Объем реки стал настолько велик, что броды немногочисленны и, как правило, трудны. Тот, что возле Богче [46], больше не проходим зимой и весной. Само село лежит в стороне от уреза реки примерно в пятнадцати милях ниже моста Бир-Гез. Карабурна лежит у противоположного берега, еще на день пути ниже. В этих местах холмистая местность, лежащая к востоку от большого озера Туз-Геул, препятствует южному течению реки, которая, отброшенная назад, поворачивает на северо-запад почти на сто миль, а затем на север до широты Ангоры, разделяя таким образом сердце полуострова. Главный мост на последнем отрезке ее течения находится сейчас в Чешме-Кеупру, где, помимо прочих основных коммуникаций, через реку переходит дорога из Кесарии в Ангору. Здесь, по-видимому, в персидские времена находился мост и форт или сторожевой пост, [47] через который проходила царская дорога из Фригии и с запада в сторону Богаз-Кеуи. Выше этого моста берега зеленеют, а с левой стороны открыты; но ниже воды сразу же переходят в скалистое ущелье, изменения которого характерны для изменчивого характера русла реки. Напротив Ангоры (расстояние до которой в ближайшей точке составляет около тридцати миль) природа противопоставляет северному течению реки новые препятствия в виде изломанных хребтов северного побережья, так что теперь она полностью меняет свое первоначальное направление и отныне течет на северо-восток с одним главным дебютом. Огибая подножие Куш-Дага, она спускается с плато и в расширяющейся долине с плодородными берегами впадает в Черное море, к северу от Самсуна, у мыса, который сама же и отложила.

ПЛАТА XII

Ени-Хан, близ Секели: НОМАДНЫЙ ЭНКАМПЕНТ НА ИРМАКЕ ДЕЛИЕ (см. с. 29.)

Большой круг Халиса охватывает территорию в сто пятьдесят миль в поперечнике, орошаемую в основном притоками той же реки. Главным из них является Делидже Ирмак, который, возможно, имеет более непосредственное отношение к плодородию страны, чем его родительская река. Она поднимается в водоразделе гор Ак-Даг, под южными склонами которых течет сама Халис на протяжении всего пути между Сивасом и мостами у Кесарии. Далее в своем течении она совершает аналогичный круг в пределах Халиса, с которым она соединяется только в середине северо-западного участка. Течение этой реки более пологое, а ее берега в основном представляют собой плоские аллювиальные участки, отличающиеся большим плодородием; действительно, эти земли могли бы прокормить население, во много раз превышающее численность оседлых жителей. Длинные зеленые пастбища и пашни остаются не востребованными и заброшенными. Неудивительно, что странствующие туркоманы и другие кочевые народы нашли этот благоприятный регион, столь подходящий для их привычек и кормления стад. Их палатки, разбитые на небольшие группы, довольно часто можно встретить в местах, лежащих в стороне от проторенных дорог; более того, их стоянки, сохраняющиеся в течение нескольких лет, иногда служат основой для деревень и оседлой жизни. Палатка кочевника обычно состоит из отрезков грубой ткани ручной работы, сотканной из домотканой козьей шерсти. Они сшиваются вместе, чтобы получилась большая площадь покрытия, которое накидывается на вертикальные шесты и спускается на землю с наветренной стороны. В такой палатке хозяин и его семья делят общее убежище со своими стадами и другими животными, которые у них есть.^[48] В некоторых случаях можно наблюдать, как дом из палатки превращается в жилище, увеличиваясь пропорционально продолжительности пребывания в нем. Ведь пепел и мусор регулярно выбрасывают вокруг задней стенки палатки для простого удобства. Этот мусор постепенно накапливается и может быть увеличен за счет земли, постепенно очищаемой изнутри, и камней, собранных с используемой земли вокруг, так что через год или два стена или курган высотой в три или четыре фута уже окружает палатку с трех сторон. На смену изношенному полотняному покрытию приходит крыша из стропил и веток, присыпанных землей, и, возможно, сам того не осознавая, кочевник обустраивается и строит дом. Не всегда решение оказывается таким простым и экономичным. В некоторых случаях строятся стены из тростника, поверх которых, как и прежде, натягивается покрытие и закрепляется по всему периметру колышками. Со временем, при длительном

пребывании, изношенное полотно заменяется соломой, а грубые каменные стены вытесняют распадающийся тростник; и так, теряя привычку к странствиям, кочевник теряет и самое необходимое в своих путешествиях.

ПЛАТА XIII

ЧЕСМЕ КЕУПРУ: внутренняя часть хана (см. [с. 28.](#))

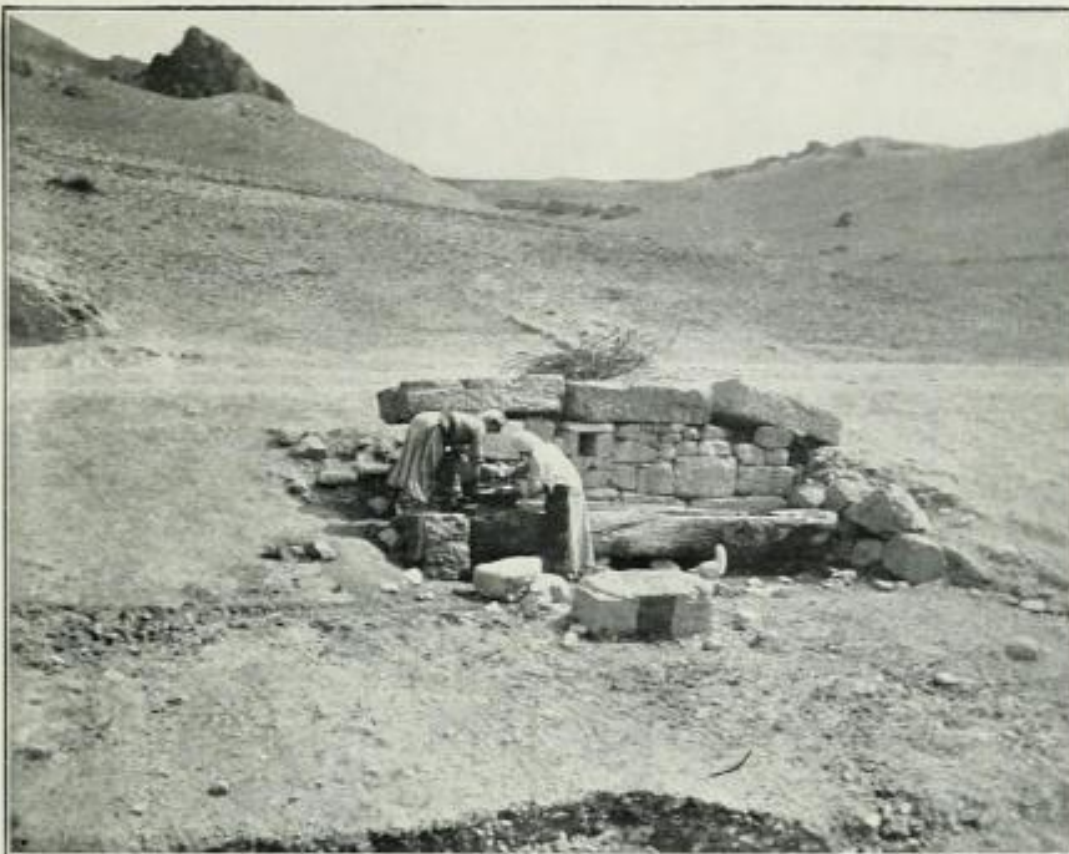
Близ Сэккели: стоянка юруков (см. [с. 29](#))

Делие-Ирмак в свою очередь пополняется множеством мелких ручьев, на одном из которых расположен Юзгат, возникший как поселение туркоманов, а сегодня ставший одним из самых важных городов района. Он приятно расположен в чашеобразной впадине зеленого склона холма, а его упорядоченные улицы, каменные базары и общественные здания имеют весьма привлекательный вид. Здесь можно приобрести лошадей полезного вида и по разумным ценам, а в летние месяцы ежегодно проводится большая конная ярмарка. Камень, использованный при строительстве, был привезен в основном из руин древнего Тавиума, который находится в Нефез-Кеуи, в нескольких минутах езды к западу. Последняя является одной из самых типичных и поучительных деревень внутренних районов. Она расположена недалеко от истоков другого притока той же реки, на южных склонах значительного вторичного водораздела. В типичном стиле задние части домов частично вырыты в склоне холма, так что покрытые грязью крыши не смыкаются с землей позади, а передние части домов и деревенские улицы выложены террасами. Почти во всех домах есть веранды, прикрывающие входы, а на стенах многих зданий можно найти многочисленные греческие надписи. Древний акрополь можно узнать по нескольким скульптурным фрагментам на крутом холме в нескольких минутах ходьбы на запад, а по дороге можно пройти мимо современного кладбища, на котором также несколько камней с греческими надписями или скульптурами были использованы повторно, а в некоторых случаях и заново надписаны. Основным занятием жителей деревни здесь, как и везде в Малой Азии, естественно, является сельское хозяйство. Поля в долинах, расположенных ниже, хотя и несколько заболоченные местами, очень зеленые, с роскошными пастбищами и некоторым количеством деревьев; в то время как ближе к деревне сады овощей изобилуют фруктовыми деревьями и значительным пространством виноградников. В домах незаметно развиваются другие национальные промыслы, например, ручное ткачество небольших ковров,[\[49\]](#) которым занимаются в основном женщины. Водоснабжение деревни осуществляется из нескольких источников, которые были обустроены и подготовлены для водопоя скота и стад, а также для бытовых нужд. Сцена, когда женщины стирают одежду или моют детей у корыта или черпают воду из источника, здесь, как и на всем Востоке, является одной из самых характерных в повседневной жизни. Преобладающий тип лица у жителей этого места - туркоманский, но в некоторых мужчинах можно обнаружить некий чистый греческий или протогреческий тип лица, отдаленно напоминающий особый тип хеттских воинов, изображенных в египетской скульптуре. Некоторые из женщин заметно красивы[\[50\]](#).

На север от Нефеза-Кеуи маршрут продолжает подниматься к гребню этого вторичного водораздела, который достигает высоты более семи тысяч футов. С восточного края несколько ручьев сбегает в Чекерек. Как только достигаются северные склоны, пейзаж меняется: голые участки сменяются сплошными пастбищами, а поток, спускающийся к Богаз-Кеуи, проходит через луга и лесные поляны особой красоты. По мере того как река набирает силу, она впадает в глубокую сплошную долину все большего великолепия, склоны которой густо покрыты деревьями и кустарником значительного разнообразия, за исключением тех мест, где то тут, то там голый участок скалы или красно-коричневой почвы дополняет контраст цветов. В устье этой долины, справа у подножия холма, виднеется небольшая деревня Богаз-Кеуи с белым минаретом, домами и большим коняком, расположенная на невысоком выступе скалы, которую украшают несколько деревьев и плещущиеся ручьи. Хребет остается позади, и перед нами открываются широкие пастбища, ограниченные темно-зелеными возвышенностями и изрезанные белыми известняковыми скалами. Название этого места - "Деревня в ущелье" - возникло, возможно, из-за его общего положения, а скорее всего, из-за глубокого ущелья другой реки[\[52\]](#), огибающего восточный край исторического холма, на котором стоят дворцы и акрополь древней Птерии, некогда бывшей столицей и центром этой земли. Сейчас, в изменившихся политических и экономических условиях, нам трудно понять, какая особенность была присуща этому месту, если только это не климат и защищенное положение, которые должны были выделить его для такой

судьбы. Его древний город сейчас представляет собой заброшенные руины, не имеющие смысла для современной жизни. Его дороги больше не имеют никакого значения, и даже в лицах его жителей не видно отражения прежнего населения. Кажется, что лидийский завоеватель VI века до н. э. основательно и эффективно разрушил его [\[53\]](#).

ПЛАТА XIV

НЕФЕЗ-КЕУИ: ДВЕ ЖЕНЩИНЫ РИСУЮТ У ИСТОЧНИКА

ТИАНА: ТЮРКСКИЕ ЖЕНЩИНА И РЕБЕНОК

Еще одна хеттская стоянка, отмеченная невысоким курганом, на котором сейчас находится деревня Эюк, расположена примерно в двадцати милях к северу. Путь туда пролегает по бесплодным возвышенностям, среди которых несколько пахотных участков были выбраны в качестве мест для деревень. В некоторых из них, особенно в отдаленных местах на холмах, сохранился древний тип, поразительно контрастирующий с привычными, хотя и меняющимися турецкими чертами.^[54] На нашей фотографии, сделанной в Кулаклы (деревушка по дороге из Богаз-Кеуи в Эюк), видны те же выдающиеся детали лица и крепкие фигуры, которые мы ранее видели в лесистой местности над Карталом на севере Сирии. Этот тип до некоторой степени сохранился в еврейских семьях, найденных в некоторых городах Малой Азии, как мы видели в Кесарии.^[55] Он поразительно напоминает аморейский элемент среди хеттских союзников на египетских сценах сражений.

Главные дороги в этом регионе, как и на всей территории столовой области в целом, не зависят от речных систем. Местные пути естественным образом следуют по долинам ручьев, пока те служат для нужного направления, но в целом магистральные дороги разработаны самостоятельно. Две из них, пересекающиеся в Юзгате, являются главными: одна ведет из Кесарии на север либо в Чорум, административную штаб-квартиру этого района,^[56] либо в Амасиа, несколько восточнее, и далее в Самсун на побережье Черного моря; другая соединяет Сивас с Ангорой и западом. Последний путь, приближаясь к Халысу, проходит мимо Денек-Мадена, где находятся значительные шахты по добыче свинца и серебра, руда которых содержит также сурьму и золото. Спуск к руслу Халыса пролегает через хорошо заросшую лесом местность, и река пересекается этим путем у Чешме-Кеупру. Есть и другие маршруты, имеющие большое значение: один из них, как уже упоминалось, соединяет Кесарию с Ангорой напрямую, дважды пересекая Халыс; другой же, идущий из Ангоры на восток и часто используемый в летнее время, проходит через реку значительно севернее Чешме-Кеупру, направляясь в Сунгурлу, откуда путь открыт в Чорум через Эюк или в Юзгат, проходящий в этом случае через Богаз-Кеуи.

В этом регионе есть несколько рек, которые не впадают в бассейн Халиса. Главная из них - Чекерек, который берет начало в горах Ак-Даг и, обходя склоны небольших хребтов, идет кружным путем на север, пока не соединяется с рекой Ирис у Амасиа. Последняя из названных рек, называемая по-турецки Ешил Ирмак, и ее главный рукав Лик полностью принадлежат к прибрежной системе, и поэтому не входят в наш рассказ о внутреннем плато. К востоку от Ириса протекает еще один поток - Термодон, прославившийся в греческой литературе^[57] благодаря своей связи с амазонками. Это одна из серии подобных рек, которые текут почти прямо на север к Черному морю с нижних Армянских холмов. К западу от Халиса есть и другие короткие реки подобного рода, некоторые из которых питают эту реку, а другие текут прямо в море. Их не нужно называть, так как все они стекают с северных склонов изломанной и неровной цепи гор, которая образует северную границу плоскогорья.

ПЛАТА XV

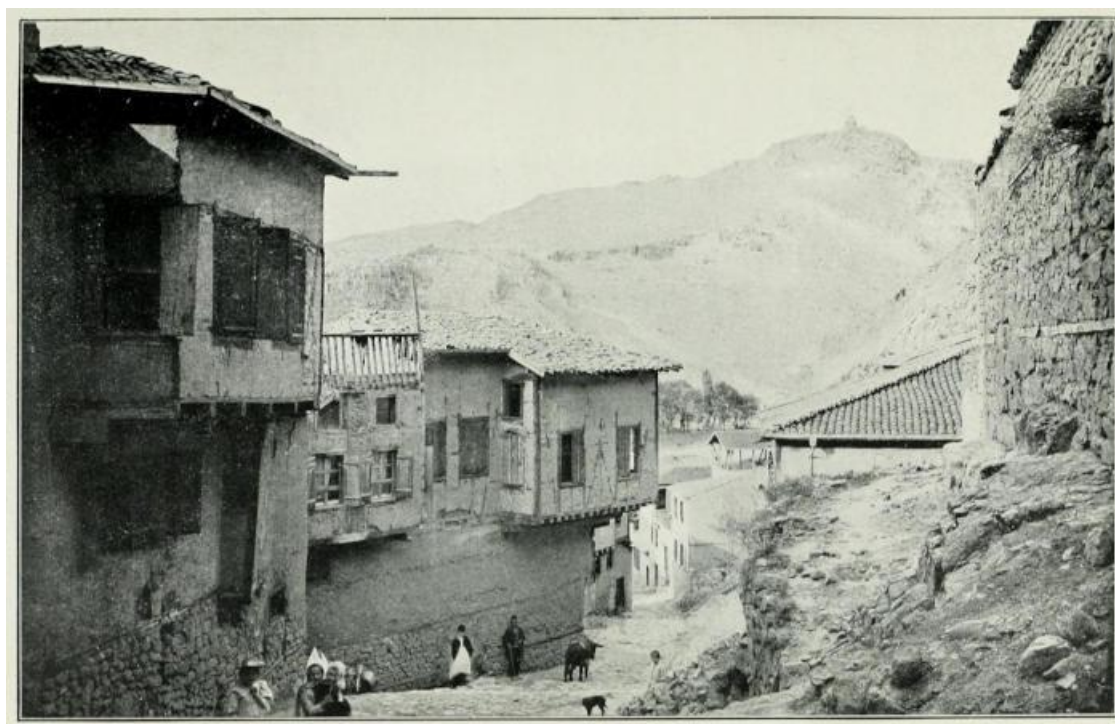

ЮЗГАТ: ДЕРВИШИ И БРОДЯГИ

КУЛАКЛЫ КЕУИ: ТИПЫ ЖИТЕЛЕЙ

Самой западной главной рекой, впадающей в Черное море, является Сангарий или Сакария, которая берет начало во внутренних районах страны и обходит северные хребты длинным западным дебютом. Многочисленные ранние притоки этой великой реки действительно поднимаются по склонам северных гор, а другие падают с западной стороны водораздела, который на востоке выходит на Халис. Они блуждают в южном и западном направлениях, стремясь пробиться через возвышенности, экономическим центром которых является Ангора. Страна, которую они орошают, в общих чертах напоминает многие районы бассейна реки Халис; и хотя значительные участки в равной степени остаются бесплодными и заброшенными из-за отсутствия населения, в целом они лучше возделываются, а значит, более продуктивны. Ангора расположена на холме, увенчанном старой крепостью, которая выходит на овраг с обрывистыми склонами. [58] Здесь обширные сады и плантации в защищенных местах, а в непосредственной близости - многочисленные фруктовые сады и виноградники. Это место славится своими фруктами, особенно грушами и яблоками, а также медом. Ангорская коза является исторической породой, и здесь до сих пор ведется значительная торговля мохером, который производит это животное, и в некоторой степени специальными тканями. Это административная штаб-квартира большой провинции, резиденция вали, и важный торговый центр для внутренних районов. Сюда сходятся несколько основных дорог, в частности, главная дорога, соединяющая Константинополь с Востоком, через Юзгат и Сивас, которая пересекает Халис у Чешме-Кеупру. Путь, уже не имеющий первостепенного значения, но восходящий, вероятно, к фригийским временам [59], соединяет Ангору с Гяур-Калеси, примерно в тридцати милях к юго-западу, и еще одно место в этих окрестностях, которое нас интересует, - Ярре, расположенное чуть выше моста через Сангарий под названием *Карандже Кеупру*.

ПЛОЩАДЬ XVI

АНГОРА: СТАРЫЕ ДОМА НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Во времена Геродота страна вокруг Ангоры, очевидно, считалась частью Фригии, восточной границей которой была река Халис, отделявшая ее от Каппадокии, [60] но мы предпочитаем рассматривать ее как отдельный северный регион и приписывать фригийской стране ее более поздние и более привычные границы. Фригия как таковая образует географический центр

западной части полуострова. Здесь проходит главный водораздел, в котором находятся истоки трех речных систем. С одной стороны находятся истоки Гермуса и Меандра, впадающих в Эгейское море на западе; с другой - Кайстер (*Аккар-чай*) и несколько небольших рек, которые текут в южном или юго-восточном направлении, впадая во внутренние озера; а с северных склонов, как мы уже отмечали, другие воды питают Сангарий и впадают с его разливом в Черное море к востоку от Босфора. Эти возвышенности - одна из самых привлекательных частей Малой Азии; бодрящий воздух наполнен восхитительным ароматом сосновых лесов, зеленеющие пастбища хорошо орошаются многочисленными чистыми ручьями, а луга созревают под сияющим солнцем, лучи которого смягчаются высотой. Здесь же находятся многочисленные памятники Фригийского царства, а к северо-востоку от них, в Доганлу-Дареси, на одном из многочисленных мелких притоков Сангария, и к юго-западу, в Бей-Кеуи, у одного из истоков той же реки, недалеко от вершины водораздела, были найдены следы хеттской работы. Через сердце этого региона также проходила царская дорога персидских времен, [61] видимая как ряд параллельных шрамов в поверхностных породах. Это была главная магистраль, связывавшая Запад с Востоком, и то, что она в значительной степени развивалась в хеттские времена, видно по расположению хеттских памятников вдоль ее трассы. Вблизи побережья она проходила там, где скульптуры Сипила и Кара-Бела смотрели вниз на подступы к Смирне и Эфесу. От Сардиса его точный маршрут на восток не определен, но он должен был войти во Фригию около Бей-Кеуи, откуда его можно проследить мимо Бакшиша и памятника фригийского Мидаса, рядом с которым также находится хеттская скульптура в Доганлу Дареси. По-прежнему ведя на северо-запад мимо Гяур-Калеси, она, по-видимому, пересекала Сангарий у Ярре и Халис либо у Чешме Кеупру, либо чуть севернее, [62] направляясь во всем этом необъяснимом в других отношениях детуре к Богаз-Кеуи, главному центру хеттов на севере. Эта дорога потеряла свою главную цель уже в персидские времена, поскольку Птерия, похоже, так и не оправилась после ее свержения Крёзом, но ею продолжали пользоваться, вероятно, потому, что она была уже готова; и ее следы, как и изолированные памятники хеттов на западе, остаются яркими свидетелями огромной системы управления и экономической организации, не похожей ни на что в более поздние времена. Для нашей непосредственной цели достаточно заметить, что все явно хеттские памятники к западу от Халиса находятся вдоль этой единственной линии дороги, и этот факт столь же значителен, сколь и примечателен.

НЕФЕЗ-КЕУИ: Плетение ковров (см. [с. 31.](#))

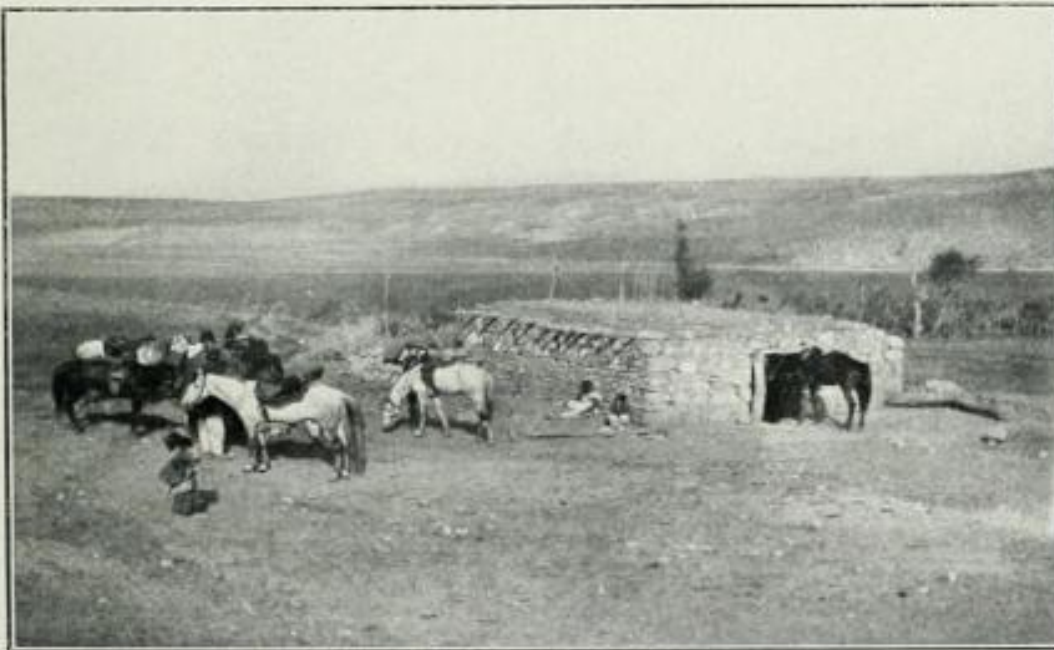
Мы не включаем в вышеизложенные рассуждения регион, центром которого является Икония (Кония), заполняющая южный угол плоскогорья. От него, главного города провинции,

естественным образом расходятся несколько главных дорог ; однако мы имеем дело лишь с двумя или тремя из них, к которым мы имеем даже косвенное отношение. Одна из них ведет на северо-запад, проходя мимо Ильгина на расстоянии около пятидесяти миль, и таким образом попадает во Фригию, к которой она подходит по долине внутреннего Кайстера. Вторая - та, что ведет на восток через равнины Султан Хан и Аксерай в Кесарию; а третья, изгибаясь к югу, чтобы избежать пустынных равнин, соединяется через Эрегли с Киликийскими воротами и с Тианой (Килисс Гиссар). В древности, должно быть, существовала более прямая дорога, соединявшая Иконию с Тианой, проходившая через Ардистаму, место которой до сих пор обозначено в нынешней пустыне названием Ариссама, с соседними курганами Эмир-Гази[63].

Вокруг Иконии и к северу от нее простираются обширные травянистые равнины, естественные пастбища для лошадей, которые ежегодно отправляются огромными толпами на ярмарки и рынки страны, вплоть до Багдада. Породы не отличаются качеством и не могут сравниться с теми редкими и красивыми животными, которых выращивают на равнинах, граничащих со средним течением Евфрата; но в большинстве своем это выносливые породы, стоящие немного выше европейского пони, полезные для транспорта и приученные к седлу для быстрой ходьбы, в которой всегда совершаются длительные путешествия.[64] Реки этого региона короткие и местные, заканчивающиеся по большей части на равнинах солеными озерами и болотами, которые после схода снега становятся почти сухими, оставляя землю покрытой белым налетом. Некоторые из этих озер настолько велики, что являются постоянными; самое большое из них, как уже упоминалось, - Туз-Геул; его воды более плотные, чем воды Мертвого моря, и, отступая с наступлением лета, они оставляют после себя толстые отложения соли, которые регулярно собирают туземцы, проделывая для этого многодневный путь.

В нескольких днях пути на запад от Иконии есть еще одно большое озеро, но его расположение совершенно отличается от предыдущих, поскольку оно находится в западных горах, на высоте почти четырех тысяч футов над морем. Город Бейшер, давший название озеру, находится в его юго-восточном углу, а дорога к нему из Иконии проходит через Фассилер, место, примечательное своими древними памятниками и особым типом лица его жителей. Далее к северу, у восточной границы озера, находится Эфлатун-Бунар, место знаменитого "ликийского" сооружения, называемого "источником Платона". Урочище к западу от Конии, однако, в настоящее время нас мало волнует,[65] и когда мы поворачиваемся на восток, мы склонны рассматривать хеттские поселения, будь то вдоль края Тавра, как Махалич и Ивриз, или изолированные в пустыне, как Эмир-Гази, как относящиеся не к Конии, от которой они отделены пустыней, а к той же группе, что и Тиана, с которой они в определенной степени географически связаны.

ПЛАТА XVIII

НЕФЕЗ КЕУИ: МИНАРЕТ ДЕРЕВЕНСКОЙ МЕЧЕТИ

Построен из барабана рифленой колонны, алтаря и лепного основания, римского периода. (См. [с. 31.](#))

АНАТОЛИЙСКИЕ ЛОШАДИ: СТОЯНКА В НООНДЕЕ (см. с. 39.)

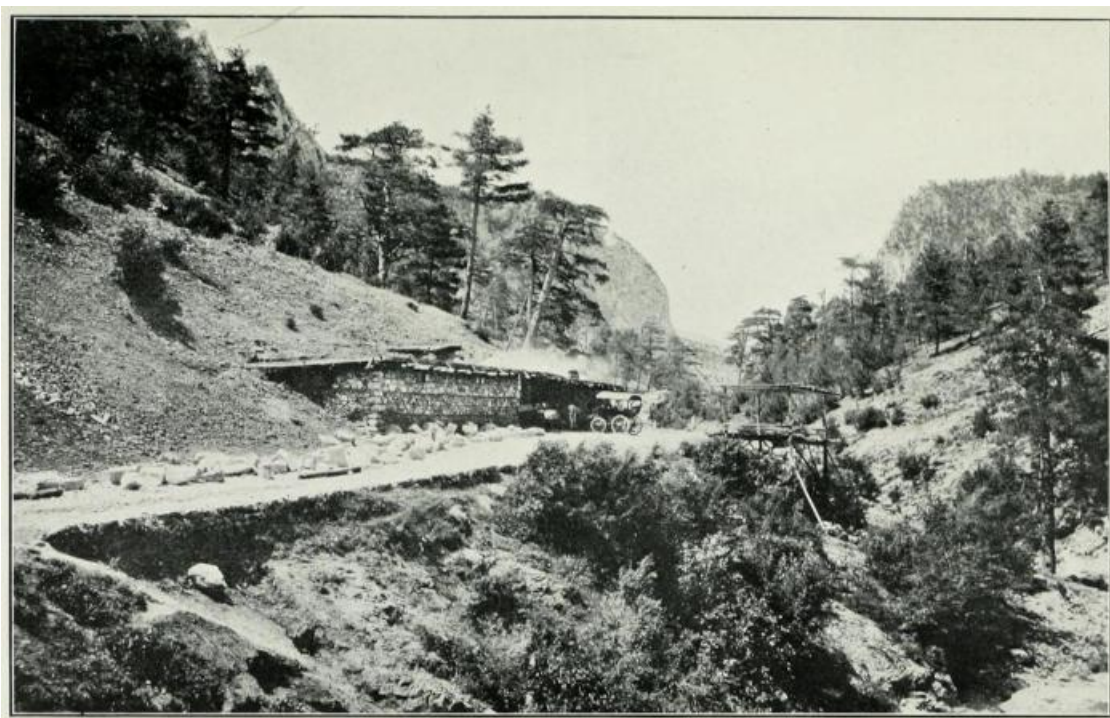
Эта восточная группа мест, действительно, удивительным образом связана общей речной системой. Центр - "Белое озеро" *Ак-Геул* у подножия Тавра, к западу от Эрегли и к югу от пустынного хребта, называемого Караджа-Даг, на северных склонах которого находится Эмир-Гази.[66] Это озеро разного размера. Когда оно переполнено, излишки воды исчезают в отверстиях, проходящем под горой; в сухой сезон, однако, оно превращается в болотистую заводь с застойной водой. В него впадают три главные реки. С юго-востока протекает Ак-Су, которая поднимается в главной цепи Тавра, а также стекает с отрога, известного как Кара-Даг, на гребне которого находится Махалич. Здесь же находится Бин Бир Килиссе, "Тысяча и одна церковь", древнее место; а чуть севернее из равнины поднимается изолированный холм Кизил Даг. С юго-востока, с высоты Булгарского дага, течет Коджа-Су, протекая мимо Эрегли, перед которым к ней присоединяется поток, с удивительным шумом вырывающийся во многих местах из скалы у деревни Ивриз, в шести или семи милях выше города. Этот источник местные жители называют *Худа Верди*, "Бог дал", в знак признательности за божественный дар, превращающий засушливый уголок пустыни в сад-долину, богатую фруктовыми деревьями и виноградниками. В это же озеро с северо-востока впадает Кизилджа-Су, после вялого путешествия по восточным равнинам, питаемая в своем течении множеством ручьев, спускающихся с внутренних хребтов Тавра. Верховья этой реки дают жизнь целому району, представляющему особый интерес. Главный поток поднимается чуть севернее Андавала, течет мимо этой деревни в Нигдех и далее в Бор; чуть ниже он соединяется с другим рукавом, на котором находится Килисс Гиссар, место старой Таяны. Здесь находятся многочисленные и живописные руины древности, и хотя до сих пор не найдено ничего ранее времен фригийского Мидаса,[67] из рассказов Страбона и других источников не следует, что город с древнейших времен был политическим центром этого региона. Вероятно даже, что хеттские надписи, найденные в каждом из соседних городов, только что упомянутых, были перенесены отсюда в прошлые времена.[68] Этот район в основном ровный, фактически являясь восточной границей равнины, хотя и лежит у подножия гор Ала-Даг, которые отсюда уходят на северо-восток к Аргезею. Несомненно, благодаря различным удобрительным свойствам многочисленных ручьев, стекающих с холмов, вся страна необычайно плодородна и продуктивна; более того, в давние времена окрестности Бора были выбраны в качестве части римского императорского поместья. Повсюду раскинулись обширные кукурузные поля, а в окрестностях города - сады, рощи и виноградники, которые дополняют привлекательность, которую придают ему многочисленные памятники древности. Те же черты преобладают на всем пути из Кесарии через Инджесу, мимо обширных рощ и садов Девели Карахиссар и многокилометровых пахотных земель, сухих, но плодородных, между Арабли и Андавалом. Подъезд к Тиане на протяжении многих миль проходит вдоль древнего, но разрушенного акведука, живописно расположенного среди садов и деревьев.[69] Продолжая двигаться на юг, равнины постепенно уступают место отрогам Тавра, а главный путь через водораздел ведет к Киликийским воротам, вниз по главной долине реки Чакья Су[70].

ПЛИТА XIX

БОР: МОСТ ЧЕРЕЗ КИЗИЛДЖА-СУ

Горная тропа, отходящая от дороги в Баяле, ведет на юг через ряд параллельных хребтов все большей высоты и величия[71] прямо к Булгар-Мадану. Серебряные рудники, которым это место обязано своим названием и, вероятно, своим существованием, по-видимому, значительно разрабатывались в древние времена. Деревня расположена глубоко в долине под Булгар-Дагом, главным хребтом Тавра, высотой почти девять тысяч футов. Ручей поднимается далеко вверх по хребту, с противоположной стороны которого в сторону Ивриза и Эрегли стекает ветвь Коджа-Су. Его течение направлено на восток, и, спускаясь по каменистому руслу, он уже находится, когда проезжает Булгар-Мадан, почти на три тысячи футов ниже покрытых снегом скал, вдоль основания которых он течет. Отсюда долина, хотя и узкая и крутобокая, приобретает ту зеленую и чарующую красоту, которая всегда царит у горных потоков, придавая характер значительной части страны хеттов. Но для путешественника, идущего в летнее время по тропинке, которая вьется по левому берегу реки, эта красота и очарование усиливаются здесь благодаря обширной обстановке картины, полноте и разнообразию деталей и богатым контрастам цветов, в сочетании с движением и пестрыми костюмами людей, которые смешиваются в сцене. По берегам раскинулись фруктовые сады, а полевые цветы разнообразных сортов устилают землю. Виноградники и шелковица растут в изобилии, а спелые вишни можно сорвать даже с седла, их яркие гроздья пестрят на темно-зеленой листве. Внизу бурлящие воды, виднеющиеся через определенные промежутки времени, также вносят свои гармоничные изменения: то белые и сверкающие, где играют яркие солнечные лучи, то прозрачно-зеленые в более глубоких бассейнах и затененных местах. Из-под деревьев яркие цвета, преобладающие в турецких костюмах, красные и синие, желтые и белые, усиливают эффект; ведь все население разбросанных деревень, мужчины и женщины, мальчики и девочки, находятся в садах или под деревьями. В одном месте можно увидеть пожилую пару, склонившуюся бок о бок за работой на своем крошечном участке земли. Ниже, под раскидистым деревом, к стволу которого он прислонился, босоногий мальчик играет на своей тростниковой флейте, как Марсиас, а мальчики и девочки стоят группами, разговаривая и играя. За ними, вне поля зрения, на песчано-галечном пляже два маленьких мальчика, совершенно голые, весело танцуют сами с собой под далекую музыку. На заднем плане возвышается огромная стена горы: ее нижние склоны густо заросли лиственницей и соснами, уступая в средней части высоты кустарниковому дубу, который так и тянется вверх, пока не покажется мрачная скала. Любопытное явление над головой скрашивает полуденный зной в этой счастливой долине, особенно в безветренные дни, когда его благотворное влияние наиболее ощутимо. Ближе к середине дня над долиной, словно полог, расстилается туман, возникающий, вероятно, в результате таяния снегов на хребте, и так продолжается до тех пор, пока после полудня пар снова не сгущается, и яркое солнце вновь не появляется, чтобы поднять настроение к вечеру. За исключением этой особенности долина в целом напоминает многие из тех бесчисленных укромных расселин среди гор Тавра и Антитавра, где суровая зима сменяется щедрым летом, а рассеянное население ведет свою жизнь, изолированное от движущегося мира и почти независимое от него.

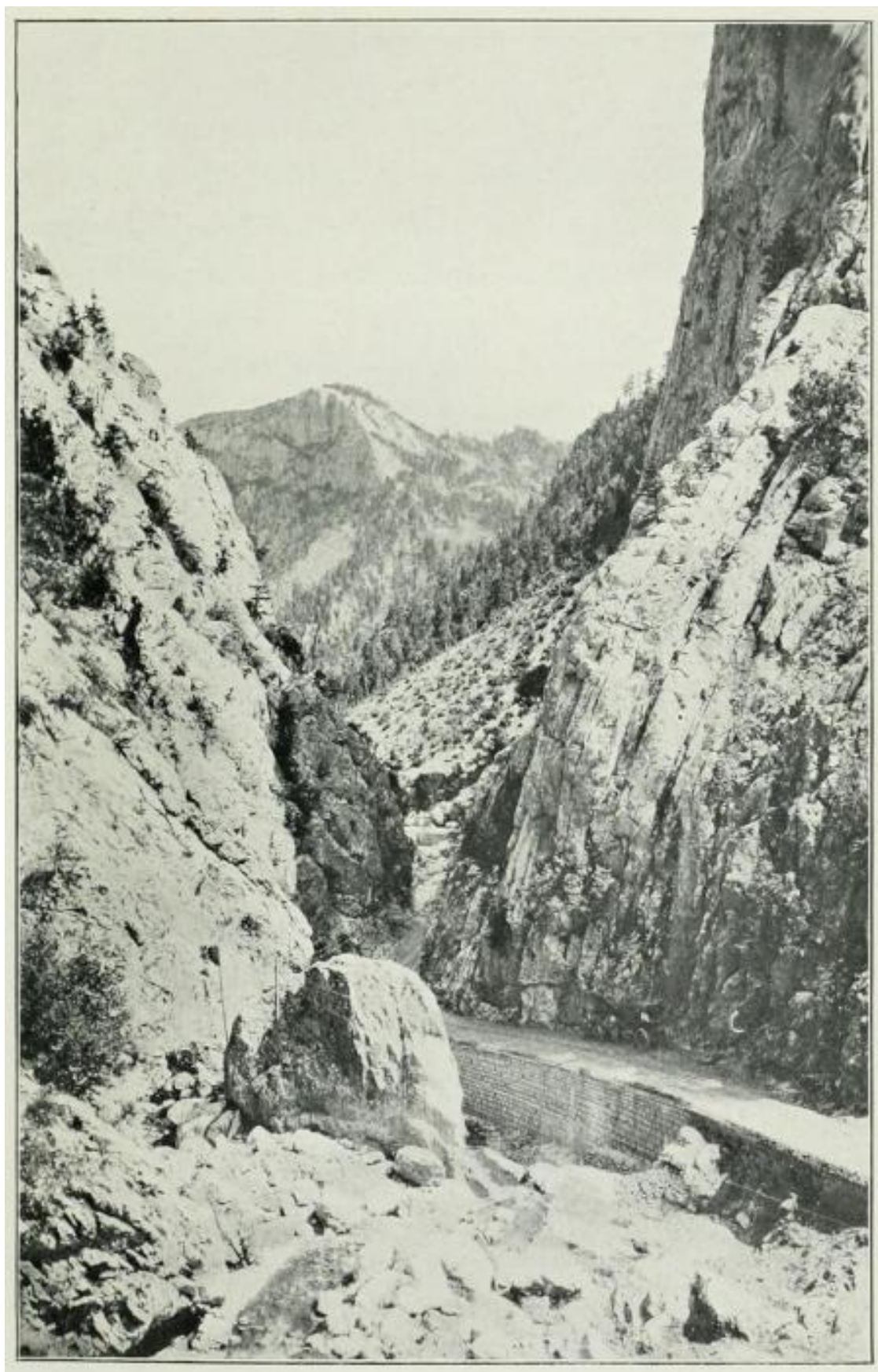
ПОДЪЕЗД К КИЛИКЕЙСКИМ ВОРОТАМ С СЕВЕРА (См. с. 46.)

Там, где этот горный поток соединяется с рекой Чакья-Су, мост перебрасывает тропу на другой берег, чтобы соединиться с главной дорогой на юг. Это исторический маршрут, ведущий через Киликийские ворота, единственный проход, доступный для движения через несокрушимую скальную стену Тавра. Через него проходили народы, образовавшие нации; по нему проходили армии завоевателей в борьбе континентов; религии Востока сделали его своим каналом подхода к бездумному Западу; по нему путешествовал Павел из Тарса, неся Крест Мира; по нему крестоносцы в свое время забрали Крест Войны. Творцы истории - персы, греки и македонцы, христиане, иудеи и мусульмане - все они прошли этим путем. Однако прекрасно спроектированная дорога с ее мостами и насыпями, скальными выемками и пологими уклонами - дело рук современности. В начале нашего повествования мы должны вспомнить, как начинался перевал на неровной тропе вдоль стремительного потока. Даже в раннехеттские времена, если мы обратим внимание на расположение их памятников, кажется вероятным, что более длинный, но открытый путь, идущий по Тохма-Су, и более короткий, но скалистый путь, спускающийся у Куру-Бела, продолжали оставаться главными линиями связи между двумя основными ветвями их империи.[72] Однако до персидских времен дорога через Киликийские ворота должна была быть достаточно обустроена, чтобы по ней могла проехать колесная повозка или колесница.[73]

Маршрут можно разделить на основные участки, первый из которых доходит до Бозанти-Хана. В этой части, которую можно рассматривать как северный подход к Киликийским воротам, пейзаж постепенно приобретает все красоты глубокого горного перевала. Крутые склоны долины покрыты густой порослью сосен, свободно перемешанных с дубами, кипарисами и другими деревьями с разнообразной листвой. Местами голые скалы выступают и обрывисто возвышаются, острыми пиками достигая линии снега. То и дело открывающаяся поляна или расширение лесистой долины, где река соединяется с другими водами, вносит приятное разнообразие в путешествие и подчеркивает смелость и красоту открывающихся видов. В одном месте, которое можно увидеть через небольшой проход, из скалы вырываются прозрачные темные воды, называемые соответственно Кара-Су, меняя цвет всей реки. До приближения к Бозанти мы миновали несколько "ханов"[74] и пересекли

мосты; здесь река, с которой до сих пор спускалась дорога, входит в скалистое и обрывистое ущелье, через которое она вырывается на равнину. Избежав этого, дорога пересекает невысокий водораздел и спускается к рукаву другой реки, Циднуса, который в конце концов приводит к Тарсу и морю. На коротком отрезке второго маршрута страна более открытая, но ее очарование сохраняется в лесистых высокогорных пейзажах с видами на темно-зеленые склоны сурового Тавра и снежные гребни и расщелины Булгар-Дага. Проезжаем два хорошо расположенных декоративных форта[75], и извилистая дорога, казалось бы, перед непроходимой грядой гор, неожиданно входит в глубокое скалистое ущелье. Это место отмечено надписью Марка Аврелия на камне в русле реки. Это настоящие ворота Киликии. Двойная дверь закрыла бы их и бросила вызов целой армии.

ПЛАТА XXI

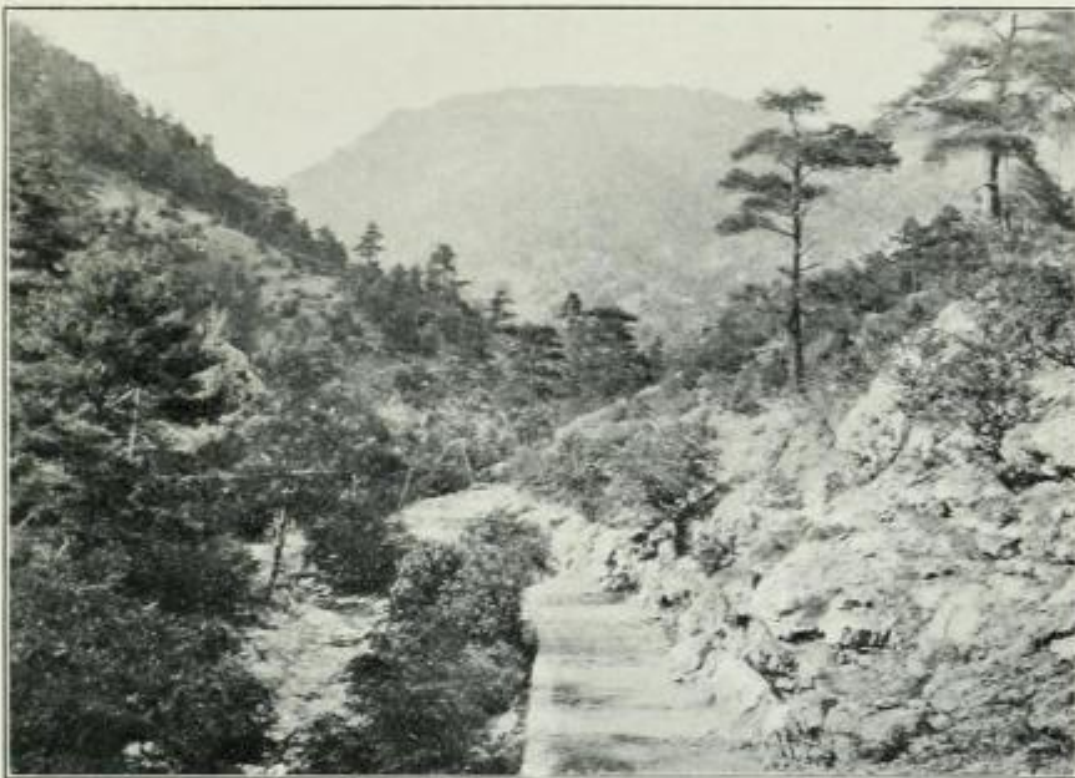
ВХОД В КИЛИКИЙСКИЕ ВОРОТА

В соответствии со своей судьбоносной историей, пейзаж по мере спуска сразу же приобретает дикое и впечатляющее величие, не имеющее аналогов по красоте, не

поддающееся описанию, к которому все, что было до этого, служило лишь введением. Теперь мелодия меняется, и полный оркестр природы вступает в тему бурных и величественных аккордов, постоянно меняющихся, но устойчивых, оставляющих на всю жизнь впечатление от своих грандиозных гармоний. Здесь скалы возвышаются на тысячу футов по обе стороны. Мириады деревьев, их разнообразные оттенки, усиленные сияющим солнечным светом, покрывают мягкими красками высоту, окаймляющую горизонт, за исключением тех мест, где он обрывается фантастическими пиками. Сейчас долина изрезана большими разломами красных и серых скал, и предупреждающие обрывы огромного размера нависают над тропой. Внизу, на зеленеющем ложе, усыпанном цветами и ползучими растениями, мирные поляны и просторы открывают изменчивые воды потока. Еще один поворот, и широкая полоса девственного леса беспрепятственно огибает склоны; то и дело панорама природы меняется, привлекая взгляд новой красотой или сюрпризом.

Несмотря на кажущуюся недоступность, среди лесистых высот то тут, то там можно встретить небольшую деревню, домики которой расположились среди фруктовых деревьев и роскошных полевых цветов. Жители очень бедны, ведь на этих изломанных вершинах холмов мало пахотных земель и их трудно обрабатывать. Кроме того, они немногословны и неискушенны, и невозможно добиться от них каких-либо последовательных доводов в пользу выбора места жительства, в то время как столько миль кукурузных земель в глубине страны ожидают человеческого труда. А поскольку бодрящий горный воздух среди сосен и неповторимые виды вокруг, простирающиеся от Тарса до моря, являются для них соображениями последней важности, нам остается предположить, что и в этом случае их предки нашли здесь убежище от политических бурь неизвестного времени. Мы склонны полагать, что причина была именно в этом, и что дата была отдаленной, поскольку среди них сохранился в поразительной чистоте тип старой хеттской расы, который, хотя и своеобразный, знаком по египетским памятникам. Возможно, он действительно принадлежал киликийцам в целом: он имеет ярко выраженный монголоидный облик, за исключением носа, который сильный и прямой, но тонкий. Подбородок безбородый, но есть тонкие темные циничные усы; скулы высокие, глаза косые. В египетских скульптурах косичка обычно завершает яркие черты портрета, но, похоже, она не сохранилась после мусульманской тонзуры.

После прохождения перевала весь характер страны меняется как по мановению волшебной палочки, и перед нами открывается другая земля. Бодрящие сухие возвышенности остаются позади с их особым очарованием и нереализованными возможностями, а на их месте появляются пальмы и фруктовые сады южного климата, с физическими особенностями, экономикой и населением, совершенно иными. Западная равнина Киликии полностью состоит из аллювиальных почв и называется фруктовым садом Западной Азии. На востоке есть несколько холмистых мест, но на северо-востоке равнина снова простирается, следуя внутреннему заливу гор. Эти равнины, кажется, полностью принадлежат многочисленным рекам, которые их орошают. Они, спускаясь с гор, расположенных выше, где природа камня разнообразна и в значительной степени вулканическая, приносят с собой богатый аллювий, который откладывается в их вялом течении внизу. Их названия уже упоминались. Некоторые другие потоки, расположенные к западу, имеют более быстрое течение с гор, которые в этом направлении постепенно приближаются к морю. Мерсина, современный порт, отмечает почти западную оконечность равнины.

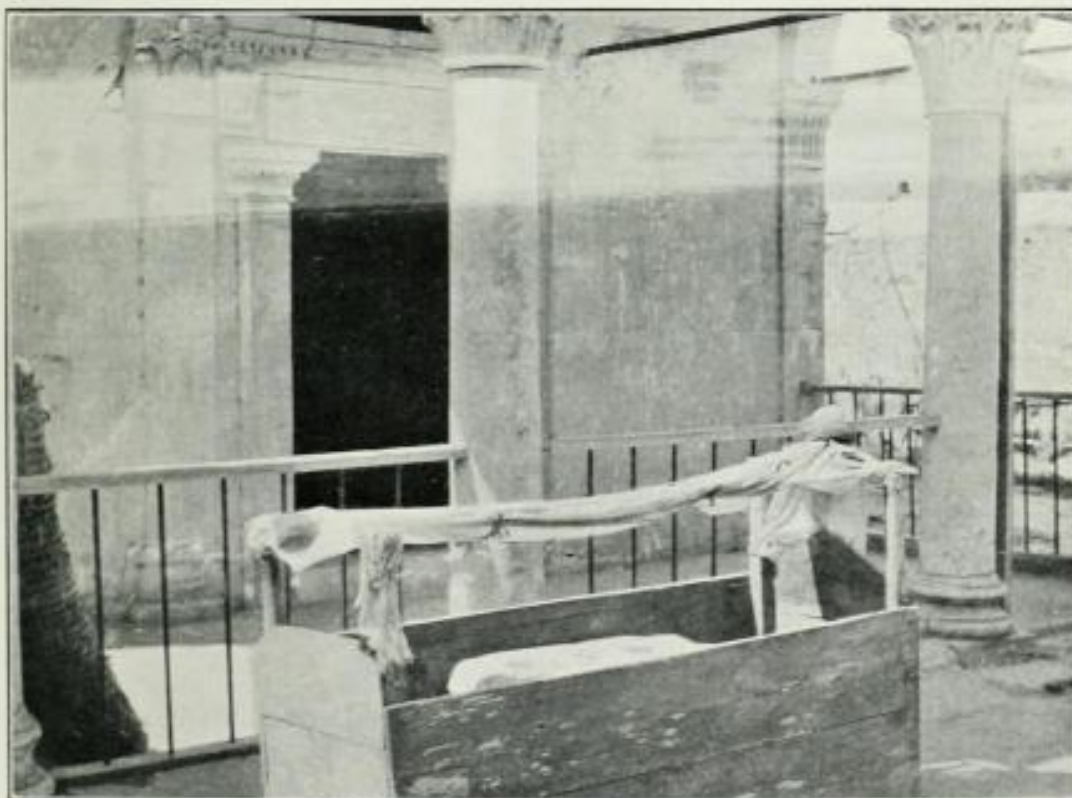

ПУТЬ НА ЮГ ЧЕРЕЗ КИЛИКИЙСКИЕ ВОРОТА

ТАРСУС: САДЫ И ГОРОД

Зеленый край Киликии настолько закрыт с севера хребтами Тавра, с востока - горами Амана, и настолько открыт морю, что кажется, будто природа предназначила этот уникальный уголок Малой Азии для собственной истории. Однако его удивительное плодородие и важные перевалы, ведущие к нему с нескольких сторон, не позволяют допустить, чтобы он был обойден вниманием какой-либо державы, владеющей его границами. По этой причине и в данном случае отсутствие каких-либо явно хеттских останков[76] должно быть объяснено случайностью и природой страны. Но действительно примечательно, что ни в одном из дефиле, соединяющих ее с несколькими частями хеттской земли, не было обнаружено ни одного хеттского памятника. Если учесть, как много подходящих мест для хеттских памятников, будь то в Киликийских воротах, или в долине Пирама, или в проходе, ведущем через горы Аманус на восток, или на омываемых волнами скалах, через которые должен проходить береговой путь в Александретту, то отсутствие каких-либо хеттских следов становится еще более заметным и значительным. Оно подтверждает вероятность того, к чему нас уже склоняли: , что основной канал связи между землями хеттов на севере Сирии и в Малой Азии проходил через горные перевалы Тавра и Антитавра, где их памятники встречаются в сравнительном изобилии.

ПЛАТА XXIII

ТАРСУС: БЕТОННЫЕ СТЕНЫ ДУНУК ТАШ

ТАРСУС: СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ В ГРОБУ, ВО ДВОРЕ АРАБСКОГО СВЯТИЛИЩА

II НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В этой главе мы бросим беглый взгляд на историю хеттских земель после того, как держава хеттов ушла в прошлое, вплоть до установления власти турок-сельджуков в XII-XIII веках н. э. Это не связная история, поскольку с исчезновением хеттов изменился политический горизонт: после этого баланс сил на Ближнем Востоке несколько раз распределялся заново. Поэтому мы должны довольствоваться обрисовкой общего хода богатой событиями истории, в которой впоследствии участвовали эти земли, и отмечать, каким образом, но не в какой степени, местные записи и памятники свидетельствуют о той роли, которую они играли по отдельности.

Мы вынуждены сделать эти ограничения, поскольку ни одна земля на земле не может похвастаться столь значительной историей, как драма, разыгравшаяся в Малой Азии в течение столетий, последовавших за хеттским владычеством. Здесь происходила долгая борьба за господство как между собственными народами, так и между соседними частями двух континентов, которые она соединяет; тысяча *Илиад* не смогли бы описать только ратные подвиги. И борьба континентов велась не только за обладание землей, богатой полезными ископаемыми и по большей части очень плодородной, но и за проход для великих миграций, цивилизаций и религий. Нам нечего добавить к этой истории, нет ни новых свидетельств, ни новых мнений; история Малой Азии уже написана людьми, более способными и более компетентными в этом вопросе.^[77] Представляя эти несколько страниц, мы преследуем цель поддержать наш основной запрос: дать нам возможность различать произведения различных фаз истории, с которыми мы встречаемся в наших странствиях, и особенно оценить по контрасту особенности хеттских памятников, которые мы рассмотрим далее.

Хотя мы откладываем написание истории хеттов до тех пор, пока не увидим, что могут рассказать нам их собственные произведения, мы считаем себя обязанными проследить ее очертания^[78], чтобы решить, на каком этапе эта история заканчивается. Хетты впервые появляются в истории около 2000 года до н. э., когда они, по-видимому, уже были достаточно могущественны, чтобы свергнуть первую династию Вавилона и разграбить этот город, и имели поселения в южной Сирии на границах Египта. Некоторые хеттские таблички из Малой Азии, как утверждается, относятся к тому же времени. Однако ничего не известно о составе хеттов в эти ранние времена, но можно предположить, что впоследствии они отошли на юг или были там затоплены. Название хеттов вновь появляется лишь в XV веке до н. э., когда фараоны, сменяя друг друга, сталкиваются с ними на севере Сирии. Затем в четырнадцатом веке их столица обнаруживается в Богаз-Кеуи, в руинах которого недавно были раскопаны архивы этого периода. В них, дополненных письмами Телль-эль-Амарны, рассказывается о том, как царь 'Хатти' - местный и в то время доминирующий элемент - стал великим царем объединенных хеттских народов и вассальных государств, главные города которых включали большинство мест, идентифицированных с хеттскими останками, таких как Хамат, Алеппо, Кархемиш, Мараш, Малатия, а также множество городов-государств, пока еще не идентифицированных. Это был период их величайшей империи, и вполне вероятно, что области Киликии, Ликаонии, Фригии и даже Лидии в это время признали сюзеренитет всемогущего царя-воина. На протяжении пяти или шести поколений правителей Хатти положение хеттов как доминирующей державы в Западной Азии признавалось фараонами и вавилонскими царями как в письмах и договорах, так и в обмене послами. Однако во время великих переселений в двенадцатом веке до нашей эры династия Хатти, похоже, была

свергнута, а империя хеттов расчленена. Об этом можно судить по прекращению их собственных архивов и по появлению мусков, отождествляемых в более поздние времена с фригийцами,^[79] на северо-западной границе Ассирии,^[80] которые таким образом проложили себе путь через сердце Малой Азии. Они были отбиты,^[81] но это вторжение совпало с перемещением главной хеттской силы в Кархемиш, в то время как Хамат на Оронте и другие южные центры стали занимать все более видное место.

Пытаясь разобраться в истории упадка и падения хеттской державы, мы сталкиваемся с той же трудностью, которая окутывала всю проблему хеттов, пока недавние открытия не пролили свет внутренних документальных свидетельств на период существования их империи, а именно: по большей части только события, связанные с некоторыми из их пограничных земель, попали в поле зрения ассирийских и греческих историков, и они воспринимаются нами с относительной диспропорцией. Для примера, мы не находим в египетских и ассирийских записях никаких сведений о положении хеттской столицы XIV века в Богаз-Кеуи; и более семисот лет мы не имеем никаких прямых свидетельств о ее судьбе, пока случайная ссылка Геродота при описании дел Лидии не сообщает нам о ее окончательном низвержении.

Однако в десятом веке, во время временного упадка Ассирии и ухода фригийцев, можно предположить, что хеттские государства в значительной степени восстановили свою власть и независимость. Но хотя между соседними государствами часто заключались союзы, похоже, что, как и в прежние времена, не было владыки, достаточно могущественного, чтобы объединить их всех под своим началом и проводить последовательную политику. Малатия и Мараш представляются главными городами царств в Тавре, а в Антитавре царство Табала (или Тубала), вероятно, включало районы Комана, Экрека, Мазака и Фрактина. На плоскогорье царство Хилакку, которое мы можем назвать Великой Киликией (охватывающей регион от Таяны до Кара-Дага и от Карабурны до Булгар-Мадана), заменило первоначальное государство Хатти в пределах Халиса в качестве главного представителя хеттской власти и традиции. Но это было ненадолго: если Муски и отступили, то только для того, чтобы набраться сил; в то время как на востоке новый соперник, по силе и характеру схожий с хеттами, появился в районе озера Ван, надавив вплоть до Евфрата и даже в Сирию, где также постоянное проникновение арамейских народов уже оспаривало господство старого хеттского племени.

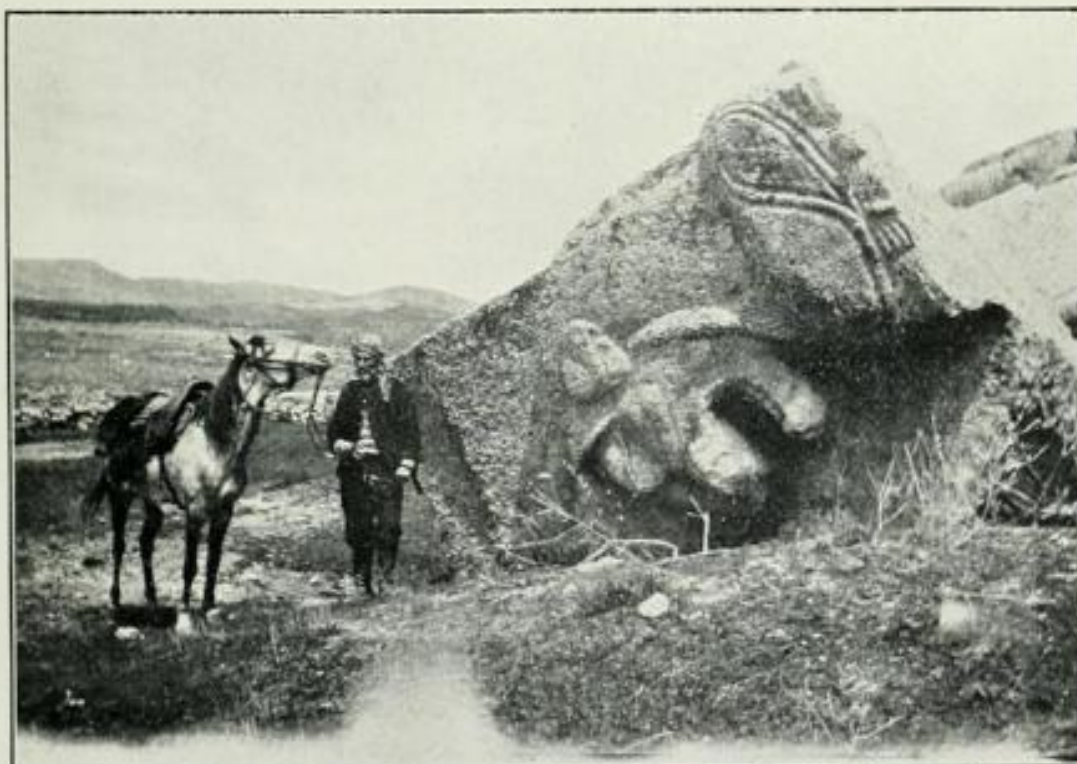
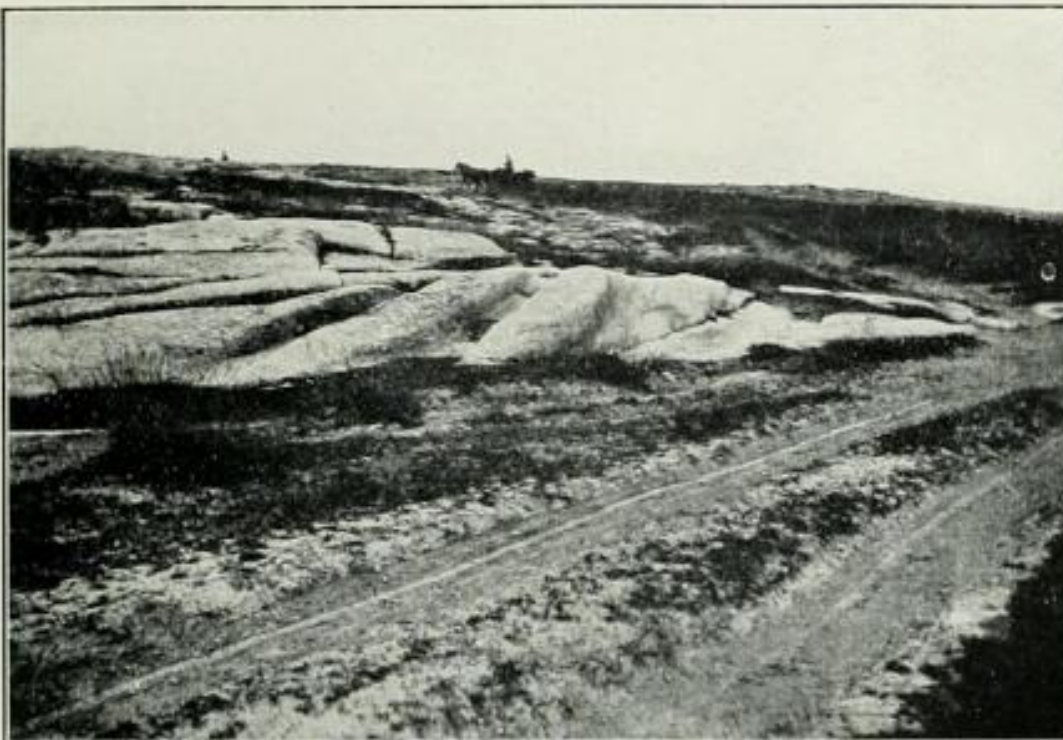
С середины IX века возобновилась и борьба слабеющих хеттских племен с возрождающейся мощью Ассирии, и на этот раз они были обречены. Впоследствии их земли в Сирии и на Тавре стали объектом многочисленных карательных экспедиций со стороны сменявших друг друга ассирийских царей, которые утверждали, что всегда завоевывали и взымали дань. Однако на протяжении более чем столетия, несмотря на многочисленные поражения и жестокие наказания, эти государства так же часто находили возможность сбросить иго. Но в конце VIII века Саргон с суровой решимостью взял на вооружение политику, начатую его предшественниками, - вывоз большое количество восставшего населения и заменил его ассирийскими колонистами. Один за другим крупные хеттские центры на его границах были поглощены, и когда ассирийские войска перешли в Малую Азию, чтобы бросить вызов господству фригийского Мидаса, около 718 года до н. э., стало ясно, что эти две державы поделили между собой хеттскую территорию. Появление на севере киммерийцев, обладавших почти неодолимой силой, изменило политический горизонт^[82].

Однако с одной точки зрения было бы естественно указать на разрушение Птерии Крезом в середине VI века до н. э. как на последнее событие хеттской истории и начать нашу постхеттскую историю с этого времени. Завоевание Киром и воссоединение всех хеттских

земель под властью персов несколькими годами позже, в 546 году, было бы подходящей отправной точкой; однако на самом деле, начиная с эпохи Саргона, за полтора века до этого, не прослеживается ни реального подобия сохранившейся хеттской власти, ни какой-либо старой хеттской индивидуальности в местных искусствах. Само их имя тогда почти исчезло из истории Востока и сохранилось лишь как память; в то время как в Малой Азии власть фригийских царей была в зените, и наличие фригийских надписей в Эюке, [83] недалеко от старой хеттской столицы, и в Тиане, [84] которая, похоже, заменила Птерию по значимости в возрождении десятого века, указывает на то, что день хеттов уже закончился. Но хотя держава хеттов была сломлена и распалась, их цивилизация исчезала из виду лишь постепенно. Еще долго после того, как солнце зашло за ее гордыню, она продолжала существовать, скорее ощущаемая, чем видимая, в сумерках, заслоняющих наше видение столичной земли в начале первого тысячелетия до н. э., сохраняясь, как мы увидим, достаточно долго в виде институтов и религиозных обычаев, чтобы оставить след на страницах греческой истории. После этого нам предстоит рассмотреть несколько четких этапов, которые прерываются другими, весьма беспокойными и неясными. После свержения Ассирии, с одной стороны, и упадка Фригии, с другой, в шестом веке появились две новые державы - Меды и Лидийцы, которые разделили Малую Азию между собой по реке Галис. Однако к 546 году Кир присоединил всю страну к Персидской империи, в непрерывной истории которой она находилась вплоть до прихода в 324 году до н. э. Александра, который вновь установил господство Запада. После его смерти племенная борьба древности вновь предстает в новом обличье, и история занята в основном изменчивыми судьбами Пергамского, Понтийского царств и Селевкидов, пока в I веке до н. э. римская организация не собрала воедино нити независимости и не завязала узел так, что он оставался прочным в течение нескольких сотен лет. Следующая великая веха наступает лишь в 668 году нашей эры, когда, спустя сорок шесть лет после бегства Мухаммеда, сарацинская армия осадила Константинополь. В 1067 году с востока пришли сельджуки, а через два столетия - турки-османы, которые после монгольских нашествий окончательно утвердились у власти лишь в 1413 году нашей эры.

ПЛАТА XXIV

ПАМЯТНИКИ ФРИГИИ

БЕЙ-КЕУИ: Королевская дорога, прослеженная по колеям в поверхностном камне (см. с. [24](#), [38](#)).

ДИМЕРЛИ: падший лев (см. с. [60](#)).

Из монархий, возникших на фоне упадка хеттской державы и в свою очередь ушедших из жизни, фригийская привлекает наше внимание прежде всего своей близостью по времени и месту. Когда в двенадцатом веке до нашей эры Муски впервые появились на северо-западной границе Ассирии,[85] они предупредили о надвигающейся с северо-запада волне арийской иммиграции. Эта первая волна, тщетно бившаяся о валы Ассирийской империи, похоже, отступила; но она оставила после себя следы в виде группы людей, то ли колонистов, то ли пленников, поселившихся на земле на ассирийский манер, которые под тем же названием вновь появились несколько веков спустя[86] в виде небольшого государства на востоке Евфрата напротив Малатии. Мы ничего не знаем о ранней истории этого движения, но, насколько можно судить, прокатившаяся по Малой Азии волна была созвучна погружению Хатти, сидевших в Богаз-Кеуи, доминирующую силу среди хеттских государств. Неясно также, какой причине мы должны приписать отставку этого авангарда. Возможно, как в Сирии у хеттов[87] и в Малой Азии у киммерийцев, миграции носили прерывистый характер; И исторически мы можем видеть в отпоре ассирийцам, с одной стороны, и в развитии соперничающего государства Лидии и греческих колоний - с другой, в сочетании с определенной восстановительной жизненной силой, скрытой в хеттских государствах центра, различные активные причины, склоняющие к консолидации фригийцев в очаге наименьшего сопротивления, в плодородных районах, которым они дали свое имя. Как бы то ни было, на заре греческой истории мы видим их уже угасающей державой, но оставившей неизгладимый след в греческой традиции и романтике, полностью заслонив собой старую державу Хатти, о которой не осталось и воспоминаний.

Хотя расселение фригийцев находится за пределами исторического видения, основные черты этого движения можно определить по греческой литературе, а некоторые детали - по памятникам, которые они оставили после себя.[88] Главная миграция фригийцев - девятая волна нашего сходства - может быть определена, исходя из некоторых фактов, на которые указывает профессор Рамзи, как имевшая место около начала девятого века до нашей эры. Они пришли неодолимыми отрядами одетых в кольчугу воинов из Македонии и Фракии, переправились в Малую Азию по Геллеспонту и в конце концов основали свою монархию и государство на истоках Сангария.[89] Будучи сплошь мужчинами и завоевателями, их приход принес новые идеи о доминировании мужского начала в религии и в обществе.[90] Существовавший ранее центральный идеал малоазийского народа основывался на важности материнства, что отражалось в религии поклонением богине-матери, а в обществе - матриархальным строем и отсутствием истинного брака. Теперь фригийцы ввели нового бога-отца и бога грома, и воспоминания о борьбе между старыми и новыми идеалами можно проследить на страницах Гомера; но в конце концов они были по-разному объединены в разных частях страны[91].

Какими бы глубокими ни были изменения в религиозных и социальных идеалах, привнесенные фригийцами, эти влияния вряд ли могли так глубоко или так быстро взбудоражить народное воображение, как их ратные подвиги. Защищенные от любого вреда своими непробиваемыми доспехами, они несли все перед собой, так что в греческой традиции они предстали как раса героев, чьи цари были соратниками богов, чей язык был прежде всех,[92] и речь самой богини.[93] "Их страна была землей великих укрепленных городов"[94] В этом народном восхвалении мы подозреваем, что фригийцы получили заслугу за труды и в некоторой степени за престиж Хатти, чье царство они унаследовали.[95] Их царство, без сомнения, занимало главенствующее положение на северо-западе и в центре Малой Азии в девятом и восьмом веках до нашей эры. На западе, правда, ему только в конце этого периода бросила вызов независимость и растущая мощь Лидии; с другой стороны, оно должно было охватывать, как мы показали, области Птерии[96] и Тианы, где оно касалось

ассирийской границы в эпоху Саргона; но в целом мы не находим широкого спектра фригийских работ, обнесенных стенами городов или огромных памятников, которые могли бы дать фригийцам право на всю заслугу этих воспоминаний.

Тем не менее, некоторые фригийские памятники, такие как "гробница Мидаса" возле Доганлу, поразительны, своеобразны и впечатляющи. Так же, как и другие, расположенные южнее, которые мы воспроизводим на некоторых иллюстрациях[97], поскольку они представляют дополнительный интерес из-за влияния хеттского искусства и техники, которые можно проследить в них. Гробница льва", расположенная недалеко от Димерли, иллюстрирует мотив, доминирующий в их декоративных рельефах и отраженный в более поздних гробницах Айазина. Здесь изображены два льва, охраняющие как бы вход в гробницу, расположенные лицом друг к другу по обе стороны от двери. В гробнице Димерли львы разъярены, а между ними видна колонна или алтарь. Символизм этого дизайна может быть чисто фригийским, но декоративная концепция львов-хранителей-близнецов слишком часто встречается в хеттском искусстве [98], чтобы мы могли сомневаться, что она была заимствована у более древнего населения. Так же и в методе резьбы рельефов, и в деталях обработки, как, например, в очертаниях плечевых мышц павшего льва,[99] есть множество признаков влияния, не замеченного историками древности.

ПЛАТА XXV

ПАМЯТНИКИ ФРИГИИ

ДИМЕРЛИ:
ГРОБНИЦА ЛЬВА

АЯЗОН:
ГРОБНИЦА СО ЛЬВАМИ

ТЯНА: фригийская инскрипция МИДАСА (см. [с. 56](#)).

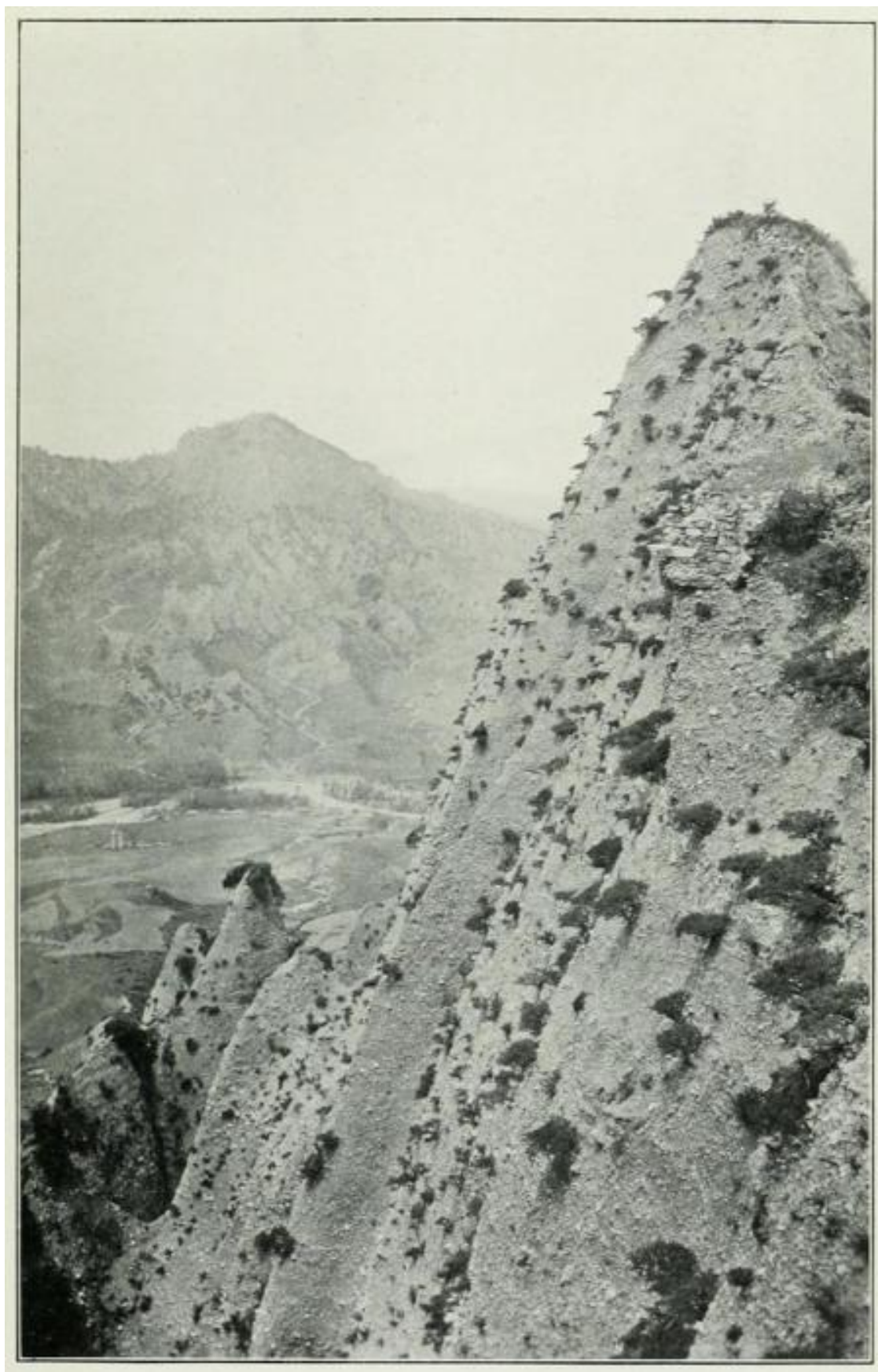
Хотя памятники и легенды в совокупности помогают нам воссоздать основу и каркас фригийской истории, существует очень мало достоверных данных, с помощью которых можно дополнить детали. Нет длинного списка царских имен, так как правителей, предположительно, звали поочередно Мидас и Гордий, а несколько других имен, сохранившихся в греческой традиции, являются просто легендарными. Только в эпоху Саргона[100], в конце VIII века до н. э., в ассирийских архивах обнаруживается несколько фактов. Тогда выясняется, что фригийская сфера влияния проникла далеко в юго-восточную Каппадокию и расширялась, пока ассирийские войска не бросили ей вызов в серии кампаний, начавшихся в 718 году до нашей эры. Но фригийца Мидаса было нелегко сдержать, и в следующем году он убедил Писириса из Кархемиша восстать против ассирийского господства, а несколько мелких государств Каппадокии, составлявших часть региона под названием Табал, последовали этому примеру, несомненно, из того же источника вдохновения. Мятежники были быстро наказаны, а одна из посланных против них экспедиций проникла, судя по всему, в Тиану, которая в это время была важным центром фригийцев[101] в ведении их войн. Однако в 709 году, после очередной экспедиции, отправленной против Мидаса из Киликии, фригийцы капитулировали, прислав послов и дань. Причина такой внезапной смены фронта также становится очевидной. Примерно в середине VIII века до н. э. появилась первая волна мощного движения народов из Южной Европы,[102] включая, по-видимому, киммерийцев и скифов, которые шли через Кавказ, сея ужас и опустошение по мере своего продвижения. Первой под удар попала ваническая держава Урарту в Южной Армении около 720 г. до н. э., а затем и границы Саргона, которому пришлось призвать все ресурсы своих армий, чтобы защитить свое царство. Отшатнувшись, они двинулись на запад через Малую Азию, встретившись около 710 года с другим таким же потоком[103], пересекшим Босфор; и объединенные варвары на полвека установили господство террора на севере Малой Азии. Подробности этой истории отсутствуют, насколько она непосредственно касается фригийцев в этот роковой период. Однако около 675 года царственный Мидас (предположительно внук *Muta*, который через своих послов умолял Ассирию о помощи), потерпев поражение со всех сторон, в отчаянии покончил с собой. Киммерийцы захватили его страну, и Фригийское царство отныне перестало существовать. Мы не следим за дальнейшими передвижениями этих орд, так как они не оставили никаких следов или следов работы на хеттских землях, которые они захватили, хотя они исчезли только к концу седьмого века. Однако их вторжения и сильные отклонения, которые они внесли в ход истории, вероятно, ответственны за окончательное исчезновение всех следов и памяти о хеттской державе в греческой истории.

Лидийское государство на западе, которое вело последнюю борьбу за цивилизацию с этими беспокойными и неутомимыми врагами, заслуживает нашего внимания благодаря тому, что некоторые его институты и древние обычаи отражают влияние хеттской цивилизации, от которой, возможно, они и были унаследованы.[104] В отличие от правителей и обычаев Фригии, ведущие элементы лидийского общества созревали на этой земле с глубокой древности. Традиция говорит о династии Гераклидов, которые правили с XII века в течение пятисот лет[105] и чей предок, Агрон,[106] происходил от самого Геракла. Еще до этой даты сохранилась память о царской семье Атиады, чье правление, если в этой памяти что-то есть, должно быть, восходит к временам прямого хеттского господства, когда были высечены боги-воины Кара-Бела и, возможно, богиня-мать Сипила.

Как бы то ни было, мы видим лидийцев уже организованным государством, даже когда фригийская держава была еще на пике своего расцвета, до того, как разразилась киммерийская буря. Как и у хеттов в прошлом, их конституция была отчасти конфедеративной или вассальной, управляемой наследственными вождями, хранящими

верность правящей власти в Сардах, а отчасти феодальной,^[107] вожди были обязаны военной службой и своими племенными силами царю, в то время как простой народ выступал в качестве крепостных. В этом обществе царь был одновременно главой жречества и главным военачальником вассальных вождей на войне.^[108] Эмблемой власти был двойной топор, который, по словам греков, был получен от самого Геракла.^[109] Среди массы легенд, которые характеризуют самые ранние попытки греческой истории, можно было бы проследить множество предположений о влиянии хеттской цивилизации; но отсутствие местных памятников (факт, несомненно, обусловленный физическими условиями), которые могли бы раскрыть нам доминирующие черты лидийского искусства, ограничивает нас в этом аспекте исследования. Во всяком случае, установлено одно обстоятельство: район Лидии не только входил в свое время в состав Хеттской империи,^[110] но и был пропитан многими чертами социальной организации, которые он перенес из старого мира в новый. Поскольку наш основной поиск основан на памятниках хеттских земель, мы не можем останавливаться на историях лидийских царей, их отчаянной борьбе с киммерийцами после падения Фригии, а также на их войне с мидянами, с которыми после падения Ниневии в 607 году до н. э. они в конечном итоге разделили Малую Азию, установив между ними границу по реке Халис. Имена двух царей достойны упоминания как исторические вехи; один - Гигес, первый из династии Мермнадов в середине седьмого века до н.э., современник ассирийца Ассурбанипала и фараона Египта Псамтека, с обоими из которых он поддерживал дипломатические отношения. Другой - Крёйс, последний и величайший из них, который, установив свою власть на востоке до Халиса, обратил внимание на богатые греческие города, возникшие на западе.

ПЛАТА XXVI

ВИД НА САРДИС, ДРЕВНЮЮ СТОЛИЦУ ЛИДИИ

Долина Пактолуса, притока Гермуса, который, поднимаясь на гору Тмолус, протекал мимо храма Кибелы в Сардах.

Эти колонии, основанные в избранных местах побережья за несколько столетий до этого, во многих случаях уже прошли свой зенит. Такие города, как Смирна, Эфес и Колофон, находились в гордом расцвете перед падением Фригии и возвышением Лидии. Насколько древними они были по своему происхождению, определить невозможно, но они получили и сохранили в исторические времена отпечаток хеттской цивилизации, настолько, что г-н Хогарт, пишущий об Ионии, заключает, что "на этом побережье долгое время господствовала внутренняя, континентальная власть каппадокийских хатти, которые навязали свою собственную отдельную цивилизацию и признавали эгейскую культуру лишь как слабое влияние, проникающее по торговым путям". Богиня фригийских гор стала в Смирне Сипиленской матерью, а в Эфесе Артемиде Многогрудой поклонялись с обрядами скорее восточными, чем греческими"[111]. Недавно также сэр Сесил Смит, обсуждая некоторые статуэтки из слоновой кости, найденные г-ном Хогартом в фундаменте храма Артемиды, указал на дальнейшие аналогии со старым культом богини, выявленные в скульптурах Богаз-Кеуи.[112] Как бы то ни было, факт, что хеттские армии четырнадцатого или тринадцатого века до н.э. проникли на побережье в Смирну. [113] Теперь эти прекрасные города Ионии один за другим пали перед Крёзом, который, казалось, мог основать империю даже на островах, как вдруг с Востока появился Кир Персидский, объединивший по пути все разрозненные части старой Ассирийской и Вавилонской империй. Кир немедленно выступил в поход, чтобы противостоять его натиску, и в качестве предварительного шага переправился через Халис и "опустошил земли "сирийцев", взял город птериков и поработил его жителей. Он также занял все прилегающие места и изгнал население, которое не давало ему повода для упреков"[114]. Возможно, в этих действиях, показавшихся историку бесцеремонными, мы видим попытку Крёза задержать или предотвратить проход персидской армии, которая, естественно, пошла бы по старой царской дороге, предпочитая неосвоенный путь через пустыню. Как бы то ни было, усилия оказались тщетными: около 546 года до н. э. лидийская столица и ее царь попали в руки Кира.

Старые хеттские царства воссоединились под властью персов и более двухсот лет продолжали участвовать в общей истории империи Великого Царя. Для целей управления Малая Азия была разделена на провинции, управляемые сатрапами, из которых старое царство Лидия составляло одну, а области Кония, Ангора, Птерия и Сивас были включены в другую, самую большую из всех, которая простиралась от Лидии до Армении и включала все плоскогорье от Тавра на север до моря. Урочище Киликия с частью провинции Алеппо составляло еще одно, а бывшие хеттские государства на севере Сирии были сгруппированы подобным образом. Но власть великого царя, правившего в Сузах, над своими отдаленными провинциями была слаба, и дух персидской цивилизации не проник, да и не мог проникнуть в эти исторические земли. Не сохранилось ни одного памятника, рассказывающего об этом этапе, в течение которого старые местные институты сохранялись и даже безудержно развивались. Греческие города на побережье сохранили свой греческий облик под управлением греческих губернаторов, а племена внутренних районов восстановили власть своих местных князей или жрецов-династов в условиях безопасности и свободы, которых они не знали на протяжении многих поколений. Все, что требовала центральная власть, - это дань и спокойствие. Местная вражда между сатрапами могла тлеть, а симптомы восстания то тут, то там оставались почти незамеченными, пока эти условия выполнялись. В этих условиях западные народы постепенно обретали дух независимости, а из-за моря греческие государства даже стремились к империи. Поход десяти тысяч в 402 году под командованием Кира Младшего, прославленный Ксенофонтom в его *"Анабасисе"*, показал, насколько слабой была организация и слабым контроль центрального правительства. Это также открыло южный путь через Мейандр, Ильгин и Иконию к Киликийским воротам, вместо более

длинной царской дороги через Богаз-Кеуи, по которой до сих пор посылы из Суз шли на запад в Сарды.

В 334 году до н. э. Александр Македонский пересек Геллеспонт и в течение года, благодаря своей энергии и умению пользоваться новой машиной, доставшейся ему в наследство, завоевал западную часть Малой Азии вплоть до Халиса, а перешел на другую сторону, оставив ее своей собственностью. Эта дата знаменует собой событие, более судьбоносное для Малой Азии, чем завоевание Кира. Хотя никакие памятники не проливают свет на историю последующих двух столетий, теперь была заложена система управления, которая в свое время должна была привести к эллинизации внутренних районов. Были основаны города с греческими названиями, а греческая речь постепенно стала официальным языком благодаря грекоязычным князьям и губернаторам. Изменения происходили очень медленно, но в итоге, как мы увидим, они оказались глубокими. Сначала государства сохраняли свои старые обычаи и родные диалекты без ощутимых различий, за исключением энергичности нового правительства, но в течение двух или трех столетий греческий язык и греческая культура, даже в некоторой степени греческая мысль и религиозные идеи, широко проникли среди высшего класса туземцев внутренних районов.

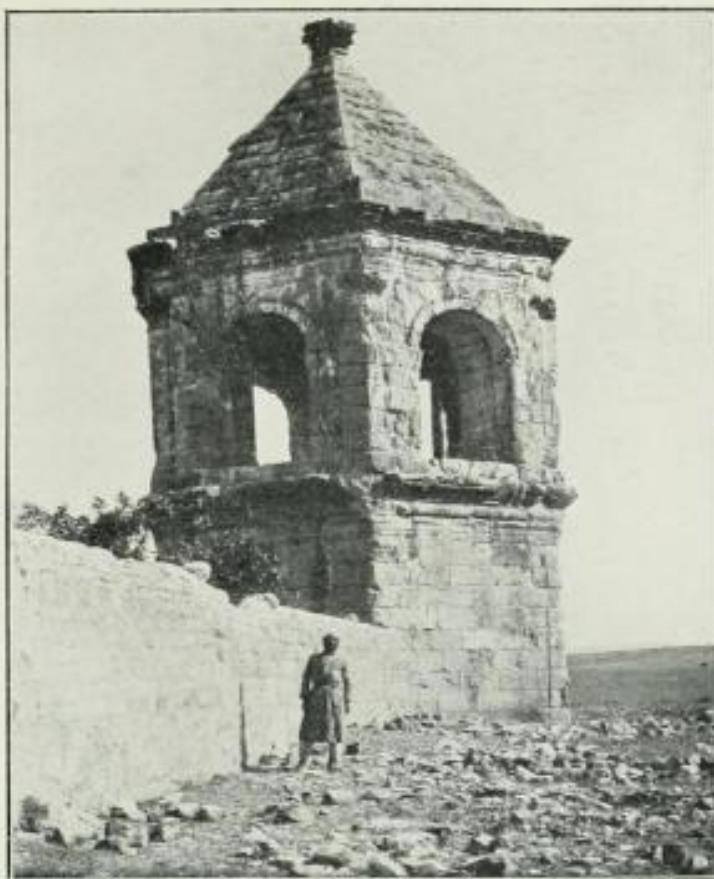
Борьба преемников Александра, унаследовавших от него империю, является предметом общей истории. Селевкиды воссоединили, хотя и тщетно, бывшие хеттские области на севере Сирии и Киликии и на некоторое время завоевали господство в Малой Азии, пока не были разбиты в 191 году до н. э. и отброшены за Тавр, где еще в течение столетия сохраняли сферу влияния. Но больший интерес для нас представляет сохранение местной власти в Каппадокии под властью династии Ариархов, которая выдвинулась на первый план в последнее столетие персидского господства. Это государство, сначала с помощью непрекращающихся войн, а затем посредством дани Селевкидам, фактически поддерживало форму местной независимости, которая сохранилась вплоть до римской оккупации и после нее. Другим государством, сохранившим свободу и местных князей на протяжении всего этого времени, была Вифиния, расположенная в урочище напротив Константинополя, , но этот регион выходит за рамки нашего повествования.

ПЛАТА XXVII

КИЛИКИЯ: РОМАНСКИЕ АКВЕДУКТЫ НА ВОСТОЧНОЙ ПЛАНИНЕ (См. с. 70.)

Римляне долго медлили с поражением Селевкидов при Магнезии, когда открылся путь к аннексии Малой Азии, за что ее жители, раздираемые внутренними войнами, были бы даже благодарны. Но только в конце II века до н. э. запад был объединен в римскую провинцию. Даже тогда восток оставался под непосредственным управлением местных князей, которым римский сенат вверял свои границы. В начале I века до н. э. недовольство Митридата, царя Понтийского государства, граничащего с Черным морем, и его попытки завоевать для себя царство в Каппадокии и Вифинии были одним из последних слабых следов прежней власти и вызвали более серьезные усилия со стороны Рима. Киликийские пираты, которые с их базы под южными склонами Тавра стали ведущей морской державой, также были подавлены, и в течение последующего столетия вся страна до Евфрата была постепенно поставлена под прямой контроль, и была установлена провинциальная система. Провинция *Киликия* была основана в 103 г. до н. э. и после нескольких последовательных модификаций, во время которых западный округ, Киликия Трахея, продолжал управляться жрецами-династами из Ольбы, была объединена с Ликаонией под властью консульского легата около 137 г. н. э. Вифиния-Понтия. *Вифиния-Понт*, место недавних восстаний, перешла под власть Рима по воле последнего царя в 74 г. до н. э., а двойная провинция была передана под управление проконсула-правителя в 27 г. до н. э. *Галатия* была образована в 25 г. до н. э., а *Понт* был присоединен к ней в 63 г. н. э. Наконец, захват *Каппадокии*, датируемый 17 г. н. э., завершил разделение административных округов; шестая провинция *Азия* на западе была основана раньше всех, как мы уже отмечали, в 133 г. до н. э.

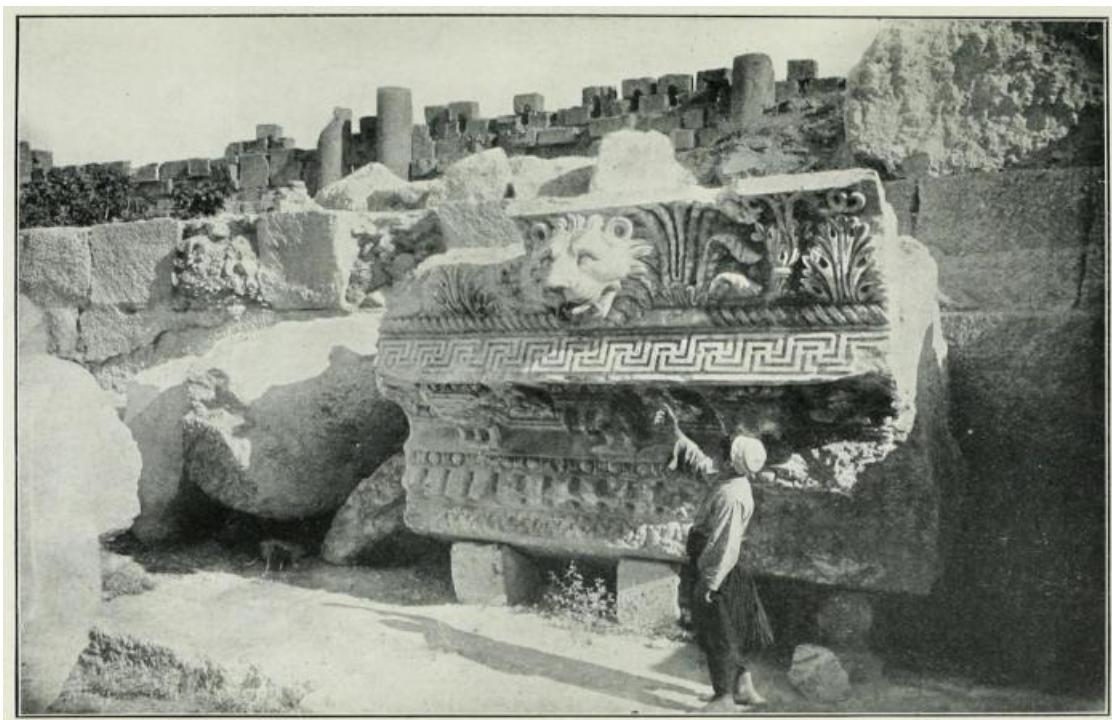

КИРХУС: РОМАНСКАЯ гробница и разрушенный мост (см. [с. 71.](#))

Римская система организации сначала видоизменила, а затем и разрушила старые племенные общины. Некоторое время сохранялись многие институты старого мира, в

частности жрецы-династы Команы, Ольбы и Венаса; но постепенно исконная общинная храмово-окружная организация общества уступила место греческой политической системе, семена которой были посеяны за два-три века до этого, а теперь пустили корни. В этой системе город стал административным центром, а деревни вокруг - его филиалами. Греческий язык становился все более и более языком народа.^[115] Официальные отчеты о военных работах, веи и императорские памятники написаны на латыни, но надписи на старых кладбищах высечены греческими буквами. Мы не можем подробно останавливаться на истории этих времен, на реорганизации при Диоклетиане в конце III века, ознаменовавшей начало византийского периода, на распространении христианства с его огромными социальными изменениями. Тем не менее, мы приводим несколько иллюстраций римских сооружений, которые в изобилии встречаются по всей длине и ширине хеттских земель, от Малатии до Иконии и далее, от Тарса до побережья Черного моря. Великие акведуки, такие как акведуки в Тиане^[116] и те, что протянулись на многие мили по Киликийской равнине^[117], свидетельствуют о широкой схеме развития, которая была создана в рамках новой упорядоченной системы управления. Великие города как в Сирии, так и в Малой Азии были результатом этих времен. Многие из них были основаны в местах, которые до сих пор остаются центрами управления; некоторые же утратили свое значение и постепенно разрушаются в тишине и запустении. Останки Кирруса на реке Африн,^[118] место, которое сейчас отмечено лишь небольшой деревней Хуру-Пегамбер на некотором расстоянии, являются одним из замечательных памятников древности. Импосты падают с их пилястр, ключи к аркам расшатываются, но он сохраняет свои тихие улицы с впечатляющими каменными зданиями, арки и колоннады, амфитеатр, как будто его жители покинули его едва ли поколение назад. Среди руин до сих пор можно найти многочисленные греческие надписи,^[119] а чуть южнее Акрополя несколько мраморных саркофагов с греческими именами указывают на место, где в старину хоронили людей. На крайнем юге этого места, где его святость до сих пор поддерживается современной магометанской святыней и колодцем, стоит прекрасная гробница^[120] в римском стиле второго века н. э. Мы приводим ее фотографию, которая является одним из наиболее хорошо сохранившихся примеров такого рода. Другие наши фотографии^[121], сделанные в Эфесе и Баальбеке,^[122] на двух концах хеттских земель, в достаточной степени иллюстрируют искусство и цивилизацию своего времени и места.

Само процветание страны во время римской оккупации было одной из причин ее опасности, представляя ее как манящий приз для сил, постепенно возникающих вдоль ее границ. Крайняя централизация византийской системы ослабила, если не уничтожила полностью, силу местного сопротивления и управления. Пока центральное правительство оставалось сильным, все было хорошо, но опасность системы проявилась в том, с какой легкостью арабские войска в 668 году прошли по стране из конца в конец, остановившись лишь перед стенами Константинополя. Однако власть сарацин не была прочной, а римская система обладала огромной скрытой жизненной силой, которая в конце концов оказалась равной чрезвычайной ситуации, так что в ходе серии кампаний, продолжавшихся с 920 по 965 год, сарадины были отброшены от одного пункта к другому, пока сначала не был отвоеван Тарс, а затем Антиохия, которая более трехсот лет находилась в их владении.

БААЛЬБЕК: СКУЛЬПТУРА И РУИНЫ ХРАМОВ РИМСКОГО ПЕРИОДА

Турки-сельджуки, появившиеся следом, были более грозным и стойким врагом. Будучи в свое время слугами арабских султанов, они теперь стали их хозяевами, и в 1067 году они вошли в Малую Азию, завоевав Киликию и Каппадокию. Четыре года спустя сам император Роман Диоген оказался в их плену, а к 1081 году весь центр и восток столичного региона был признан их владениями. Взяв на вооружение политику депопуляции и опустошения, в результате которой вся Фригия была предана забвению, турки быстро создали почти непроходимую границу между собой и Византийской державой, которая все еще удерживала власть на Западе. Несмотря на спазматические попытки старых правителей восстановить свое господство, страна постепенно погружалась в восточный мир, а с приходом к власти турок-османов в 1289 году империя Запада быстро распалась. Во времена правления Сельджуков в Малой Азии появился новый аспект декоративного искусства и архитектуры - этап, которым многие пренебрегают, но который, как отмечает профессор Рамсей, заслуживает специального изучения. Под некоторыми из их линий возникла блестящая серия памятников, среди которых особенно примечательны ханы^[124] или придорожные дома отдыха, способствовавшие также общественной безопасности и умиротворению. Помимо них, другие общественные работы, такие как мосты и укрепления, а также мечети и колледжи с монастырями и скульптурами, свидетельствуют об одной из самых ярких фаз мусульманского искусства. Некоторые из прекрасных памятников, представленных на наших иллюстрациях, такие как скульптурный портал старой школы (или *Мидресех*) в Нигдехе и "гробница Гаванды" в том же месте,^[125] с ее тонкой резьбой и дизайном, относятся к лучшим фазам этого памятного периода.

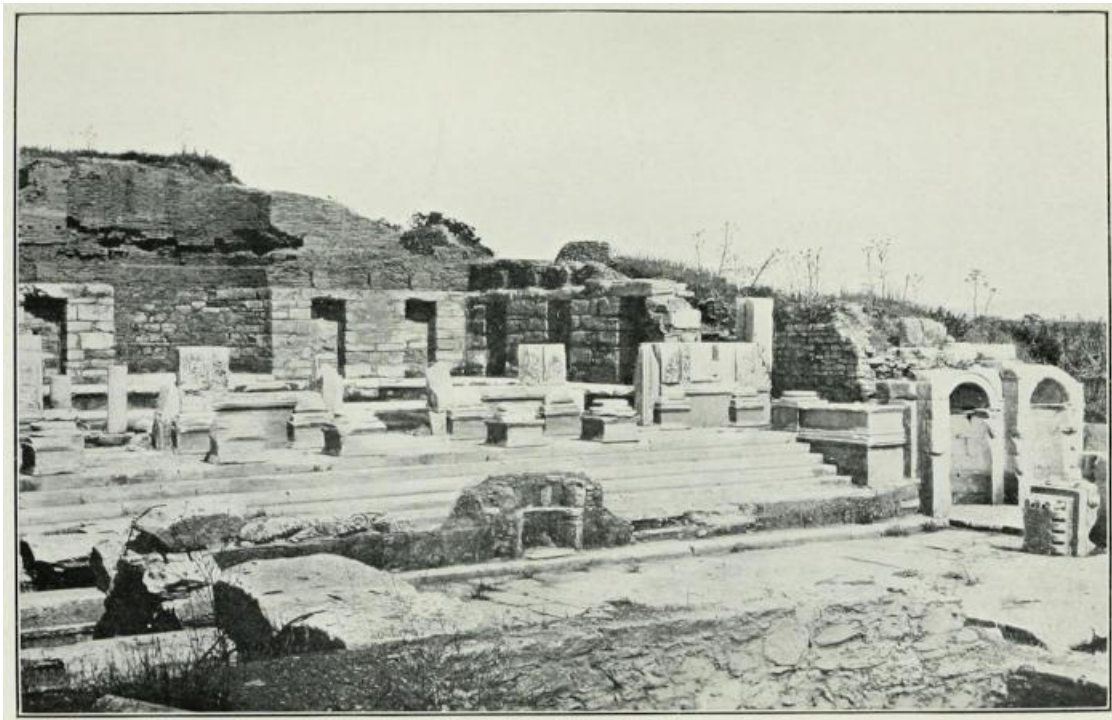
С воцарением Сельджуков старый мир стремительно исчезает из виду. Ни одно завоевание за всю историю хеттских земель не было таким основательным и таким прочным. Если раньше мы видели, как старые институты выживали в условиях новой системы, выросшей вокруг них, то теперь новый язык и новые формы правления, с новыми административными округами, были навязаны завоевателями, а опустошение на ранних этапах завоевания, сопровождавшееся неоднократными вторжениями кочевых народов, глубоко изменило расовый состав населения. Вместе с ними родилась современная Турция в Азии.

III ПАМЯТНИКИ ХЕТТОВ

Предварительно: Хронология-Классификация-Диспозиция

Имея перед глазами этот очерк основных исторических этапов Малой Азии, мы переходим от остатков средневековой и классической древности к рассмотрению тех более древних памятников, которые свидетельствуют о творчестве хеттов. Несмотря на прогресс исторических исследований, они остаются самой надежной основой для изучения нашего предмета, давая нам представление о хеттской цивилизации, которое становится более ценным и более понятным благодаря свету, брошенному на хеттскую хронологию недавними раскопками. Их природа и внутренние детали являются материальным свидетельством хеттского искусства, которое, в отсутствие внутренних литературных документов, никакие другие источники не могут удовлетворительно предоставить; в то время как их расположение определяет для нас хеттские земли более надежным и более существенным образом, чем теории, основанные на смутных и трудных ссылках в восточной истории. Разумное рассмотрение окружения этих памятников также может помочь нам оценить кое-что из того, что труднее всего осознать, но что имеет огромное значение, а именно обстоятельства жизни тех, чьими руками они были созданы[126].

ПЛАТА XXX

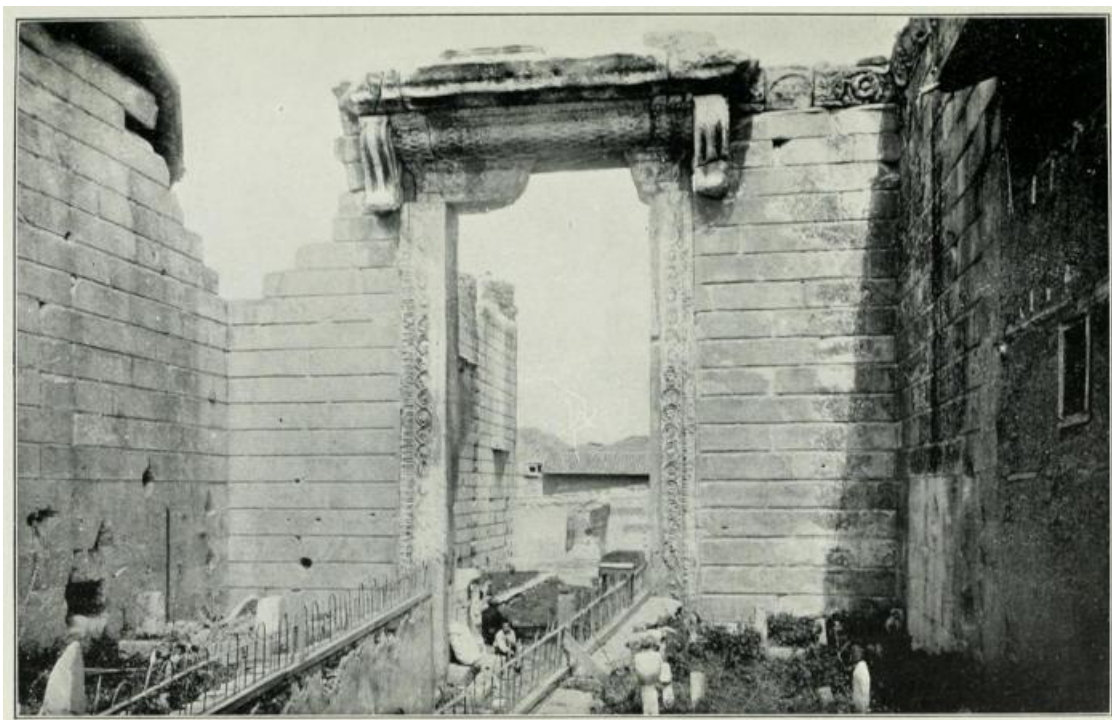
ЭФЕС: ОСТАТКИ "ЛИБРАРИИ ЦЕЛСУСА", НЕДАВНО ОТКРЫТЫЕ (См. с. 71.)

Повинуясь общепринятому принципу психологии, мы следуем в развитии нашего исследования последовательности доказательств, с помощью которых этот предмет был установлен в течение жизни последнего поколения. Отложив на время подробное описание обнесенных стенами городов и групп скульптур, которые были местом недавних

исследований, мы рассмотрим в первую очередь те памятники, которые встречаются изолированно и разбросаны по регионам, указанным во вступительной главе. Если при этом нам удастся руководствоваться светом современных открытий, мы можем надеяться избежать некоторых трудностей, которые стояли на пути этих первопроходцев, чья работа представила нам этот новый материал. Наш метод исследования, как и их, должен быть сравнительным; но мы будем довольствоваться тем, что почти полностью ограничимся памятниками, идентифицированными как хеттские по наличию особых иероглифических знаков или надписей, вырезанных на них. Именно на основе этих доказательств профессор А. Х. Сейс тридцать лет назад смог установить связь необъяснимых надписей Хамата со скульптурами Кара-Бела на крайнем западе Малой Азии, а затем сделать свой блестящий вывод о забытой империи[127].

Мы используем тест хеттских иероглифов не только потому, что он стал таким образом основополагающим для нашей темы, но и потому, что теперь уже нет сомнений в том, имеют ли эти особые знаки хеттское происхождение или нет. Раньше, возможно, оставалось место для разумной критики, пока этот вывод основывался только на том факте, что эти символы были найдены в основном на необъяснимых памятниках из Хамата и соседних мест в Северной Сирии, связанных в истории с хеттами. Но теперь все большее накопление такого рода косвенных доказательств увенчалось открытием того, что главное местонахождение таких памятников в Малой Азии, а именно Богаз-Кеуи, в течение двух столетий было столицей хеттов, чье имя (Хатти) свободно встречается в литературных документах, найденных[128] там в ходе недавних раскопок. Будучи защищенным от фундаментальных ошибок, сравнение хеттских памятников, идентифицированных на этой основе, легко выявляет особенности искусства, которые можно рассматривать как типичные, так что мы можем с полным основанием включить в нашу категорию другие памятники подобного рода, которым не хватает только конечного критерия, который мы поставили перед собой. Однако в рамках данного тома мы не хотим и не должны приводить аргументы по аналогии, поскольку нас предостерегают от ловушек такого метода некоторые общие соображения, и особенно заметное сохранение хеттского влияния в местных скульптурах, например во Фригии[129] и западной Ликаонии[130].

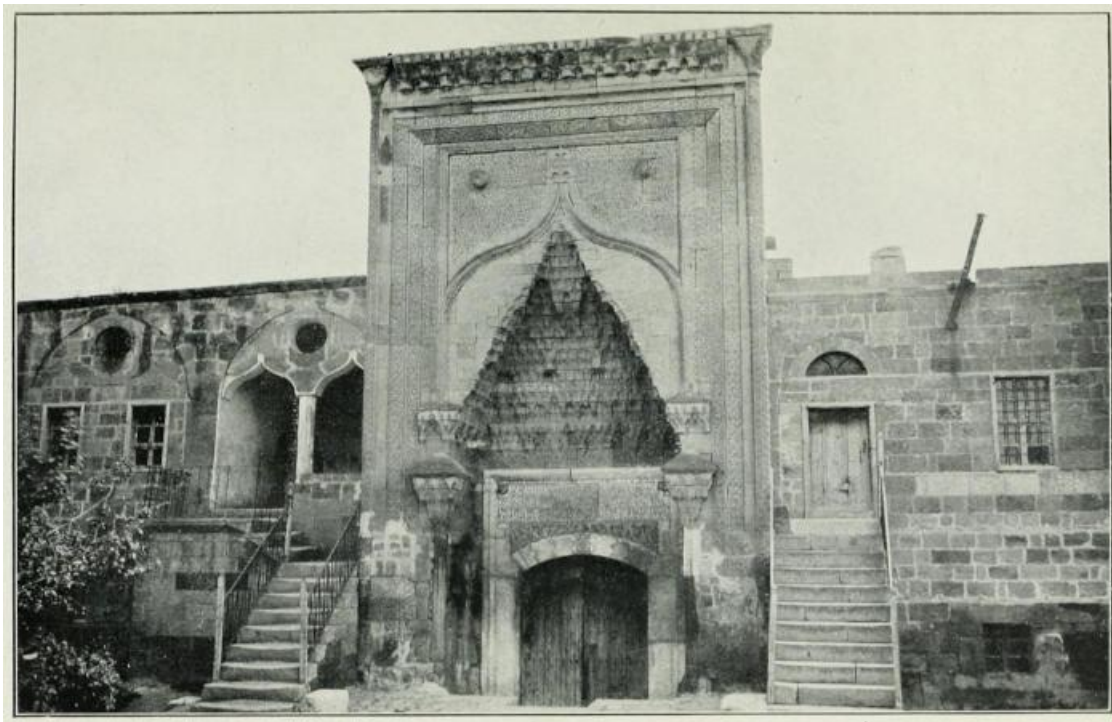
Однако, хотя мы продолжаем использовать старые материалы, теперь они предстают перед нами в более ясном свете. Как прошло время, когда слово "хеттский" нужно было писать в перевернутых запятых, или определять с помощью прилагательного "так называемый", так и теперь мы больше не довольствуемся тем, что рассматриваем более древние памятники внутренних районов в целом как доэллинистические, а тем более доисторические, без различия периода или местности. Одних только упоминаний о хеттах в вавилонской, египетской и ассирийской истории, правда, недостаточно для создания исторической основы для этой фазы нашего исследования, хотя они и дают нам диапазон дат, охватывающий в целом все второе тысячелетие вплоть до восьмого века до нашей эры,[131] но теперь эти аллюзии дополняются и в значительной степени становятся понятными благодаря свидетельствам хеттских архивов, недавно обнаруженных в Богаз-Кеуи, которые устанавливают хронологические отношения с тринадцатым и четырнадцатым веками до н. э., [132] вместе с рядом современных хеттских работ. Эта дата теперь становится основой для всех исследований, приводя в соответствие несколько моментов, которые ранее были проблематичными и вызвали много споров, так же как и внутренние свидетельства этих архивов бросают новый поток света на расположение и конституцию хеттов в тот самый период, когда они наиболее ярко проявились на страницах египетской истории.

АНГОРА: ОСТАТКИ ХРАМА РОМА И АВГУРА

Другие исследования способствовали расширению этой основы. Недавние раскопки в Сакдже-Геузи^[133] установили факт, ранее вызывавший сомнения, что поселения хеттских народов возникли там, во всяком случае, за много веков, возможно, за несколько тысяч лет до эпохи, отмеченной наступающим и в конечном счете подавляющим приливом ассирийского влияния в начале первого тысячелетия до нашей эры. О связи поздней фазы местного искусства с ассирийской хронологией говорят результаты раскопок на большом кургане в Синджерли, расположенном примерно в одном дне пути по той же долине на юг.^[134] Здесь некоторые дворцовые здания и скульптуры, некоторые из которых выдают ассирийское влияние, могут быть датированы с помощью раскопанных памятников с надписями восьмым веком до нашей эры, когда это княжество стало подданным Тиглата Пилесера III. Правление Эсархаддона, завоевателя Египта, положило конец даже этой номинальной независимости около 680 г. до н.э.

ПЛАТА XXXII

НИГДЕХ: ПОРТАЛ ИЛИ "БЕЛЫЙ МИДРЕССЕХ

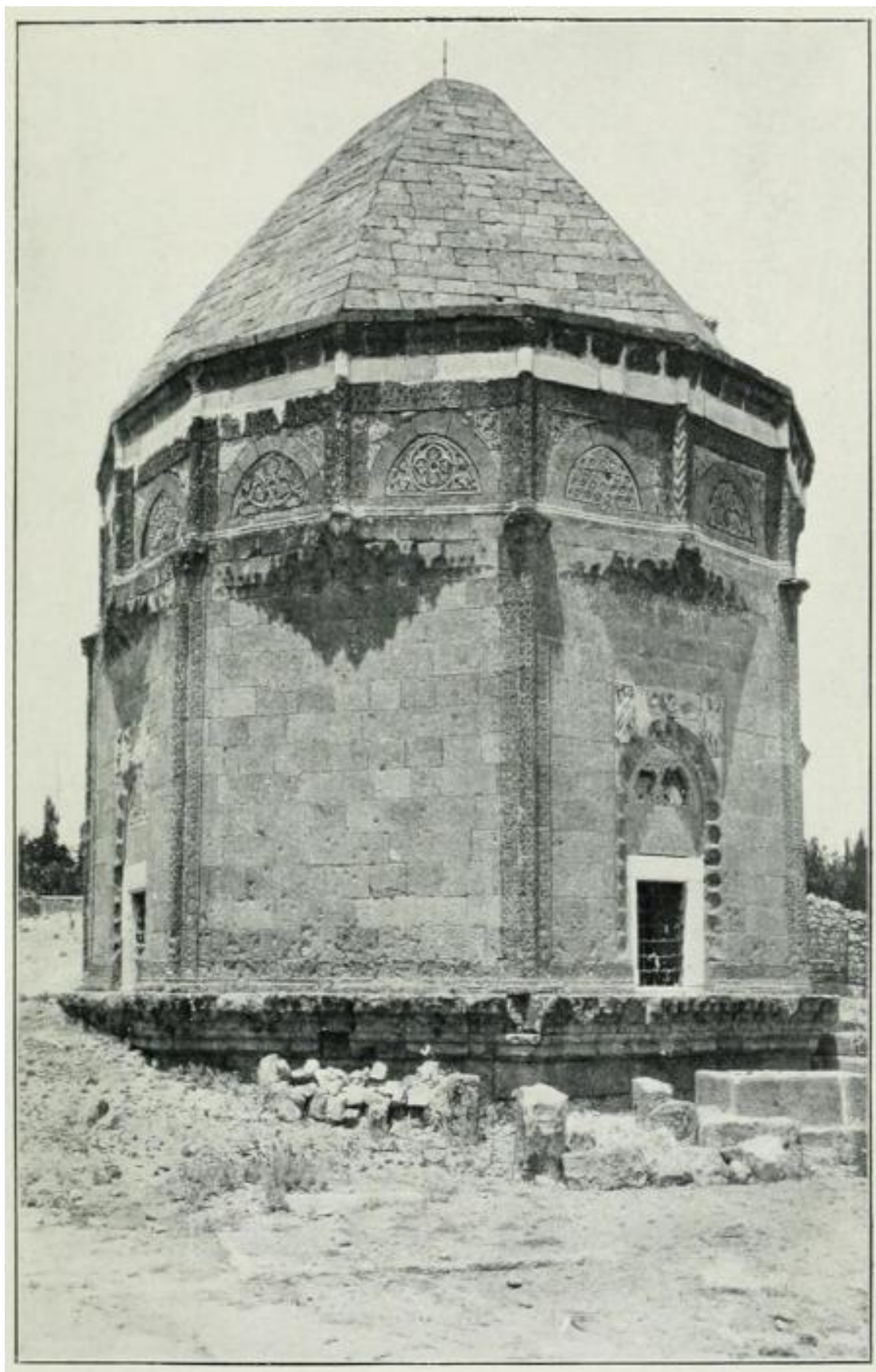
Построен Ала-эд-дином Великим, *около 1223 г. н. э.* Ранний пример сельджукского искусства. (См. [с. 73.](#))

К этим открытиям, сделанным лопатой, следует добавить различные вклады пера, которые, вместе со старыми материалами, делают возможным изучение хеттских останков на исторической, а не чисто археологической основе. Мы действительно можем сделать некоторые общие выводы из результатов этих исследований, но будет разумно постоянно держать в поле зрения географические условия и никогда не предполагать сопутствующего развития среди различных ветвей хеттских народов, чьи земли были физически так разобщены. Факты, касающиеся одного государства на севере Сирии, могут быть с определенной уверенностью применены к его соседям; но они не могут быть применимы за Тавром. Никакие опубликованные отчеты не позволяют нам проверить древность хеттских поселений на столовой поверхности Малой Азии, и сомнительно, что даже необходимые зондирования были сделаны. Для среднего периода, однако, трудности меньше, поскольку история показывает, что влияние Хатти, управляемых из Богаз-Кеуи, должно было преобладать на севере Сирии, и поэтому можно предположить одновременность развития. Но когда мы подходим к более низкой границе датировки, та же самая трудность (возможность независимого развития) открывается вновь, поскольку, в отсутствие положительных материальных доказательств обратного, ассирийское оружие, похожее, никогда не проходило через Халис, даже когда ассирийское влияние было доминирующим в Сирии. С другой стороны, как мы видели в предыдущих главах, мы должны принимать во внимание возможное влияние новых цивилизаций, таких как фригийская, которая тем временем развивалась на столичных землях. Во всяком случае, ясно одно: ни один из хеттских памятников Малой Азии не может быть более поздним, чем период фригийского господства в VIII веке до н. э. [\[135\]](#), так что в итоге напрашивается общая параллель с конечными датами, приводимыми из ассирийской истории.

Рассмотрев теперь в общих чертах метод и новую хронологическую основу нашего исследования, мы переходим к рассказу о тех отдельных памятниках, которые иллюстрируют

нам разнообразие хеттского искусства и широкий диапазон его влияния. Наиболее поразительными из них, пожалуй, являются те, что высечены на живом камне, которые могут принимать форму одиночных фигур, одни гигантские, другие меньше, чем в натуральную величину, или групп, представляющих божества и их служителей, сопровождаемых в каждом случае хеттскими иероглифами, или длинных надписей без каких-либо скульптур, чтобы дать представление об их смысле.^[136] Из подвижных памятников только один найден явно *in situ*,^[137] и он, исходя из его положения и природы, может быть принят за межевой камень, как и некоторые из наскальных надписей. Однако есть и другие, имеющие такой вес^[138] или особый характер^[139], что их можно считать установленными неподалеку от мест, где они были найдены. *Происхождение* памятников, найденных на древних местах или поблизости от них, также является надежным доказательством.^[140] Скульптуры редко выполняются в круглом виде, за исключением архитектурных целей,^[141] хотя в одном или двух случаях были найдены фрагменты статуй.^[142] Рельефов, однако, много, в основном они изображают мифологических существ или людей; в то время как отдельный класс, который представляет церемониальный праздник или общение, кажется, включает некоторые образцы погребального характера. ^{143]} Среди памятников с надписями наиболее интересны те стелы, которые показывают человеческую фигуру, сопровождаемую, как кажется, формальной биографией добрых дел. ^{144]}

ПЛАТА XXXIII

НИГДЕХ: ГРОБНИЦА ПЕРИОДА СЕЛЬДЖУК

Традиционно гробница Хаванды, жены Ала-эд-дина, но датируется 1344 г. н. э. Обратите внимание на дизайн, ажур и сталактитовый орнамент. (См. [с. 73.](#))

К сожалению, значительная часть найденных на сайте каменных блоков с надписями несовершенна, так что от самих надписей мало что можно ожидать. Есть также несколько небольших объектов, настолько портативных и происходящих из столь исключительных регионов, что их нельзя использовать в качестве топографических свидетельств. Наконец, естественно, существует ряд памятников, имитирующих хеттскую работу, которые мы не решаемся включать в список без дополнительных доказательств. На данном этапе будет полезно привести классифицированный список мест, где были найдены основные хеттские памятники.^[145] Города и дворцы включены, хотя и не рассматриваются в этой главе; далее, классификации, основанные на предположениях или сомнительные в любом случае, обозначены квадратными скобками, а звездочка означает, что хеттское происхождение памятника, к которому она относится, является проблематичным и неподтвержденным. Другие особенности указаны в сносках.

Обнесенные стеной города - Богаз-Кеуи, Эюк, Сакдже-Геузи, Синджерли. [Ильгин (Колитоглу Яйла), Джераблус (Кархемиш), Мараш].

Дворцы.-Богаз-Кеуи, Эюк, Сакдже-Геузи, Синджерли.^[146] [Малатия, Мараш.^[147]]

Крепости.- Богаз-Кеуи (Сары-Калех, Енидже-Калех), Гяур-Калеси, Карабурна, Кизил-Даг.

Наскальные рисунки.- Скульптуры с надписями - Богаз-Кеуи (Ясилы-Кая), Фрактин, Ивриз, Кара-Бель (гора Тмолус), Кизил-Даг, гора Сипилус, Ташджи. *Только скульптура - Гяур-Калеси.*^[148] *Только надписи - Асарджик*, Богаз-Кеуи (Нишан-Таш), Булгар-Мадан, Гурун, Кара-Даг (Махалич).

Камни in situ.- Скульптура с надписями - Куру-Бел. *Только надписи - Богче.*

Движущиеся камни.- *Круглые скульптуры-Богаз-Кеуи,*^[149] Дерендех^[150] (и в Арслан Таш),^[150] Эюк,^[150] Эски-Япан,^[150] Куртс-оглу,^[151] Куру-Бел,^[152] Мараш,^[151] Ямула.^[149] *Рельефы; фреска-Айнтаб*, Богаз-Кеуи, Доганлу, Малатия, Мараш. [Ангора (Калаба, Яланджак, Амаксиз Кеуи)]. *Рельефы, изображающие церемониальный праздник - Кара-буршлу*, Малатия, Мараш, Сакдже-Геузи, Синджерли,^[153] Ярре. *Надписи, сопровождающие человеческую фигуру - Андавал*, Бор, Джераблус^[154] (Кархемиш), Келлекли, Мараш,^[153] Самсат, Телль-Ахмар. *Только надписи - Алеппо*, Александретта,^[155] Альбистан (Кирчук Япалак), Бей-Кеуи, Экрек,^[154] Эмир-Гази,^[151] Хамат, Ильгин (Колитоглу Яйла), Изгин,^[156] Джераблус, Карабурна, Нигдех,^[151] Ристан, Суаса.

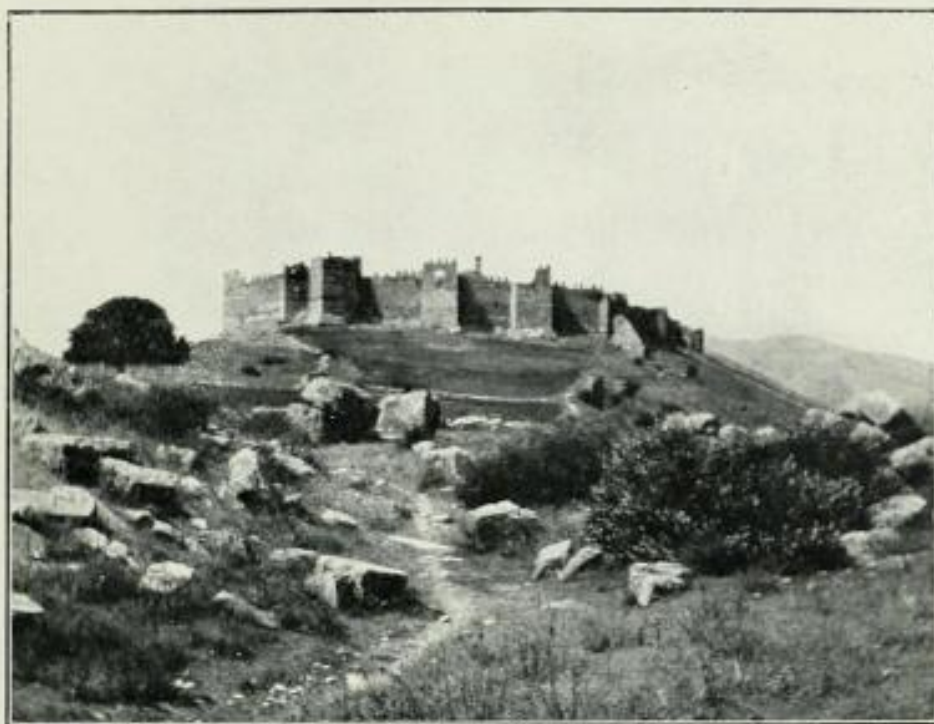
Исключительные районы.- Вавилон, Эрзерум (Каза Пассинлер),^[157] Кедабег,^[154] Топрах Калех.

Проблемные памятники: Эфлатун-Бунар, Фасилер, Гергер.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении этого списка, - это то, что все эти памятники каменные. Возможно, мы могли бы включить, с соответствующей осторожностью, некоторое количество небольших предметов из бронзы или керамики, в основном в форме животных, а также ряд своеобразных керамических типов, включая расписные вазы и неолитическую керамику, украшенную примитивным образом насечками. Но, за исключением последних случаев,^[158] они не продвигают основную тему нашего исследования; поскольку, хотя их идентификация с хеттами является в основном вопросом общего умозаключения, их происхождение почти всегда сомнительно. То же самое, к сожалению, можно сказать и об определенно хеттских печатях и родственных предметах, среди которых есть несколько

превосходных образцов,[159] сделанных из серебра,[160] камня,[161] или слоновой кости.[162] Хотя все они достойны самого пристального изучения с точки зрения хеттского искусства и *мотивов*, почти все они были найдены в руках крестьян, которые не хотели сообщать точное место их обнаружения, или у торговцев, которые не знали.

ПЛАТА XXXIV

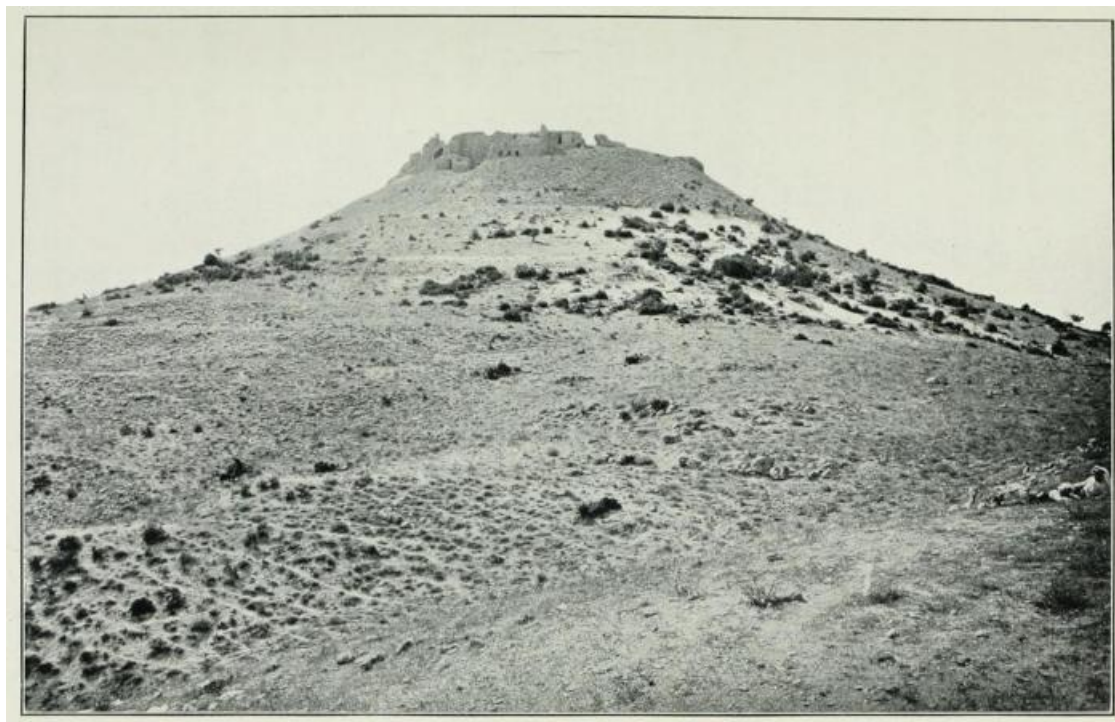

ЭФЕС: СРЕДНЕВЕКОВАЯ КРЕПОСТЬ С ОСТАТКАМИ СЕЛЬДЖУКА В АЯСОЛУКЕ
КОНИЯ: ЗАЗАДОН ХАН, СЕЛЬДЖЮКСКОЙ РАБОТЫ И СТИЛЯ (см. [с. 73](#)).

Таким образом, чтобы определить нашу хеттскую землю по расположению памятников, мы в основном опираемся на каменные работы, первоначальное положение которых известно или может быть предположено. Несомненно, когда-то поверхность земли была покрыта другими признаками, руинами деревень и домов там, где сейчас растет трава на неразличимых курганах; и, несомненно, многие открытые памятники до сих пор ускользали от научного учета. Поэтому наш аргумент, основанный на расположении памятников, должен быть осторожным; он, конечно, положительный, насколько мы располагаем доказательствами, но не следует настаивать на отрицательном варианте. Долговечность камня сохранила эти памятники до нас, но тем самым не доказываем, что хетты отдавали предпочтение исключительно этому материалу. К тому же, будучи каменными, они наиболее многочисленны в каменистых районах и редко встречаются на травянистых равнинах. Мы не можем ожидать, например, на широких пастбищах Иконии чего-то аналогичного скульптурам, найденным в скалистом Тавре, где была возможность всепоглощающего, которого в первом случае не было. Хорошо сказано, что "если бы плато везде имело одинаковый характер, не было бы нужды искать на его поверхности памятники прошлого. Охотники и лесорубы не строят городов, и искусства им неизвестны"[163] Следовательно, обнаруживая концентрацию хеттских стоянок в холмистых районах карты, не следует придавать этому факту непропорционально большое значение, хотя существуют независимые доказательства, склоняющие к выводу, что некоторые ветви хеттских народов, особенно малоазийские, были горного происхождения[164].

Учитывая эти соображения, изучение расположения этих хеттских мест на карте[165] может многому нас научить, несмотря на наши самоограничения. Наша южная граница доходит до Хамата на Оронте. На востоке нашей границей является Евфрат, протекающий мимо Малатии, Самсаты и Иераблуса. На западе памятники следуют по внутреннему краю Тавра до Кара-Дага, и нет ни одного объекта под южным склоном этих гор. На севере мы не имеем четкой границы. Эюк и Богаз-Кеуи находятся в середине круга Халиса, причем нет мест ближе, чем те, что лежат в долине этой реки. За рекой одна линия памятников, включающая Гяур-Калеси, Ярре, Доганлу и Бей-Кеуи, кажется, ведет к лидийскому побережью, где между Сардами и Смирной находятся Сипилус и Кара-Бел.

ПЛАТА XXXV

РЯНДУЗ-КАЛЕХ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ КРЕПОСТЬ НА КРУТОМ КОНИЧЕСКОМ ХОЛМЕ С ВИДОМ НА АФРИН

Предполагается, что она была построена генуэзскими архитекторами в XIV веке н.э. (см. [с. 9](#)).

Краткое рассмотрение приведенного выше классифицированного списка памятников покажет, что для описания ни одна группировка этих мест не является столь удобной, как та, которая естественным образом образуется географическими делениями. Первая основная группа (А) будет включать все памятники севера Сирии, в которой мы можем выделить три отдельных района. Самый южный - долина Оронта, к которому мы можем отнести и Алеппо, хотя последний исторически, по-видимому, был центром независимого государства.[\[166\]](#) Памятники из Хамата состоят из ряда рельефных камней, частично принадлежащих одной надписи; в Алеппо же находится один небольшой камень подобного характера. Места Рестан и Хомс, обозначенные на карте, являются важными позициями дальше по течению Оронта, хотя и не идентифицированы по местным останкам.[\[167\]](#) Место Кадеша, исторической пограничной крепости хеттов в их войне с Египтом, также сейчас не поддается идентификации, но по общему мнению изучающих египетские записи, оно находится недалеко к югу от современного озера Хомс.[\[168\]](#)

К востоку от него находятся памятники на Евфрате, включая многочисленные надписи, стелы и фрагменты скульптур из неровных курганов, которые отмечают место древнего Кархемиша в Иераблусе. Недавно сообщалось о нескольких памятниках с надписями и резьбой из Келлекли и Телль-Ахмара,[\[169\]](#) которые находятся в тех же окрестностях, а дальше вверх по реке найдены блок с надписью и скульптурой из Самсата и сомнительная резьба на скалах возле Гергер Калеси. Остальные памятники севера Сирии расположены к западу, в основном в долине Кара-Су. Сюда относятся курганы Синджерли и Сакдже-Геузи, где в результате раскопок были обнаружены руины дворцов со скульптурами и другие памятники, которые будут описаны более подробно в следующей главе. Рельеф с надписью происходит из Кара-буршлу, расположенного в тех же окрестностях, а в Айнтабе, немного восточнее, был найден угловой камень со скульптурой и надписью особого характера. К югу от этого города находится Киллиз, место, не отмеченное никакими особыми остатками, но центр, где на

базарах часто находят бронзовые фигурки,^[170] печати и другие мелкие предметы хеттского характера. Ниже по течению Африна, и, следовательно, географически смежно, находится Курц-оглу, откуда происходит часть небольшой статуи, вырезанной в круглом виде, на которой до сих пор сохранились две строки вырезанной надписи. В эту группу мы включаем и Мараш, хотя он находится на возвышенности у подножия Таврских гор. Здесь, должно быть, находился важный город, о чем свидетельствует как стратегическое положение, так и количество и характер памятников, найденных на этом месте. Среди них два скульптурных льва (один из них с рельефными иероглифами), плиты с рельефами, изображающими интересные сцены, нижняя часть статуи с надписью, а также несколько блоков и фрагментов с надписями.

Продвигаясь на север, памятники, найденные в горных районах Тавра и Антитавра, составляют нашу вторую основную группу (В). Она охватывает район, отмеченный четырьмя стоянками в долине Тохма-Су, к которым можно отнести еще две в верховьях Пирама. В Малатии было найдено несколько архитектурных блоков, изваянных в рельефе с религиозными изображениями и сценами охоты, большинство из них также несут на себе группы хеттских иероглифов. Нет никаких сомнений в том, что это место, расположенное, как и Мараш, в стратегически важном месте,^[171] в свое время на митаннийской, а затем на ассирийской границе, в равной степени является одним из самых примечательных хеттских объектов. Из Деренде происходит фрагмент статуи с надписью и небольшой базальтовый лев; а из места, называемого соответственно Арслан Таш, в часе езды к югу, - два других льва, предположительно архитектурных. В Паланге была найдена цилиндрическая колонная фигура с надписью, а в Гуруне, дальше по долине, - две надписи, одна на живом камне, другая - на изолированном блоке. На южной стороне водораздела камень с надписью был найден на кладбище в Кирчук Япалаке, в двух часах езды от Альбистана; а колонна или обелиск из Изгина, испещренный с четырех сторон рельефными иероглифами, - объект почти такой же примечательный, как круглая колонна из Паланги.

Эта группа включает в себя, как второй район, пять объектов в Антитавре. Самый восточный из них - Куру-Бел, перевал близ старинной Команы: здесь находится одно из самых поразительных хеттских произведений, напоминающее большой алтарь со львами, склонившимися над вершиной по обе стороны. Три места находятся на главном течении Заманти Су: с армянского кладбища в Экреке был доставлен камень, испещренный иероглифами, который был заново украшен христианскими эмблемами; в Ташджи находятся две фигуры и надпись, высеченные на скале; Фрактин известен как место наскальных скульптур, которые вносят важные дополнения в хеттский религиозный символизм. Наконец, в Асарджике, на северном склоне горы Аргей, с видом на Кесарию, на разрушенной скале высечена надпись, сопровождаемая интересными пометками, похожими на граффити.

В третью основную группу (С) мы включаем те немногие памятники, которые были найдены в долине реки Халис или вблизи нее, к северо-западу от Сесарии. Это большой скульптурный орел на львином основании, объект явно не хеттской работы, на берегу реки возле Ямула; совершенная надпись, покрывающая четыре стороны камня с круглой вершиной, стоящего на постаменте, с видом на долину реки на южном берегу возле Богче; В-третьих, надпись в три строки на камне, найденном в Карабурне, который находится на противоположном берегу значительно ниже; и, наконец, две выбитые надписи, найденные недавно в Суасе, который лежит в значительном отдалении от реки, почти напротив названного места.

К этой же группе мы относим и район, расположенный в округе реки Халис, памятники которого практически сводятся к знаменитым руинам Богаз-Кеуи с соседним скульптурным святилищем Иасилы-Кая, а также обнесенным стеной кургану и дворцу Эюка, которые

описаны в последующих главах. Однако есть одна или две особенности, которые уместно выделить для сравнения в этой главе, в частности, рельефная надпись на скале под названием Нишан Таш, на возвышенности цитадели в Богаз-Кеуи, и пара строительных блоков, изваянных, как в Синджерли, Малатии и Эюке, недавно найденных у подножия акрополя. Если мы можем упомянуть также два объекта сомнительного *происхождения*, то они представляют место под названием Эски-Япан, на дороге из Сунгурлу в Чорум, где архитектурный лев встроен в современную стену, [172] и Денек-Мадан, недалеко от Чешме-Кеупру, где был спасен интересный круглый предмет из слоновой кости с гравировкой хеттских иероглифов и знаков [173].

ПЛАТА XXXVI

Турецкое кладбище, ныне заброшенное (см. с. 23.)

Мы склонны объединить все памятники к западу от Халиса (D), включая вместе с ними две знаменитые скульптуры у лидийского побережья. Таким образом, мы объединяем для сравнения аналогичные наскальные рисунки в Гяур-Калеси и Кара-Беле, а также свергнутую Ниобу, сидящую на горе Сипилус. Во Фригии найдены камень с надписью в Бей-Кеуи и скульптура с неопределенными иероглифами в Доганлу-Дареси. Рельеф, найденный в Ярре, изображающий церемониальный пир, соответствует определенному классу хеттских скульптур, найденных в других местах, упомянутых в списке выше. То же самое, хотя и с меньшей уверенностью, можно сказать о резных плитах, найденных в окрестностях Ангору, изображающих львов, но мы исключаем скульптуру льва, которую можно увидеть возле моста в Чешме Кеупру. Примечательным в расположении этих памятников, за исключением рельефов в Ангоре, является то, что они, похоже, обозначают линию одной дороги, а именно Царской дороги из Богаз-Кеуи в Сарды и на запад. [174] Единственное разумное сомнение вызывает маршрут из Гиатур-Калеси в Богаз-Кеуи, о котором нет никаких свидетельств. Некоторые исследователи местной топографии считают, что дорога должна была идти через Ангору, несмотря на традицию (которая в отсутствие доказательств становится интересной), что Ангора была сравнительно поздним фригийским фундаментом. [175] Другие

настаивают[176] на том, что невероятно, чтобы дорога "свернула на юг к Гиаур-Калеси", - мнение, которое, кажется, забывает о цели дороги.[177]

Район к западу от Иконии, в котором находятся ликаоно-хеттские памятники Эфлатун-Бунар и Фассилер, стоит особняком. Но поскольку из этого региона есть только один явно хеттский объект, а именно камень с рельефными иероглифами из окрестностей Колитоглу Яйла, недалеко от Ильгина, мы включаем его в основную западную группу.

Теперь мы переходим к пятой и последней группе (Е) этих произвольных делений, которая включает девять объектов и несколько наиболее важных памятников.[178] Она охватывает весь юго-западный хребет Тавра от Кара-дага до Булгара-дага, а также районы у его подножия, из которых в классические времена Эрегли (Кибистра) Ариссама (Ардистама) и Килиссе Гиссар (Тиана) были более важными центрами. Памятники, недавно обнаруженные на Кара-Даге, действительно можно было бы рассматривать как отдельную группу; но поскольку этот район имеет общую географическую экономику с другими и является отрогом главного хребта Тавра, мы предпочитаем относить их к остальным. Они находятся в двух местах: во-первых, около Махалича, на вершине Кара-Дага, где есть две рельефные надписи и проход в скале; во-вторых, на возвышенности под названием Кизил-Даг, на которой находятся остатки "высокого места", включая скалу-трону и высеченную сидящую фигуру с тремя надписями; а на самой вершине - развалины крепости и рельефная надпись на скале. Хорошо известен памятник Иврис, над Эрегли; это гигантская и внушительная скульптура бога плодородия (под каким бы именем он ни был известен) с местным царем-жрецом в поклонении; три короткие надписи сопровождают сцену. Следы второй подобной скульптуры можно найти недалеко выше.[179] В Булгар-Мадене, по другую сторону возвышенного хребта, на живой скале высечена надпись из пяти строк. Эти два памятника, по-видимому, были каким-то образом связаны с Тианой, в окрестностях которой было найдено несколько стел с надписями и скульптур. Стела из Бора, обнаруженная в двух частях, которые были спасены в разное время, является лучшей из них; интересный фрагмент сохранился в Эски-Андавале, где ревность и подозрения не позволяют увидеть его. В Нигдехе хранится вырезанный алтарь круглой формы. Из самой Тианы ничего не сообщается, но древность этого места не вызывает сомнений, а известные памятники восходят ко временам фригийского Мидаса.[180] В этом районе, особенно в Боре, было найдено множество небольших предметов, представляющих большой интерес, и нет причин сомневаться, что они были найдены первоначально неподалеку.[181] Далее к западу, в пустынной местности на восточной оконечности великих соляных равнин, находятся руины Ардистама; а поблизости, возле Эмир Гази, в последние годы были найдены рельефная надпись и еще три надписи на круглых алтарях. Они включены в одну группу из-за географической близости.

Теперь, когда мы завершили этот предварительный обзор расположения тех хеттских памятников, которые по своему характеру или обстоятельствам их обнаружения могут быть приняты нами в качестве доказательств в нашем расследовании, мы более ясно понимаем причину различия, которое мы провели в предыдущей главе между восточной и западной частями Малой Азии. На западе мы можем говорить только о девяти памятниках, четыре из которых не хеттского происхождения. Шесть из них, по-видимому, расположены вдоль линии одной дороги; из остальных только один начертан хеттскими иероглифами, да и тот подвижен и не найден на своем прежнем месте. По контрасту с этой скудостью, сравнительная частота памятников на востоке и их определенный характер, естественно, склоняют нас к тому, чтобы установить некоторые предварительные границы страны хеттов. На севере это несложно; река Халис еще во времена Крёза была разделителем между

народами разной расы,[182] и сэр Уильям Рамсей указал[183] на различия в важных расовых обычаях между народами двух берегов в древности.

Но на юге такой границы нет; даже великие равнины, которые занимают столь видное место на карте, сейчас кажутся более бесплодными, чем в дни расцвета Ардистама.[184] Это изменение иллюстрируется распространением памятников на запад вдоль подножия Тавра и в пустыне. Мы не должны также забывать, что целые районы исключены из нашего поля зрения из-за отсутствия камня; мы также не должны позволять себе склоняться к идее деления на столовой земле, которая, в конце концов, является непрерывной и непрерывной. Если верно, что почти все свидетельства хеттской оккупации на западе сводятся к памятникам, воздвигнутым вдоль одной дороги, то верно и то, что если мы исключим из рассмотрения группу замечательных памятников в Богаз-Кеуи и Эюке, то останется мало признаков того, что страна в пределах Халиса действительно когда-то была хеттской территорией, а тем более что в ней находилась их северная столица. Перед лицом таких соображений великие скульптуры и крепость Гяур-Калеси, резьба Доганлу, надписи и курганы Бей-Кеуи, и, что самое поразительное, скульптуры запада на горе Сипилус и на перевале Кара-Бель, а также те памятники во Фригии и Западной Ликаонии, которые по крайней мере отражают влияние хеттского искусства, приобретают относительную важность, которую не следует упускать из виду в нашем исследовании. Земля хеттов для нас настолько же обширна, насколько обширны их произведения: это другая фаза нашей темы, чтобы выяснить, есть ли свидетельства, которые говорят нам, как и когда была приобретена их территория, и как долго она оставалась в их власти.

Раздел А. - Памятники севера Сирии.

ХАМАТХ, РЕСТАН, АЛЕППО; КУРЦ-ОГЛУ (АЛЕКСАНДРЕТТА), СИНДЖЕРЛИ, КАРА-БУРШЛУ, САКДЖЕ-ГЕУЗИ; АЙНТАБ (КИЛЛИЗ), МАРАШ; ДЖЕРАБЛУС, КЕЛЛЕКЛИ, ТЕЛЛЬ-АХМАР, САМСАТ, РУМ КАЛИ (ГЕРГЕР).

Город Хамат вырос там, где главная дорога с севера входит в долину Оронта. Эта река, что характерно, течет большей частью глубоко под уровнем окружающих равнин; и Хамат расположен в месте, где берега расширяются, так что город находится в котловине, почти окруженной уступами, образованными крутыми берегами и изломанными краями равнины. Несмотря на живописность, такое положение в целом не имело большого стратегического значения даже в древности, так как было малозаметным и незащищенным. Поэтому, вероятно, во времена хеттов он стал важным местом остановки на главной дороге через Сирию и естественным центром для окружающих сельскохозяйственных районов. Первоначальная хеттская крепость, по-видимому, была более прочной; вероятно, она покрывала курган с широкой вершиной[185], который обозначает, как это принято в старых сирийских городах, начало этого места. Несомненно, на определенном этапе он был обнесен стеной, как это было принято в те времена; а позже, по аналогии с Синджерли, население вышло за пределы ограждения и в спокойные времена селилось на заманчивой земле у подножия акрополя. В этом развитии и в характере своего положения Хамат во многом разделяет общие черты многих сирийских городов. Будучи (даже сейчас) несколько в стороне от пути европейских путешественников, любопытно, что многочисленные надписи должны были быть замечены здесь, в то время как такое известное историческое место, как Кадеш, остается неопознанным, а такая сильная природная позиция, как Рестан, до недавнего времени оставалась без записей о хеттской оккупации[186].

Хаматх: надпись в трех линиях хеттских иероглифов, вырезанных в рельефе, одна из так называемых "хаматхских" надписей (см. [с. 95](#)).

Фотография сделана с бумажного оттиска.

Как бы то ни было, еще в 1812 году черный базальтовый блок, встроенный в угол одного из домов на базаре, привлек внимание известного путешественника [187] из-за странного вида иероглифических знаков на нем. Шестьдесят лет спустя были найдены другие камни; [188] некоторые из них были встроены в современные стены, другие лежали свободно. Все они почитались жителями, [189] и с большим трудом были вывезены в 1872 году турецким губернатором в безопасное место благодаря энергичной инициативе доктора Райта, поддержанной британским консулом.

Надписей пять, [190] две из них находятся на соседних сторонах одного и того же каменного блока. Первая была найдена в стене дома; ее размер составляет почти 15 дюймов в высоту и 13 дюймов в длину. [191] Надпись состоит из трех строк; она начинается в верхней правой части с символа человеческой руки и головы с пальцем, касающимся губ, - знак, указывающий на начало первого личного заявления. На фотографии можно легко распознать и другие иероглифы. В нижней части строки трижды повторяется иго, имеющее фонетическое значение нашей буквы S; ближе к концу видны рука и предплечье, выделенные более мелкими знаками, разделяющими слова сверху и снизу, которые в этой группировке, похоже, выражают некий атрибут светлости, [192] как "могущественный" или "сильный". По аналогии с другими иероглифическими системами, знаки всегда обращены к началу надписи. Таким образом, иероглиф хеттских надписей можно распознать как *бустрофедон*, поворачивающийся попеременно в направлении следующих друг за другом рядов, подобно волам, пашущим поле. Второй ряд в этом случае следует читать справа. Наиболее заметным знаком является царский головной убор, который имеет коническую форму и нарисован всегда со средним ребром. [193] Этот символ является идеограммой, означающей царя. Ниже первого примера этого знака находится свободно используемый определитель местности; он имеет овальную форму и по деталям должен отличаться от аналогичного символа, указывающего на святость или божественность, который часто встречается в верхней части групп знаков, которые, по-видимому, называют отдельных людей в скульптурах [194].

Тексты этой надписи и двух других из того же места, по-видимому, мало отличаются друг от друга [195]. Из них № 2 представляет собой надпись в три строки, в которой не хватает только нескольких знаков в конце. Камень имеет размеры почти 20 дюймов в длину и 15 дюймов в высоту; он был найден встроенным в стену сада. Надпись на конце третьего камня (того, который считался полезным для ревматиков) составляет всего 11 дюймов в высоту, а ширина такая же, как и в первом случае. Сохранилось две строки надписи. Самый большой камень из всех был найден встроенным в угол небольшой лавки; его высота чуть больше 2 футов, а длина по фронту - 3 фута. Он имеет кубическую форму, а его толщина или глубина составляет не менее 15 дюймов. Вероятно, в древности он также был угловым камнем, так как на нем есть надписи на лицевой и левой сторонах. [196] Знаки, как и в других случаях, выполнены рельефно. Надпись не сплошная вокруг угла, так как спереди пять рядов, которые начинают читаться справа, а сбоку только четыре ряда, начинающиеся слева. Глубина рядов в каждом случае одинакова. Лицевая надпись значительно потерта и повреждена, часть последней строки отсутствует; края боковой надписи также стерты [197].

Единственный памятник Алеппо [198] представляет собой одну панель с надписью, высеченную в рельефе на блоке базальта, длиной почти 2 фута 6 дюймов и высотой 1 фут 6 дюймов. В первоначальном виде она была встроена в южную стену старой мечети, и местные жители относились к ней с особым суеверием, приписывая ей способность излечивать офтальмию. Гладкость поверхности камня, возможно, отчасти объясняется набожностью страдальцев, которые обычно терли о него свои больные глаза. Когда было

обращено внимание на характер и археологическую важность этого памятника, его поспешно убрали и сообщили, что он сломан. Однако спустя двадцать с лишним лет он был вновь найден, [199] вмонтирован в стену мечети, и была получена новая фотография. Знаки слишком изношены, чтобы их можно было с уверенностью расшифровать, а надпись слишком неполна, чтобы ее можно было использовать для сравнительного изучения. Примечательно, что других хеттских памятников из Алеппо не зафиксировано. Возможно, причина в том, что прекрасный средневековый турецкий замок теперь полностью закрывает смелый акрополь, который, вероятно, был местом расположения крепости в хеттские времена. [200] Ходят слухи о других надписях в каменной кладке крепости и в городе, но пока ничего не обнаружено.

Теперь мы движемся на запад, к древним землям Вана. Отсюда сохранился только один памятник, [201] но он представляет особый интерес, являясь частью круглой скульптуры. Она была найдена в большом мусорном кургане в Амке у Курц-оглу, деревни недалеко от римского Гиндаруса на реке Африн. Сейчас он находится в Берлинском музее. [202] Он состоит из нижней части статуи, которая, должно быть, изображала стоящего человека, одетого в длинную юбку, из-под которой торчат пальцы ног. Надпись вырезана в два ряда вокруг передней и боковых сторон юбки внизу, начиная сзади с правой стороны. Пространство, не записанное сзади, заполнено четырьмя вертикальными складками, спускающимися от талии, которая кажется опоясанной поясом. Верхняя часть тела отбита, но, по-видимому, она была одета в одежду, которая спереди и сзади доходила до талии и спускалась ниже по бедрам; но верхняя часть отбита полностью, осталось только положение одного локтя, который был согнут. Высота сохранившейся части статуи составляет 16 дюймов, а ширина в нижней части - 10½ дюймов. Д-р Мессершмидт отмечает по поводу надписи, что, по-видимому, была предпринята попытка добавить третью строку, которая была прекращена, возможно, из-за недостатка места, а добавленные знаки были затем стерты поперечными линиями. Тем не менее, остается вероятным, что эти дополнительные слова были необходимы для завершения смысла надписи [203].

ПЛАТА XXXVIII

АЛЕППО: ВХОД В СРЕДНЕВЕКОВУЮ КРЕПОСТЬ НА АКРОПОЛЕ

К северу расположен Синджерли, центр старого Шамалья, в долине Кара-Су, под восточными склонами горы Аманус. Здесь был раскопан один из многочисленных курганов в этой местности, который показал место, где находился обнесенный стеной город, окружавший акрополь, который был отдельно огорожен. Внутри находились дворцы, или *хилани*, разных периодов постройки, украшенные, как и ворота цитадели и города, скульптурами разного характера. Несколько надписей, судя по датированным свидетельствам на них и их взаимному расположению, увеличили археологическую ценность этих находок, которые будут более подробно описаны в главе V.

В часе езды на север от Синджерли находится деревня Кара-буршлу, у подножия горы Аманус, по дороге от одного из главных местных спусков с гор, называемого значительно Арслан-богаз (Львиное ущелье). Над этим селением возвышается крутой холм, на вершине которого участниками первой берлинской экспедиции в Синджерли был найден интересный резной памятник. [204] Тема рельефа - церемониальный праздник, по своим общим чертам схожий с другими, наблюдаемыми в этой местности в Синджерли, [205] Сакдже-Геузи, Мараше и Малатии, а в Малой Азии - в Богаз-Кеуи (Иасили-Кая) и в Ярре, но получивший значение благодаря некоторым изменениям. Он, похоже, был надписан с обеих сторон и на вершине, а внизу осталась часть пьедестала, на котором он, должно быть, должен был стоять. [206] Таким образом, он не мог предназначаться для строительства, и нет никаких предположений, что это был старый камень, использованный повторно. Его высота составляет 3 фута 7 дюймов, ширина - 3 фута; пьедестал сохранился длиной около 5 дюймов при ширине 18 дюймов. К сожалению, камень был найден в плохой сохранности и не мог быть перемещен, поэтому нам приходится полагаться в основном на зарисовки и слепки, сделанные на месте первооткрывателями. Однако они были выполнены с большим мастерством, и в том, что большую часть надписи не удастся разобрать, виновато скорее состояние памятника и наше незнание письма. Опубликована только часть четырех рядов с правой стороны, но, по-видимому, первоначально было шесть рядов с каждой стороны и, по крайней мере, один ряд сверху. Все буквы вырезаны. Скульптура выполнена в рельефе и представляет собой две фигуры, сидящие по обе стороны низкого стола, похожие друг на

друга и находящиеся *vis-à-vis*. Волосы одной из них кажутся короткими, а другой - завитыми. Их обувь загибается кверху у носка. Их одеяния длинные, с бахромой, доходят до щиколоток, а талии опоясывает пояс (по крайней мере, частично). Каждый поднимает дальнюю руку с чем-то на уровень рта. Ближайший локоть отведен назад в естественном положении, а в руке предлагается посох. Стулья с квадратными углами и прямыми ножками, в два раза выше широких, со спинками в тон, с низкими спинками, верхние перекладины которых толще и закруглены сзади. Стол знакомой формы, довольно сильно вдавленный в рисунок. Столешница кажется круглой, а изогнутые ножки (которых, вероятно, три) пересекаются примерно на две трети высоты, образуя треножник. Ступни ножек украшены орнаментом, вероятно, но не явно, как лапы животных. На столе лежат пять плоских круглых предметов (если правильно интерпретировать перспективу рисунка), похожих на родные буханки хлеба, а на них - два небольших грушевидных предмета, определить которые сложнее.

Класс скульптуры, к которому принадлежит этот памятник, следует, на наш взгляд, отличать от тех, в которых один из изображенных персонажей явно более возвышен, чем другой, [207] следовательно, предположительно господин или хозяин, которому прислуживает слуга; в то время как в этих случаях люди, похоже, равны, и оба участвуют в пиршестве. Предположение о "погребальном пире" [208] в качестве объяснения этих скульптур кажется наиболее естественным, но трудности с принятием этого предположения возникают из-за того, что в Синджерли камень, о котором идет речь, является частью настенного декора, а другие из упомянутых, похоже, представляют собой явно архитектурные блоки. Эта трудность может быть объяснена компромиссом, что первоначально эти сцены были памятниками какого-то религиозного института погребального характера, хотя и не являлись собственно надгробиями [209].

Один из самых интересных памятников такого рода находится в Сакдже-Геузи, расположенном в той же долине, что и Синджерли, примерно в одном дне пути к северо-востоку. Маршрут проходит через щель в невысоком хребте, который разделяет долину поперек и образует естественную границу между двумя районами. Недавние раскопки [210] обнаружили в одном из курганов Сакдже-Геузи очертания обнесенной стеной цитадели и фундамент дворца с портиком, изваянным в характерной манере. Эти здания мы опишем вместе с постройками Синджерли и Эюка в одной из последующих глав; но есть один или два поверхностных памятника этого места, которые уместно упомянуть сейчас. Один из них - рельеф, о котором идет речь. [211] Камень был найден в болотистой почве у подножия кургана, называемого Джобба Эюк. Камень сохранился до высоты 27 дюймов и, вероятно, представляет собой декоративную строительную плиту, перенесенную в современную эпоху с кургана. Резьба сильно выветрилась, но ее основные черты можно легко разобрать. Фигура слева сидит, вытянув руки к столу; в то время как фигура на противоположной стороне стоит лицом к другой, вытянув руки вперед, как бы подавая руку. [212] Одежда, похоже, представляет собой длинное одеяние; одежда стоящей фигуры может быть украшена каймой или бахромой. Волосы сидящей фигуры заканчиваются собранными в пучок локонами. [213] Стул, как и прежде, на прямых ножках, только спинка выше и, хотя слегка изгибается назад, не утолщается, а скорее сужается. Стол нарисован лучше, чем в предыдущем случае; изгиб и пересечение ножек более четкие, но третья ножка в каждом случае останавливается на стыке, возможно, потому, что художник посчитал, что изгиб выводит ее из плоскости скульптур. Предметы на столе не поддаются идентификации: тот, который, кажется, предлагает левая рука стоящей фигуры, круглый и поставлен вертикально; другой - маленький и Т-образный.

Еще один памятник, не найденный *in situ* и уже не находящийся в Сакье-Геузи, был вывезен в Берлин[214] несколько лет назад со стен конака, или дома вождей, в деревне. Она состоит из трех скульптурных камней, которые, очевидно, являются частью настенного декора, но сами по себе образуют целостную группу. Изображена королевская охота на льва.[215] Царь или жрец-династ выделен крылатым диском около головы; он едет в двуконной колеснице, которую ведет его спутник. Лошади, как и люди, одеты в кольчугу; с их боков и плеч свисают ажурные кисточки. Повозка небольшая и как бы открытая сзади; с каждой стороны подвешен колчан для стрел, а также оружие, похожее на копье. Покрышки колес толстые, с восемью спицами. Две фигуры, стоящие внутри колесницы, одеты совершенно одинаково - в длинные почтовые одежды с короткими рукавами, не достигающими до локтя. У обоих нет других головных уборов, кроме пышных волос или париков, которые уложены на голове длинными параллельными локонами; бороды также убраны в подвесные локоны в ассирийском стиле. Лицо воина частично скрыто лицом того, кто управляет, но видимые черты одинаковы. Глаза изображены в полный рост, а несколько аквильный нос и выдающиеся губы - в профиль. Сходство этих двух фигур несколько поразительно; возможно, по египетской аналогии, за рулем сидит сын царя. Он держит поводья в двух руках, по паре в каждой, а в правой, похоже, сжимает коротко оструганную плетть. Фигура, которую мы принимаем за монарха, изображена в момент выстрела. Короткий лук оттянут к затылку, а средняя часть оружия, удерживаемая вытянутой левой рукой, вместе с длинным острием стрелы торчит перед лицом ближайшей фигуры. Его добычей является благородный лев, который виден прямо перед лошадьми колесницы. Третья фигура на заднем плане частично скрыта передними ногами лошадей и задними частями льва. Он одет только в короткую тунику от пояса; одежда, очевидно, имеет вертикальный шов спереди, и складка, окаймленная или окаймляющая, падает поперек правого бедра. Ноги обуты в сандалии.[216] Лицо этого человека сохранилось плохо, но волосы короткие и очень кудрявые. В правой руке он держит оружие, напоминающее двойной топор, а в левой - копье, острие которого торчит из ближнего фланга льва. Сам зверь также показан в профиль; хвост с кустистым кончиком опущен; изображены грива и взъерошенность, а за плечом и под брюхом - полная шерсть.[217] Пасть открыта, зубы обнажены, а левая лапа поднята вверх с выпущенными когтями - оба действия угрожают четвертому человеку, который с лицом, повернутым к группе, завершает сцену. Обеими руками этот человек вгоняет копье в череп или левое плечо животного. Он одет, как и всадники на колеснице, в длинный почтовый костюм с короткими рукавами. В этом случае видна нижняя часть одежды, которая у других скрыта бортом колесницы: она отрезана выше колен, хотя и ниспадает сзади почти до щиколоток. На талии, как и прежде, имеется пояс; сандалии имеют плоскую подошву, а носок и ремешок на лодыжке четко очерчены. Головной убор этого человека особенно интересен. Сохраняя форму конической шапки, он кажется более похожим на шлем. Однако это может быть иллюзией, так как вокруг бровей есть кайма и подобие оборотной складки, идущей вниз по бокам от козырька. На спине животного, между копьями двух стоящих фигур, изображены четыре розетки по двенадцать лепестков в каждой; верхняя и нижняя границы камней также украшены узором, состоящим из концентрических кругов. Высота этих плит составляет почти четыре фута, что соответствует размерам других камней подобного характера и декора, найденных на одном из курганов этого места.[218] Вместе они образуют серию с ярко выраженным ассирийским чувством и явно более поздней датой[219], чем недавно раскопанный дворец-портик.

САКДЖЕ-ГЕУЗИ: СЦЕНА ЦАРСКОЙ ОХОТЫ

Датируется, вероятно, VIII веком до н. э.

От Сакдже-Геузи сложный горный путь ведет через Курт-Даг в Картал, пересекает верховья Африна и, следуя по дикой верхней долине этой реки до Карадинека, проходит под изгибом базальтового плато до Киллиза. Расстояние по времени почти такое же, как и по лучшей дороге через Айнтаб, - два дня пути в любом случае, но пейзажи и достопримечательности первого маршрута не имеют себе равных в Северной Сирии. В Киллизе на базарах время от времени покупали различные мелкие предметы, такие как каменные печати и небольшие бронзовые фигурки. Две из них мы приводим в качестве иллюстрации,[\[220\]](#) но нет уверенности, что они хеттского происхождения. Однако их архаичный внешний вид, широта страны и местности, в которой встречаются предметы этого типа, и некоторые другие соображения делают это подозрение вероятным[\[221\]](#).

Айнтаб, расположенный в одном дне пути на восток от Сакдже-Геузи, находится на пересечении двух основных маршрутов: один - из Киликии на восток через Евфрат, другой - из Мараша на юг через Киллиз в Алеппо. Поэтому несколько удивительно, что здесь нет никаких других свидетельств хеттской ручной работы, кроме одного гранитного углового камня. Это кубический блок высотой около двадцати дюймов, с надписью на одной грани и скульптурой на прилегающей стороне справа. Это явно архитектурный элемент, поскольку ни скульптура, ни надпись не завершены на одном камне; однако следует отметить, что в дворцовых зданиях Сакдже-Геузи, Синджерли и Эюка ни в одном случае не было найдено надписи, встроенной в стены, которые украшены скульптурами. Недавно в Малатии и в Богаз-Кеуи были найдены скульптурные блоки, на лицевой стороне которых были нанесены иероглифические знаки, как это можно видеть *in situ* в Эюке; но ни в одном случае не было найдено надписи, встроенной в стену. Поэтому мы склонны рассматривать этот камень как часть другого типа сооружения, как воздвигнутый памятник герою или святилище.[\[223\]](#) Надпись выполнена на трех панелях, из которых средняя является полной и окружена рамкой; нижняя отсутствует только в левом углу внизу, а верхняя подсказана только следами самых низких знаков внутри нее. Религиозный характер предполагает чтение средней панели, предварительно предложенное профессором Сайсом: "Этот (памятник) воздвигнут богу моей страны". Скульптурная сторона столь же проблематична. То, что осталось, показывает правую ногу мужчины от бедра до колена. Одежда, по-видимому, представляет собой короткую тунику, нижний край которой, кажется, закручен сзади. Положение ноги и

платья указывает на несколько моментов, представляющих интерес при попытке восстановить позу. Фигура должна была быть примерно в натуральную величину и позировать для действия, выставив левую ногу вперед; не бежать, а скорее быстро идти, или, возможно, метать копье, напрягая мышцы ноги, чтобы придать последний импульс броску.

ПЛИТА XL

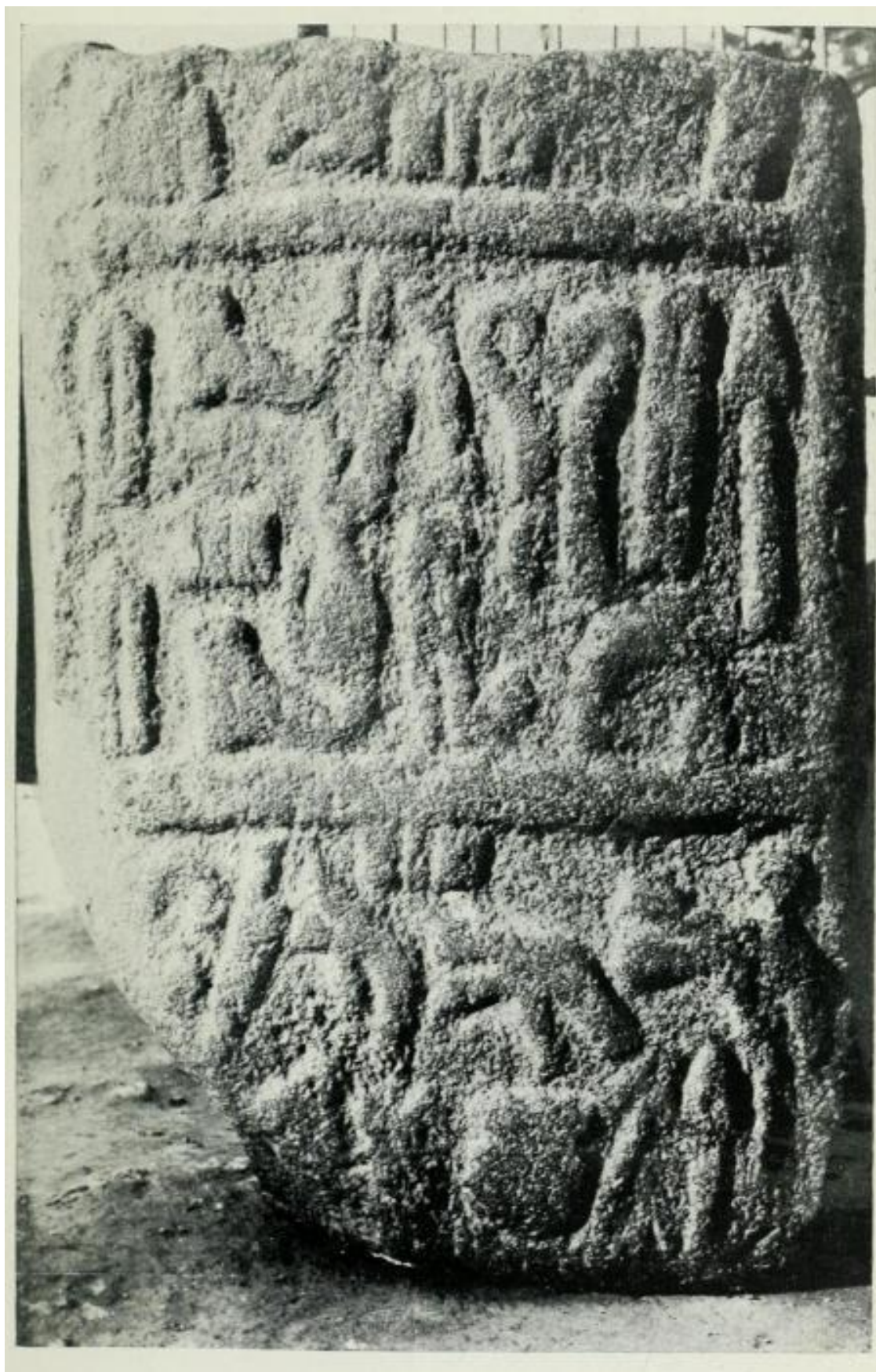

КИЛИЗ: БРОНЗОВЫЕ ФИГУРЫ. (См. с. 106.)

ДЕНЕК МАДКН: котик из слоновой кости. (См. с. 160.)

Мараш лежит в одном дне пути на север от Айнтаба: это значительный город, расположенный у спуска с Тавра на склоне, на высоте 2500 футов над равниной и морем. Мы видели, что он играл значительную роль в местной истории, что следует из его важного положения на пересечении нескольких основных маршрутов; и, судя по найденным там останкам, в более ранние времена он, должно быть, был одним из важнейших центров хеттов. Как и в параллельных случаях с Алеппо и Хаматом, вероятно, конический холм к западу от города, увенчанный остатками средневековых и более ранних укреплений, обозначает первоначальную деревню "телл", которая, как и курганы Сакдже-Геузи, начала расти с первыми поселениями хеттов на этом месте. В арочные каменные ворота на этом акрополе были встроены два скульптурных льва хеттской работы, один из которых, правда, был свободно начертан хеттскими иероглифами. Первоначально эти два льва, несомненно, охраняли вход в дворцовое здание, образуя угловые элементы самого нижнего яруса;^[224] но в более поздние времена они были водружены на каменную кладку как простое украшение.^[225] Хотя это, пожалуй, самые яркие объекты из этого места, есть еще несколько памятников, интерес к которым усиливается разнообразием их характера и деталей. ²²⁶⁾ К ним относится плита с изображением церемониального пира, похожая на плиты из Кара-буршлу и Синджерли, но с добавлением хеттских иероглифов на лицевой стороне скульптуры. Здесь же находится тело небольшой статуи с сохранившейся значительной частью скульптуры, а также стела с резной фигурой и длинной надписью. Еще несколько скульптур можно смело включить в этот список, хотя на них и нет хеттских иероглифов. Одна из них - фрагмент, изображающий сидящую женщину с ребенком на коленях, держащую в левой руке лиру, на которой сидит птица. Другой фрагмент также разрушен, но сохранилась фигура мужчины, прислуживающего за столом, и явный намек на более крупную фигуру на противоположной стороне. Ниже, в плохо прорисованной сцене, изображен человек с копьем, ведущий лошадь.^[227] Недавно к этому списку добавилось прекрасное монументальное произведение, состоящее из кубического каменного блока, высеченного с четырех сторон, с надписью, в данном случае рельефной, а также человеческой фигурой. Есть также различные фрагментарные надписи, которые были известны дольше. Нет никаких сомнений в том, что Мараш был царской резиденцией, имевшей даже большее значение, чем Синджерли и Сакдже-Геузи.

ПЛИТА XLI

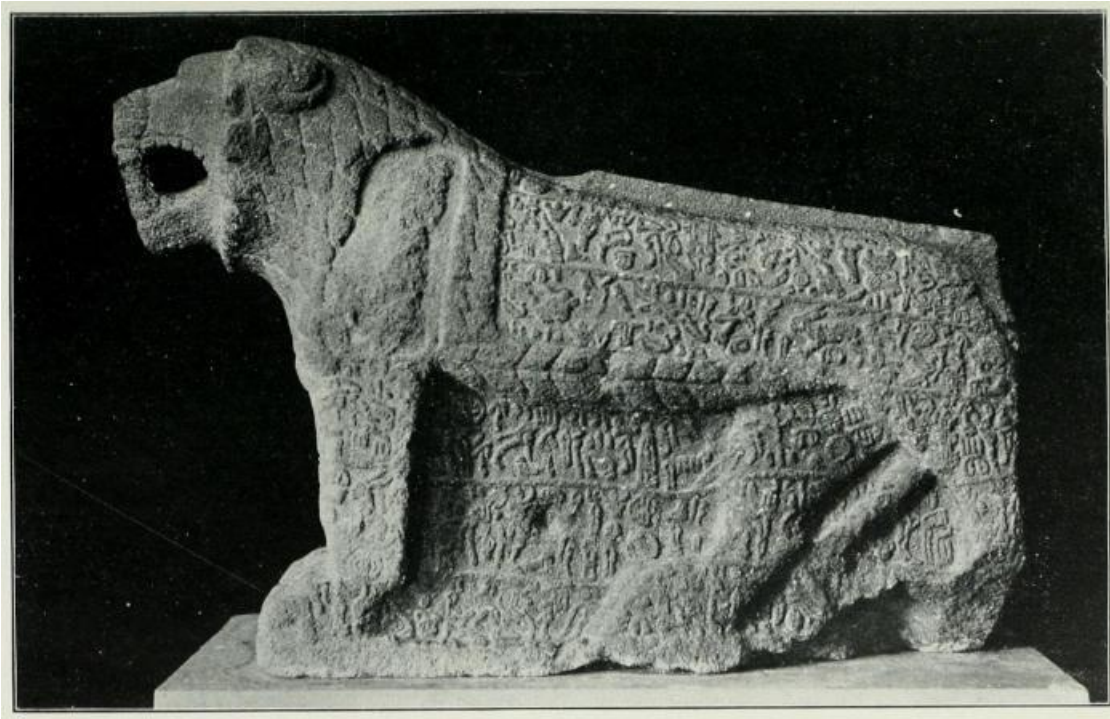

АЙНТАБ: надпись на камне из гранита (см. [с. 107](#))

Первый объект этого списка, лев с надписью, хорошо известен и неоднократно публиковался в иллюстрациях. Мы приводим фотографию его профиля,[\[228\]](#) которая

является наиболее типичной и интересной точкой зрения. Его архитектурная природа очевидна и полностью соответствует архитектуре львов, найденных *на месте* в Сакье-Геузи. [229] Он должен был стоять по левую руку как декоративный угловой камень дворцового портика, а его собрат лев - в углу напротив. Можно увидеть место на задней стороне, подготовленное для приема верхнего слоя кладки, и сделать вывод об относительном выравнивании обеих стен. Передние конечности и голова льва выделялись на фоне стены, и они изваяны в круглой форме; остальная часть тела выполнена в рельефе. Трактровка подчиняется ставшим уже привычными канонам, хотя и не выполнена в деталях: намечены взъерошенность шеи и волосатое брюхо; хвост загибается под ноги и виден между двумя задними лапами. В профиль, в отличие от привычных ассирийских изображений, видна только одна передняя лапа. В данном случае, однако, детали исполнения принесены в жертву длинной надписи, которая полностью покрывает тело и даже ноги животного, а также промежутки между ними. Иероглифы продуманы и хорошо вырезаны; базальтовая природа породы, вероятно, объясняет их поверхностную шероховатость, особенно учитывая большое количество знаков, вырезанных на очень маленькой поверхности; ведь объект гораздо меньше, чем в натуральную величину, его высота составляет всего 17 дюймов, длина - 35 дюймов, а толщина - чуть более 10 дюймов. [230] Судя по переводу надписи, сделанному профессором Сейсом, [231] она, по-видимому, была вырезана хеттским царем этого района, который соединил жреческие достоинства со своей должностью, как мы и ожидали, исходя из рассказов Страбона о параллельных случаях. [232] В этом переводе есть несколько поразительных моментов, которые, несмотря на неподтвержденность, вызывают наш интерес и уважение. Среди прочих атрибутов царь заявляет о себе как о "кортиконосце [233] могущественном", "гражданине Мераша", "жреце Мераша", "царственном владыке этих земель, царе земель бога", "который обеспечивает пищей святилище", "из людей земли кукурузы главном", "восседающем на троне Каса". Он также утверждает, что "питал святилище хеттов... место бога" и "сделал высокое место для танцовщиц" для проведения религиозных обрядов. Ассирийское название Мераша было *Мархаси*, которое, по-видимому, принимает форму *Ма(а)рхаси* в хеттском языке. Здесь явно прослеживается теократический идеал в государственных делах, начиная с верховного жречества государя и заканчивая именованнием подданных царя Мераша "детьми богов", чему есть аналогия в ваннских надписях. Главным богом представляется Сандес.

ПЛИТА XLII

МАРАШ: АРХИТЕКТУРНЫЙ ЛЬВИНЫЙ УГЛОВОЙ КАМЕНЬ С РЕЛЬЕФНОЙ НАДПИСЬЮ ХЕТТСКИМИ ИЕРОГЛИФАМИ

Сообщается, что камень с изображением церемониального пира был найден вместе с "наконечниками копий и горшками" в винограднике Мараша.^[234] Это еще один памятник из того класса, широкое распространение и разнообразные особенности которого мы отметили в связи с памятником, найденным в Кара-буршлу. В данном случае обе фигуры сидят. Предположительно, но не обязательно женщины. Они одеты в длинные одежды; детали бюста не видны, и только относительная малость ног и рук, а также некоторая полнота в обработке тела позволяют предположить их пол. Они сидят на высоких квадратных стульях со спинками, загибающимися кверху, а их ноги покоятся на низких квадратных подставках. Стол между ними имеет прямые ножки, из которых показаны только две, украшенные каким-то орнаментом у ступней. На столе лежат три круглые лепешки и чашка. Фигуры находятся в положении *vis-à-vis*: каждая протягивает дальнюю руку, левая держит чашу, другая - круглое зеркало знакомой египетской формы. Другие руки отведены назад и лишь слегка выступают из плаща; кажется, что каждый держит один и тот же предмет, "возможно, вазу или гранат"^[235]. Одевание любопытно: оно сплошное поверх головного убора и спускается до лодыжек, с бахромой или каймой по краю и вокруг низа. У каждой фигуры есть пояс, который, кажется, состоит из отдельных нитей, но трудно понять его крепление.^[236] Головной убор необычен, он цилиндрической формы, больше всего напоминающий головной убор турчанок.^[237] Лица людей плохо очерчены и неестественны, но выделяется прямой нос в соответствии с покатым лбом^[238] и полнота губ. Над головами и между ними видны следы значительной рельефной надписи, знаки которой по бокам можно разобрать с некоторой уверенностью; но средняя часть слишком изношена, чтобы можно было изучить последовательность знаков или даже решить, образуют ли они две группы, по одной на каждого человека. Местонахождение этого камня неизвестно, но его слепки хранятся в Берлинском музее. Его высота составляет 49 дюймов, ширина - 35 дюймов, толщина - чуть более 15 дюймов. Материал - базальтовый камень или долерит.

Часть статуи из Мараша^[239] имеет важное значение, так как вместе с большой рукой из того же места и разбитой фигурой из Куртс-оглу она входит в число немногих зафиксированных

круглых хеттских скульптур. К сожалению, эта фигурка слишком сломана и слишком мала, чтобы подробно рассказать нам об этой особенности хеттского искусства. За исключением правого плеча, все тело сохранилось, не хватает только головы и ступней, но стиль объекта формальный, а на месте художественных деталей - лишь четыре или пять неровных полос рельефной надписи с другими знаками на сохранившемся плече. Правая рука сохранилась, но она изношена и лишена деталей; в левой, похоже, держат какую-то петлю с подвесной кисточкой. Материал статуэтки - базальт. Сохранившаяся высота - менее 9 дюймов, ширина - 6 дюймов. Этот торс, по-видимому, принадлежал фигуре, совершенно отличной от другой фигуры из аналогичного материала, которая, по-видимому, происходила из тех же окрестностей.^[240] От нее остались только две широкие полосы надписи, но они, по-видимому, обозначают начало длинной надписи; символы смело вырезаны в рельефе и во всех отношениях похожи на иеравритские. Фрагмент имеет округлую форму и, по-видимому, является частью полой фигуры: он был скопирован первооткрывателями с большим трудом и впоследствии исчез. На существование третьей статуи в Мараше, но в этом случае гигантских размеров, указывает большая рука, в два раза больше натуральной величины, вырезанная в круглой форме.^[241] По этому фрагменту, конечно, невозможно сказать, действительно ли она хеттского происхождения.

Другой важный памятник Мараша имеет вид царской стелы с длинной надписью, сопровождаемой изображением царя. Она относится к тому классу памятников, примеры которых мы найдем в Кархемише и в окрестностях Тианы. В этом случае фигура занимает центральную часть камня, достигая почти всей его длины; и надпись высечена в шесть рядов по всему периметру, за исключением лица, ступней и предплечий человека. Лицо царственной особы повернуто вправо, и вся фигура в профиль, за исключением плеч, которые расположены квадратом к наблюдателю - в соответствии с общепринятыми восточными принципами рисования. Правая рука держит посох, который касается земли перед правой ногой и поднимается вертикально до плеч; оба локтя согнуты под прямым углом, левый кулак сомкнут и показан примерно посередине тела. Халат представляет собой единое одеяние, доходящее до щиколоток, низ которого отделан бахромой или каймой. Носки сапог задраны и, будучи изображенными неуклюже, напоминают сабо. Лицо мужчины слишком изношено, чтобы показать его характер; есть длинная завитая борода, полоса вокруг лба, а волосы или парик заканчиваются в заметном завитом пучке за шеей. Этот камень, похоже, был найден за пределами Мараша в захоронении на дороге в Адану.^[242] Его высота - почти 3 фута 8 дюймов, а ширина - чуть больше 1 фута 10 дюймов.^[243]

Этот памятник должен уступить место другому, уникальному по характеру и интересу, недавно обнаруженному^[244] в цитадели. Это гранитный блок почти кубической формы, но с отколотой верхней и нижней частью, так что его первоначальная высота остается проблематичной. Сохранившаяся часть имеет высоту около 2 футов 3 дюймов, а общая длина трех сторон, которые примерно равны, составляет около 5 футов 2 дюймов. С трех сторон надпись сплошная; иероглифы выполнены рельефно и расположены на сайте в виде пяти полос, четыре из которых, по-видимому, являются полными. Шестая полоса внизу частично прослеживается, а ниже, возможно, были и другие; сверху, однако, предел четко обозначен, так что начало надписи сохранилось. Открывающие группу знаки очень похожи на те, что были на ранее описанном льве, хотя заметны вариации отдельных знаков, которые, возможно, дадут филологам альтернативные прочтения. Однако не надпись, хотя и необычайно разборчивая и полная, привлекает наш интерес, а скульптуры и композиция в целом. Надпись предваряет рельефная фигура царя, занимающая правую часть стороны, на которой он высечен, и обращенная в сторону от надписи, вправо, то есть в угол. Далее следует надпись: высота фигуры равна четырем полосам иероглифов, а нижние полосы

выступают под его ногами. Вторая сторона полностью заполнена продолжением надписи, которая завершается на левой стороне третьей стороны (которая находится напротив фигуры) верхней частью изображения кинжала и частью крепления для него. На четвертой стороне надписи нет, углы срезаны, но в центре видна кисточка, по масштабу соответствующая рукояти кинжала. Следует отметить, что на увеличенном рисунке царь повернут к этому предмету: он изображен так же, как на стеле, описанной выше, но рисунок не очень хорошо сохранился. Он одет в длинный халат, подвязанный вокруг талии; короткие рукава украшены на концах то ли простой лентой, то ли как-то иначе; низ простой юбки, доходящей до щиколоток, также окаймлен или окаймлен каким-то образом. Пальцы ног показаны вывернутыми. Головной убор, по-видимому, представляет собой плотно прилегающую черепную коробку, за которой волосы спускаются привычным локоном. Борода свисает кудрями. Лицо изображено грубо, рот уже не различим. Левая рука, очень непропорциональная, поднята перед лицом, пальцы направлены ко рту, в положении, которое в иероглифах читается как начало личного заявления. Правая рука поднята к груди, но посох не изображен, возможно, потому, что он пересекал бы тело.

Д-р Мессершмидт, тщательно изучивший этот камень,^[245] считает, что он был переделан и использован в хеттские времена; он полагает, что первоначально главным предметом скульптуры была большая фигура бога с кинжалом, подвешенным к плечу, и что она была частично стерта в хеттские времена царем, который переделал камень и вырезал на нем свою собственную фигуру. Надпись он рассматривает как относящуюся к более крупной фигуре, а нанесение увечий фигуре бога - как знак периода упадка и деградации.

Этот памятник уникален по своему характеру, и следует со всем уважением отнестись к выводам того, кто, будучи знаком с хеттскими произведениями, тщательно изучил этот. Имея в своем распоряжении только фотографию и рисунки, которые он опубликовал в качестве руководства, мы, естественно, не решаемся выдвигать какую-либо альтернативную точку зрения; однако следует сказать, что существует несколько фундаментальных возражений против предложенного объяснения. Самое очевидное и неустраняемое - это то, что на лицевой стороне камня есть прямое доказательство того, что вся резьба современная; ведь она выполнена в рельефе, и в соответствии с прецедентом фон, на котором не было скульптуры, должен был быть срезан, так что впоследствии было бы невозможно вырезать на нем фигуру с тем же рельефом, что и остальные. Кроме того, очевидно, что надпись расположена с учетом маленькой фигуры, а не наоборот. Кроме того, концы надписанных полос совпадают с кинжалом, что делает всю композицию современной. Далее следует отметить, что никаких следов большой фигуры не видно, и ее форму нельзя предположить, так как кинжал висит с одной стороны, а кисточка - с другой, если только камень не образовывал нижнюю часть несколько угловатой статуи,^[246] примерно в четыре раза превышающей ее нынешнюю высоту. Рельефная фигура должна была занимать часть двух сторон камня, включая угол - беспрецедентное усложнение в хеттской скульптуре. Аналогия, приведенная д-ром Мессершмидтом, с фигурой бога, обнаруженной при последних раскопках в Синджерли, в этом месте обрывается. Этот объект был вырезан в круглой форме, представляя собой божество, стоящее, по хеттской моде, на основании, состоящем из двух стоящих львов, как на памятниках Кархемиша и Богаз-Кеуи. Он носит кинжал, воткнутый в пояс, а вместе с атрибутами - большую кисточку, подобную той, что видна на четвертой стороне в данном случае. На основании этих деталей д-р Мессершмидт считает, что марашский памятник отличается только тем, что кинжал должен был носиться подвешенным к плечу, из-за подвесного положения пояса. Однако по всем аналогиям царь-жрец в этом случае должен быть обращен лицом к божеству, которому он поклоняется. Если нет возможности предложить другую форму божества, мы должны принять единственное

свидетельство о его природе, из которого можно сделать вывод, что оно здесь представлено кинжалом и кисточкой. Мы не осмеливаемся выдвигать никаких гипотез; священный кортик[247] как предмет культа известен в хеттской символике и знаком по иероглифам; и было бы в равной степени согласующимся с прецедентом представить, что кортик действительно олицетворял божество, с которым он обычно ассоциировался. В качестве альтернативы объектом поклонения могла быть большая божественная статуя, на юбке которой были вырезаны эти изображения.

Среди мелких надписей из Мараша следует упомянуть одну, представляющую собой фрагмент базальта высотой 10½ дюймов и шириной 8 дюймов, на двух соседних сторонах которого рельефно высечены иероглифы.[248] Есть также несколько неписанных скульптур из Мараша, представляющих особый интерес. Первая из них - рельефная плита из базальта высотой 21 дюйм.[249] На ней изображена женщина, сидящая за столом лицом влево; на ее левом колене[250] лежит ребенок, лицо которого обращено к матери. В правой руке женщины - украшенное зеркало или нечто подобное; в левой, протянутой над столом, она держит примитивную пятиструнную лиру квадратной формы.[251] Над лирой изображена птица, часто принимаемая за голубя, но более похожая на стервятника.[252] Противоположность фигуры, если таковая существовала, отломана; резьба грубая, а поверхность изношена. Детали, которые можно различить, - халат, шапка, стул и стол - похоже, аналогичны тем, что изображены на ранее описанной скульптуре Церемониального пира из этого места. Есть и второй камень без надписи, на котором изображена эмблема птицы, похожая на другую по очертаниям и внешнему виду.[253] В этом случае на предмете изображены две фигуры, по одной с каждой стороны небольшого двуногого стола. Та, что справа, сидит, носит такую же цилиндрическую шляпу, как и в только что описанных случаях. Та, что слева, стоит, одета в длинную мантию, которая, судя по видимым деталям, напоминает одежду, похожую на тогу, которая отличает жреческое сословие на некоторых памятниках Малой Азии. Дальняя рука каждого из них вытянута, как обычно, один держит зеркало, а другой - птицу; последняя, однако, вырезана не так подробно, как в только что приведенном случае. Над правым плечом стоящей фигуры, похоже, висит лук своеобразной треугольной формы, часто изображаемый на древних рисунках.[254] Шнура, однако, не видно, а камень в целом настолько гладкий, что мало что можно разглядеть. Лук вновь появляется на третьем нерасписанном фрагменте, который, вероятно, несколько напоминает первый по сюжету. На нем изображена фигура, стоящая перед двуногим столом, над которым он держит на вытянутой левой руке изогнутый лук. В правой руке, опущенной вниз, видны две стрелы, а на поясе висит колчан. Этот камень также очень гладко обтёсан, но некоторые детали одежды всё ещё можно узнать, в частности, черепную коробку, длинный халат с бахромой и вывернутую обувь. Хеттский характер темы поддерживается расположением волос, которые спадают одним густым пучком или завитком за шеей. К поясу прикреплена кисточка[255].

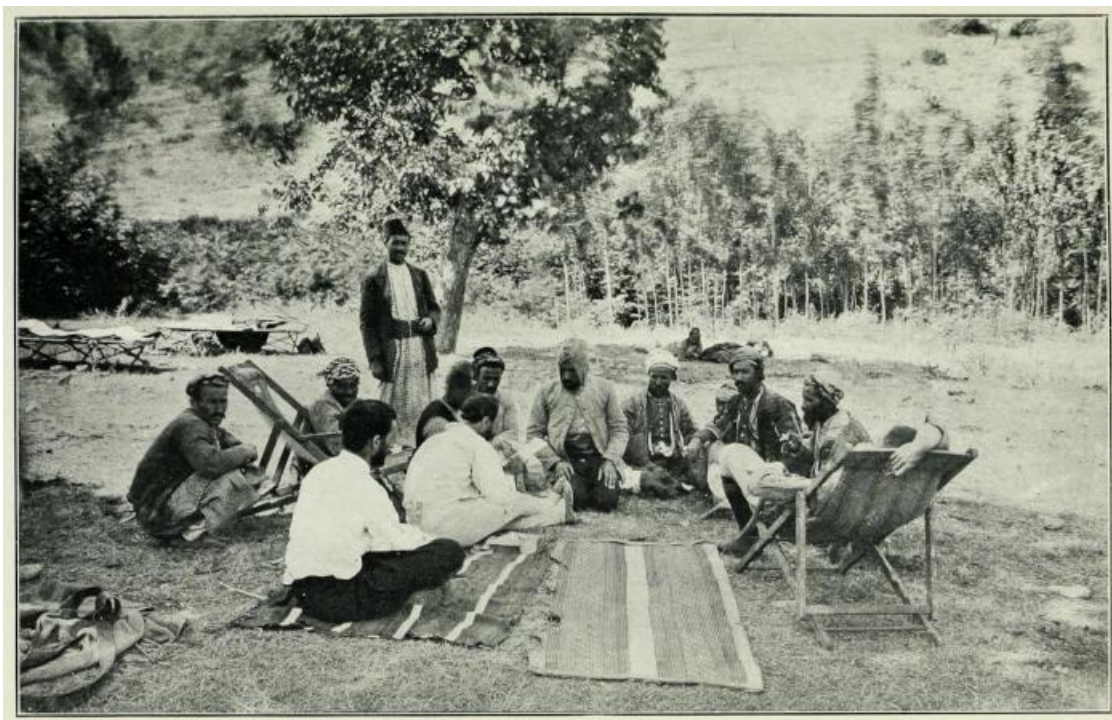
Четвертый камень несколько большего размера, высотой 35 дюймов, украшен необычным сюжетом, но, к сожалению, самая важная фигура сцены в значительной степени разрушена.[256] Это, должно быть, изображение бога, представленного в длинном бахромчатом одеянии и сандалиях с оттопыренными пальцами. Перед ним возвышается, но как поддерживается, не видно, конец орудия или оружия, крепление которого образует петлю, а затем свисает вниз. Напротив средней высоты этой фигуры стоит низкий столик с двумя изогнутыми ножками; на нем сидит птица, кажется, гусь, с хлебными лепешками и другими яствами. На противоположной стороне, лицом к главному существу, на одном уровне со столом стоит небольшая мужская фигура. Он одет в короткую тунику с бахромой и косыми складками и жилет с короткими рукавами. На ногах - сандалии с очень заметными

остриями, а поверх них - браслеты, если только это не длинные шнуры, обмотанные вокруг лодыжек, чтобы скрепить сандалии. Волосы на голове вьются и связаны косичкой, а ниже, до плеч, свисают более прямо. Предполагается наличие серьги, и четко видны толстые браслеты. В левой руке он держит предмет, который можно принять за пальмовый лист, а правой частично протягивает в сторону большего человека небольшую чашу, которая, кажется, перевязана двумя небольшими лентами, как будто сделанными из дерева. Ниже, на оставшемся свободном месте, скульптор добавил лошадь, которую ведет человек. Оба фигуры выполнены в небольшом масштабе, но непропорционально, так как человек стоит выше головы лошади; это объясняется тем, что под ногами маленькой фигуры имеется большая высота, чем под большой, где видно тело лошади. Животное - жеребец, изображенный со смутным намеком на энергичные движения передних ног; его плечевые мышцы показаны в тех же условных очертаниях, которые иногда встречаются на изображениях львов в этом стиле искусства. [257] Мужчина держит уздечку правой рукой; стоя спиной к лошади, а также к большой фигуре, он держит копьё вертикально левой рукой, конец древка упирается в землю. Кажется, что он носит черепную коробку, а его волосы спадают сзади в характерный пучок или узел. В этом случае, как и почти во всех рассмотренных фигурах, контур лица показывает нос и лоб как практически непрерывные.

Еще два скульптурных фрагмента камней из Мараша также заслуживают особого упоминания. На одном из них сохранилась передняя часть колесницы и задняя часть лошади; [258] резьба грубая, а рисунок не четкий и не хороший. Маленькое животное под лошадью может быть собакой. Колесо колесницы, похоже, имело восемь спиц. Водитель почти не виден, за исключением предплечья и руки, держащей поводья. Тем не менее мы можем сделать вывод, что фрагмент был частью сцены царской охоты [259].

Другой фрагмент более известен, на нем изображена голова музыканта, играющего на двойных трубах. [260] Судя по обработке волос и общему характеру резьбы этого фрагмента, мы подозреваем, что он относится к постхеттскому искусству, соответствующему арамейскому периоду в Синджерли. В Берлинском музее также хранится новое изделие в хеттском стиле, которое, вполне возможно, происходит из того же места. Его высота составляет около двух футов, а ширина - больше. Скульптура фрагментарна, но представляет поразительный интерес, поскольку центральная фигура, мужчина, кажется, сидит верхом на лошади. Левой рукой он держит уздечку, а в правой - изогнутый безымянный предмет. Его ноги и тело лошади не видны. На заднем плане слева видна меньшая фигура женщины, сидящей на стуле. В правой руке она держит гранат, а левой поднимает чашку для питья. Справа от головы мужчины крошечная фигурка, по-видимому, изображает носильщика венчика, который поворачивается к своему господину и машет пальмовым листом.

На этом список основных памятников из Мараша заканчивается. Если учесть, что на этом месте никогда не проводились раскопки древностей и что эти находки в основном случайны, следует признать, что здесь есть свидетельства существования хеттского города исключительной важности. Дату, к которой его можно отнести как центр власти, можно будет рассмотреть, когда перед нами будут все данные для сравнения. [261]

РЯНДУЗ, НА АФРИНЕ: ОБСУЖДЕНИЕ МАРШРУТОВ, СЛУЧАЙ ПУТЕШЕСТВИЯ В ГОРАХ КУРТ-ДАГ

Обратите внимание на разнообразные типы лиц туземцев. (См. с. [9](#), [33](#), [106](#).)

Теперь мы переходим к третьей группе сирийских памятников: тем, которые найдены в местах на Евфрате, который мы принимаем за восточную границу. Начнем, естественно, с Иераблуса, места Кархемиша, как ближайшего, самого южного и самого известного. Здесь находился стратегический рубеж в борьбе восточных народов, и здесь хеттская крепость была расположена настолько прочно, что выдержала нападения фараонов и с большим успехом сопротивлялась попыткам ассирийцев уменьшить ее через несколько веков после того, как хеттская держава прошла свой зенит.[\[262\]](#) На этом месте было проведено некоторое количество раскопок, и хотя они были неполными и недостаточно подробными, мы получили представление об обнесенном стеной городе на берегу реки, защищенном со стороны суши рвами в дополнение к валам[\[263\]](#) и окружающем, как обычно, высокий холм, который обозначает одновременно акрополь и место первоначального поселения в более отдаленную эпоху. Здесь было найдено несколько длинных надписей хеттскими иероглифами, множество фрагментов того же рода, две стелы и верхняя часть третьей, а также камень, изваянный на плоской стороне с портретом возвышенного существа во весь рост. В некоторых скульптурах мотив, а в других - детали обработки говорят о близости к доминирующему постороннему художественному влиянию. Это особенно заметно в эмблемах крылатых божеств, а также в некоторых памятниках, на которых не обнаружено хеттских иероглифов. К последней категории относится поразительный памятник, изображающий две фигуры, стоящие на спине склонившегося льва. Изображена грива льва, но под брюхом не видно шерсти. Такая поза зверя нехарактерна для хеттского искусства, в чем можно убедиться, сравнив львов из Синджерли, Сакдже-Геузи, Мараша, Деренде и других мест. Животные, высеченные на скальных стенах святилища Иасили Кая, которые также поддерживают возвышенных особ, изображены стоящими, тогда как в данном случае подбородок, живот и хвост животного почти касаются земли. Ближайшей аналогией, возможно, является одна из менее известных скульптур Эюка,[\[264\]](#) но реальной параллели для такой трактовки темы не существует. Из персонажей один крылатый и явно божественный, а другой, хотя и одетый так же, стоит позади над четвертями животного, с

одной рукой, поднятой в знак почтения или мольбы. В остальном фигуры одинакового роста, и их костюмы также одинаковы. Головной убор[265] - коническая шапка с выдающимся вздернутым околышем; пальцы обуви также вывернуты преувеличенным образом. Халат в каждом случае длинный, с широкой бахромой по низу; вокруг талии - пояс или кушак, а складка юбки ниспадает вбок от середины вправо. Крылья ведущей фигуры резко поднимаются вверх из-за плеч, как у одного из божеств Иасили Кая. Он стоит на плечах зверя, голова которого склонилась в ужасе. На представленной нам фотографии есть предположение о наличии иероглифов на лицевой стороне камня, что, однако, не подтверждается наблюдениями других. Таким образом, мы имеем в этой скульптуре узнаваемое смешение хеттских и ассирийских мотивов, и искусство скульптора, во всяком случае, не пострадало при таком сочетании. Как в обработке, так и в рисунке этот памятник, несмотря на выветривание и обнажение, демонстрирует такое художественное мастерство, которое в некоторых чисто хеттских памятниках в других местах даже не предполагается.

Переходя к памятникам Иераблуса, на которых сохранились хеттские надписи, отметим еще одно божество на фрагменте базальта высотой 31 дюйм, на котором сохранилась нижняя часть тела и концы четырех полос иероглифов.[266] В этом случае крылья опущены, складываются по бокам и доходят до колен, иначе они были бы едва заметны на разбитом камне. Ноги фигуры и левая рука отсутствуют; в правой руке, которая находится перед телом, находится маленькая корзинка с семенами - символика, пришедшая с другого берега Евфрата.[267] Длинное одеяние этого божества также странно для раннехеттского искусства: оно окаймлено длинной бахромой и разделено несколькими параллельными полосами вышивки.[268] По-видимому, это верхний плащ, поскольку на оригинале можно увидеть следы знакомой короткой туники. Резьба этого памятника не имеет себе равных ни на одном хеттском рельефе. В качестве иллюстрации можно отметить тонкое изображение коленных мышц, особенно если принять во внимание зернистость камня. При таком сравнении следует учитывать, что большинство известных хеттских рельефов износились под воздействием погодных условий, а объекты, обнаруженные впервые, как в Сакдже-Геузи, производят иное впечатление в отношении ремесла скульптора. Еще один примечательный пример - Иасилы-Кая, где ряд фигур, которые были частично покрыты, по крайней мере, на протяжении долгих веков, был расчищен в течение последних нескольких десятилетий, что свидетельствует о детальной обработке всей серии, которую иначе невозможно было бы предположить.

Еще один скульптурный объект относится к категории стел, в целом напоминающих марашские. Он частично обломан, но осталось достаточно, чтобы мы могли определить его первоначальный характер и размеры.[269] Его высота составляет 47 дюймов, а ширина - 26 дюймов. Она пересечена по горизонтали восемью полосами рельефных иероглифических надписей с рельефными линиями между ними, за исключением тех мест, где проступает контур центральной фигуры. Это изображение человека, выполненное более рельефно, чем остальная резьба,[270] который стоит в средней части камня, его ноги спускаются ниже надписи, а голова только входит в самую верхнюю полосу. Фигура почти вся выщерблена, но контур остается четко очерченным. Человек, несомненно, царь, обращен лицом влево, а в вытянутой левой руке он держит короткий посох или жезл, который обозначен как бы разделенным посередине. Правой руки не видно. Его одеяние пересекалось косыми складками и спускалось до щиколоток. Его ноги были обуты, и пальцы обуви были повернуты резко вверх. Его волосы, похоже, были убраны в один пучок за шеей, но смысл этого неясен. Верхняя часть второго подобного памятника сохранилась,[272] но объект разрушен. На ней изображена центральная фигура, повернутая влево; левая рука поднята вверх и направлена вперед, а правая находится перед грудью. Головной убор, по-видимому, представляет собой

черепную коробку с лентой через лоб. Рукава платья короткие, а вокруг талии - еще один пример широкого пояса из шнуров, заканчивающегося, по-видимому, закручивающимся узлом или петлей.[273] Здесь четыре ряда иероглифов, из которых мы имеем лишь несовершенную копию. Сохранился фрагмент третьего подобного памятника,[274] но он неинструктивен.

Среди множества фрагментарных надписей из Иераблуса есть две примечательные. Одна из них представляет собой угловой камень особой формы,[275] утопленный в самом углу на восемь дюймов с каждой стороны. Однако надпись, выбитая на нем, кажется непрерывной даже через углубленный угол до разбитого конца блока. Камень - базальт, а высота всего сооружения - 39½ дюйма. Ширина различных ступеней, начиная с правой стороны, которая не нарушена, составляет 7 дюймов, 8½ дюймов, 8¾ дюйма и 22 дюйма до края с трещиной. Для дальнейшего объяснения формы камня можно сказать, что первая и третья из этих мер находятся в одном и том же параллельном направлении и в совокупности дают этой стороне всего камня ширину 15¾ дюйма. Аналогичным образом следующая сторона имела ширину не менее 30½ дюймов. Надпись выполнена рельефно, и расположена пяти полосах, разделенных линиями равного выступа. Знаки четкие, а смысл надписи, согласно прочтению профессора Сэйса, религиозный и монументальный: царь-священник рассказывает о том, как он установил святилище быка на высоком месте в Кархемише. Другая значительная надпись обнаружена на части круглой колонны высотой 5 футов 6 дюймов.[276] Четыре полосы надписи совершенны до тех пор, пока они продолжаются, а именно на 41 дюйм, но начало и конец строк не сохранились. Еще одна полоса частично видна сверху. Задняя часть этого предмета была обработана после того, как камень был разбит, с целью высечь на ней фигуру, кажущуюся божественной и в полный рост. Она выполнена не в хеттском стиле, но в некоторых чертах можно обнаружить хеттское влияние.

Мы не можем более подробно и с пользой для себя останавливаться на деталях этих разбитых останков, а также на многочисленных фрагментах с надписями, из которых перед нами копии почти двадцати. Но если мы возьмем из несколько необычного источника, а именно из колонок ежедневной газеты, отчет о раскопках, проведенных на этом месте для Британского музея, то окажется, что здесь был обнаружен фундамент по крайней мере одного дворцового здания. Напротив входа, - рассказывают нам, - были найдены две несовершенные таблички, которые составляли часть сцены поклонения. На одной было изображение богини, хеттской Кибелы, обнаженной, крылатой, с руками, предлагающими ее грудь". Ее волосы спускаются в двойную косу с каждой стороны, закручиваясь внизу вокруг плеч.[277] Шапка конической формы, с вздернутым околышем и выпуклостью на макушке. Жрица, изображенная на соседней плите, по мнению тех, кто видел скульптуры, была одета в плащ, но камень отколот над коленями фигуры. Чуть дальше находились три фигуры в процессии. Этот камень также был разбит примерно посередине фигур;[278] но центральная фигура, как видно, была одета в длинный плащ с бахромой и длинную нижнюю одежду, подпоясанную ремнем, в то время как на внешних фигурах была только короткая туника, знакомая по хеттским скульптурам. Только крайние фигуры носят вывернутую обувь - интересное различие, если оно правильно представлено. М. Перро видит в скульптурах жреца между двумя воинами. Граница камня представляет собой узор из непрерывных концентрических кругов, подобный тому, что мы видели в Сакдже-Геузи на скульптурах позднихеттского искусства.

На небольшом расстоянии вверх по Евфрату от Иераблуса находится Биреджик, который теперь вытеснил первый как место для перехода реки. Отсюда происходит любопытный памятник неопределенного происхождения, который сейчас хранится в Британском музее

под названием "Монолит царя". Поскольку ни на нем, ни на обстоятельствах его обнаружения нет явных свидетельств того, что это работа хеттов, мы не будем на нем останавливаться. Однако он имеет несколько наводящих на размышления черт, не менее интересной из которых является крылатый диск с орнаментом в виде конского сапога над фигурой, как на эмблемах, обозначающих царя-жреца в Богаз-Кеуи.[279] В Телль-Ахмаре, где находится еще одна переправа через Евфрат примерно на таком же расстоянии к югу от Иераблуса, г-н Хогарт недавно сделал открытия, которые вносят важные свидетельства в нашу тему. Ожидая полного описания этих вновь найденных памятников,[280] мы можем отметить, что место находок находится на восточном берегу реки, что свидетельствует о том, что хетты того времени были хозяевами этой переправы; И что среди предметов, обнаруженных здесь или поблизости, есть лев несколько хеттского характера, написанный клинописью, но не иероглифами, и стела или скульптурный памятник своего рода, с восемью строками рельефных надписей по трем сторонам, а на четвертой стороне - нижняя часть мужской фигуры, стоящей на быке. Дальше по реке, выше Биреджика, находится Рум-Кале, откуда происходит еще один фрагмент, столь же сомнительный и еще более любопытный. Это, безусловно, одна из худших серьезных попыток нарисовать человеческую фигуру, над которой когда-либо работал скульптор или каменщик. М. Перро[281], очевидно, включает его в свой список хеттских работ, хотя и описывает его как "неуклюжий". В данном случае нет никаких признаков хеттского или какого-либо другого стиля, так что дальнейшее рассмотрение ничего не дает.

Однако, когда мы достигаем Самсата, появляется определенно хеттский памятник.[282] Это объект, который по форме напоминает погребальную стелу Кара-буршлу; но поскольку в этом случае сохранился пьедестал уменьшающейся толщины, а надпись также находится на двух сторонах камня, есть дополнительные доказательства в пользу того, что он стоял отдельно. Однако тема скульптуры, высеченной на лицевой стороне, совершенно иная - это всего лишь одна фигура. Насколько ее можно разглядеть (ведь в середине тела по всей длине камня когда-то была прорублена глубокая канавка), кажется, что это человек, повернутый вправо. Он одет в длинный халат, окаймленный по низу, и обут в туфли с экстравагантно вывернутыми пальцами. В правой руке он держит (возможно, правой) посох, а в левой, что более сомнительно, перевернутый литавр, на манер жрецов Богаз-Кеуи и Эюка. Надпись вырезана, но вряд ли она достаточно хорошо сохранилась, чтобы ее можно было скопировать с уверенностью. С одной стороны прослеживается девять рядов иероглифов, с другой - шесть, но почти половина камня отсутствует. Он был найден на открытой местности, частично засыпанный, между городом и холмом акрополя. Его высота чуть больше пяти футов, не считая пьедестала, так что фигура, стоящая у подножия, была примерно в натуральную величину. Ширина лицевой стороны камня составляет 25 дюймов, а глубина вписанных сторон - семнадцать дюймов.

В Гергер Калеси, почти у главного поворота реки, на скалах стоит памятник, дальнейшие подробности о котором представляли бы большой интерес. Судя по опубликованным рисункам[283], он напоминает хеттские рельефы в Гяур-Калеси и Кара-Беле на западе хеттских земель; и мы ожидаем дальнейшего тщательного изучения, надеясь найти на нем хеттские иероглифы. Фигура, очевидно, гигантская, в три раза выше человеческого роста. Это воин, одетый в короткую тунику (детали которой сомнительны). На голове у него какой-то воротник и коническая шапка. Через левое плечо перекинут лук, правая рука опущена вниз и вытянута вперед. Он очень точно имитирует хеттский памятник, и его нахождение на краю восточной границы этого народа тем более интересно.

Раздел Б. - Памятники в Тавре и Антитавре.

МАЛАТИЯ, ДЕРЕНДЕ, ПАЛАНГА, ГУРУН; АРСЛАН-ТАШ, АЛЬБИСТАН; КУРУ-БЕЛЬ; ЭКРЕК, ТАШДЖИ, ФРАКТИН.

С севера Сирии мы переходим в горный район Тавра и Антитавра. Здесь находится центр, если не средоточие, хеттских земель, и единичные памятники встречаются в большом количестве и разнообразии. Если принять во внимание трудности исследования, то следует признать, что не менее одиннадцати хеттских стоянок в стране тавров четко обозначены, по сравнению с таким же количеством на севере Сирии и примерно двадцатью, разбросанными по всему столовому региону и западу Малой Азии, это замечательный и наводящий на размышления факт.

Одно из самых важных мест находится в Старой Малатии, расположенной недалеко от впадения Тохма-Су в Евфрат. Здесь должен был находиться укрепленный город, сравнимый с Марашем, для обороны границы. Хотя систематических раскопок на этом месте еще не проводилось, характер нескольких найденных здесь скульптур говорит сам за себя. Курган, обозначающий древний акрополь, вероятно, сейчас называется Арслан-Тепе, расположенный недалеко от деревни Ордасу, примерно в двух или трех милях к северо-востоку от современного города: внимание ученых было привлечено к этому месту визитом экспедиции мистера Хогарта в 1894 году. Исследователь описывает курган[284] высотой около пятидесяти футов, неправильной формы, самый длинный с севера на юг, похожий на скопление над зданием, но без видимой каменной кладки на нем. К западу от него возвышаются два меньших кургана, а к югу - еще один. Евфрат находится примерно в двух часах езды. Скульптурных камней семь, и они, по-видимому, являются частью серии, украшающей фасад. Три из них - просто облицовочные плиты, а четыре других (найденные независимо друг от друга) более массивны и, возможно, служили строительными блоками. Самая совершенная плита[285] имеет длину чуть меньше четырех футов, высоту два фута и толщину один фут. Вдоль верхней части расположен неполный ряд рельефных иероглифов,[286] читающихся слева. Ниже находится главная тема украшения, представляющая охоту на льва, вырезанная в сильном рельефе. Изображение состоит из конной колесницы с двумя всадниками, собаки под лошадью и раненого льва впереди. Несколько иероглифических знаков находятся над спиной коня, а также между его головой и головой льва; но поскольку эти знаки читаются теперь справа налево, можно сделать вывод, что они продолжают надпись выше. Скульптура формальна и лишена жизненной силы, но можно отметить несколько деталей. Колесница небольшая. Возница и воин стоят внутри, бок о бок; последний занимает переднее место на картине, которая нарисована в профиль с обычными условностями. Оба мужчины одеты в короткие туники с поясами, оба носят плотно прилегающие черепные коробки, а волосы воина завиты характерным образом за шеей. Его оружие - лук и копье. Лук короткий и изогнутый, а стрелы сильно колючие; два колчана изображены крест-накрест на боковой панели колесницы. Копье изображено острием вверх, наготове в задней части колесницы. Водитель держит две пары поводьев, из чего можно сделать вывод, что управляются две лошади, хотя бок о бок видны очертания только одной. Плечевые мышцы коня очерчены условно, заметно, что его грива туго переплетена и заканчивается завитком. Атрибуты не различимы. Фигура собаки видна между передними и задними ногами лошади, она грубая и неинтересная. Поза льва нетрадиционна. Он изображен полураздетым, поворачивающим голову с открытой пастью в сторону своих мучителей и когтями раздирающим воздух от боли в ране. Под плечом виднеется древко стрелы. Хвост короткий и тонкий, загибается вверх; у лошади он длинный и опускается так, что почти касается земли. Грива льва полностью представлена короткими завитками, но

живот и плечи без волос.[287] Когти преувеличены, нос не прорисован, и в целом исполнение скульптуры плохое.

Второй блок[288] меньше, но разбит на две части; похоже, что на нем отсутствует и верхняя полоса надписи. С правой стороны он явно дефектен, изображая с этой стороны заднюю часть колесницы с шестиспицевыми колесами, колчанами, копьем и луком, точно так же, как и в предыдущем случае. Более совершенная сцена, хотя и разорванная посередине, показывает две фигуры, сидящие на церемониальном празднике, подобном описанному ранее.[289] Хотя оба человека сидят, они представлены не совсем одинаково. Тот, что слева, похож, мужчина; его отличает тесная круглая черепная крышка с вздернутой пикой или орнаментом на брови. Его длинный прямой нос очень выделяется. Его волосы закручены назад в один полный локон за шеей. Его халат длинный, с бахромой по низу. Пальцы его туфель заметно вздернуты, а ноги покоятся на табурете с квадратной рамкой. Стул, на котором он сидит, имеет изогнутые ножки, образующие крестообразную восьмерку и заканчивающиеся небольшим изгибом наружу, похожим на те, что поддерживают стол в других скульптурах. Спинка стула высокая и обращена наружу. В правой руке мужчина держит перевернутый кривой посох, а в левой - небольшую чашу. Предметы на столе невозможно идентифицировать, так как камень здесь гладкий, но видно, что стол поддерживают две прямые ножки, которые перекрещиваются. Фигура справа от стола, обращенная к другому, видна на камне менее отчетливо, но ее достаточно, чтобы понять, что она значительно отличается в некоторых деталях. Головной убор - шапка, которая не плотно прилегает к голове, а прямо поднимается спереди. Сзади длинная вуаль или шаль, кажется, спускается до талии, где ее уже невозможно проследить из-за выветривания камня. Судя по лицу и одежде, фигура представляет собой женщину. Она сидит, как и в других случаях с женщинами,[290] на сиденье с квадратной рамкой и веретеном, спинка которого, должно быть, была низкой. Предполагается, но не точно, что ее ноги покоятся на подставке. Несколько иероглифических знаков между головами фигур и более длинный ряд над всеми завершают целое. Хотя эти скульптуры плохо сохранились и плохо вырезаны, их общая тематика не лишена особого интереса. Правая часть с колесницей и лучником имеет тот же характер, что и охота на льва, изображенная на ранее описанном камне, и, возможно, является частью той же схемы. Левая часть с двумя сидящими фигурами относится к классу церемониальных пиршеств, различные примеры которых мы уже описывали. Объединение этого сюжета с другими, совершенно иного значения, имеет параллель в настенных скульптурах Синджерли, где, однако, различные сюжеты не находятся на одном камне, как в данном случае. Здесь также изображены мужчина и женщина. Ни один из них не служит другому; оба, кажется, в равной степени участвуют в обряде. В них мы склонны видеть местных короля и королеву, поскольку они являются достаточно важными персонами, чтобы быть представленными, хотя никакие особые атрибуты ранга их не обозначают. Пиршество вождя и его супруги - тема, легко понятная в восточном искусстве; но если тема действительно имеет религиозное значение, что более вероятно, мы видим их в качестве главного жреца и жрицы,[291] ассоциации, для которой скульптуры Эюка дают нам достаточную аналогию.[292] Этот вариант мы считаем реальным объяснением в данном случае.

Третья скульптура из Малатии[293] имеет меньший размер, всего тридцать два дюйма в длину и восемнадцать в высоту. Однако она находится в прекрасном состоянии, и, хотя края обломаны, сцена, изображенная на ней, сама по себе завершена. Рельефная резьба - . Как и в предыдущих случаях, по верху слева направо проходит строка надписи[294]. Сюжет воспроизводит поразительное сходство с большинством черт на первом описанном камне, за исключением того, что на месте раненого льва изображен убегающий олень. В остальном

лошадь, колесница, стрелок и водитель, даже собака под ногами лошади, воспроизведены почти с точностью до факсимиле. Только в данном случае лучшая сохранность камня позволяет нам более четко проследить некоторые детали, а рисунок и резьба выполнены с большим мастерством и тщательностью. Можно различить короткие рукава мужской одежды; "два колчана", подвешенные крест-накрест на боковой панели колесницы, выглядят почти как прочные диагональные опоры открытого каркаса. Как и в первом случае, изображен только один конь, но атрибуты явно рассчитаны на двоих, а над его спиной есть приподнятая полоса, которую можно принять за спину второго коня или, возможно, за шест колесницы. Лошадь целая. Мышцы плеча и бедра на всех животных очерчены с тщательностью, а за плечом лошади есть еще несколько отметин, предназначенных, вероятно, для более полного изображения ребер или мышц, напоминая о подобной условности, наблюдаемой на некоторых скульптурах Эюка[295] и Сакдже-Геузи.[296] Олень представлен с ветвистыми рогами, а его голова хорошо прорисована. Он находится в полном полете перед своими преследователями, его задние ноги на рисунке перекрывают передние ноги лошади.

ПЛАТА XLIV

МАЛАТИЯ.

і. Царь-жрец совершает жертвоприношения в святилище бога неба, который стоит на быке с молнией в руке. (См. с. [138](#), [359](#).)

ii. Королева-жрица, совершающая подношения крылатому божеству-покровителю. (См. с. 139.)

Других камней из Малатии[297] четыре, каждый украшен с одной стороны. К сожалению, о них нет никакой информации, кроме опубликованных фотографий, которые опять же не являются удовлетворительными. Сюжеты, вырезанные на камнях, представляют поразительный интерес. На первом из них божество в коническом головном уборе, украшенном кольцами,[298] стоит на спине рогатого быка.[299] Его левая нога выставлена вперед (так как он обращен лицом вправо), а на ступнях - башмаки с откидным верхом. В его правой руке, отведенной назад, находится треугольный лук,[300] а в вытянутой левой руке он, кажется, держит вилообразную эмблему, похожую на трезубец молнии,[301] и в то же время хватается за шнур, который прикреплен к носу быка. Его одежда - короткая туника с каймой. Перед ним стоит длиннополый человек, в котором мы узнаем царя-священника, отличающегося плотно прилегающей шапочкой и характерным крупным завитком волос за шеей. В левой руке он держит перевернутый литавр, правая частично вытянута и, кажется, выливает какую-то жидкость, которая падает волнистой струей. За ним следует маленький человек, который ведет вверх (похоже, с некоторым трудом) козу, явно предназначенную для подношения. Картину дополняют несколько иероглифов. Поучительно сравнить весь сюжет с тем, что украшает левую руку фасада дворца в Эюке,[302] особенно потому, что каменные блоки, похоже, в данном случае также представляют собой кубические строительные камни. Вторая скульптура этой серии изображает другое божество, крылатое,[303] хотя и в той же конической шапке с кольцами и вздернутой вершиной. Его одежда любопытна: нижняя часть кажется многослойной, непрерывно струящейся одеждой, которая обвивается вокруг его тела и одной ноги и проходит за другой ногой. Две руки он держит рядом с телом, а в левой держит какой-то предмет, который непонятен, но видно, что он доходил до левого плеча. К нему подходит королева-священница, которую можно узнать (как и в прежних случаях) по низкой цилиндрической шляпе и длинному плащу или вуали, спускающемуся из-за плеч до земли. Ее левая рука поднята в знак почтения, а правая, вытянутая, но низко опущенная, держит узкий кувшин с боковой ручкой и длинным горлышком, из которого она явно переливает пожертвование в двуручную вазу, стоящую на земле перед ногами бога.[304] За ней следует маленький слуга, ведущий животное, которое, как и в предыдущем случае, можно предположить, что это козел. Немногочисленные иероглифы, сопровождающие эти фигуры, неразборчивы. Третий блок серии, по-видимому, был украшен рядом мужских фигур, не сопровождаемых никакими иероглифами. Сохранились две из них. Каждый из них одет в короткую тунику с каймой, достигающую до колен, конический шлем с кольцами между ребрами и обувь с вывернутыми пальцами. Второй мужчина, завершающий серию, бородат, его нос скорее монголоидный, чем аквилонский или семитский, и он носит заметную завитую косичку. В вытянутой вперед левой руке он держит в вертикальном положении длинное копье (или похожий предмет), древко которого упирается в землю. В правой руке, прижатой к боку, он сжимает рукоять булавы, головка которой состоит из кольца, похожего на то, что можно увидеть на шлемах. На поясе у него висит кинжал с изогнутым лезвием и полумесяцем на рукоятке. Мужчина, за которым он следует, кажется безбородым, на нем короткая мантия, один конец которой свободно перекинут через правое плечо. Его нож похож на нож его соседа, но предмет с длинным древком, который он несет наклонно, держа в обеих руках, трудно распознать; с верхнего конца, кажется, свисает короткая кисточка или предмет, прикрепленный шнуром. Обе фигуры обращены вправо, и, повинаясь традиции, их лица и тела изображены в профиль, плечи на виду, а левая нога и левая рука выдвинуты вперед. Последняя из этой серии фрагментарна и, похоже, является

украшенной верхней границей более крупного сюжета. В том, что осталось, гипотетически можно увидеть пару рук, поднятых вверх среди пламени. Над всем этим - узор из витков веревки.

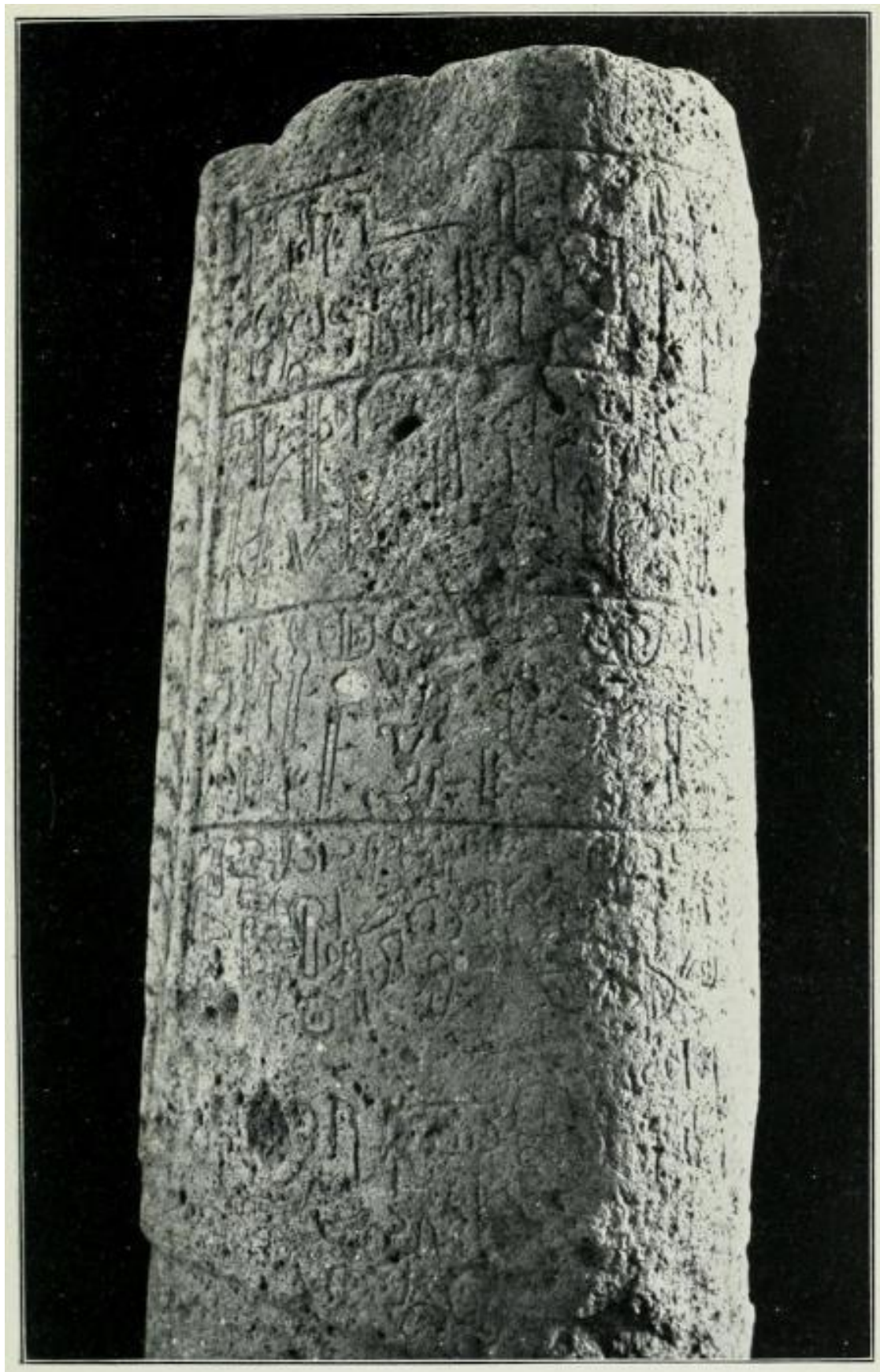
Оглядываясь на характер этих скульптурных памятников, мы можем с некоторой уверенностью отнести их к двум различным строительным периодам. Самыми ранними являются четыре только что описанных, которые с точки зрения конструкции и символики напоминают, как мы видели, дворцовые работы и скульптуры Эйюка.[305] Другие скульптурные плиты, которые мы описали первыми, более точно соответствуют с обеих точек зрения останкам Синджерли и Сакдже-Геузи,[306] которые мы найдем основания считать в последующих главах принадлежащими, вероятно, к более поздней фазе, чем вышеупомянутые. В целом одну группу можно отнести к поздней половине второго тысячелетия до н. э., а другую - к первым векам первого.

Поднимаясь вверх по долине Тохма-Су, сразу после прохода Дерендеха мы встречаем небольшую группу памятников. Когда английские исследователи Хогарт и Манро проходили этим путем в 1891 году, ходили слухи[307] о скульптурном льве в месте под названием Хауз, недалеко от Дерендеха на севере. Но самые известные памятники были найдены в окрестностях Паланги (Чифтлик), которая находится на возвышенности после выхода из ущелья реки, примерно в трех часах пути на запад от Дерендеха. Здесь в главные ворота был встроен небольшой лев, вырезанный из базальтового камня, а в луже возле колодца, который использовался в качестве ступеньки, лежал фрагмент уникальной колонной фигуры, также сделанной из базальта. Лев был похож на тех, что были найдены на соседнем придорожном кладбище, называемом Арслан-Таш, которое мы сейчас опишем; колонная фигура,[308] однако, уникальна и поучительна. Сохранившийся фрагмент имеет высоту пятьдесят два дюйма и около пятидесяти пяти дюймов в окружности в верхней части: ниже он немного раздувается. Он представляет собой нижнюю часть задрапированной фигуры; это просто бесформенная колонна без ног, но двойной выступ камня в конце первой строки надписи, очевидно, предназначен для изображения ягодиц. Драпировка состоит из нижней юбки, простой, за исключением короткого ряда перпендикулярных складок по середине спины, и верхней одежды, наброшенной на левую сторону, сложенные края которой почти сходятся под правой рукой.[309] Эта мантия или плащ спускается ниже уровня колен; ее вертикальные края окаймлены каймой из узких ворсинок или меток, очень похожих на те, что изображены на терракотовой статуэтке с Кипра"[310] Надпись на этом памятнике простирается от передней части фигуры по левой стороне до спины, занимая две трети окружности. Знаки вырезаны и расположены в четыре полосы, самая нижняя из которых шире, но менее тщательно вырезана, чем остальные. Мистер Хогарт в своем описании указывает и на другие интересные аналогии. Столбчатая форма, плоская обработка драпировки и ребристые складки нижней юбки напоминают ему о Гере Самосской в Лувре, а для изображения зигзагообразных складок по краям плаща и ягодиц можно легко найти параллель в раннем греческом искусстве, как, например, среди архаических статуй в музее Акрополя в Афинах. В частности, большие терракотовые фигуры из Саламиса представляют собой интересное сравнение как в отношении формы, так и общего расположения драпировок.

Трудно указать на какие-либо более близкие аналогии, чем те, на которые указал мистер Хогарт в момент своего открытия. Хотя статуя Хадада, найденная близ Синджерли, относится к другому месту и более позднему периоду, она кажется нам продуктом той же традиции в искусстве. 311] Есть еще одна статуя более позднего времени из этого места, о находке которой было недавно объявлено. 312] Она также имеет колонную форму, хотя нижняя часть

юбки и ступни показаны. Руки также рельефные, а голова и лицо, последнее ужасно плохо прорисовано, круглые. Это пережиток и развитие более древнего мотива.

ПЛАТА XLV

ПАЛАНГА: КОЛОННАЯ СТАТУЯ С НАДПИСЬЮ

Череда памятников от Паланги до Альбистана указывает на южное раздвоение маршрута, связанного в хеттские времена с долиной Пирама. Предположение о существовании важной хеттской дороги, непрерывно ведущей вверх по долине Тохма-Су, а затем через водораздел к Халису и, возможно, к Птери, подтверждается еще двумя надписями, найденными на скалах в Гуруне, который находится несколько дальше вверх по реке на краю водораздела. Это место (*Гаураина* Птолемея и *Гуриания* ассирийских текстов) находится в дефиле на обоих берегах реки. Чуть выше деревни воды текут по узкому скалистому ущелью, у подножия которого и были найдены две надписи.[313] Одна из них выбита на лицевой стороне нависающей скалы, рядом с небольшим источником. Она занимает пространство около четырех футов в ширину и трех футов в высоту, и расположена на высоте двенадцати или более футов над землей. Другая находится несколько выше по склону и дальше от ручья: иероглифы крупнее, чем в первом случае, и менее тщательно вырезаны. Надписи сильно выветрились, так что разобрать их практически невозможно, но, похоже, они частично дублируют друг друга. Можно узнать эмблемы, отличающие два главных мужских божества в божественной триаде в Богаз-Кеуи[314]; профессор Сайс также обнаружил вариант названия места, часто повторяющегося в надписях Кархемиша (*Гар-га-ме-и-си-я*), что позволяет предположить, что между этими двумя местами существовали какие-то политические отношения.

Повернув от Дерендеха на юг к водоразделу, мы достигаем Арслан-Таша, примерно через три мили после прохождения Паланги. Это место находится примерно в одной миле к востоку от курдской деревни Ени Кеуи. Место отмечено рядом торосов возле небольшого придорожного кладбища и получило свое название[315] от двух огромных монументальных львов из твердого известняка,[316] один из которых стоит прямо, а другой завалился на левый бок. Они образуют пару, каждый из которых около восьми футов в длину и почти шесть футов в высоту. Эти памятники, хотя и большие и впечатляющие, имеют грубый вид. Они больше всего напоминают двух массивных ранних львов, найденных в Синджерли,[317] но, хотя и подчиняются определенным ранним канонам, они менее тщательно проработаны, а также более грубо нарисованы. Их пасти открыты, но преувеличены в размерах. Грубая грива сильно, но не тонко прорисована; ноги совсем не отделены от камня; передние лапы почти бесформенны, но задние полностью очерчены, с прорисованными мышцами бедра. В профиль видны только одна передняя и одна задняя лапы (чисто хеттская традиция), а хвост спускается между ног вперед, заканчиваясь завитком.[318] Мистер Хогарт считает, что в том виде, в котором они лежали, когда их нашли, эти львы могли обозначать местоположение входа в здание.

Чуть выше водораздела, в месте под названием (Ашага) Япалак, была замечена сильно испорченная хеттская надпись,[319] но она не была опубликована и, похоже, была удалена. Однако эта надпись указывает на непрерывность пути, и следующая находка приводит нас в долину Пирама в Изгине. Сам монумент был замечен и сфотографирован при большом волнении в Альбистане,[320] куда он был перевезен, и теперь находится в безопасности в музее в Константинополе.

Объект представляет собой обелиск, уникальный образец среди хеттских произведений. О его хеттском происхождении свидетельствует надпись, покрывающая четыре его стороны. Материал - крупнозернистый известняк; высота - восемь футов два дюйма; по форме он слегка сужается к вершине с одной точки зрения, сохраняя свою ширину (двадцать один дюйм) с другой. Сужающиеся грани внизу более узкие, чем остальные, их ширина составляет всего десять дюймов. Вершина слегка закруглена. Иероглифы выполнены в

сильном рельефе и расположены рядами. На широких гранях их около девятнадцати, а на узких - всего шестнадцать, так что на этих сторонах знаки расположены менее плотно. К сожалению, памятник сильно изношен в середине, и значительная часть надписи не может быть восстановлена. Первоначально он был найден в качестве надгробия на кладбище в Изгине, туркоманской деревне, расположенной примерно в шести милях к северо-востоку от Альбистана, недалеко от впадения Курман-Су в Пирам.

Мы видели, что памятники, которые мы изучали до сих пор в районе Тавра, указывают на путь двух основных дорог, одна из которых шла по долине Тохма-Су, а другая ответвлялась от этого маршрута на юг, чтобы попасть в долину Пирама. Недавно обнаруженный памятник указывает на один из путей, по которому в древности можно было пройти через Антитавр. Он находится на высоком перевале Куру-Бель - маршруте, который сейчас значительно подешевел, хотя и не лишен своих преимуществ. Расстояние до Команы (отождествляемой с современной деревней Шахр), лежащей к юго-востоку, составляет не более десяти миль. По этому маршруту пути с востока, будь то через Мараш или через Альбистан, сходясь в Комане, могли бы вести прямо в Кесарию и внутренние районы; или они могли бы без серьезных трудностей соединиться с Экреком дальше на севере, или Ташджи и Фрактином дальше на юге, все из которых являются местами хеттских работ. В этом случае памятник выглядит как большой алтарь из камня, квадратного сечения, с львом, склонившимся на вершине по обе стороны. Материал - серый трахит, который встречается только в пятнадцати или двадцати милях ближе к горе Аргеус;[\[321\]](#) и, поскольку объект весит чуть больше тонны, вызывает недоумение, как в древности его транспортировали по труднопроходимой дороге к тому месту, где он сейчас лежит. Однако мало сомнений в том, что он остался на своем древнем месте. Он находится на известняковой скале, которая поднимается с небольшого травянистого плато, заслоненного высокими пиками Соган-Дага, находящегося на высоте около 7500 футов над уровнем моря. Основание предмета массивное, прямоугольной формы, его длина составляет четыре фута, ширина - чуть меньше трех футов, а высота - семнадцать дюймов. Два склонившихся льва высечены из одного куска камня, по одному с каждой стороны, как декоративные подставки к трону. Камень значительно выветрился, поэтому невозможно восстановить впечатление от первоначальной отделки или деталей работы. Конечности животных очерчены и показаны в полном рельефе; резьба круглая. Длина львов почти равна ширине камня, а их высота составляет десять дюймов, а ширина - около одиннадцати дюймов. Свободное пространство между ними на вершине алтаря составляет около двух футов. Спереди можно различить несколько вырезанных хеттских иероглифов, которые, по-видимому, составляли часть большой надписи в три строки. Мы принимаем термин "алтарь" в качестве объяснения этого памятника, основываясь лишь на общем предположении о его форме; однако он уникален, и нет никаких материалов для формирования определенного мнения. Современные пастухи в окрестностях используют его для отбивания корней, из которых они добывают краску для маркировки овец. Такое использование значительно повредило львов и не дает нам никакой подсказки о первоначальном назначении памятника. Однако он вполне мог быть алтарем бога горы или перевала. Скульптуры Кара-Дага,[\[322\]](#) и даже скульптуры Богаз-Кеуи,[\[323\]](#) готовят нас к местным культам такого рода.

Из Куру-Бела, как мы уже упоминали, на внутреннее плато ведут несколько различных маршрутов. Один из них (но не самый простой и не самый прямой) идет по ручью Куру-Чай вниз до впадения в Заманти-Су. Немного выше слияния на противоположной стороне впадает еще один ручей, который протекает мимо Экрека. Это небольшая армянская

деревня, расположенная в восьми часах легкого пути на восток от Сезареи. В нем есть три христианские церкви, а на одном из кладбищ был обнаружен камень[324], представляющий особый интерес. Изначально это был хеттский памятник с панелью иероглифов, вырезанных вдоль нижней части, окаймленной двойной линией. Ниже появилось несколько знаков, но они не были продолжены. Камень был переделан, судя по всему, в христианские времена, и на нем были высечены пять крестов, оставленных в виде ложного рельефа путем срезания поверхности камня. По краю проходит кайма из перьев и зигзагов, которая, возможно, является оригинальной. Две розетки с равным успехом могли бы быть хеттскими, но их рельеф соответствует рельефу крестов. Последние расположены симметрично, по два маленьких с каждой стороны под руками большого центрального креста, который стоит на перекладине на грубо вырезанном "голгофе".

ПЛАТА XLVI

ЭКРЕК: ХЕТТСКАЯ НАДПИСЬ, УКРАШЕННАЯ ХРИСТИАНСКИМИ ЭМБЛЕМАМИ

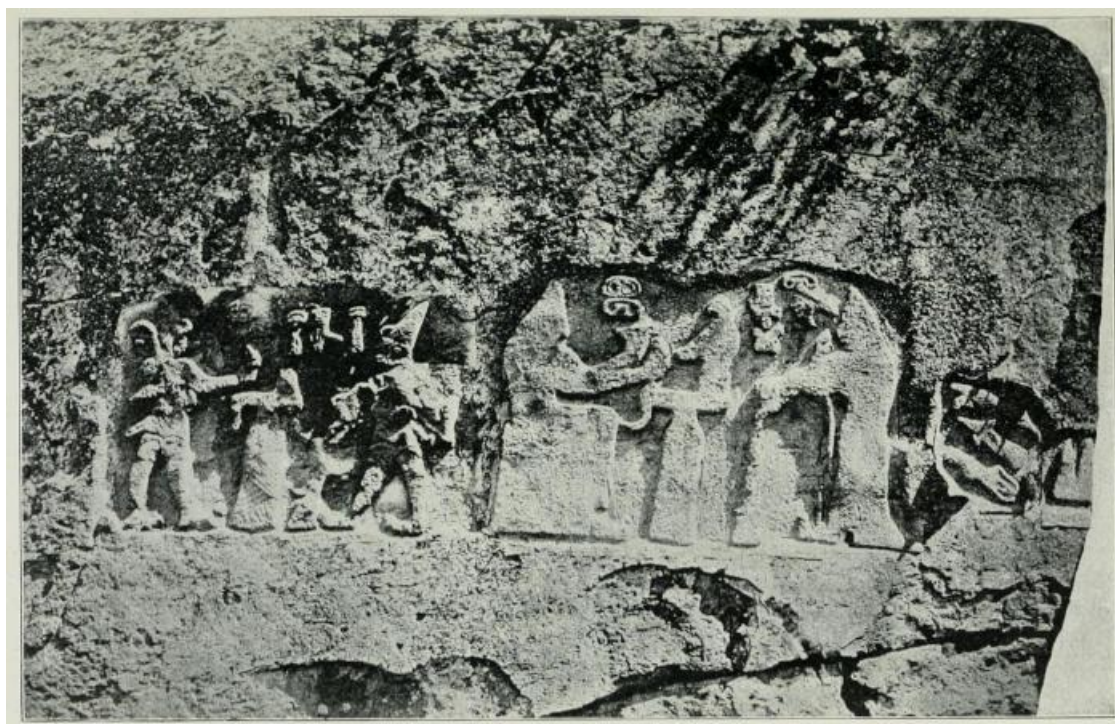
Дальше по Заманти-Су мы приходим в деревню Ташджи, расположенную в узкой лощине на берегу небольшого притока. Здесь, на скале, видны высеченные очертания двух фигур и

значительное количество иероглифов.[325] Резьба настолько выветрилась, и записи о ней настолько недостаточны, что из надписей мало что можно извлечь. Однако можно предположить, что обе фигуры были одеты в жреческую одежду с плотно прилегающей черепной коробкой. Резко очерченные черты лица одного из них остаются заметными. Они находятся по правую руку от изображенной сцены и обращены вправо от наблюдателя, поэтому можно предположить, что они обращены к какому-то божеству или обожествленному объекту, который ускользнул от наблюдения. Расположение этого памятника представляет особый интерес, поскольку он находится всего в восьми милях к востоку от Фрактина, расположенного на следующей главной излучине реки.

Здесь, во Фрактине (иначе Ферак-Дин),[326] находится одна из самых известных хеттских скульптур, которая вносит наиболее важный вклад в хеттский религиозный символизм.[327] Исходя из его положения на реке, профессор Рамсей с полным основанием отождествляет это место с *Дастарконом* на реке *Кармалас*, упомянутым Страбоном, [328] и показывает, как отсутствие названия этого места в списке *Хиеры*, хотя в свое время оно было самым важным и возглавляло все остальные в Каппадокии, доказывает его чрезвычайную древность как религиозного центра, значение которого уже угасало, когда составлялся список. Однако его святость сохранялась даже в христианские времена благодаря Кискисскому епископству, расположенному в Кискеуи, ближайшей деревне к этому месту.

Скульптуры Фрактина находятся примерно в полумиле к северо-северо-востоку от деревни, они высечены на выпуклой скале, обращенной к западу, где утес высотой около пятнадцати или двадцати футов возвышается над вялым потоком Кара-Су, который течет мимо у подножия. Они находятся на высоте около четырех футов от земли, а высота фигур - от трех футов до трех футов четырех дюймов. Группа заполняет пространство шириной девять футов восемь дюймов, или, включая внешнюю группу иероглифов, тринадцать футов десять дюймов в целом. Резьба выполнена в рельефе высотой около двух дюймов. Здесь две сцены, в каждой из которых по два персонажа. Группа слева состоит из двух мужских фигур, обращенных друг к другу и разделенных алтарем. Они оба одеты по хеттской моде: в короткую тунику, коническую шапку и обувь с оттопыренными носками,[330] а у каждого на поясе, кажется, висит кинжал. Фигура слева держит какой-то предмет в вытянутой левой руке над алтарем. В правой руке он держит изогнутый посох, который опирается на плечо. 331] С этой фигурой ассоциируется разделенный овал, эмблема святости; так что мы не можем сомневаться, что если кто-то из этих двоих является божественной фигурой, которой служит другой, то речь идет именно о нем. Фигура по другую сторону алтаря более изуродована; кажется, что под левой рукой он держит треугольный лук,[332] в то время как правой рукой он схватил предмет, который волнистым контуром продолжается до земли перед его ногами.[333] Алтарь между ними очень любопытен, а предмет на нем неразборчив. Пьедестал кажется задрапированным почти как человеческая фигура узкой складчатой одеждой, заканчивающейся бахромой. Очевидно сужение в верхней части, представляющее талию, и горизонтальный пояс вокруг нее.

ПЛАТА XLVII

ФРАКТИН: НАСКАЛЬНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

Сцены посвящения богине-матери (справа) и сыну-супругу (слева).

Группа справа вырезана не полностью, показаны только контуры, хотя фон вырезан. Слева от алтаря в этом случае фигура сидит на табурете квадратной формы, и, несмотря на коническую шапку (обычно часть мужского одеяния), единственные параллельные случаи сидящего божества наводят на мысль о фигуре Ма, Богини-Матери.^[334] Кто бы или что бы это ни было, руки протянуты к алтарю. На противоположной стороне стоит такая же длиннополая фигура, причем одежда в этом случае имеет сзади значительный шлейф, а спереди торчит вывернутый носок одной ноги. Правая рука, кажется, опирается на длинный посох,^[335] в то время как левая, вопреки обыкновению, вытянута и держит длинный подвесной предмет, достигающий пола,^[336] как у аналога. Объект, сидящий на алтаре, не имеет объяснения, но больше всего напоминает грубо нарисованный контур сокола или другой крупной птицы^[337], обращенный к богине.

О значении этих скульптур написано много, и о многом еще можно спорить. Все, что можно сказать с уверенностью, - это недостаточность доказательств, по которым их можно было бы идентифицировать. Однако, как представляется, перед нами два акта поклонения, вероятно, сцены обряда омовения; и по аналогии со скульптурами из Богаз-Кеуи^[338] мы можем считать, что в этих скульптурах мы видим два святилища, одно - богини-матери, позже известной как Кибела, другое - ее спутника, также известного в более поздние времена как Аттис. В Богаз-Кеуи та же божественная пара предстает в другом обличье. Но, не зная местной религии, мы практически ничего не узнаем из этих отождествлений. Однако интересно отметить, как глубоко проник и как широко распространился по хеттским землям культ богини-природы в ранние времена.

Раздел С.- Памятники бассейна Халыс.

АСАРДЖИК, СУАСА; ЯМООЛА, БОГЧЕ, КАРАБУРНА; БОГАЗ-КЕУИ (ДЕНЕК МАДЭН).

К этой группе памятников относятся два или три, расположенные за пределами выпуклой кривой реки Халыс, но не менее значимые в бассейне, который эта река дренирует. Первый из них, расположенный на склонах горы Аргея, возможно, было бы правильнее отнести к памятникам Антитавра, из которых Аргея действительно является наиболее развитой и выдающейся вершиной. Мы не сомневаемся, что вблизи вершины этого великолепного дремлющего вулканического конуса можно было бы найти следы хеттских стоянок, но на данный момент единственное свидетельство присутствия хеттов в этой местности можно найти на сравнительно небольшом подъеме, в месте под названием Топе Нефези, недалеко от Асарджика.^[339] Здесь, среди множества небольших скал, есть одна, окруженная зарослями низкого кустарника, на южной стороне которой выбита хеттская надпись. Это место находится у одного из главных подъемов конуса, откуда открывается вид на равнину внизу, а впереди снежная вершина вырисовывается ярким, сверкающим контрастом из густых зарослей сосен и елей, покрывающих среднюю высоту горы. Вблизи этого места проходит поток, текущий с вершины горы, и спускается к востоку от Кесарии, чтобы влиться в Дели-Су. Эта река, текущая на запад через болота, вскоре впадает в Кара-Су, которая впадает в Халис чуть выше моста Бир-Гез^[340].

Сам камень расколот по вертикали и выветрился по краям, так что часть надписи на левой руке отсутствует, а часть неразборчива. Она занимает пространство шириной около четырех футов и высотой почти два фута. Она состоит из двух полос, нижняя из которых, высотой около восьми дюймов, лишь слабо отмечена полустертыми знаками, которые наводят на мысль о граффити. Верхняя полоса покрыта вырезанными иероглифами и группой коротких вертикальных штрихов, вероятно, представляющих собой цифры. В левой части надписи три или более знаков накладываются друг на друга в каждом столбце, а вся надпись читается четко справа налево. На данный момент наличие и расположение этого памятника - главные его характеристики, имеющие значение.

Другой объект, расположенный примерно на таком же расстоянии от Халиса, но значительно западнее, - Суаса, в верховьях ручья, впадающего в Халис чуть выше Карабурны. Здесь на кубическом каменном блоке, подобном многим сотням, упавшим со скалы, была найдена^[341] надпись, выбитая на лицевой и обратной стороне. Открытая часть камня имеет ширину более трех футов. Сведений о памятнике недостаточно, чтобы мы могли придать большое значение его очевидным внутренним деталям, таким как возможное появление крылатого животного и рыбы среди иероглифов. Больше всего, как и в первом случае, нас волнует несомненно хеттский характер памятника, и место, где он найден. Если рассматривать эти изолированные памятники как общее свидетельство хеттских маршрутов, то в этом можно усмотреть предположение о дороге из Аксерая (*Архелая*) прямо в Карабурну, соединявшейся, с одной стороны, с Ардистамой или Конией, а с другой - с Богаз-Кеуи южным ответвлением царской дороги^[342].

Карабурна лежит на северном берегу реки Халыс.^[343] Сразу за деревней возвышается крутой холм высотой около четырехсот футов, увенчанный древней крепостью. С двух сторон стена из скалы образует достаточную защиту, но на западе, и особенно на севере, она более разрушена и дополнена искусственной стеной из грубого камня.^[344] В восточной части есть что-то вроде ворот, а внизу - подземный ход, ведущий, вероятно, к колодцу.^[345] На полке скалы слева от этого входа есть длинная хеттская надпись.^[346] Поверхность скалы не очень гладкая, и она была найдена изношенной и покрытой лишайником. Тем не менее первооткрыватель принес хорошие копии надписи, которая важна как по своей сути, так и с топографической точки зрения. Иероглифы вырезаны и расположены в три ряда с каймой и разделительными линиями. Похоже, что они заполнили пространство длиной более пяти

футов и шириной чуть менее двух футов. Надпись, в переводе профессора Сайса, относится в основном к строительству укрепления и его башен; также есть замечательное предположение, что этот район был подвластен Тиане или являлся ее частью. Если мы можем сделать из этого вывод, то он заключается в том, что надпись относится к тому времени, когда Таяна вытеснила Птерию в качестве столицы хеттов, и когда Великая Киликия заняла место Северной Каппадокии в качестве наиболее важного хеттского государства.

ПЛАТА XLVIII

БОГЧЕ: хеттская надпись на четырех сторонах камня с круглой вершиной (см. [с. 155](#).)

В Богче, выше по реке и на противоположном берегу, находится уникальный хеттский памятник, который, насколько можно судить, стоит сейчас именно там, где стоял в древности. Он представляет собой плоский округлый гранитный камень, испещренный надписями с обеих сторон и с торцов и стоящий на подходящем цоколе или постаменте. Ширина камня составляет почти ровно четыре фута, а высота - три фута. Сбоку его ширина составляет двадцать один дюйм, внизу он сужается до одиннадцати с половиной дюймов вверху.^[347] Место расположения памятника - склон возвышенности, возвышающейся над долиной реки, и изолированный среди пастбищ к западу от деревни. Его характер и положение в равной степени наводят на мысль о племенном или деревенском пограничном камне, как, например, в Гуруне и Булгаре-Мадене. Надпись расположена в четыре строки и, по-видимому, начинается в правой верхней части северной стороны (которая обращена к реке). Иероглифы вырезаны и включают несколько новых и необычных знаков. Несмотря на сложность надписи, она является одним из самых совершенных образцов, доступных для дешифровщика или филолога.

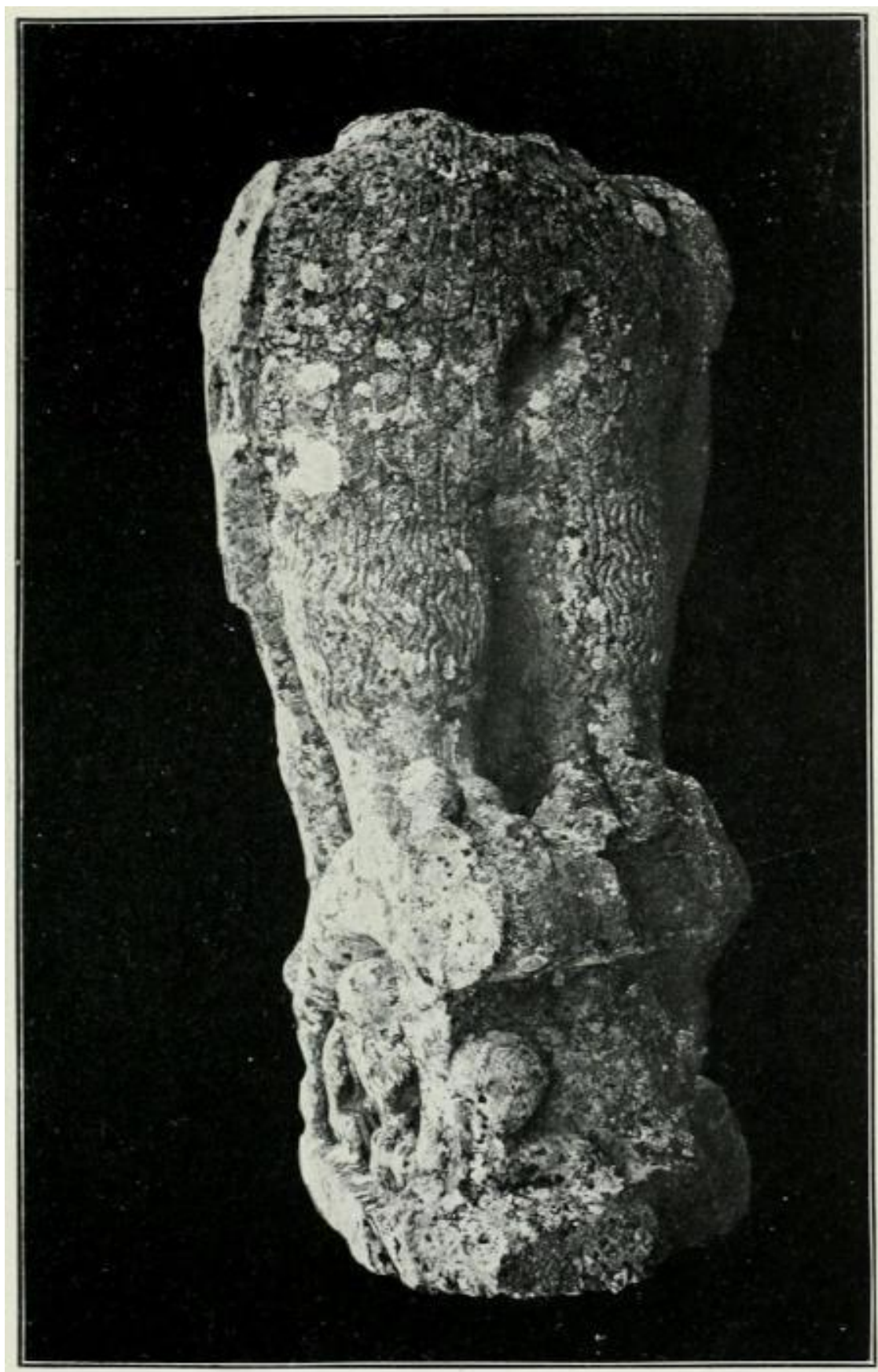
Миновав мост через Бир-Гез, Ямула находится немного дальше по реке, на северном берегу. Деревня находится на открытой местности, но чуть выше долина сужается до ущелья, которое практически не прерывается вплоть до Чок-Гез-Кеупру.^[348] Тропинка большей частью идет вдоль берега реки, извиваясь по узкой полосе земли между водой и возвышенностями, которые выходят на нее. Другие тропы идут по более высокой местности, но они затруднены сыпучими камнями, которые густо покрывают поверхность, придавая

местности пустынный и дикий характер. Примерно в сорока минутах езды от Ямулы или в двух с половиной часах от Чок-Гуз-Кеупру, монумент находится на пологом склоне у края крутого холма высотой около пятисот футов. С этого места не открывается обширный вид на реку, хотя до нее всего сто ярдов, потому что между ними земля немного возвышается; но чуть выше по течению берега становятся более пологими, и вода появляется на изгибе.

Памятник представляет собой гигантского орла из камня,[\[349\]](#) изваянного в круглой форме, стоящего на массивном основании, украшенном рельефным изображением сидящего льва на каждой из трех панелей спереди и по бокам. Высота всего здания составляет семь футов. Сейчас он лежит на одной стороне, но, судя по всему, первоначально он был установлен в четырех или пяти ярдах от него на платформе из камней, передний край которой слегка приподнят, как гребень, чтобы предотвратить скольжение[\[350\]](#).

Голова этого большого орла, к сожалению, отломана и не была найдена. Вокруг шеи рисунок из перьев, покрывающий тело, уступает место волосовидному изображению, которое выглядит как два скопления волос, вьющихся друг к другу. Возможно, это всего лишь способ воспроизведения пуха на шее, параллельно с обработкой ног; с другой стороны, волосы могут быть предназначены, и, таким образом, возможно, что птица была человекообразной. Однако после тщательного рассмотрения деталей и вероятностей мы склонны принять более простое решение: эмблемой был простой, хотя и гигантский орел, установленный на львином основании. На груди птицы оперение представлено узором в виде листьев, смелость которого соответствует огромному размеру предмета. На спине эта деталь в некоторой степени повторяется, но в основном работа более традиционная, состоящая из полос узора из сельдевых костей, проходящих по всей длине тела, расходящихся на плечах, а затем постепенно сходящихся к хвосту. Ноги покрыты пухом, а когти выполнены с большой силой.

ПЛАТЬЯ XLIX

ямула: ГИГАНТСКИЙ БЕЗГОЛОВЫЙ ОРЕЛ, СТОЯЩИЙ НА МАССИВНОМ ПОСТАМЕНТЕ, ПОДДЕРЖИВАЕМОМ ЛЬВАМИ

Фон удален.

Основание этого памятника также представляет особый интерес. На каждой из двух видимых панелей (а значит, предположительно и на третьей) лев изображен не совсем приседающим, а как бы поддерживающим вес на своих плечах и спине. Его передние конечности слишком сильно приподняты для обычного лежачего положения, хотя в остальном повадка этих животных спокойная. Левая нога в каждом случае перекрещивается с правой, а хвост закручивается между ног назад через бедро. Правый бок представлен в каждом случае, а морда смотрит наружу. Ширина основания, за исключением хвоста, который выступает примерно на пять дюймов, составляет три фута девять дюймов. Обрамляя панели, на которых изображены львы, и отделяя пьедестал от остальной части памятника, есть любопытная волнистая гряда камня, на которой сидит орел. Возможно, он задуман как ветвь дерева, но по своему попеременному сужению и расширению он почти напоминает извивающуюся змею.

Мы отошли от строгих рамок, установленных на в самом начале нашего расследования, включив этот предмет, который не имеет надписи и на нем нет прямых свидетельств даты. Мы делаем это потому, что с определенной уверенностью утверждаем, что это хеттская работа. Орлы, рельефные и круглые, и львы - знакомые эмблемы в хеттском религиозном искусстве, и они встречаются в ассоциации в Богаз-Кеуи;[\[351\]](#) более того, в этом месте, которое, как мы полагаем, было религиозным центром всего бассейна Халиса, культ орла, похоже, был увековечен в хеттские времена.[\[352\]](#) Таким образом, хотя характер и композиция памятника уникальны, эмблемы, которые он включает, являются знакомыми предметами в хеттском искусстве и подходят для данной местности. Однако мы не можем высказать никакого мнения о его значении; его расположение в долине реки наводит на мысль о возможной связи, а мы знаем[\[353\]](#), что реки были священными для некоторых хеттских племен.

Если оставить теперь долину Халиса, то можно отметить тот необычный факт, что в широком круге, который охватывает эта река, нет никаких постоянных следов хеттского присутствия, кроме руин столицы в Богаз-Кеуи и соседнего дворца в Эюке. В первом месте есть один памятник под названием *Нишан-Таш*, который заслуживает упоминания независимо от зданий и скульптур, которым мы посвящаем отдельную главу, поскольку он представляет собой наскальную резьбу, не похожую ни на что другое на акрополе, где он найден. Она находится между двумя крепостями Бейюк и Енидже Калех, где поверхность скалы, обращенной к югу, была выровнена на пространстве примерно двадцать футов на десять, и на ней высечен рисунок или надпись, расположенная в десять отдельных строк. Обычно считают, что это надпись хеттскими иероглифами, и, вероятно, это верно; но из-за ее крайне выветренного состояния мы не считаем возможным сейчас распознать знаки с какой-либо уверенностью, хотя один путешественник утверждает, что расшифровал четыре строки в сравнительно недавние годы. Скала отходит под значительным углом и поэтому полностью подвержена воздействию дождя и мороза. В настоящее время резьба имитирует ряд форм животных, расположенных парами друг напротив друга, а также (во втором ряду) крылатых существ, расположенных поодиночке и отделенных друг от друга разделительными линиями. В девятом ряду есть предположение, что быки попарно стоят друг напротив друга с опущенными головами. Несомненно, это иллюзия,[\[354\]](#) но она показывает прискорбную невозможность восстановить оригинальную надпись с какой-либо достоверностью.

Еще два памятника, обнаруженные недавно[\[355\]](#), могут быть упомянуты уместно, поскольку они не имеют четкого отношения к каким-либо другим постройкам на этом месте. Это кубические строительные блоки из гранита (похожие на те, что из Малатии и других мест), и лицевая сторона каждого из них украшена рельефом. В верхней части камня есть отверстие

для розетки, на основании которого первооткрыватели утверждают, что это были основания для статуй, хотя по аналогии с другими находками кажется более вероятным, что они поддерживали здание, построенное из дерева. Тема рельефа явно религиозная, и он включает в себя несколько ярких и важных особенностей, которые присутствуют на каждом камне. Действительно, единственное различие между ними заключается в трех из пяти иероглифических знаков, которые встречаются в каждом случае. В остальном изображенный предмет одинаков. Здесь изображен жрец в одеянии, похожем на тогу, стоящий в молитвенной позе перед алтарем. На голове у него черепная шапочка, обувь с загнутыми носками и серьга. Тога надета (в одном случае открыто) поверх короткой туники и жилета. Левая рука поднята к алтарю, а левая нога выдвинута вперед. Алтарь имеет квадратную форму, не имеющую аналогов в хеттских изображениях.^[356] Он украшен квадратами, разделенными диагональными линиями и крестами. В расположении этих декоративных деталей заметна небольшая разница: в одном случае они расположены рядами (в этом случае кресты отсутствуют), а в другом - колоннами (в этом случае кресты образуют неполную среднюю колонну между двумя диагоналями). Самое любопытное, что на алтаре, кажется, по правую руку и по левую, находятся два высоких петлеобразных или круглых предмета, стоящих вертикально. За алтарем находится культовый предмет, который на первый взгляд очень похож на гарпун, хотя голова его несколько загнута назад. Однако можно предположить, что он представляет собой какой-то заостренный предмет (например, хеттскую шляпу) на шесте.

(Есть небольшой предмет из слоновой кости, недавно найденный в Денек Мадене, недалеко от Чесме Кеупру, который мы можем уместно упомянуть здесь,^[357] поскольку он характерен для определенного класса хеттских предметов, хотя и не имеет прямого отношения к нашей теме. Его форма делает маловероятным, что это была печать в обычном смысле слова. На аверсе изображен бог, одетый в короткую тунику; судя по иероглифам рядом, его можно узнать как Сандана или Сандеса. На реверсе изображена фигура жреца в одежде, который держит в руке длинный посох и носит черепную коробку. Эту фигуру также сопровождают некоторые иероглифы. Характер предмета и проработка деталей имеют ряд особенностей, представляющих особый интерес).

Раздел D. Памятники Запада.

АНГОРА, ГЯУР-КАЛЕСИ, ЯРРЕ (ЧЕСМЕ КЕУПРУ); ДОХАНЛУ, БЕЙ-КЕУИ; СИПИЛУС, КАРА-БЕЛЬ; ИЛЬГИН (КЁЛИТ-ОГЛУ ЯЙЛА), (ЭФЛАТУН-БУНАР, ФАСИЛЕР).

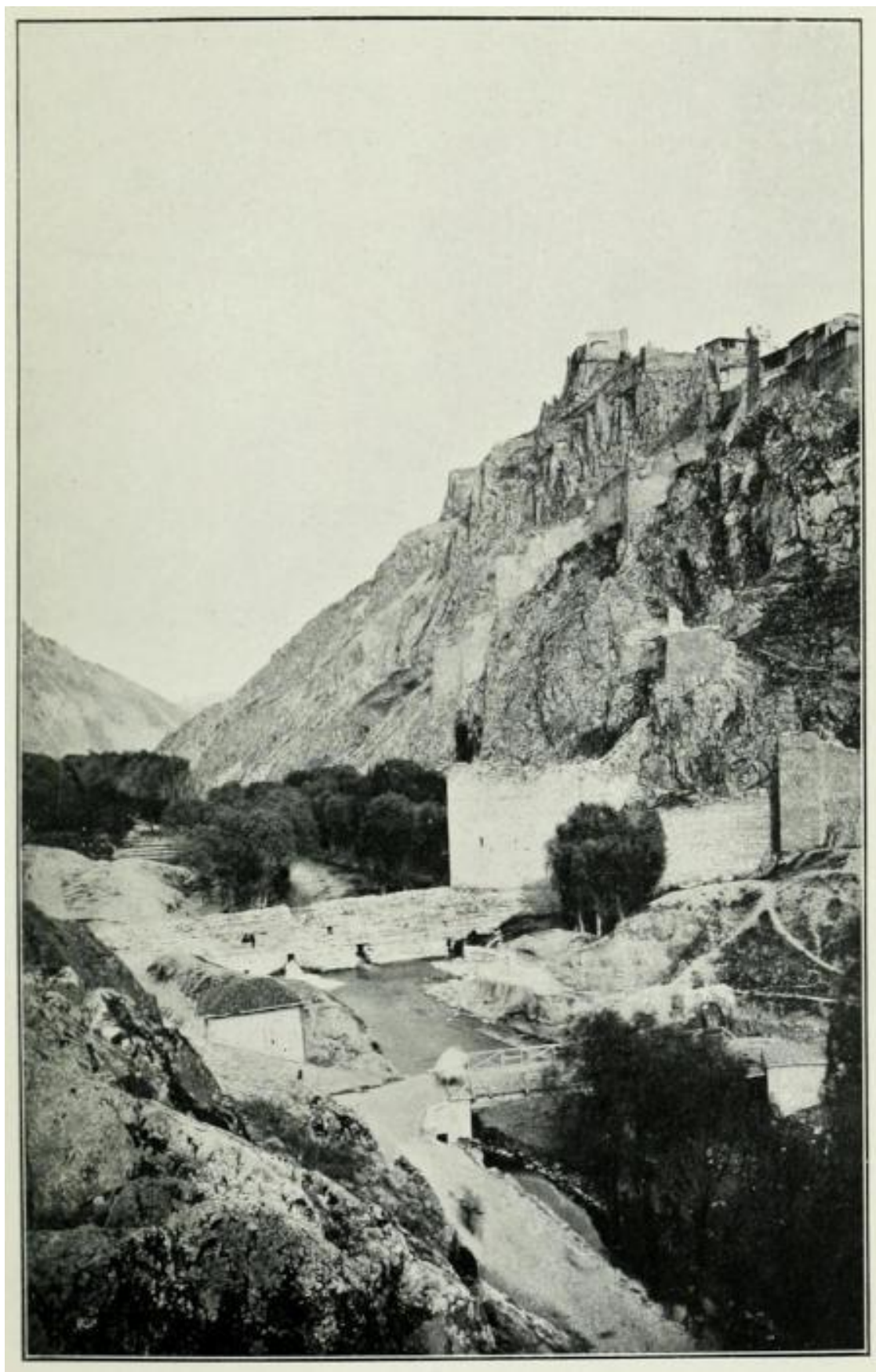
Уже было отмечено, что хеттские сооружения на западе немногочисленны и имеют несколько особый характер, и что в большинстве своем они расположены как бы вдоль одной линии дороги.^[358] Они свидетельствуют скорее о линии завоевания, чем о периоде заселения. Тем не менее, если мы позволим себе принять во внимание некоторые скульптуры, которые, хотя и не описаны, имеют ярко выраженный хеттский характер, мы найдем основания для того, чтобы почувствовать присутствие хеттского влияния или тесного контакта с хеттским художественным чувством в Галатии к северо-востоку от Фригии. Учитывая установленный факт^[359], что река Халис образовывала границу между народами с различными расовыми обычаями, это свидетельство, если его можно принять, приобретает определенное значение, поскольку в данных обстоятельствах такое влияние было менее вероятно, чем результат соседской ассимиляции. Короче говоря, это аргумент в пользу определенной оккупации или сюзеренитета.

Из таких неописанных сооружений мы можем выделить три в непосредственной близости от Ангоры: одно в Калабе,^[360] которое находится к востоку от города, другие в Амаксизе и

Яланджаке,[361] которые расположены к западу и юго-западу соответственно. Это однородные каменные плиты, подходящие для фасада здания, украшенные рельефами львов.[362] Не только аналогия мотива и сюжета, но и некоторые детали обработки придают им хеттский характер. В каждом случае звери изображены наступающими, с широко раскрытыми пастьми. Дальние лапы выдвинуты вперед, а хвост загибается на спину. На льве из Калабы тело кажется волосатым ниже живота и предполагается наличие ошейника. Наиболее характерным является изображение плечевых мышц, которые нарисованы в условных очертаниях, как в Эюке, Синджерли и других местах. (В Чесме-Кеупру, на западной стороне моста, на открытом воздухе, также есть лев, изваянный полностью круглым. Это сама по себе мода, неизвестная хеттскому искусству, и к этому следует добавить сидячую позу животного и непристойное обращение с предметом. Мы не можем усмотреть в этом никакого подобия хеттского влияния).

Скульптуры из Гиаур-Калеси, однако, имеют явно хеттское происхождение, хотя никаких надписей на них, кажется, не было замечено. Здесь изображены богоподобные фигуры в привычном хеттском обличье.[363] Они высечены в рельефе на живой скале, и их положение особенно примечательно. Скалистый холм возвышается над узким проходом и даже частично нависает над ним: на вершине стоит крепость, прямоугольной формы, примерно восемнадцать ярдов на тридцать семь, поддерживаемая внешней и нижней стеной на расстоянии двенадцати - тридцати ярдов. Кладка внутренней стены - грубая сухая стена, а внешняя построена в стиле крепости на Беюк-Кале в Богаз-Кеуи,[364] из камней примерно пятиугольной формы, неправильного размера, подогнанных друг к другу и уложенных без раствора. По своей форме эта крепость соответствует крепости Енидже Калех в Богаз-Кеуи;[365] по своей двойной стене и грубой внутренней кладке - крепости на Кизил-Даге;[366] а по расположению памятников у входа - крепости на Кизил-Даге, только что упомянутой, и другой крепости в Карабурне[367].

ПЛИТА L

АНГОРА: АКРОПОЛИС (См. также [с. 36.](#))

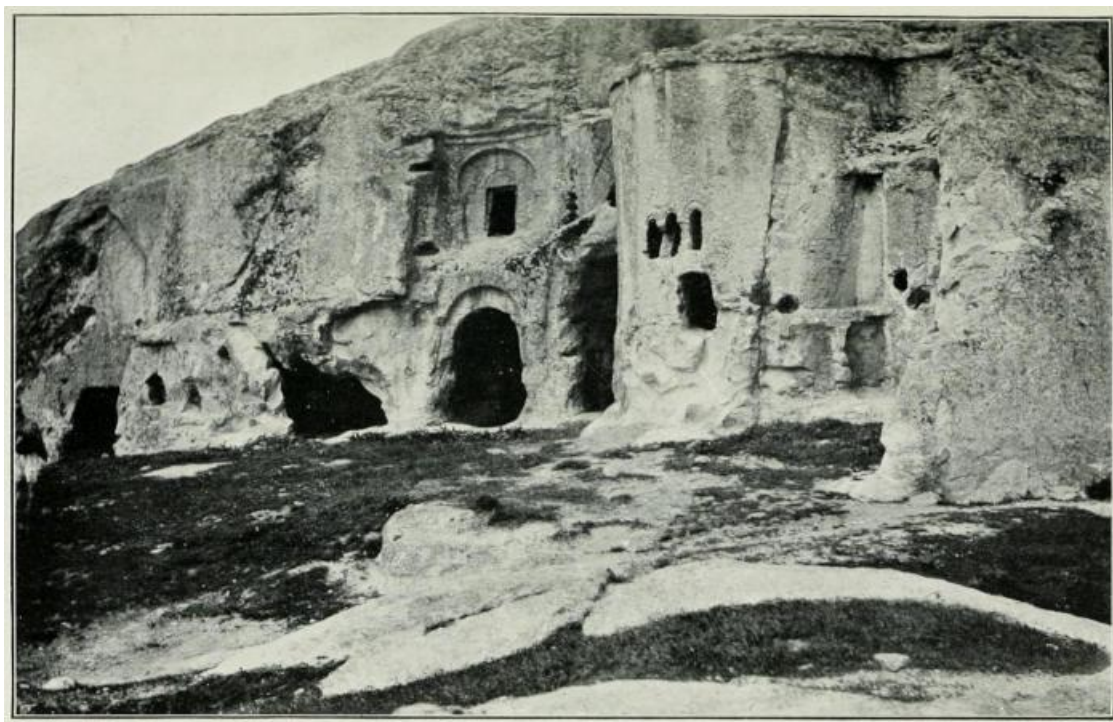
Скульптуры представляют собой две мужские фигуры: одна бородатая, другая безбородая. Оба одеты в короткую тунику, башмаки с наконечниками и коническую шляпу, знакомые по

изображениям богов в Богаз-Кеуи.[368] В пояс каждого воткнут кинжал с полумесяцем на рукояти. Они гигантского размера, кажется, около десяти или двенадцати футов в высоту, и оба позируют одинаково, лицом в одну сторону. Они повернуты к наблюдателю слева; их правые руки вытянуты вперед, как бы указывая на проход, а левые отведены назад. Повинуясь условностям, правые ноги выдвинуты вперед, а плечи видны почти полностью. С шапки каждого свисает что-то, падая за шею;[369] а на передней части шапки, которую носит бородатая фигура, можно проследить изогнутый объект, но является ли он вздернутым околешем, знакомым по скульптурам в Синджерли и Богаз-Кеуи,[370] или какой-то другой эмблемой, определить невозможно.

Не приходится сомневаться в том, что эти две фигуры, как они изображены, идентифицируются с богом-отцом и богом-сыном (две формы Аттиса более поздних времен), которые можно увидеть в точном соответствии на скульптурных стенах святилища в Богаз-Кеуи.[371] Является ли простым совпадением то, что, будучи звеном в большом западном маршруте от Богаз-Кеуи к Кара-Белу и Сипилу, они указывают на проход, который, как многие считают, вел также прямо к Пессинусу или Пессиносу, главному святилищу Богини-Матери[372] в этой части Малой Азии?

Каким бы ни было направление Царской дороги на восток от Гяур-Калеси, она, по-видимому, проходила на запад через Ярре, который находится у моста через Сангарий под названием *Каранджи-Кеупру*. Здесь была найдена скульптурная плита[373], украшенная рельефом, изображающим церемониальный пир. Это важное звено, поскольку этот класс предметов, как мы видели, широко распространен[374] по всей хеттской земле по обе стороны Тавра. Его появление к западу от Халиса свидетельствует о влиянии не только хеттского искусства, но и общего религиозного института.

ПЛИТА LI

АЯЗИН: СКАЛЬНЫЕ ГРОБНИЦЫ И РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Ср. с. 60.

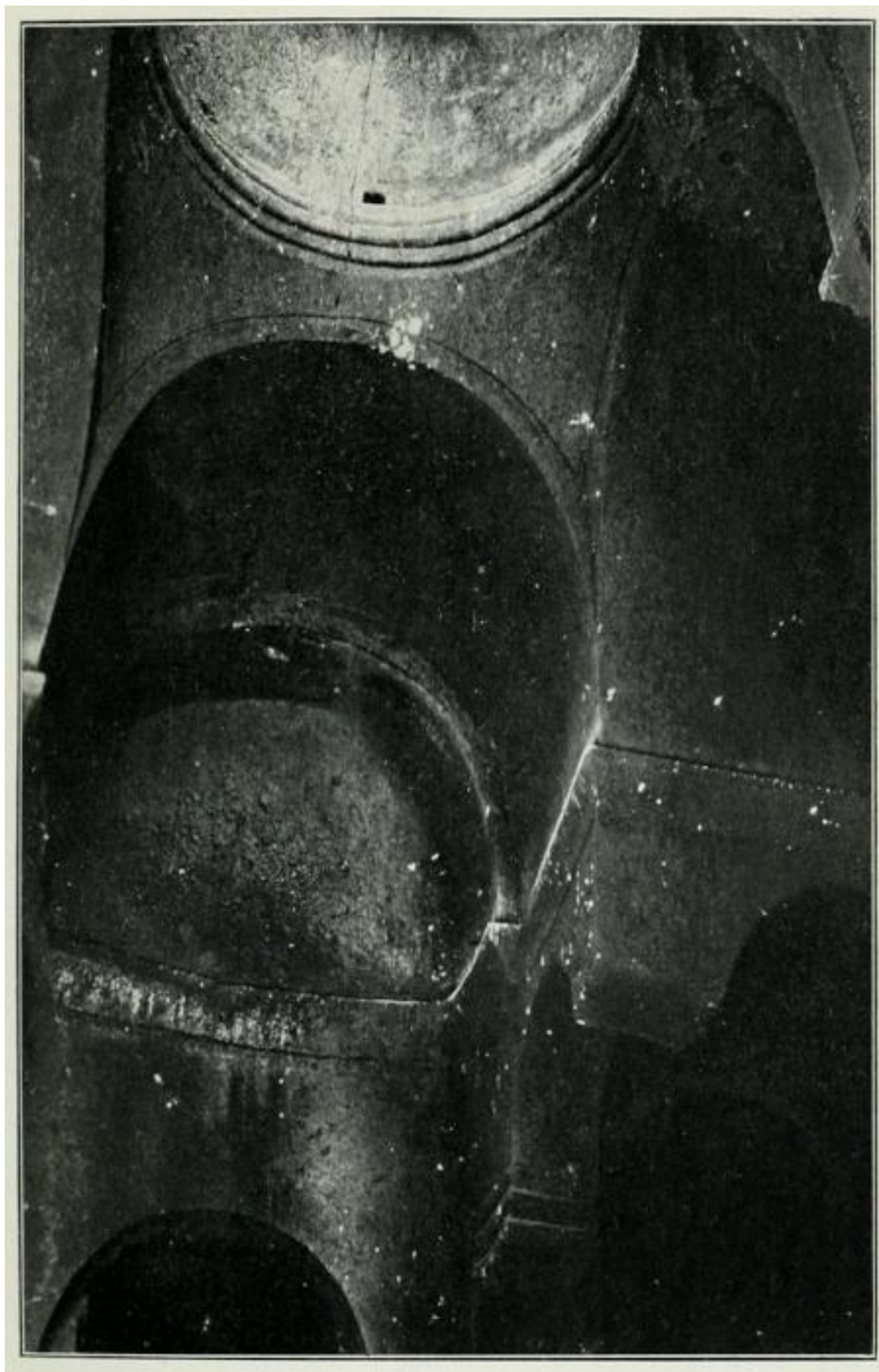
Церковь можно узнать справа по ее округлой внешней части, соответствующей апсиде.

Площадь плиты составляет почти тридцать дюймов, а толщина - двенадцать дюймов. Задняя часть шероховатая, а на верхней стороне вырезан язычок или "жогл" для крепления другой плиты: очевидно, она была частью фасада здания, как и плиты из Ангоры, Синджерли и Сакдже-Геузи. Рисунок сцены более угловатый и менее свободный, чем на большинстве хеттских работ, но есть несколько присущих хеттам особенностей. Две фигуры сидят, положив ноги на пуфики, по разные стороны узкого стола или алтаря. Голова и спина левой фигуры отсутствуют. Обувь обеих фигур подворачивается к носкам, а их одежда кажется длинной, достигающей до щиколоток. На правой фигуре заметен конец одеяния, похожего на тогу, ниспадающий через правое плечо и достигающий почти до сиденья. Головной убор этой фигуры напоминает черепную коробку с расширяющейся передней частью, а короткий капюшон или вуаль опускается за шею. Черты лица резкие, особенно выделяются нос и подбородок. Фигура сидит на табурете с двумя прямыми ногами, которые перекрещиваются. В левой руке (которая, как в Синджерли и других местах, неточно изображена ладонью, а не костяшками пальцев к наблюдателю) зажат небольшой предмет с круглой вершиной, а в правой, частично поднятой руке, кажется, находится чаша. Противоположная фигура одета так же, насколько можно судить, и так же поднимает чашку к губам. Объект между ними напоминает по форме узкие сужающиеся алтари, встречающиеся на скульптурах Фрактина. На нем, по-видимому, изображена птица и, возможно, еще какие-то подношения, которые неясно выражены. На заднем плане между двумя головами и над "алтарем" видны рельефные знаки, которые могут быть остатками иероглифов. К сожалению, вся эта скульптура не сохранилась, и это обстоятельство заставляет нас колебаться в попытках объяснить ее значение. Вероятно, однако, что оба сидящих человека в данном случае равны и оба участвуют в празднике, как в Мараше, [375] Богаз-Кеуи, [376] и Синджерли. [377] Мы предполагаем, что это мужчина и женщина, но это неясно. Фигура справа, одетая в тогу и длинный халат, носит также серьгу. Сиденье слева - не табурет того же типа, что и справа, а скорее стул квадратной формы, хотя, будучи сломанным пополам, у нас осталась только часть, по которой можно судить.

Во Фригии на скальные скульптуры нефригийского характера у гробницы Мидаса в Доганлу [378], как можно полагать, продолжают линию хеттского шоссе на запад. Они находятся на плато над долиной, в которой расположены фригийские памятники, и к ним, по-видимому, в древности вела дорога, поднимавшаяся по пологой кривой, ныне частично скрытая внизу скопившейся землей. На скалах рельефно высечены несколько фигур гигантских размеров, но наибольшее внимание привлекает небольшая фигура из этой серии, высотой в два фута четыре дюйма, которую первооткрыватель назвал "Гермесом". Человек стоит, повернувшись лицом влево, его левая нога и рука выдвинуты вперед. Его волосы убраны в прическу или закрыты черепной коробкой, а за шеей виден локон. В левой руке он держит *кадуцей*, головка которого выглядит как небольшой диск с рогообразными предметами, выступающими из вершины и повернутыми друг к другу. За посохом находятся некие знаки-картинки, среди которых можно различить птицу [379] с маленьким треугольным знаком внизу. Эти знаки, по мнению первооткрывателя, не похожи на хеттские иероглифы. Тем не менее, доктор Мессершмидт [380] и М. Перро признают памятник хеттским. [381] Мы считаем их интерпретацию происхождения скульптуры крайне сомнительной. Мы не считаем, как профессор Рамсей, что фригийцы явно переняли этот тип у хеттов из Птерии, как это видно из сравнения с юношеским богом в святилище этого места. С другой стороны, *кадуцей*, знаки-изображения и короткое одеяние фигуры не похожи на те, что известны в хеттском искусстве. Однако нам говорят, что другие скульптуры из серии, с которой ассоциируется "Гермес", имеют больше общего. Теория хеттского влияния, хотя и не хеттского происхождения, возможно, легче всего согласуется с историей, и мы можем

принять ее в качестве рабочей гипотезы, объясняющей их присутствие, но не как независимое доказательство.

ПЛИТА LII

АЯЗИН: КАМЕННАЯ КРЫША ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

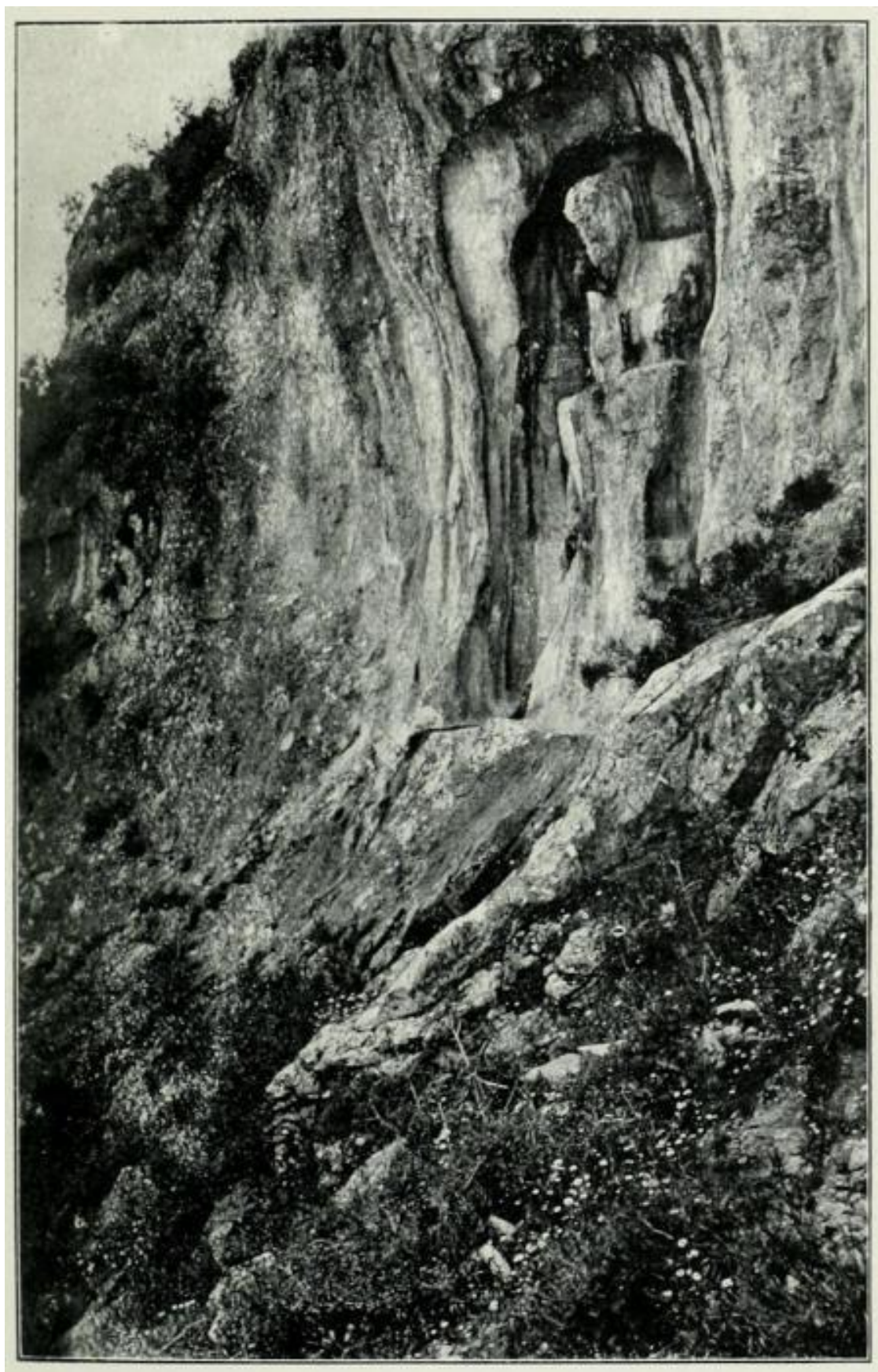
Обратите внимание на купол и капители. (См. *пл. LI. и с. 60.*)

Те же сомнения, однако, не существуют в отношении надписи из Бей-Кеуи, которая является определенным следом хеттов на западе. Памятник представляет собой обтесанный блок известняка, выкопанный профессором Рамсеем[382] из кургана у входа в долину. Иероглифы выполнены рельефно и на сохранившейся части камня располагались рядами, из которых частично сохранились два. Все это было окружено ровной каймой.[383] По опубликованной копии два или три знака можно легко распознать как отчетливо хеттские. Таким образом, положение памятника представляет большой интерес в условиях скудости свидетельств на западе.

Те памятники, которые говорят о хеттском влиянии на крайнем западе, найдены на горах Сипилус и Тмолус, недалеко от Смирны. Река Гермус перед впадением в море протекает на расстоянии около мили от северной стороны горы Сипилус. На другом берегу простирается значительное пространство высокоплодородной равнины. Между рекой и горой проходят автомобильная и железная дороги, с которых хорошо видна знаменитая скульптура. Она находится в нескольких сотнях футов вверх по склону и требует резкого подъема по скопившимся у подножия скалы обломкам и почве. Выше скалы поднимаются отвесно и почти обрывисто[384].

Монумент занимает специально подготовленное углубление высотой около сорока футов, а сама фигура - более тридцати футов. Эта гигантская скульптура, возможно, из-за своей доступности, была замечена в трудах, древних и современных, больше, чем любая другая. Однако ее нынешнее состояние не оставляет нам шансов составить какое-либо новое мнение о ее первоначальном значении и характере. К счастью, по обоим пунктам остается мало сомнений, несмотря на значительную полемику, которая, впрочем, сейчас уже не представляет интереса. Что касается его значения, мы руководствуемся изученными словами Павсания,[386] прочитанными в свете современной информации, чтобы считать, что это было наскальное изображение Богини-Матери; что касается его характера, мы можем видеть в его нынешнем обветренном состоянии признаки скульптуры в очень высоком рельефе, почти действительно круглой, хотя и не отделенной от скалы, которая когда-то представляла женщину, сидящую, с ногами, предположительно на табурете. Голова фигуры как бы наклонена вперед, а форма женского бюста все еще различима. Те, кто раньше мог подумать, что эта резьба представляет собой бюст на постаменте, были обмануты ее нынешним видом, поскольку некоторые иероглифы [387] в углублении возле головы свидетельствуют о ее хеттском происхождении: мотив бюста и постамента не находит места в категории хеттского искусства, тогда как сидящая фигура Богини-матери имеет свой аналог в хеттских скульптурах в Эюке[388] и Фракте.[389] Надпись, о которой идет речь, очень фрагментарна, хотя некоторые характерные символы можно распознать, в частности, опрокинутый башмак и рогатую (баранью) голову. Она содержит, - пишет профессор Сейс, - имя Матери-богини и ее титул "Королева скалы", все эти знаки повторяются в надписи из Эмир-Гази"[390].

ПЛИТА LIII

МТ. СИПИЛУС: ГИГАНТСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ БОГИНИ-МАТЕРИ

Похоже, что классические писатели, следуя по стопам Гомера, спутали это изображение с другим объектом, естественной скалой на той же горе, которую традиция связывала с

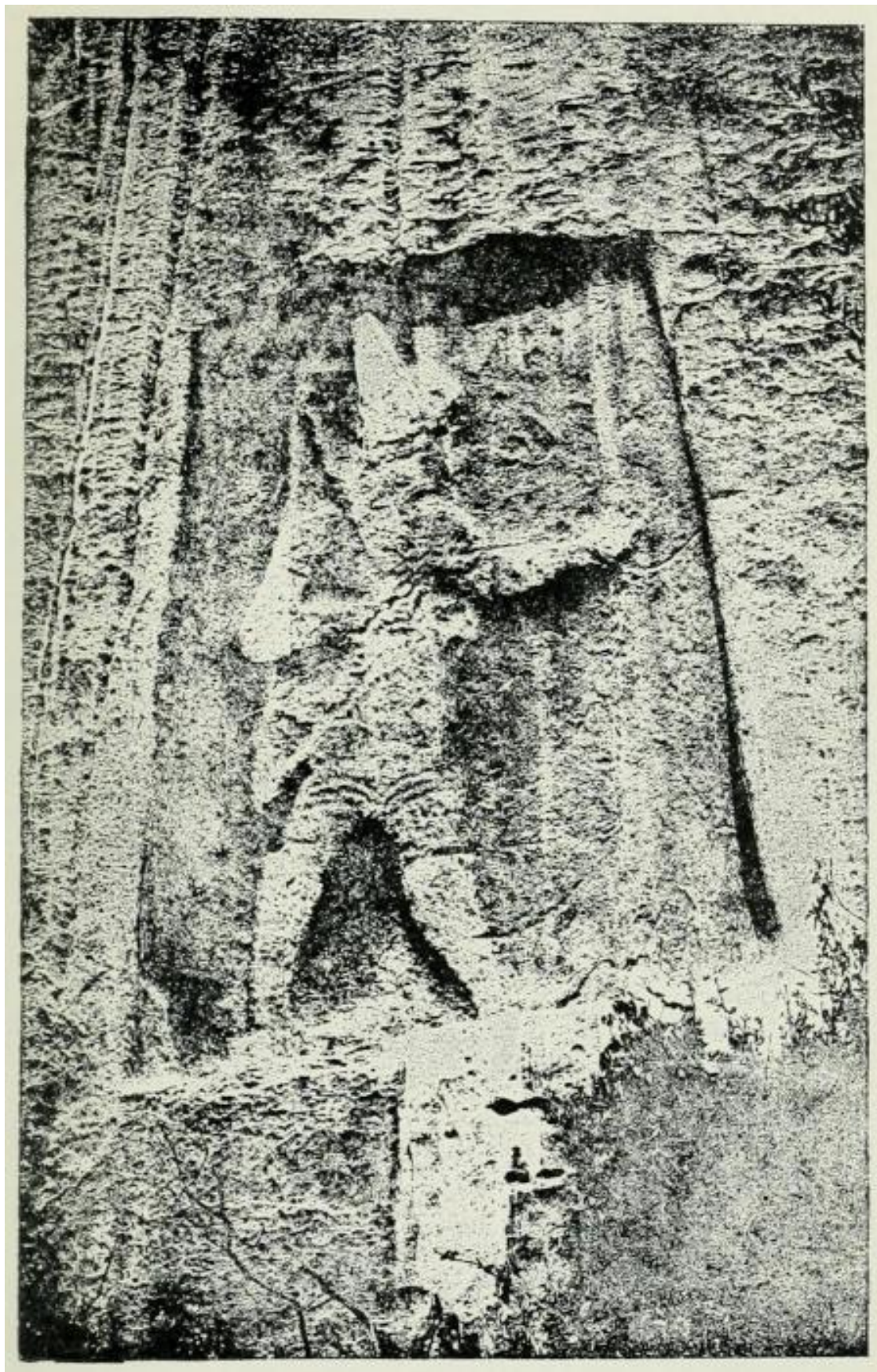
Ниобой, и, похоже, действительно передавала представление о ее плачущей форме. Так, Гомер[391] поет, что "Ниоба, обращенная в камень, на засушливом Сипиле размышляет о своих печалях"; и снова Овидий:[392] "Прикрепленная к скале, она плачет, и мрамор проливает слезы". К счастью, Павсаний, сам, вероятно, уроженец этой страны, выяснил факты и показал, как возникла путаница. Эту Ниобу, - говорит он, - я сам видел, когда поднимался на гору Сипилус; вблизи это просто скала и утес, не имеющие никакого сходства с женщиной, скорбящей или иной; но если вы отойдете подальше, вам покажется, что вы видите плачущую женщину, склонившуюся от горя". Это явно Ниоба Гомера, Овидия и Софокла, и очевидно, что сглаженный вид скалы над изображением богини-матери (который, похоже, вовсе не обусловлен действием воды), был одной из причин, объясняющих путаницу. Что касается идентичности изображения, то Павсаний не оставляет сомнений, когда говорит: "Здесь (в Аэрии) есть храм Матери богов с каменным изображением: оба достойны внимания. Жители Аэрии говорят, что это древнейшее святилище этой богини в Пелопоннесе. Древнейшее из всех ее изображений,[395] однако, находится на скале Коддина в Магнезии, к северу от Сипила: магнезийцы говорят, что его сделал Бротееас, сын Тантала". Наконец, тот же автор делает очевидным свое различие, показывая, что ему известен отрывок из Гомера, в котором говорится об истории Ниобы[396].

Как и в других случаях, мы не останавливаемся на религиозной символике памятника. То, что богиня-мать (Ма) была прототипом Кибелы, остается бесспорным, и все, что представляет интерес в культе великой фригийской богини, было отмечено сэром Уильямом Рамсеем[397] и другими. Но атрибуты богини в сознании хеттов остаются неопределенными, и их следует выводить из обрядов, представленных с ней в Богаз-Кеуи, Эюке и Фракте, из ритуала, описанного Страбоном и Геродотом, сохранившегося в Комане, Тиане, Пессине и других местах, и из унаследованных атрибутов самой Кибелы[398].

Другие хеттские памятники на западе, на перевале Кара-Бель, находятся сравнительно недалеко. Ручей, питающий Гермус, протекающий вокруг подножия горы Сипилус на востоке, спускается из долины, которая отделяет эту гору на юге от противоположных склонов Олимпа. Русло другого небольшого притока ведет вверх по этим южным склонам к узкой лесистой долине на хребте, в которой находятся истоки Кара-Су. Через эту долину проходит мало используемая сейчас дорога, соединяющая Эфес на юге с Сардисом или Смирной в северной долине. Примерно в семидесяти футах над этой дорогой, в перпендикулярной грани скалы, в нише скалы находится рельефная скульптура. Ниша имеет ширину около шести футов у основания и девять футов в высоту, значительно сужаясь в верхней части.[399] Внутри находится фигура воина, похожая на фигуры из Гиаур-Калеси и напоминающая фигуры богов из Богаз-Кеуи. Он стоит лицом влево, его левая нога и рука выдвинуты вперед, а плечи развернуты к наблюдателю. На нем короткая туника, жилет с короткими рукавами и высокие сапоги, которые на некоторых ранних рисунках изображены с оттопыренными носками.[400] Коническая хеттская шапка завершает его костюм. Через правое плечо перекинут лук треугольной формы, а вытянутая левая рука, похоже, держит длинный посох или копье.[401] Скульптура, расположенная на восточной стороне оврага, повернута в сторону Эфеса. Примерно в двухстах пятидесяти ярдах дальше по перевалу на отдельно стоящем каменном блоке находится еще одна подобная скульптура. Этот камень, по-видимому, упал со скал выше, и теперь он лежит на западной стороне возле ручья, примерно в двенадцати ярдах ниже уровня тропы. В том виде, в котором он лежит, скульптурное лицо обращено на восток, а фигура, повернутая, как и в первом случае, влево, смотрит на север. Однако, судя по сходству двух предметов, вполне вероятно, что первоначально они смотрели в одном направлении.

Любопытно, что Павсаний не упоминает об этих скульптурах. Геродот, однако, описывает их как изображения Сесостриса,^[402] "одно на пути из Эфеса в Фокею, другое - из Сард в Смирну. В обоих местах высечен человек высотой в четыре с половиной локтя, несущий в правой руке копье, а в левой - лук; все остальное его снаряжение - в унисон, ибо оно отчасти египетское, а отчасти эфиопское. От одного плеча до другого через всю грудь тянутся вырезанные священные египетские иероглифы, которые гласят следующее: "Я приобрел этот край своими собственными плечами". Кто или откуда он, здесь не показано". Очевидно, что Геродот писал со слов: в его рассказе достаточно общей точности, чтобы определить памятники, и достаточно расхождений, чтобы стало ясно, что он сам их не посещал. Детали расположения мы уже отметили; а профессор Сейс показал^[403], что надпись, расположенная далеко не на груди фигуры и не египетскими иероглифами, находится в характерном месте, между копьем и головой фигуры, и состоит из группы хеттских иероглифов, в которых можно распознать определенные символы. На упавшем блоке не осталось никаких следов надписей, так как скульптура подверглась увечьям; на самом деле, в одно время на его месте была установлена палатка Юрука, а ниша использовалась в качестве камина. Но и этого достаточно, чтобы доказать, что на груди не было египетской надписи. Мы можем без колебаний отождествить эту фигуру с одной из двух форм хеттского национального божества, и если отсутствие бороды является ориентиром, то в этом случае он будет сыном-богом Богаз-Кеуи, Сандона из Тарса, прототипом Аттиса, супруга Кибелы. Мы склонны видеть его здесь, как и в Гиаур-Калеси, в образе бога оружия. Мы можем еще раз обратить внимание и спросить, как и в предыдущем случае, может ли быть простым совпадением то, что единственные хеттские памятники, сохранившиеся на крайнем западе, являются изображениями богини-матери и главного мужского божества хеттских народов.

ПЛИТА LIV

КАРА-БЕЛЬ: ХЕТТСКИЙ БОГ ОРУЖИЯ

К этим памятникам запада мы относим также одну определенно хеттскую надпись из окрестностей Иконии и два поучительных памятника, отражающих хеттское влияние,

найденных у озера Бейшехр. Надпись была найдена недалеко от Ильгина, в месте, называемом Келит-оглу Яйла,^[404] примерно в трех милях от последнего и в восьми милях к востоку от первого, и примерно в трехстах ярдах от дороги из Ильгина в Кадын-хан. На самом деле это место находится примерно в пятидесяти милях к северо-западу от Иконии. Здесь есть следы древнего поселения на небольшом возвышении на равнине, а также руины стены, идущей по кривой на большое расстояние. Возможно, считает профессор Рамсей, что эти следы указывают на местоположение доэллинского *Тириайона*,^[405] который был одним из трех главных городов пограничных земель Фригии-Ликаонии. Однако в римские времена Тирайон, без сомнения, был помещен в Ильгине. Более вероятно, что курган указывает на древнее место, которое по каким-то причинам оказалось в забвении, когда Тирайон занял видное место. Из вершины кургана был выкопан блок известняка высотой около двух футов восьми дюймов и длиной шесть футов. Он не совсем цельный, но на нем можно с некоторой уверенностью различить три ряда рельефных хеттских иероглифов, причем надпись начинается с правой стороны вверх. Положение памятника имеет особое значение, так как он, очевидно, был найден недалеко от своего первоначального места и является единственным свидетелем ручной работы хеттов в этой части плоскогорья. И хотя он стоит отдельно, он не относится к тому классу, изоляция которого может быть объяснена и сама по себе поучительна, как, например, скульптуры Сипилуса и Кара-Бела. С другой стороны, он кажется продуктом оседлых условий, и его присутствие подразумевает целую область и период хеттского влияния, которые в противном случае остались бы в неизвестности.

К юго-западу от Конии есть два памятника, которые, хотя и не имеют надписей и не являются явно хеттской работой, четко отражают хеттское влияние и чувства в искусстве. Один из них - "Платонов источник" в Эфлатун-Бунаре,^[406] в девяти милях к северу от Бейшера. Он состоит из двух стен непонятной конструкции, две трети которых были разрушены. Фасад, украшенный скульптурами, составляет около двенадцати футов в высоту и двадцати футов в длину. Его омывает ручей, который был частично запружен камнями, взятыми из здания. Камни большие, почти гигантские, и обтесаны с особой тщательностью: они украшены рельефными человеческими фигурами, которые отличаются по размеру от камней, хотя и образуют симметричную группу, и каждая позировает с поднятыми руками, на виду; на некоторых из них надета коническая хеттская шапка. На одном камне, который охватывает все камни, кроме угловых, высечены две пары крыльев, заключенных в диски, а на большой плите, которая покрывает всю площадь, сохранилось украшение из одной пары крыльев и части центрального диска. На боковом виде некоторые камни украшены панелью; другие камни лежат рядом, и профессор Рамзи обнаружил один, на котором, похоже, был вырезан лев.

Еще один замечательный, но столь же проблематичный памятник находится в Фассилере,^[407] недалеко от дороги из Бейшера в Иконию. Это гигантская стела, около восьми ярдов в высоту и почти ярд в толщину. В нижней части ее ширина составляет почти три ярда, сужаясь кверху почти до двух ярдов. Изображенный на ней сюжет вырезан очень рельефно. На нем изображены два льва бок о бок, разделенные лишь фигурой, облаченной в длинную мантию, со сложенными перед грудью руками. На плечах^[408] расположилась более крупная фигура, одетая в короткую тунику и коническую шапку своеобразной формы. Правая рука поднята, а левая согнута, и в ней зажат какой-то неясный предмет. Как бы скудны ни были наши сведения об этом памятнике, мы без колебаний видим в нем отражение идеи, которую мы видим в хеттском святилище Богаз-Кеуи. Тема, как нам кажется, представляет статую бога, которую несет на плечах его жрец; а львы, как эмблемы или хранители бога, предполагают производную форму сына-бога или Аттиса, о которой мы поговорим в следующей главе.^[409] Характер львов, обрамляющих памятник, с их смело

выступающими вперед головами, также соответствует хеттской традиции;^[410] а положение скульптуры между львами имеет свой аналог в памятнике, также послехеттского времени, который был обнаружен в Синджерли.^[411] Наконец, весь внешний вид памятника предполагает колонную фигуру на львином основании,^[412] которое является неуклюжим и плохо вырезанным заменителем. Удивительная пропасть отделяет рисунок и исполнение этого памятника от скульптур Богаз-Кеуи.

Раздел Е. - Памятники на юго-востоке Столешниковой возвышенности.

КАРА-ДАГ, ЭМИР-ГАЗИ, ТИАНА (БОР, НИГДЕХ, АНДАВАЛ), БУЛГАР-МАДАН, ИВРИЗ.

Мы обратились к юго-восточному углу плоскогорья, ныне пустынного, окаймленного северными склонами и отрогами Таврских гор. Наше сравнительно близкое знакомство с памятниками и исторической географией этого региона почти полностью обусловлено последовательными исследованиями профессора сэра В. Рамсея и его школы.

Прежде всего мы подходим к Кара-Дагу (Черной горе), окраинному хребту Тавра,^[413] который поднимается на три или четыре тысячи футов над равниной, на высоту семи тысяч футов над морем. У подножия горы, на севере, маленькая деревушка Маден-Шер отмечает классическое место Барата, более известное, возможно, как *Бин-Бир-Килис*, "тысяча и одна церковь". Профессор Рамсей рассказывает^[414] о больших изменениях, которые время произвело в этой местности. В древние времена здесь "должно быть, находился летний санаторий Ликаонской равнины". Почва очень плодородна и, будучи вулканической, особенно подходит для виноградной лозы. Культивировались также многие виды фруктовых деревьев. Воды не так много, но есть несколько источников с очень хорошей водой. Потребности сельского хозяйства и виноградарства удовлетворялись с помощью удивительно продуманной системы хранения дождей и талых снегов зимой". Но сейчас "место, где стоял этот древний город, является самым негостеприимным во всей Ликаонии. Здесь нет воды, кроме грязных полуядовитых луж, хранящихся в древних цистернах. Виноградники почти полностью исчезли, от фруктовых садов остались лишь несколько одичавших деревьев. Культуры почти нет. Вода быстро стекает с крутых склонов горы и не приносит пользы сельскому хозяйству, за исключением самых низких частей маленькой защищенной долины, где был построен город".

О том, что жизнь и, возможно, святость этого места восходит к далекой древности, свидетельствует обнаружение двух хеттских надписей на вершине горы. Место, называемое *Махалич*, отмечено византийской церковью, которая, кажется, сохранила древнюю святость высокого места более древних времен.^[416] Церковь с северной стороны поддерживается скалами, в которых теперь можно проследить проход, хотя, похоже, он был частично скрыт, по крайней мере, византийскими стенами. Этот проход был в некоторой степени искусственным, и на его скальных стенах сохранились две надписи: короткая рельефная на севере и более длинная, выбитая на юге. Более короткая надпись состоит всего из четырех групп знаков, в переводе профессора Сейса^[417] означающих "Таркьянас, верховный царь". Другая надпись длиннее и состоит из двенадцати групп знаков в ряд, в дополнение к тому же царскому имени, которое в середине повторяется с небольшими изменениями в иероглифической форме, хотя в этом случае оно дополнено крылатой эмблемой. В этой надписи^[418] встречается неизвестный ранее иероглифический знак, напоминающий рогатый алтарь.

В том же районе, примерно в восьми милях к северо-западу, находится скалистый холм под названием Кизил-Даг, который резко поднимается над равниной на высоту почти четырехсот футов. Вершину этого холма венчает крепость, о раннем характере которой, по словам первооткрывателя, свидетельствуют ее стиль и три иероглифические надписи, найденные неподалеку. Нам пока не известна точная природа валов, но расположение крепости напоминает крепости Гяур-Калеси, Богаз-Кеуи и Карабурны. Возле ворот в западной стене, с правой стороны, на своеобразном каменном алтаре можно увидеть самую длинную надпись из всей серии. Иероглифы высечены в рельефе и расположены в два ряда. Как и в случае с надписью на Кызыл-Даге, в середине группы знаков находится то же царское имя, над которым, судя по всему, возвышается крылатый диск. Ниже по склону, но все еще плече, возвышается острый камень, грубо вытесанный в форме сиденья или трона с высокой спинкой, на спинке которого выгравирована бородатая фигура. Персонаж изображен сидящим на троне квадратной формы, его ноги стоят на табурете; но детали рисунка не похожи ни на что другое, что было зафиксировано. [420] Большая часть его особенностей может быть объяснена неумелой рукой, вырезавшей его, но есть некоторые черты, выполненные с тщательностью, которые заслуживают внимания. Левая рука вытянута вперед, а кисть ухватилась за посох с полумесяцем, который держится вертикально. Нижний конец посоха останавливается над табуретом, возможно, в соответствии с общей концепцией перспективы в хеттском искусстве. Если бы рисунок был выполнен в соответствии с нашими представлениями, с правильно выбранной точкой схода, то оказалось бы, что посох как бы опирается на табурет. В правой руке, которая находится прямо перед телом, кажется, есть какая-то чаша. [421] Платье нарисовано нечетко, но простая косая линия намекает на свободную складку или, возможно, свободный конец тоги поперек тела. Подол юбки отделан бахромой. Никакой обуви не видно, а головной убор, по-видимому, является деградацией знакомой конической шапки, уменьшенной в данном случае до перевернутой V-образной формы неумелым рисунком. Волосы спадают на плечи прямо и назад. Сиденье любопытно и явно имитирует основательный стул из дерева. Спинка представляет собой цельную вертикальную деталь квадратного сечения, а боковые части, образующие подлокотники, являются боковыми планками, соединяющими передние ножки со спинкой. Пуфик выполнен в аналогичном стиле. Без других доказательств было бы трудно поддержать аргумент о хеттском происхождении этой резьбы; но этот вопрос не возникает благодаря наличию группы иероглифов, характерно появляющихся между вершиной посоха и лицом, и эти знаки сразу же узнаваемы как образующие ту же группу, которую мы встречали три раза ранее в том же районе, а именно царское имя, прочитанное профессором Сайсом *Таркянасом*. [422] Это же имя появляется в двух других местах на той же скале. В одном случае за ним следуют две короткие строки надписи, выбитые, как и остальные, а написание имени, похоже, иллюстрирует взаимозаменяемость двух иероглифических знаков. Над всем этим возвышается крылатая эмблема, центральная часть которой, похоже, состоит из двух полумесяцев под диском (который также разделен как полумесяц). Над эмблемой изображен символ святости (разделенный овал) и иероглиф, который профессор Сайс интерпретирует как имя бога Сандеса. [423] Такое же расположение, с небольшими изменениями, повторяется и при другом появлении этого имени, которое в этом случае, однако, пишется так же, как и в предыдущих случаях. В центре крылатой эмблемы можно увидеть розетку, под которой находится любопытный раскидистый предмет. Выше две точки сопровождают имя Сандеса, а сбоку изображен знак человеческой руки, согнутой "в поклонении".

Эти две группы надписей и сопровождающая их резьба пробуждают несколько интересных мыслей. Наиболее важный момент - тот, который легче всего упустить из виду, а именно, что эти священные места находятся на скалах или вершинах холмов, что подтверждает

предположение о скульптурах близ Богаз-Кеуи,^[424] в которых можно с полным основанием подозревать сохранившиеся следы горных культов или культов горных божеств, лежащих в основе более новой религиозной символики. Там идея передана в рисунках, здесь - фактически. Кем было это божество, во всяком случае, в его местном обличье, мы не узнаем. Однако представляется, что в то или иное время он отождествлялся с Сандесом, так же как в Богаз-Кеуи большинство различных местных божеств отождествлялось с главным национальным богом эпохи. Таким образом, памятники, находящиеся перед нами, вероятно, относятся к тому времени, когда культ этого бога был доминирующим, как при правителях Хатти или во время возвышения Великой Киликии (возможно, *Кас* в надписях) как главы-государства хеттской конфедерации. Что касается имени, повторяющегося в каждой надписи, то тот факт, что крылатая розетка, или крылатая эмблема своего рода, покрывает его в четырех случаях, заставляет нас заключить по аналогии с подобными хеттскими памятниками,^[425] что это имя царя-священника данной местности. Тогда мы узнаем в нашем *Таркьяне* (каким бы именем он ни назывался) местного династа того периода скульптур, который был главным министром и представителем местного бога.

Кто же тогда является сидящей фигурой? Естественно предположить, что группа иероглифов, повторяющих одно и то же имя, решает этот вопрос, но дальнейшее рассмотрение заставляет нас склониться к другому выводу. Ведь в хеттском искусстве нет ни одного примера, где бы царь был представлен сидящим или вознесенным на престол. Напротив, именно бог оказывается вознесенным на престол, а царь появляется в таких сценах в силу своей жреческой должности. В этом случае крылатая эмблема не сопровождает написание имени между фигурой и его посохом; следовательно, можно предположить, что перед нами изображение божества, названного именем, которое использовал и жрец; если это так, то можно предположить, что жрец действительно принял для себя имя, подобное или составленное из тех, под которыми бог был известен в данной местности.^[426]

Есть еще один важный момент, который освещают эти надписи. Вряд ли стоит сомневаться в том, что все они современны, тем более что у нас есть основания полагать, что каждая из них содержит имя одного и того же живого человека. Однако различные стили, в которых они вырезаны - одни рельефные, другие резные, одни плохо прорисованные, другие очерченные более тщательно, - в противном случае дали бы повод для споров о различных периодах происхождения. По крайней мере, на будущее мы можем отбросить аргументы о периоде, основанные только на разнице между рельефной и врезной резьбой, независимо от стиля и деталей^[427].

Между Иконией и Тианой равнина разделена невысоким хребтом, называемым Караджа-Даг. С северной стороны от него из равнины поднимается изолированный массив скал, известный как Ариссама Дагх. На одной из его самых высоких вершин стоит древняя крепость, называемая естественно Ариссама Калех, с которой открывается вид на остатки деревни Эски Кишла (Старые зимние кварталы), расположенной в четырех милях к западу. Сейчас это место почти не заселено, если не считать нескольких полуголодных кочевников, но среди обломков встречаются значительные следы древнего поселения в виде квадратных камней. Здесь был найден^[428] замечательный каменный алтарь грибовидной формы с надписью хеттскими иероглифами. Примерно в трех милях к юго-востоку находится деревня Эмир-Гази, расположенная на склоне значительного кургана, где также в большом количестве раскопаны старые обработанные камни. Здесь профессор и леди Рамзи обнаружили еще два памятника, также с надписями; один из них был фрагментом второго

алтаря той же формы, но первоначальный характер другого объекта остается неясным, поскольку он был превращен в корыто для воды и так значительно поврежден.

Эти три памятника[429] являются важным вкладом в хеттскую археологию, а их расположение проливает свет на изменившиеся условия и экономику прошлого. Алтарь уникален и совершенен. Он имеет высоту сорок два дюйма, цилиндрическую форму с расширяющимся верхом, диаметр которого составляет двадцать четыре с половиной дюйма. Материал - черный базальт. Пьедестал несколько сужается от основания вверх, а верхняя часть резко расширяется, как стол. Хеттские иероглифы на нем выполнены рельефно и образуют как бы непрерывную надпись, расположенную по верхнему краю и вокруг вала в шесть параллельных рядов. Заметной особенностью надписи[430] является *Ædicula* (так называемая), представляющая собой группировку царских или жреческих эмблем в виде святилища (или *naiskos*) под распростертыми крыльями, прикрепленными к розетке, и напоминающая эмблемы царя-жреца в Богаз-Кеуи.[431] На втором алтаре, лоток и дно которого отломаны, полностью отсутствует одна строка надписи, а концы других строк (которых изначально было пять) также отсутствуют. Как и в первом случае, иероглифы вырезаны рельефно. Такая форма алтаря, хотя и не встречается в других местах, подсказана наскальной резьбой Фрактина,[432] а также четко и детально представлена на дромосах-украшениях в Эюке.[433] В последнем случае алтарь установлен перед вознесенным быком, и к нему жрецы и жрицы ведут баранов для жертвоприношения.

Оставшийся памятник настолько несовершенен, что мало что можно сказать о его первоначальной природе. То, что это был угловой камень, ясно из расположения надписи, и мы можем сравнить его с памятниками из Айнтаба[434] и Мараша.[435] Доктор Мессершмидт склонен придать ему ту же форму, что и угловому камню с углубленным углом из Кархемиша.[436] Как бы то ни было, пять строк рельефных иероглифов частично сохранились на двух вписанных гранях, остальные срезаны или отбиты; высота - около двадцати пяти дюймов, ширина сторон - семнадцать и пятнадцать дюймов соответственно.

ПЛИТА LV

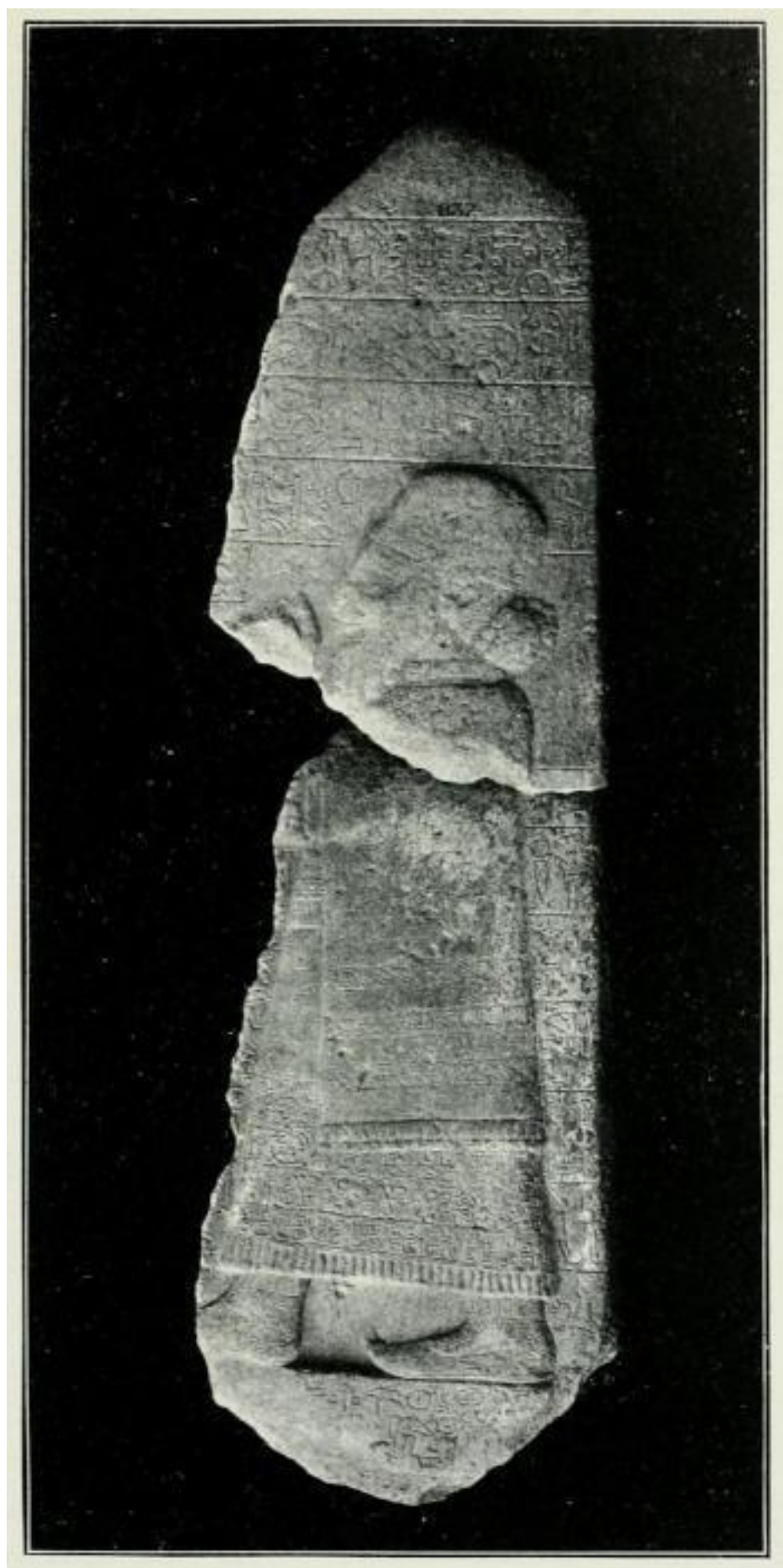
ТЪЯНА: РАЗРУШЕННЫЕ АКВЕДУКТЫ РОМАНСКОГО ПЕРИОДА (См. с. 42, 70.)

На восточных границах великих равнин мы достигаем Килиссе Гиссара, места старой Таяны. [437](#) С трех сторон она закрыта хребтами и невысокими холмами, но открыта на равнину, и до нее можно добраться из Эрегли и из Булгара-Мадена. Вряд ли можно сомневаться в том, что этот город был главным в рассматриваемом нами регионе даже в хеттские времена, судя по его значению в сознании классических писателей и по обширности его курганов и руин. Страбон [\[438\]](#) описывает его как "построенный на кургане Семирамиды", который был "укреплен хорошими стенами". Здесь, как ни странно, не было обнаружено ни одного хеттского памятника, вероятно, потому, что бессистемные раскопки в кургане вряд ли возможны из-за того, что он почти закрыт современными домами. Тем не менее, фригийская надпись Мидаса [\[439\]](#) свидетельствует о древности этого места; а три отдельные хеттские надписи, обнаруженные в соседних местах Бор, Нигдех и Андавал, можно с полным основанием считать, как и предполагалось, происходящими из одного источника.

Наиболее поучительным и интересным из этих памятников является памятник из Бора, представляющий собой монументальную стелу, восстановленную двумя основными частями в разное время с интервалом в двенадцать лет или более. [\[440\]](#) Даже сейчас камень не является полным; как видно из нашей иллюстрации, подогнанные края не совсем соответствуют друг другу, так что небольшая часть отсутствует по высоте, а левый край полностью отколот. Верхняя часть имеет размеры тридцать дюймов на шестнадцать, толщина - восемь дюймов. Нижняя часть на пять дюймов выше, так что в целом высота должна была составлять шесть футов или более. К счастью, на сохранившихся фрагментах можно увидеть почти всю фигуру и лицо мужчины, явно царя-жреца, а также характер и расположение надписи. Фигура высечена в высоком рельефе, выступая местами на три дюйма, а иероглифы вырезаны на фоне. Фигура занимала высоту, эквивалентную одиннадцати полосам иероглифов, четырнадцать из которых указаны. У нас нет возможности судить о том, какой ширины был камень изначально, поскольку нижняя часть расколота, а верхняя, очевидно, была переделана с момента раскола, чтобы соответствовать более узкой ширине. Мы склонны думать, что большая и более важная часть камня все еще отсутствует. Ведь позиция фигуры - это позиция поклонения или просителя. Человек изображен спиной к краю камня, а руки подняты перед подбородком, точно как на скальном памятнике Ивриса. [441](#) Теперь на стелах, где фигурирует только одна фигура, как в Кархемише и Мараше, [\[442\]](#) персонаж, будь то жрец или царь, занимает центральное положение на камне и почти всю его высоту. В этих случаях он стоит с одной вытянутой рукой, держащей посох, а другая рука находится рядом; в одном случае он обращен влево, в другом - вправо, но поза одна и та же. В данном случае все детали изменены. По некоторым слабым признакам на камне и по сравнению с памятником Ивриса, описанным ниже, можно сделать вывод, что руки сцеплены перед лицом; во всяком случае, на фотографии ясно, что одна рука, по крайней мере, поднята перед ртом. Он занимает не центр камня, а его боковую часть, о чем можно судить по коротким строкам надписи, начинающимся прямо напротив лица. Он не заполняет весь памятник в соответствии с идеей "исключительного величия", столь распространенной и доминирующей в восточном искусстве; с другой стороны, есть три строки надписи над его головой и, по крайней мере, одна ниже. Исходя из этих соображений, мы склонны рассматривать эти фрагменты как часть гораздо более крупного целого, темой которого было поклонение, не слишком похожее на то, что высечено на скалах в Иврисе. [\[443\]](#) Сходство вполне может быть расширено, поскольку при сравнении двух фигур священников или царей можно обнаружить много поразительных общих черт. Наиболее очевидное различие заключается в расположении плаща, который на борском камне застегнут под горлом, в то время как на ивризской скульптуре он висит более свободно, так что передний край бахромчатой каймы стелется по земле. В остальном все детали совпадают: в каждом случае плащ вышит тремя полосами и окаймлен бахромой. Даже узоры

похожи: *свастика* на камне перед нами находится в средней полосе между двумя полосами, украшенными *ромбовидным* узором (или "непрерывными квадратами"). Юбка внизу расшита еще более роскошно; в каждом случае *свастика* заполняет самую нижнюю полосу, а с нее свисает бахрома. На фрагменте из Бора появляются другие сложные элементы, включая двойную или четверную ионическую кривую и розетку; вышитые пояс, воротник и обувь завершают обработку. Другие черты, менее исключительные, соответствуют старым традициям: вывернутые концы обуви, пучок волос за шеей, черепная крышка и прямой нос. Борода полная и курчавая.

ПЛИТА LVI

БОР: ХЕТТСКАЯ НАДПИСЬ И РЕЛЬЕФ

Изображен царь-жрец, поклоняющийся божеству, фигура которого отсутствует. Ср. [пл. LVII](#).

Надпись начинается с двух групп иероглифов, которые можно прочесть как *Ay-mi-nu-a-s* из земли Тиана.[\[444\]](#) Более раннее чтение[\[445\]](#), сделанное тем же дешифровщиком, предполагает *Ai-m-gal-a-s*, соответствующее царскому имени Αἰνυαλός, встречающемуся в греческих надписях Киликии. Как бы то ни было, и какие бы точные значения ни были присвоены этим иероглифам, начальная группа, содержащая царское имя[\[446\]](#), повторяется на двух знаменитых памятниках Булгар-Мадана и Ивриз. На последнем из них имя в одном месте написано именно так, а в другом, как в Булгар-Мадене, с небольшим и явно грамматическим изменением. Этот факт проливает свет на местную историю того периода.

Из других памятников этой местности фрагмент из Андавала, ныне спрятанный в греческой церкви этого места, судя по описанию, был частью подобного памятника или, во всяком случае, камня, украшенного человеческой фигурой и надписью.[\[447\]](#) Камень сломан и округлый, размером около 600 тринадцати дюймов в поперечнике. На нем изображены только верхняя и задняя части головы фигуры с двумя строками вырезанных иероглифов сверху и началами двух строк сзади. Волосы на голове изображены мелкими завитками, а за шеей они спадают в характерный пучок. Взгляд, как обычно, полностью устремлен на профиль фигуры, повернутый вправо от наблюдателя.

Третий памятник был найден[\[448\]](#) в последние годы в Нигдехе, где он был выкопан из фундамента дома. Он круглый и лепной, и, по всей вероятности, являлся частью основания колонны или какого-то возведенного пьедестала. В нижней части имеется выступ из камня для крепления, а в верхней - квадратное отверстие-гнездо шириной около трети всего диаметра. Лепнина, идущая только по верхнему краю, выглядит почти по-римски. Надпись[\[449\]](#) на нем короткая, занимает пространство всего двенадцать дюймов на четыре, а буквы вырезаны.

Памятник Булгар-Мадана представляет собой надпись в пять строк иероглифами.[\[450\]](#) До него можно добраться, пересекая окраинные хребты Тавра между Тианой и Булгар-Маданом (расстояние в тридцать миль), или свернув с главной дороги вверх по долине потока, протекающего у подножия Булгар-Дага.[\[451\]](#) В любом случае памятник находится возле небольшой деревни Али Ходже, в двух милях ниже Булгар-Мадана, на левом (или северном) берегу ручья; до него добраться только путем резкого подъема по крутому склону долины, немного выше деревни. Проводник необходим, так как надпись не приметна и высечена на выступе коричневой скалы, похожей на многие другие в этой местности. Скала слегка нависает и довольно гладкая, хотя ее грубый гранитный характер затрудняет работу. Надпись сохранилась довольно хорошо, но, вероятно, она никогда не была глубоко и четко вырезана. Она занимает пространство высотой около четырех футов и шириной более шести футов, и отделена от окружающего камня границей, вырезанной примерно на такую же глубину, как и те, что разделяют ряды иероглифов. Эти ряды не все одинаковой длины, так как два самых верхних с левой стороны короче остальных, вероятно, из-за значительного изъяна в камне, которого они таким образом избегают. Верхняя часть надписи находится на высоте около десяти футов от земли, поэтому для ее тщательного изучения желательно использовать лестницу.

Принято считать, что близость серебряных рудников объясняет наличие этой надписи. Однако шахты находятся на расстоянии около четырех миль, и можно было бы легко найти более подходящее место недалеко от входа в них. Гораздо вероятнее, что этот памятник, как и камень на постаменте рядом с Богче, обозначает границу территории или государства, которое в данном случае, по указанной нами причине, управлялось из Тианы. Общая

тенденция чтения, приведенного профессором Сейсом,[452] которое является удивительно поучительным, кажется, подтверждает это мнение. Так, "Я князь, который установил границы", и еще: "Это священный камень князя-бога для земли, установленный здесь, принадлежащий к границе". Будет справедливо сказать, что профессор Сайс считает свое чтение в данном случае предварительным; он также читает имя принца в этом случае как "сын Айминия" из Тианы; есть и другая сложная форма этого слова, которая может быть принята за "землю Айминия".

В заключение мы приходим к памятнику Ивриз,[453] к которому лучше всего подъехать из Тианы или Иконии через Эрегли,[454] но он также доступен для отважного путешественника из Булгара-Мадена, если преодолеть скалистый снежный хребет, который лежит между ними. От Эрегли, следуя вверх по руслу Коджа-Су, унылые бесплодные равнины остаются позади, и перед нами открывается зеленая, хотя и запущенная долина. Путь лежит через старые сады, виноградники и участки кукурузных полей; вдоль берега воды растут ивы, а местность радует обилие деревьев, среди которых в изобилии встречаются орешник и каштан, а кое-где - большой грецкий орех или ряд тополей. Долина с ее необыкновенным плодородием и красотой заметно контрастирует с засушливой местностью за ее пределами, и эта перемена только усиливается, когда, покинув главный поток, тропинка идет по левому берегу в богато заросшую лесом долину, уходящую на юг. Эта новая долина ведет в гору и, пройдя почти три мили, обрывается у стены Тавра, поднимаясь почти отвесно и огибая вершину долины, где находится деревушка Ивриз. У подножия скалы поток воды, прозрачный и прохладный, вырывается наружу в огромном объеме и, дополненный другими подобными источниками, через сотню ярдов превращается в бурный и непроходимый поток, с удивительным шумом пенящийся и перепрыгивающий через скалы на своем пути. Прежде чем соединиться с основным потоком долины, он оmyвает на повороте подножие голой скалы, на которой с противоположной стороны видны знаменитые скульптуры,[455] самые поразительные из всех известных хеттских работ и один из самых впечатляющих памятников древнего Востока.

Все эти скульптуры выполнены в рельефе. В композиции представлены два человека: бог-крестьянин, гигантская фигура высотой четырнадцать футов, отличающаяся гроздьями винограда и бородатой пшеницей, которые он держит в руках, и царь-жрец, героическая фигура высотой восемь футов, обращенная к богу, со сцепленными руками, поднятыми в знак поклонения или благодарности за его щедрость.

Бог одет в короткую тунику, жилет с короткими рукавами, остроконечную шапочку и обувь с вывернутыми носками, характерную для богоподобных фигур на всех хеттских скульптурах. Но здесь скульптор развил свою тему и ввел в нее идеи или представления, которые, как мы можем обоснованно подозревать, были заимствованы в конечном счете с Востока через посредничество Киликии.[456] Фигура приземистая и неподвижная, а лицо почти семитское. Нос, хотя и прямой и выдающийся, обработан с необычной полнотой. Волосы уложены кольцами, как и борода, за исключением лица, где она представлена завитками.[457] Левая рука выдвинута вперед и держит колосья кукурузы, а правая находится у тела и держит виноградную ветвь со свисающими гроздьями. Рисунок тела подчиняется обычной конвенции; левая нога выдвинута вперед, голова видна в профиль слева, а плечи развернуты к наблюдателю. На запястьях - браслеты, а на правом предплечье - намек на что-то неопределенное. Пояс украшен, как будто из обработанной кожи, и заканчивается завитком перед телом, возможно, предполагая крепление с дальней стороны. Сапоги высокие, с передним клапаном, прикрепленным к лодыжке шнурком, похожим на сапоги крестьян этого района и Киликии в современную эпоху. Пожалуй, самой своеобразной и восточной деталью

являются рога, украшающие шлем, которых видно четыре пары. Перед правой ногой виднеется болтовое орудие, возможно, плуг.

ПЛАТА LVII

ИВРИЗ: ГИГАНТСКИЕ СКУЛЬПТУРЫ НА СКАЛЕ

Изображен царь-жрец, поклоняющийся хеттскому богу земледелия.

С гипсового слепка, хранящегося в Берлинском музее.

Лицом к богу и на более высоком уровне (возможно, как и в других примерах восточного искусства, чтобы относительная малость фигуры была менее заметна) стоит фигура царя-жреца, который, если мы не путаем группу иероглифов, обозначающих его, является тем же самым, с которым мы ранее встречались возле Тианы.[\[458\]](#) В общем стиле и в некоторых деталях обработка этой фигуры похожа; но одежда отличается в нескольких отношениях. Черепная коробка священника окружена тремя украшенными фибулами, на лбу - узелковый орнамент из драгоценных камней. Длинная юбка представляет собой богато вытканное одеяние, на котором узор состоит в основном из ряда пробитых квадратов, расположенных параллельными рядами, с каймой из *свастики*, окаймленной бахромой. Через плечи наброшена вышитая мантия с широким воротником, скрепленным спереди драгоценной застежкой или брошью. Сзади она опускается ниже колен, а спереди концы с кисточками или бахромой стелются по земле. Узор состоит из трех полос непрерывных квадратов или двойных зигзагов. На шее - массивное ожерелье и браслет. Сапоги, черты лица и волосы обработаны так же, как у противоположной фигуры бога; возможно, волосы в этом случае собраны в пучок чуть гуще за шеей. Правая нога выдвинута вперед, а две поднятые руки четко сцеплены перед лицом, пальцы и ногти дальней руки тщательно прорисованы.

К этим фигурам прилагаются три короткие надписи. В той, что вырезана перед лицом бога, профессора Сейс[\[459\]](#) и Дженсен оба находят имя Сандеса в первой строке (знак в виде буквы W под разделенным овалом, обозначающий божественность). В следующей строке, как и в перекрытии первой и второй строк надписи за царем, мы находим то же имя (читается *Auminyas*)[\[460\]](#), которое мы ранее встречали в надписях Бора и Булгара-Мадена. Этот момент имеет важное значение для рассмотрения истории хеттских народов, когда, как кажется, центральная власть уже не находилась в Богаз-Кеуи. Ибо дата этих скульптур, если исходить только из их близкой аналогии в обработке со скульптурами из Сакдже-Геузи, может быть отнесена к десятому или девятому веку до н.э. Действительно, кажется, что мы здесь связаны с царством (Великой) Киликии, которое, с Тианой, вероятно, в качестве столицы, заняло место государства Хатти в пределах Халиса, как доминирующее хеттское государство в начале первого тысячелетия до н.э.[\[461\]](#).

Этот тезис становится более вероятным, когда мы останавливаемся на религиозной символике памятника. Как показал профессор Рамсей, в мускулистом работающем крестьянине-боге, который своей мотыгой и плугом отвоевывает засушливые земли и делает их щедрыми, мы имеем представление о Геракле, а то, что он был признанным главным божеством этого района, следует из названия *Ираклия*, которое греки дали Эрегли. Профессор Фрейзер также не сомневается, что атрибуты этого Геракла можно найти в Сандоне из Тарса. Теперь прототип Сандона мы найдем в национальном боге-сыне (позднее Аттисе), изображенном в скульптурной галерее Богаз-Кеуи,[\[462\]](#) и таким образом мы сразу же связываемся с более древней хеттской мифологией через посредничество киликийцев.

IV

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

Описание Птерии, древнего города в Богаз-Кеуи и скульптур под названием Иасили Кая.

Часть I.

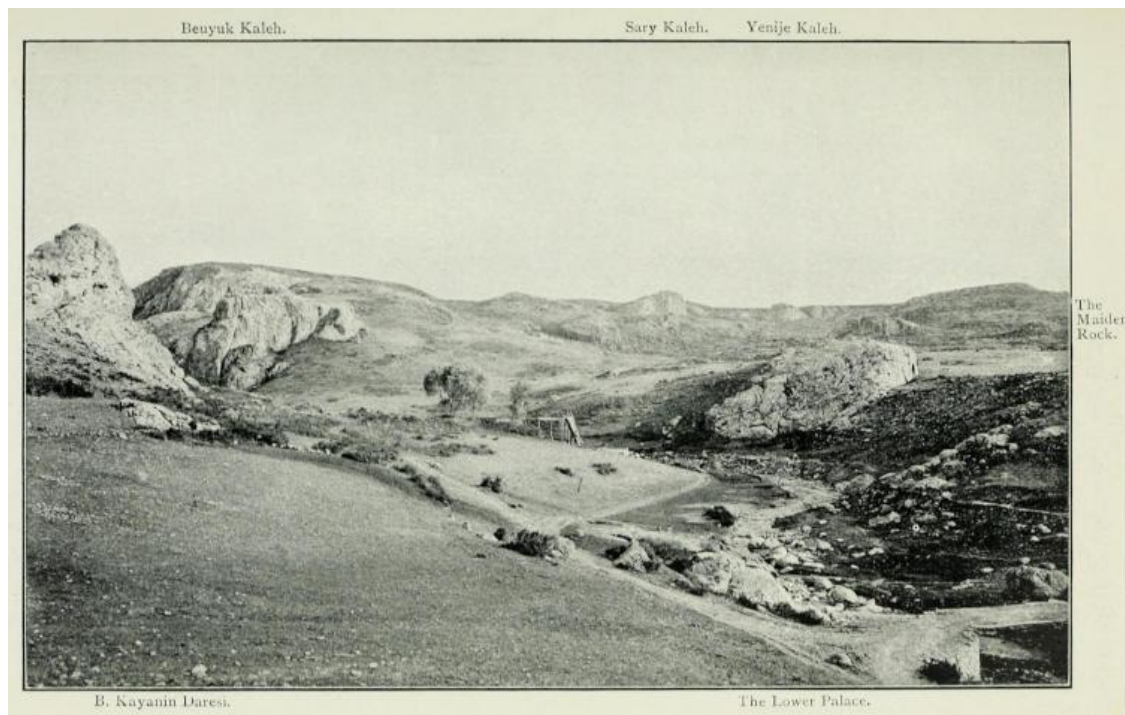
Несмотря на то, что они имеют фундаментальное значение для нашего исследования, отдельные памятники, которые были рассмотрены в предыдущей главе, иллюстрируют лишь некоторые аспекты хеттского искусства и лишь случайно раскрывают несколько деталей черт лица, одежды и доспехов, а также некоторые намеки на религиозные обряды и обычаи. Их расположение, правда, помогает нам определить границы земли, которую мы намеревались исследовать; но их *происхождение* практически ничего не говорит нам о том, где и как жили люди, создавшие их. Тем не менее, как это были первые материалы, из которых ученые мало-помалу создали науку хеттоведения, так и мы можем использовать их в качестве критериев для нашего дальнейшего исследования; чтобы с подготовленным умом изучить более последовательные свидетельства хеттской цивилизации, раскрытые в руинах их городов и укреплений, их святилищ и дворцов, украшенных мистическими скульптурами.

Таких мест действительно немного, но наши знания о них в основном являются результатом недавних научных экспедиций, и поэтому они более надежны и точны. Опубликованные свидетельства позволяют нам выбрать четыре места, которые, к счастью, дают материал для сравнительного исследования. Два из них, Эюк и Богаз-Кеуи, находятся на севере Малой Азии,^[464] в широком круге Халиса; два других - под Тавром, в Синджерли и Сакдже-Геузи на севере Сирии.^[465] Три из них, кроме того, внешне похожи друг на друга: это небольшие города, обнесенные стенами, расположенные на значительных курганах, которые содержат также остатки дворцовых зданий, украшенных своеобразными скульптурами. Четвертый, занимающий вершину холма над деревней Богаз-Кеуи, имеет гораздо большие размеры и включает в свои остатки множество особенностей, не представленных в других. Его с некоторой уверенностью отождествляют^[466] с Птерией (или Птарой) через Халис, которая, согласно Геродоту,^[467] пала около 550 г. до н. э. перед Крёзом Лидийским, который нашел ее во владении "сиро-каппадокийского" населения, которое он обратил в рабство.^[468] В течение некоторого времени ученые связывали его с хеттами, как по характеру искусства, которое демонстрируют его руины, так и по сомнительной иероглифической надписи на скале под названием Нишан Таш,^[469] и особенно по четким иероглифам, связанным с соседними скульптурами Иасили Кая. Недавно д-р Уинклер добавил к этим связям два камня, украшенных скульптурами и иероглифами ^[470] в знакомом хеттском стиле; и, наконец, скрепил цепь доказательств, обнаружив в развалинах раннего дворца многочисленные кирпичные таблички с клинописью, которые оказались архивами царей Хатти, включая фрагменты дипломатической переписки с фараонами Египта и другими восточными правителями в XIII и XIV веках до нашей эры. Таким образом, становится ясно, что по крайней мере в течение нескольких столетий древний город на этом месте был центром хеттской власти и цивилизации. В одной из предыдущих глав^[471] мы показали, что упадок этой державы связан с ранним движением народа, родственного фригийцам, в двенадцатом веке до н. э. Мы пока не знаем, в какой степени город пострадал от их рук, если пострадал вообще, или во время более поздней борьбы с Ассирией. Однако дворец XIV века до н. э., по-видимому, лежал в руинах примерно две или три сотни лет спустя, когда он был восстановлен.^[472] Видимые остатки города, некоторые из которых, возможно, относятся к этому периоду возрождения, не свидетельствуют о каких-либо разительных изменениях в

искусстве, которое они олицетворяют, и мы можем предположить, что они представляют нам хеттскую работу или, по крайней мере, прямое выживание хеттского искусства вплоть до периода фригийского господства в VIII веке до н. э., если не до окончательного свержения и обезлюдения города руками Крёза. Таким образом, эти руины требуют нашего первого рассмотрения.

К счастью для сохранности этих останков, селение Богаз-Кеуи лежит чуть ниже границ древнего городища, а также находится в одном дне пути от ближайших современных городов, имеющих хоть какое-то значение, а именно Юзгата и Сунгурлу. Однако в древности это место, по-видимому, было связано системой проложенных дорог с другими частями страны. Царская дорога, которая пересекала Фригию,^[473] связывая, как предполагается, долину Гермуса с Сардисом и западом, шла к Халису^[474] без иной видимой цели, кроме приближения к этому городу. На юге также прослеживается подобная царская дорога на многие мили,^[475] проходящая по поверхности скал на север от Инджесу (около Кесарии), ведущая к броду через Галис около Богче. Считается, что персидские посылы с востока на запад следовали этим северным путем, хотя прямая дорога из Кархемиша в Эфес или Смирну, будь то через Киликийские ворота или через один из проходов, ведущих вниз на Кесарию, вообще не нуждалась в приближении к реке Халис, а тем более в ее пересечении. Действительно, возможно, что самое раннее продолжение маршрута проходило на восток по долине Тохма-Су,^[476] а северная цель может быть найдена в старом значении Синопа как морского порта. Эти соображения, однако, только усиливают значение Богаз-Кеуи как центра системы. В настоящее время, как мы видели,^[477] основные маршруты проходят по-разному, приспособляясь к изменившимся условиям, и место, которое когда-то было очевидным центром всей деятельности во внутренних районах, теперь не представляет экономического интереса, являясь прекрасным памятником прошлого.

Место, выбранное для этого города, отличалось значительной природной силой. Его стены окружают широкую вершину удаленного холма, который связан с водоразделом, лежащим на юге, только высокой землей в этом направлении. С обеих сторон он отрезан крутыми долинами двух горных рек, текущих на север, которые встречаются чуть ниже современной деревни. Они, в свою очередь, питаются небольшими притоками, вытекающими прямо из-за холма, который, таким образом, почти замкнут. От места их подъема до слияния основных потоков в двух милях падение составляет около тысячи футов; и хотя спуск последних неизбежно более постепенный, они все равно очень быстры, а зимой представляют собой пенящиеся потоки. В частности, Беюк Каянин, протекающий с восточной стороны, своей силой так глубоко пробил свое скальное ложе, что там, где он проходит мимо восточного холма цитадели, называемого Беюк Калех, его берега превратились в обрывистые скалы, практически не требующие искусственной защиты.^[478] С западной стороны Язир Дареси течет по более аллювиальному грунту и выкопала для себя ущелье, в крутом берегу которого остались выступающие твердые породы, что делает нападение с этой стороны также непривлекательным. Инженеры, планировавшие оборону, использовали естественные преимущества позиции, засыпая склоны и подводя стену везде, где это было возможно, к краям скал, в которых все возможные опоры были заделаны каменной кладкой.

БОГАЗ-КЕУИ: МЕСТО, ГДЕ НАХОДИЛАСЬ ПТЕРИЯ, СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА ХЕТТОВ

Беюк Калех. Сары Калех. Енидже Калех.

Девичья скала.

В. Каянин Дареси. Нижний дворец.

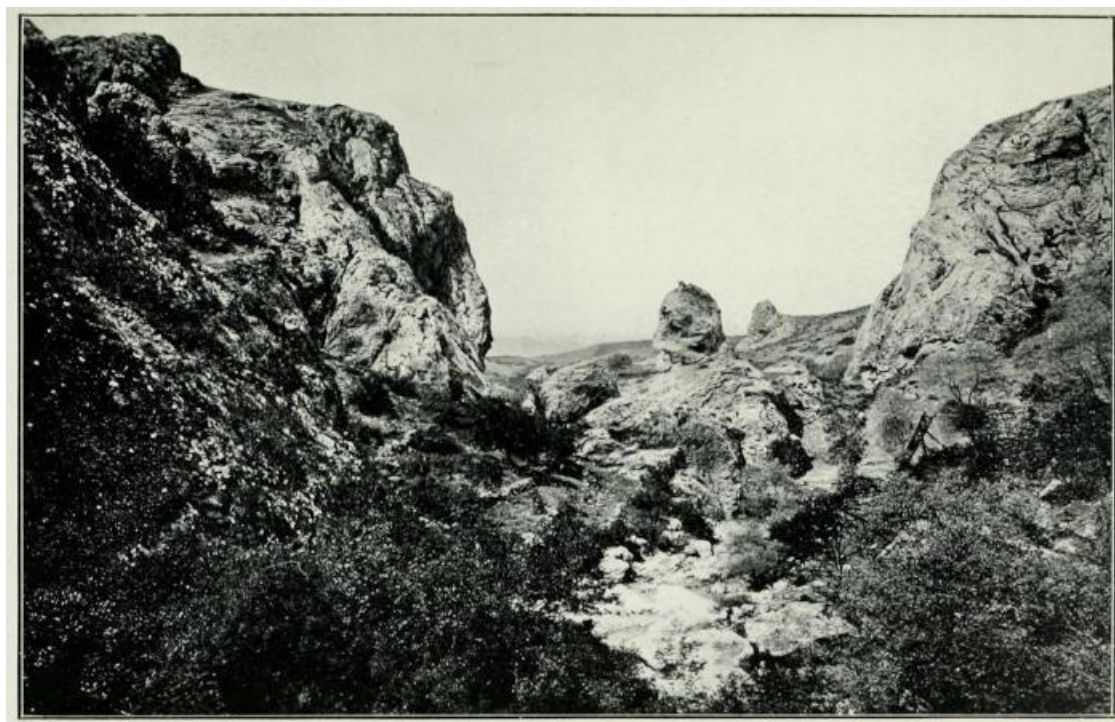
Акрополь занимал весь холм; линия древних валов образует горизонт справа. (См. с. [32](#), [200](#).)

С северной стороны, где линия обороны менее четкая, землю нарушает третий небольшой ручей, Кизлар Кая Дареси, который поднимается в пределах контура стены на возвышенности акрополя, а теперь соединяется с Язиром в современной деревне у его подножия. На ровной местности, недалеко от этого перекрестка, сохранились следы древнего вала; но линия естественной обороны находится несколько выше, поэтому можно предположить, что в какой-то момент ограждение было расширено в этом направлении, возможно, для того, чтобы включить в него Нижний дворец. Однако, как бы то ни было, по-настоящему уязвимое место, по-видимому, находилось на юге, на возвышенности, и здесь искусственная защита была в пропорциональном отношении сильнее. Похоже, что с этой стороны стена была построена на каменном валу, который, в свою очередь, повторял линию естественной гряды в земле, придавая почти неприступный вид огромной массе оборонительных сооружений. Этот курган был настолько высок, что через него был проложен узкий подземный ход, обеспечивающий доступ внутрь.

Площадка внутри, которую мы называем акрополем, представляет собой плоскую вершину холма, вокруг которой стена образует примерно три стороны шестиугольника (опуская северную часть, которая, как мы видели, спускается на более низкий уровень). Длина стены на акрополе составляет около полутора миль, а наибольшая ширина в направлении с востока на запад - около трех четвертей мили. Вся окрестность оборонительных сооружений, включая нижнюю часть, составляет около трех с половиной миль, а наибольшая длина с севера на юг по плану - около одной мили с четвертью, из которых примерно половина приходится на верхний уровень.

Городская стена, хотя и построенная без раствора, была возведена таким образом, что до сих пор прослеживается непрерывно вокруг акрополя, и сохранилась во многих местах на высоту двенадцати футов и более. Ее средняя толщина составляет около четырнадцати футов, она состоит из внутренней и внешней облицовки толщиной около четырех футов каждая, между которыми находится каменное ядро. Внешняя облицовка была особенно прочной и состояла из крупных камней, иногда достигавших пяти футов в длину (но в среднем от двух футов шести дюймов внизу до одного фута вверху), обтесанных так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, причем предпочтение отдавалось примерно прямоугольной или пятигранной форме. Кладка велась курсами, насколько это было возможно при таком материале, но могла быть прервана камнем большего размера, чем обычно, или по другой причине. Действительно, в некоторых внутренних стенах, где кладка менее массивная, хотя и схожая по характеру, большие камни были вставлены через промежутки для связи и придания общей устойчивости. Контур стены был дополнительно укреплен контрфорсами или внестенными башнями, расположенными через разные интервалы в зависимости от ситуации, в среднем на расстоянии около ста футов друг от друга. Похоже, что они были спроектированы не из принципов обороны, а исключительно как архитектурные опоры[479].

ПЛИТА LIX

БОГАЗ-КЕУИ: УЩЕЛЬЕ БЕЮК-КАЯНИН ДАРЕСИ

Слева - Бейюк-Калех. (См. с. 200.)

Некоторые из первоначальных дверных проемов, ведущих через стену, по-видимому, были очень маленькими, не более трех футов в ширину. Подземный ход под южным валом также очень узкий, но, возможно, он был добавлен позже. Выход из него представляет собой простой дверной проем шириной четыре фута, сложенный из трех гранитных блоков в качестве косяков и перемычки; внутри проход имеет ширину около пяти футов в нижней части и выложен камнями в треугольном порядке, с вершиной в шести футах от пола. Интересно сравнить принцип свода под давлением, проиллюстрированный в его конструкции, с системой контрфорсов, использованной в арках больших ворот. Возможно,

они были добавлены с момента создания стены. Во всяком случае, вблизи Львиных ворот регулярные ряды внешней кладки уступают место углам, а на их месте появляются подогнанные друг к другу камни, имеющие форму углов и эксцентриситетов своих соседей, что напоминает скрепление дворцовых стен в нижней части интерьера. Конечно, это могло быть преднамеренной оригинальной вариацией, призванной укрепить углы, где находится углубление для ворот; кроме того, очевидно, что вначале должны были быть какие-то ворота, достаточно широкие, чтобы впустить повозку или колесницу. Такие ворота, однако, мы склонны видеть в нескulptурированном входе аналогичного характера, но меньшего размера, называемом Эшук Таш, на юго-востоке города. Архитектурный принцип, однако, в каждом случае один и тот же, и его можно изучить на фотографии Львиных ворот.^[480] Этот вход расположен на расстоянии тринадцати футов от дороги, с подходом в двадцать футов в поперечнике, сужающимся до свободного пространства в тринадцать футов между косяками ворот. Эти главные опоры имеют большой размер и вес; и, хотя они стремятся друг к другу по пологой кривой по мере подъема, они имеют такую форму и скреплены со стеной, что стоят в твердом равновесии. Высота этих одиночных камней составляет около двенадцати футов, а в других упомянутых воротах - около одиннадцати футов. Последние более наглядно иллюстрируют верхнюю конструкцию, в которой остроконечная арка была доведена до завершения путем повторения того же принципа контрфорса. Каждый из верхних камней выступал навстречу другому, при этом достаточно нависая в противоположном направлении, чтобы сохранять равновесие в одиночку. Дальнейшие детали не сохранились, но их грани также должны были быть подогнаны под изгиб арки, и если они не подходили друг к другу настолько близко, чтобы соприкоснуться, то арка должна была быть завершена пятым камнем, помещенным над всеми, как и предполагается в случае с Эшук Таш. Таким образом, мы получаем минимальную высоту ворот, без поверхностной структуры, в пятнадцать или шестнадцать футов. Поскольку арка повторялась в пределах двадцати пяти футов, вероятно, что эти два пролета поддерживали камеру или часового, непрерывного с парапетом. Вероятно, масса каменной кладки слева и справа указывает на караульную камеру, фланкирующую подход с обеих сторон, в хорошо известном стиле, позднее принятом римскими инженерами и окончательно перешедшем в средневековую архитектуру.

Мы несколько затянули с элементарными деталями этой крепости, но не менее тщательно; ведь созерцание этой массы каменной кладки и деталей ее исполнения вознаграждается пониманием, которое, возможно, не раскрывает ни один другой памятник, солидарности, силы, мастерства и ресурсов людей, которых она так долго сохраняла. Знаменитые львы, которые охраняют этот вход, являются еще одним свидетельством уровня их цивилизации и одним из самых ярких произведений их искусства. Тот, что справа, сохранившийся почти идеально, иллюстрирует богатство деталей, которых не видно на несколько отдаленной фотографии. Однако уместная смелость и реалистичность дизайна очевидны. Эта мода украшать ворота, особенно львами, как в Синджерли, Мараше и Сакдже-Геузи, также параллельна сфинксам из Эюка, и в степени чудовищным рельефным эмблемам, отгораживающим нарушителей от внутренней галереи в Иасилы-Кая.^{[В других воротах того же характера на этом акрополе раскопки профессора Уинклера обнаружили горельефное изображение существа, одетого в хеттскую тунику, обувь и шляпу, которое в то время предполагалось как изображение царя,^[482] но с тех пор признано женщиной-воином или амазонкой.]}

ПЛИТА LX

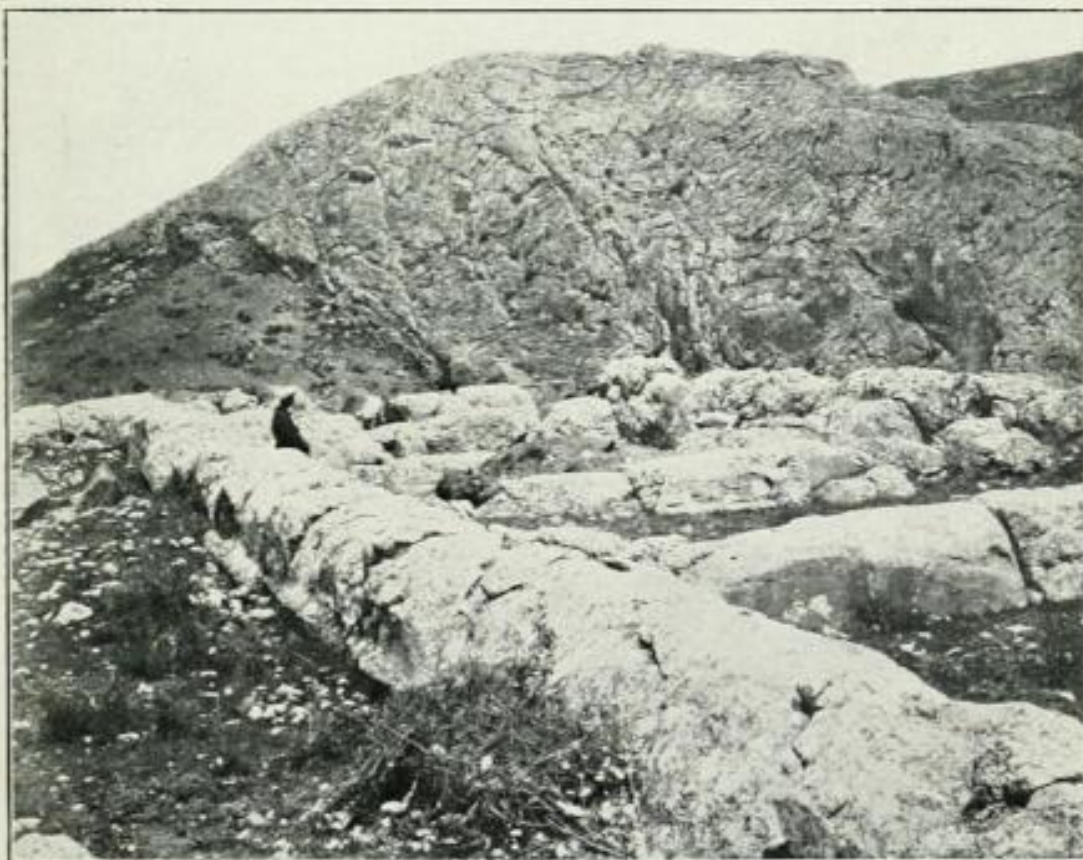
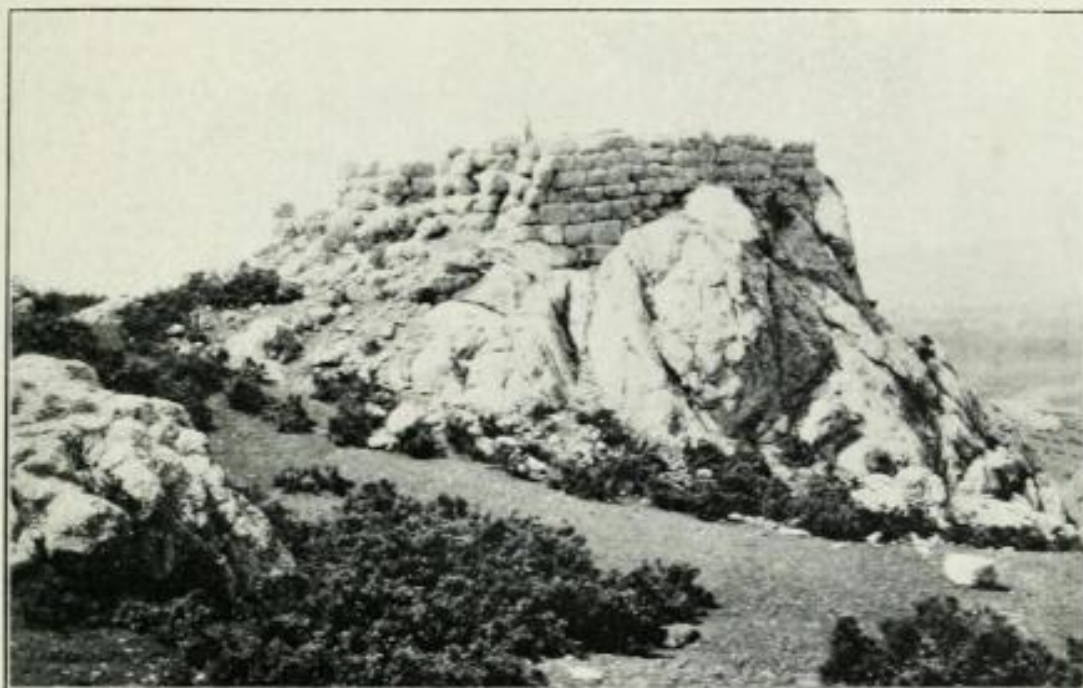
БОГАЗ-КЕУИ: ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА

Внешняя стена была не единственным оборонительным сооружением, которое обеспечивали преимущества места. Поперек ограды находится ряд выдающихся скал, возвышающихся над более низкой землей на севере и обозначающих своим расположением край акрополя, который обеспечивает доступ к ним.^[483] Можно предположить, как мы уже предположили, что они указывают на линию более ранних оборонительных сооружений и естественные границы более раннего города, расположенного полностью на холме. Они были увенчаны прямоугольными фортами, построенными из квадратных блоков каменной кладки, расположенных по курсу, и в любом случае представляли собой грозную вторую линию обороны от нападения снизу. Тот, который называется Енидже Калех, показан на нашей фотографии:^[484] его позиция, естественно, не такая сильная, как у среднего из трех фортов этой серии, который представляет собой обрывистый склон с северной стороны. Самый большой из этих холмов - отсюда и название Беюк-Калех - находится на востоке, и с него открывается вид на ущелье реки с этой стороны.^[485] Однако на севере, где склон спускается к нижней части ограды, на которой находятся руины знаменитого дворца, он менее крутой, и его соответственно обрамляла крепкая стена с подпорками, сложенная из крупных камней пятиугольной или квадратной формы, самые нижние ярусы которой имеют от двух до трех футов в высоту.

Здесь же, в углублении между двумя описанными фортами, находится выветрившаяся каменная надпись, известная как Нишан Таш.^{486]} Если спуститься на более низкую землю, следуя течению ручья, протекающего через середину ограды, то еще две скалы привлекают внимание тем, что они были обработаны вручную. Первая из них называется Девичьей скалой и дала свое турецкое название Кизлар Кая ручью, который протекает прямо под ней. Несмотря на значительные размеры, эта скала, помимо того, что она обтесана по бокам и в двух местах обработана в теле, была чисто срезана по верху, за исключением небольшого выступа, похожего на стол, который остался на одном конце. Другой, лежащий еще дальше вниз и ближе к Нижнему дворцу, был расщеплен надвое, чтобы образовать как бы проход через него из стороны в сторону. Было бы небезопасно без доказательств предполагать какое-либо определенное использование этих скал в древние времена, и возможно, что их

особенности могли возникнуть только в результате добычи каменных блоков, использовавшихся для Нижнего дворца или других зданий на этом месте.

ПЛИТА LXI

БОГАЗ-КЕУИ: крепость под названием Енидже-Калех (см. с. 205.)

БОГАЗ-КЕУИ: ОСТАТКИ НИЖНЕГО ДВОРЦА

Мы используем термин "Нижний дворец" для обозначения фундамента, ставшего известным благодаря визиту Тексье[487] и более поздним описаниям профессора Перро,[488] в отличие от тех, что были недавно обнаружены доктором Винклером на Верхнем Акрополе, где были найдены руины четырех таких зданий, из которых три, вероятно, были дворцами, а четвертое - храмом.[489] Нижние части первого из упомянутых дворцов, однако, видны над землей, так что его план может быть легко прослежен; и независимо от того, следует ли идентифицировать его как дворец или как храм, он представляет собой интересное исследование и своеобразную связь между архитектурой Востока и Запада. 490] Как можно видеть на нашей фотографии, 491] то, что осталось от него, построено из больших отдельных каменных блоков толщиной около четырех футов и длиной в среднем вдвое больше. Его форма прямоугольная, длина чуть более двухсот десяти футов по главной оси, а ширина - сто двадцать восемь футов. Главный вход находится в середине южной стороны, и, минуя небольшие караульные помещения по обе стороны, он ведет в большой центральный двор, вокруг которого расположены палаты, двойной ряд на концах и одинарный ряд по бокам. На севере и на западе между двором и комнатами есть проход или коридор: тот, что на севере, кажется, был введен через отверстие напротив главного входа, а одна камера (через проход и слева) заполнена большим резервуаром или ванной из камня. Можно предположить, что эти части здания были жилыми, в то время как переднее и восточное крылья предназначались для офисов дворца. В интерьере мало что бросается в глаза, кроме размеров и расположения комнат, на которых нам нет необходимости останавливаться. Центральный двор вымощен грубыми камнями[492] на глубине трех футов под нынешней поверхностью, глубина, которая, вероятно, соответствует фундаменту стен и древнему уровню.

Наклонная площадка к северу была подготовлена для этого здания каменной вымосткой, установленной ступенями; при скреплении кладки с этой стороны были приняты особые меры предосторожности против скольжения. Камни верхних ярусов не только подогнаны друг к другу по схеме "жоглов", напоминающей "языки и пазы", если воспользоваться более известным термином, но и нижний ярус снабжен гребнем, поднимающимся вдоль его передних краев, что еще больше предотвращает общее движение всего сооружения в этом направлении. Что касается верхней части этого сооружения, то раскопщикам предстоит решить, была ли она выполнена из каменной кладки, от которой не осталось видимых следов, или же из дерева и кирпича, как в хеттских дворцах по ту сторону Тавра. Ровный характер сохранившейся кладки и некоторые особенности, отмеченные Перро,[493] позволяют предположить, что здесь также использовался последний метод, что подтверждается наблюдениями, сделанными доктором Курциусом в одном из верхних зданий, недавно обнаруженных в акрополе[494].

Судя по фундаменту, обнаруженному на большей глубине экспедицией д-ра Винклера, дворец, который мы только что описали, похоже, был построен на месте более раннего и несколько похожего здания, в развалинах которого было найдено множество драгоценных табличек, начертанных клинописью. Это давно забытые страницы истории монархов, империй и княжеств в Западной Азии, и как таковые они имеют отношение к более поздней главе нашей работы. На данный момент важна их основополагающая дата, частично перекрывающая восемнадцатую и девятнадцатую династии Египта и заканчивающаяся вскоре после правления Рамсеса II в тринадцатом веке до нашей эры.

БОГАЗ-КЕУИ: ВИД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА НА НИЖНИЙ ДВОРЕЦ

С современной деревней за ним.

У нас нет опубликованных средств, чтобы оценить по этому или иному источнику историю развития этой древней столицы. Но некоторые предположения, в качестве рабочей гипотезы, можно сделать, исходя из вероятности случая с этой датой в качестве основы, ожидая тем временем дальнейшего освещения от доктора Винклера и его коллег. Прежде всего, что касается даты возведения основных укреплений, то, хотя период империи не часто является временем строительства оборонительных сооружений, в данном случае продуманность и масштабность внешних стен не производит впечатления ни поспешных действий пораженного народа по защите, ни даже шаткости. Схема и детали выполнены с достоинством, тщательностью и проработкой. Это был продукт процветающей эпохи, продиктованный скорее благоразумием, чем осознанной необходимостью. Однако гордыня хеттского могущества вскоре прошла; даже когда они на равных общались с фиванским и вавилонским дворами, тень ассирийских армий уже омрачала восточный горизонт, а угроза северных варварских орд, вероятно, постоянно присутствовала, особенно по мере ослабления их наступательных сил. Можно с уверенностью предположить, что их город должен был быть подготовлен к нападению во всяком случае до вторжения фригийских мушков в двенадцатом веке до н.э. И во-вторых, что касается только что рассмотренного дворца, построенного на руинах того, который процветал во времена Рамсеса Великого, то он представляет собой реконструкцию и восстановление царского государства в какое-то последующее время. О дате этого возрождения мало что известно. Судя по плану дворца, можно предположить, что оно предшествовало широкому распространению ассирийского влияния; а по нашим собственным наблюдениям, оно, вероятно, было связано с определенным классом цветной керамики, которая в Сакдже-Геузи^[495] уже выходила из моды в начале первого тысячелетия до нашей эры. По этому поводу интересно заметить, что разница в осевом направлении между этим и погребенным дворцом, а именно $2\frac{1}{2}^\circ$, если

верить астрономическим данным, указывает на разницу в дате примерно в двести тридцать лет,[496] что относит период реставрации к XI веку до нашей эры.

Несомненно, с ходом раскопок появятся и другие явные доказательства, а пока мы можем лишь с должным вниманием отнестись к тем немногим косвенным свидетельствам, которые уже имеются. Отсутствие видимых скульптур на фасаде здания, в отличие от построек Эюка, Синджерли и Сакдже-Геузи, любопытно. Эта фаза мотива, кажется, скорее отражена в двух скульптурных камнях, уже упомянутых, которые недавно были найдены несколько выше по склону Беюк Калех, у подножия которого стоит дворец.[497] Два скульптурных льва действительно лежат в непосредственной близости от нижнего дворца, те, которые Тексье и Перро[498] предполагали, что это руки трона, но теперь показано[499], что это концевые украшения резервуара, с аналогичной парой на противоположной стороне. Они соответствуют по стилю и художественным деталям львам, охраняющим вход во дворец в Сакдже-Геузи,[500] которые можно с некоторой уверенностью датировать десятым или девятым веком до н. э. Если тогда можно показать, что львы из Богаз-Кеуи имеют органическое отношение к дворцу, в окрестностях которого они находятся, то появляется основа для решения проблемы, а дата зависит от диапазона времени, в течение которого такие скульптуры были в моде. Но если, с другой стороны, эта цистерна была пристройкой к дворцу, причем более поздней, о чем свидетельствует ее частично обнаженное положение над уровнем пола дворца, то дворец относится к более раннему времени, предшествующему периоду, когда такие скульптурные львы были в моде, - вывод, который, как представляется, оправдывается другими нашими соображениями. Кстати, мы приходим к возможной дате некоторых подобных скульптур, таких как лев из Эюка и, возможно, Львиные ворота акрополя.

ПЛИТА LXIII

БОГАЗ-КЕУИ: ЛАГЕРЬ У ПОДНОЖИЯ БЕЮК-КАЛЕ

БОГАЗ-КЕУИ: СВЯТИЛИЩЕ ИАСИЛИ КАЯ

Вид на скульптуры слева изнутри.

В заключение мы предварительно суммируем существующие возможности местного развития, которые любое новое свидетельство может глубоко изменить:

1350-1300 ГГ. ДО Н.Э.	Период более раннего нижнего дворца.
1300-1200 "	Построены основные укрепления, <i>темпл.</i> Хаттусил.
1200-1100 "	Первые фригийские вторжения.
1100-1000 "	Нижний дворец реконструирован.
1000-850 "	Период львиных скульптур.
850-700 "	Фригийское господство.
700-600 "	Киммерийцы.
Около 550 г.	Падение перед Крёзом.

Часть II. Наскальные скульптуры под названием Иасили Кая.

Давно известные скульптуры, названные турками просто "Скала с надписями", находятся на расстоянии около двух миль к востоку от деревни Богаз-Кеуи. Найти их не так-то просто. Выйдя из деревни и перейдя реку напротив нижнего дворца, тропинка круто поднимается на плато высотой около шестисот футов и встречается с дорогой, которая огибает основание этого холма с северной стороны, примерно в миле дальше, где она поворачивает на юг в сторону Юзгата. Древний город больше не виден, и здесь мало достопримечательностей, имеющих особый характер. На северо-западе простирается ряд холмистых долин, а пологий подъем к северо-востоку - это частично кукурузные поля, частично зеленые пастбища, по мере подъема на гребень поросшие темным кустарником и изломанные то тут, то там голыми известняковыми скалами; типичный вид азиатского нагорья.

Скульптуры найдены в одном из этих массивов скал, который не является самым большим или заметным в серии, но и не выделяется в целом. Вероятно, издревле ее главной достопримечательностью было естественное удобство, которое обеспечивали некоторые неровности в ее формировании для достижения поставленной цели. На западной стороне находится углубление глубиной около тридцати ярдов, которое выходит на юго-запад на широкую травянистую террасу. Вход в эту скальную камеру, насколько это касается нас, можно считать шириной около семнадцати ярдов. Его стены неровные, с выступами, особенно с правой стороны, но в целом они постепенно сближаются, пока их не разделяют всего шесть или семь ярдов на расстоянии около шести ярдов от конца. Дальняя часть имеет более правильную форму, немного расширяясь, так что внутренняя сторона напротив входа имеет ширину около восьми ярдов. Эта самая большая плоская поверхность, расположенная в глубине углубления, была подготовлена для центральной группы скульптур, масштаб которых пропорционален относительному достоинству представляемых ими персон. Для остальных боковые стороны были выложены короткими отрезками по два-три ярда, следуя изгибам скалы, в более или менее непрерывную полосу высотой около трех футов. Хотя камень был подготовлен, гладкая поверхность, должно быть, была получена при очистке фона скульптур, которые выполнены в рельефном стиле, свойственном хеттам.

ПЛИТА LXIV

БОГАЗ-КЕУИ: ОБЩИЙ ВИД БОЛЬШОГО УГЛУБЛЕНИЯ В СВАТИЛИЩЕ ИАСИЛИ КАЯ

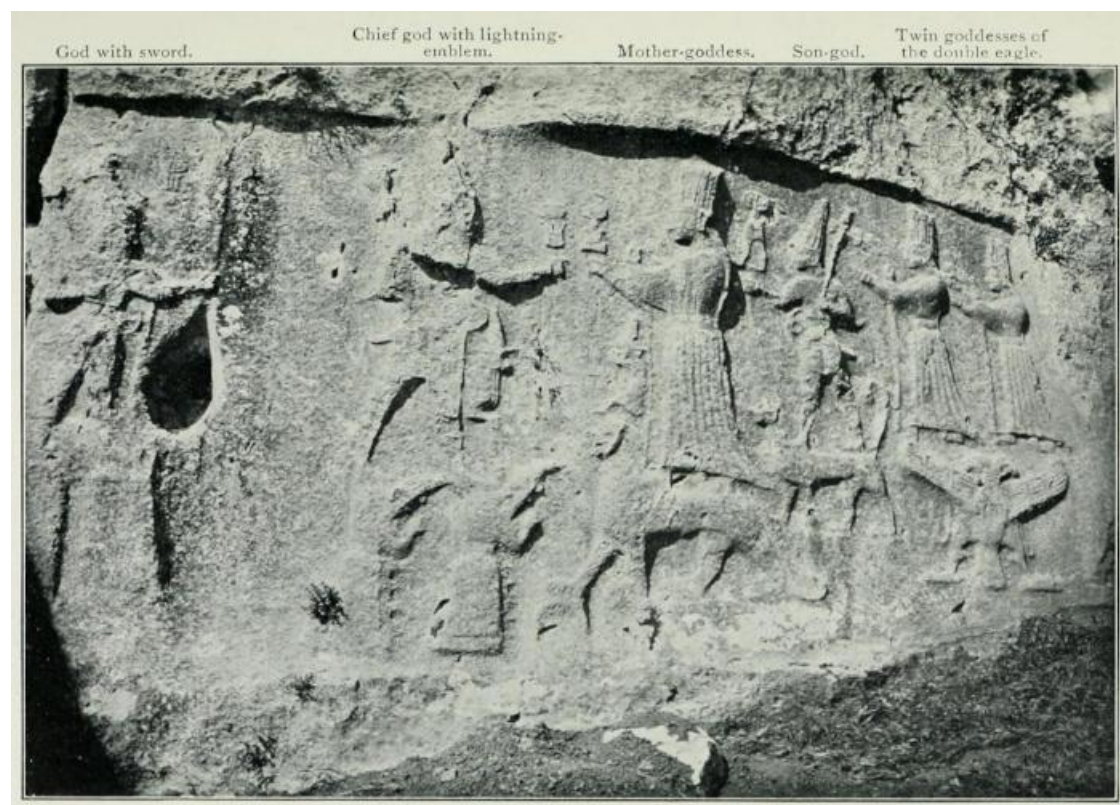
Обратите внимание на угол выступающей скалы справа - следы изображения церемониального пира. (См. [с. 226.](#))

Прежде всего следует отметить, что мотив этих скульптур скорее памятный или эмблематический, чем декоративный: они также сильно обветрены, защищены только от сильного ветра с некоторых сторон и совсем не защищены от дождя; поэтому мало что можно сказать о художественной композиции целого или деталей его исполнения. Вкратце рисунок представляет собой две процессии существ, которые встречаются в центре (на внутренней стене, обращенной входом на юг). Справа, за двумя исключениями, изображены женщины в одеяниях. Слева изображены в основном мужчины,^[501] но есть и две женщины, а также некоторые крылатые существа мифологического характера и группа из двух чудовищ, которые не были объяснены. Многие фигуры сопровождаются хеттскими иероглифами и эмблемами, которые далее идентифицируются по некоторым узнаваемым деталям одежды и оружия.

Наш главный интерес, естественно, сосредоточен на значении или символизме ведущих фигур этих процессий - тех, что высечены на короткой стене напротив проема: относительная важность их становится яснее, если предварительно взглянуть на те, которые следуют за ними.^[502] Главных фигур по левую руку сорок три, из которых первая стоит на плечах двух других, доводя общее число на этой стороне до сорока пяти. Вождь - богоподобная фигура высотой почти семь футов, одетая в короткую тунику и туфли с вывернутыми носками. Его левая нога выставлена вперед, а левая рука вытянута вперед; правая рука отведена назад, и, поскольку лицо изображено в профиль слева, мы имеем здесь иллюстрацию обычая, знакомого также и в египетском рисунке, при котором видна верхняя часть тела спереди, а голова и конечности воспроизведены в профиль. Только в представленных нам скульптурах мы видим, то ли иллюзию, вызванную смягчающей рукой Времени, то ли намеренную обработку хеттского скульптора, бесконечно большую свободу, полноту и ощущение жизни, чем мы привыкли находить в египетских погребальных скульптурах и храмовых украшениях,

несмотря на мастерство, с которым последние могли быть выполнены. Правая рука фигуры держит рукоятку большой круглой булавы, которая лежит на плече, а с левой стороны висит кортик с рукояткой в форме полумесяца, предположительно на поясе. На голове - высокий конический головной убор хеттов, хотя он несколько отличается от обычных изображений тем, что вертикальные ребра или флейты этого головного убора соединены кольцами, что наводит на мысль о металлической работе.[503] В обработке этой особенности скульптор реализовал нашу собственную концепцию перспективы, так и не принятую египтянами, в уменьшении расстояния между ребрами, отступающими по сторонам. Волосы сзади были убраны в длинную косичку, завивающийся конец которой виден за локтем. Лицо, похоже, было бородатым, а из нижней мочки уха свисала крупная серьга. Вытянутая левая рука держит трехконечную эмблему и знак в сторону наступающей фигуры, которой она противопоставлена; в композиции группы эти две фигуры уравновешены. Позади каждой из них стоит небольшое рогатое животное, предположительно коза, увенчанная простой конической шапкой на голове, а передняя часть и ноги выступают за пределы тела главной фигуры. Два существа, поддерживающие описанную фигуру, одеты в длинные одежды, подпоясанные поясом на талии и, кажется, окаймленные или окаймляющие нижнюю часть юбки. Их сцепленные руки подняты перед бородатыми подбородками, а головы слегка склонены в естественной позе благоговения или поклонения. Их головные уборы похожи на только что описанные, но кажутся гибкими, наклоняясь вперед к кончику в ответ на наклон головы; а ниже есть что-то выступающее, возможно, вздернутый край шляпы, но скорее напоминающее королевский *урей*, как в короне Древнего Египта[504].

ПЛИТА LXV

БОГАЗ-КЕУИ: ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ В БОЛЬШОЙ НИШЕ В ИАСИЛИ КАЯ

Бог с мечом. Главный бог с эмблемой молнии. Мать-богиня. Сын-бог. Богини-близнецы с двуглавым орлом.

Следующая за ним фигура, хотя и несколько меньшего роста, кажется, имеет большое значение: она возвышается на двух высоких плоских пинаклях, так что ее голова находится на одном уровне с остальными членами этой группы. В деталях позы, костюма и доспехов эта фигура похожа на предыдущую, за исключением того, что в левой руке длинный меч с плоской рукоятью держится высоко, а эмблемы, обозначающие его ранг, помещены между мечом и шляпой. Пояс в этом случае также простой, а левый локоть, похоже, опирается на посох. За ним на этой стене следует третья фигура, но она не попала на нашу фотографию. Она находится в открытом углу, и большинство деталей потеряно, но можно увидеть, что она похожа на предыдущую, хотя эмблема, которую держат в левой руке, кажется, значительно отличается, будучи похожей на перья. Правая нога, которая, как и во всех других случаях в этой сцене, находится сзади, может быть предусмотрительно скрыта складкой плаща, спускающейся до щиколотки.

Переходя к левой стене, четвертая фигура снова напоминает предводителя процессии, хотя и в меньшем масштабе - всего три фута в высоту. Пятая фигура совершенно иная по характеру. Туфли, косичка и серьги повторяются; шляпа тоже обычная, без колец; но длинная рубашка или плащ имеют любопытные косые складки, и они несколько отстают от правой ноги. Виден только палец левой ноги, а передний край халата доходит до локтя, явно спускаясь с плеча. Больше всего бросается в глаза пара узких крыльев, поднимающихся из-за плеч намного выше макушки головы.[\[505\]](#) Предметы, которые держат руки, теперь не различить.

Затем следуют две женские фигуры, одетые в длинные плиссированные юбки, как и фигуры в противоположной процессии. Пояс опоясывает талию каждой из них, но неясно, обнажена ли верхняя часть тела или одета в плотно облегающую одежду; в любом случае грудь видна. Головной убор не простой; если надета шапочка, то она должна плотно прилегать, а волосы или парик заканчиваются крупными отчетливыми локонами над плечом. Левые руки не видны, но правые лежат на боку, держа за ручки в перевернутом положении изогнутый предмет, не очень четкий, но который в задней фигуре образует полный диск, напоминающий египетское зеркало.[\[506\]](#) Восьмая фигура, как и пятая, крылатая; рога или полумесяц заметны на шапке, но другие детали неясны. Девятая фигура более четкая и представляет большой интерес. Халат, однако, похож на тогу, с узким рукавом на правой руке, а свободный конец перекинут через левое плечо, как на некоторых фигурах в Эюке. На боку, как и прежде, лежит кортик, но в правой руке появляется новый предмет в виде длинного изогнутого литууса, держащегося в обратном направлении. Над вытянутой левой рукой - группа из трех знаков, которые можно распознать как полумесяц, перо или звездообразный предмет, а над ними - разделенный овал, который сопровождает все подобные устройства.[\[507\]](#) Лицо безбородое, шапочка плотно прилегает к черепу. Над головой находится составная эмблема, основными элементами которой являются розетка, окруженная подковообразным устройством, напоминающим форму парика на Эйюкском сфинксе,[\[508\]](#) и напоминающим так называемый головной убор Хатхор из египетских памятников. Все это поддерживается большими распростертыми крыльями, перевязанными через промежутки и слегка загибающимися вверх на концах. Эта фигура очень похожа на более крупную фигуру напротив нее, изолированную двадцать вторую фигуру справа,[\[509\]](#) которая описана ниже.

Шесть только что описанных фигур заполняют левую стену внутренней части ограды. Теперь скала резко обрывается, и следующий отрезок украшен девятью фигурами несколько меньшего масштаба. Пять из них похожи друг на друга.[\[510\]](#) Их костюм включает в себя тунику с коротким поясом, коническую ребристую шляпу с кольцами и башмак с

оттопыренным носком; позы фигур такие же, как описанные ранее. В некоторых случаях предполагается косичка, хотя подбородки безбородые. Оружия не видно, но каждый несет в правой руке предмет, похожий на серп или скимитар, который поддерживается правым плечом. Каждой фигуре предшествует группа эмблем или знаков, варьирующихся в каждом случае. Две другие фигуры из девятки лишь немного отличаются от этой модели: одна[511], по-видимому, имеет длинный плащ, частично закрывающий правую ногу, в дополнение к тунике, а другая[512] - крыло, поднимающееся от левого плеча, шапку более плотного покроя и отсутствие предмета над правым плечом; но эти три различия могут быть иллюзией, вызванной выветриванием камня. Что же касается оставшейся пары[513], то здесь совершенно иной *мотив*. Эти двое почти одинаковы, а вместе образуют группу чудовищного характера. Руки и тело каждого из них - человеческие, ноги - четвероногие, а голова с кошачьими ушами - тоже животная. К правой фигуре добавлен хвост, а каждая изображена с косичкой. Левая фигура одета в короткую простую юбку. Руки обеих подняты вверх, на запястьях можно обнаружить браслеты; они поддерживают предмет полумесячной формы, у нижнего края которого имеются складки или гребни. Пара симметрично располагается на предмете (возможно, винном прессе[514]) продолговатой формы с двумя выступающими с каждой стороны стержнеподобными ручками, который одинаково трудно как описать, так и объяснить. Возможно, что под этой группой подразумеваются обезьяны, но если это так, то животное было незнакомо художнику; более вероятно, что они представляют какое-то составное мифологическое существо, созданное воображением.

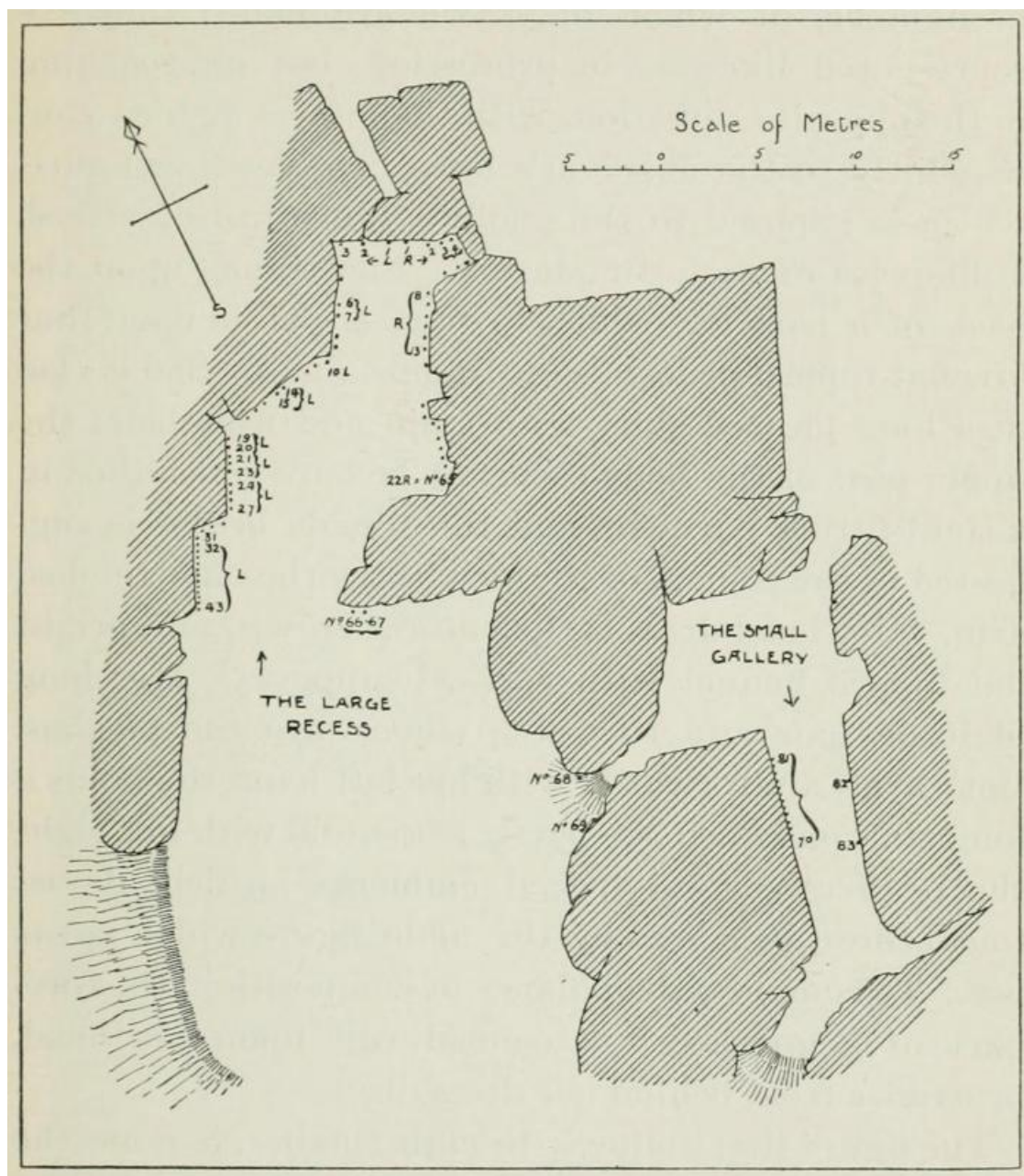
ПЛАТА LXVI

БОГАЗ-КЕУИ: ГРУППА ИЗ ДВУХ ЧУДОВИЩНЫХ ФИГУР, СТОЯЩИХ, ВОЗМОЖНО, НА ВИННОМ ПРЕССЕ

В большой нише в Иасилы-Кая.

Три фигуры, следующие за этой парой, уже были описаны, и ими заканчивается вторая прямая часть стены. Следующий изгиб - внутрь, и стена становится почти параллельной оси камеры, содержащей на этом отрезке еще девять фигур. Вожди[515] в целом похожи на предшествующих им, хотя предмет, который они несут на плече, можно считать скорее похожим на булаву, которую несет глава всей процессии. То же самое можно сказать и о двух других[516] из этой серии, но состояние камня слишком плохое, чтобы можно было собрать много деталей. Что касается пары между ними, то[517] в их руках сейчас не видно никаких предметов, а их костюмы также отличаются в деталях. У одного из них, похоже, на руке висит длинный плащ или, возможно, посох, в то время как одеяние другого горизонтально полосато на левой ноге. Третья фигура группы[518] своеобразна; руки, кажется, выброшены вперед, с плащом или длинным посохом, свисающим ниже плеча, а шляпа также слегка наклонена вперед. Также прослеживается рог или пика на шляпе. Две последние из этой серии[519] скорее напоминают тип фигур, поддерживающих лидера процессии, как в отношении костюма, так и в отношении положения рук и наклона вперед шляпы, хотя головы не наклонены, как в предыдущем приведенном примере. Далее, на коротком отрезке стены, следуют три фигуры[520], которые показались нам слишком обветренными, чтобы их описывать, хотя двое из них были представлены более ранними посетителями как бородатые и в расшитых одеждах. Следующий и последний поворот стены, которая теперь возвращается к своему главному параллельному направлению, занят тринадцатью фигурами, из которых первая[521], похоже, представляет собой бородатую фигуру в одеянии, на которую указывают две предшествующие ей. Она стоит отдельно от тех, что следуют за ней; две следующие тоже, хотя и не так далеко, а остальные десять фигур[522] расположены близко друг к другу. Все эти двенадцать фигур похожи друг на друга, одеты в туники, конические шапки и башмаки с наконечниками. Они не носят оружия, а их правые ноги частично подняты, касаясь земли только пальцами, как при беге, на что указывает и положение рук, вытянутых вдвое, и в некоторой степени положение тел. Эти фигуры также, в отличие от остальных, не идут в процессии, а выстраиваются в линию, так как правые локти и правые ноги более продвинутых скрыты теми, кто изображен позади них, а левые руки последних частично скрывают первые - прием перспективы, свободно принятый египетскими художниками, и повторенный во внутренней галерее, которую еще предстоит описать. Это завершает серию скульптур слева.[523]

БОГАЗ-КЕУИ: ПЛАН СКАЛЬНОГО СВАТИЛИЩА ИАСИЛЫ-КАЙЯ С НУМЕРАЦИЕЙ СКУЛЬПТУР.

Эта серия изваяний находит свой аналог в тех, что находятся на противоположной стороне углубления, которые, будучи менее многочисленными и в большинстве своем похожими друг на друга, легче поддаются описанию. Фигур двадцать две, из них только две мужские; они также представлены в процессии, но приближаются в противоположном направлении с лицами, повернутыми, соответственно, влево от наблюдателя. Ведущая фигура, противопоставленная только что описанной богоподобной фигуре, также величественного роста. Она стоит на спине пантеры, которая, в свою очередь, опирается на четыре низких плоских постамента (или "горы"). Она одета в длинную плиссированную юбку со шлейфом и поясом; верхняя часть тела, по-видимому, обнажена или облечена в плотно прилегающую одежду, а женская грудь намекает на полноту бюста под вытянутой рукой. Ее головной убор - "фресковая корона", вертикальный чепец с плоским верхом и вертикальными опорами.^[524] Ее длинная коса волос и вывернутые туфли бросаются в глаза. Обе руки вытянуты вперед; в левой руке она держит длинный посох, на который частично опирается, а правой предлагает какие-то особые эмблемы.^[525] которые почти соприкасаются с теми, что протягивает

встречающая ее мужская фигура. Чтобы завершить равновесие композиции, из-за ее платья также выступает передняя часть козла с коническим колпаком на голове.

ПЛАТА LXVII

БОГАЗ-КЕУИ: ОДНА ИЗ ЖЕНСКИХ ФИГУР СЕРИИ ПРАВОЙ РУКИ В БОЛЬШОМ РЕСЕССЕ В ИАСИЛИ-КАЯ (см. с. 224.)

Следующая фигура, хотя и меньшего размера, не менее поразительна и важна. На ней изображен мальчик или безбородый мужчина с завитой косичкой, одетый в ставший уже привычным костюм, состоящий из короткой туники, туфель с оттопыренными носками и конической рифленой шляпы. Он также стоит на спине пантеры, которая отличается от первой только положением хвоста, который поднят вверх, а другой опущен. [526] Вытянутой правой рукой он сжимает верхний конец посоха, а в левой держит топор с двойной головкой, [527] наступательные края которого изогнуты. На поясе висит короткий кинжал с полукруглой рукояткой, но в данном случае он носится на правом боку, несомненно, по усмотрению художника, чтобы не нарушать контур фигуры. Символ, который, по-видимому, обозначает его имя, представляет собой нижнюю часть тела и ноги маленького существа, одетого по той же моде, что и сама фигура, под обычной овальной эмблемой.

Позади находятся две женские фигуры, которые во всех отношениях напоминают ту, что возглавляет эту серию, за исключением того, что они меньше, а эмблемы над их правыми руками отличаются. Эти скульптуры сравнительно хорошо сохранились, поскольку находятся в углу, несколько защищенном от непогоды. Особенно хорошо видны их головные уборы, шесты, длинные косы (или платки), спускающиеся по спине, и вывернутая обувь. Они образуют пару, стоящую так, словно их поддерживает двуглавый орел с распростертыми крыльями. [528] Головы орла обращены в противоположные стороны, а крылья, повернутые кверху кончиками, изображены, как и в предыдущем случае, боковыми линиями, перевязанными с каждой стороны вертикальными полосами. Интересным дополнением к рисунку является подковообразный прибор, [529] концы которого, однако, видны только на спине за крыльями: они спускаются в виде тонкой линии по каждой стороне тела и загибаются наружу на уровне верха ног. Ноги орла широко расставлены, а когти находятся в положении упора на что-то плоское, что не представлено. [530] На этом скульптуры на главном фасаде завершены. Следующие за ней фигуры, вплоть до двадцать первой, почти одинаковы и очень напоминают только что описанные женские фигуры. Все они, однако, стоят на одном уровне; их левые руки подняты к лицу, а посох, который, похоже, держат их правые руки, четко виден изогнутым по направлению к макушке. Восемнадцатая фигура отличается косыми складками на юбке, но она не менее естественно вписывается в серию. Следует также отметить, что ни на одной из этих фигур не сохранилось четких доказательств того, что они носили серьги, хотя предположение об этом присутствует в нескольких случаях. Их средний рост составляет два фута восемь дюймов. Две из них находятся в углублении, образованном возвратом стены вправо, а для третьей нашлось место на выветрившейся поверхности скалы. Семь других следуют по несколько неровной линии, которая прерывается небольшим промежутком, в котором находится еще один. Два следуют на небольшом выступе, и еще семь вдоль отступающей стены завершают серию.

ПЛАТА LXVIII

БОГАЗ-КЕУИ: ГЛАВНЫЙ ЖРЕЦ, ВОЗМОЖНО, ЦАРЬ

Последняя скульптура справа в большой нише в Иасили Кая.

Двадцать вторая фигура совершенно иная и заслуживает особого изучения. Она гораздо больше по размеру, ее высота составляет восемь футов, и она стоит одна на внутренней стороне выступа в скале, таким образом, обращаясь к самой внутренней части ограждения, где встречаются две процессии. На ней мы снова видим в более крупном масштабе детали костюма, с тогой, черепной коробкой и башмаками с наконечниками, которые мы уже отмечали в связи с девятой фигурой слева, только в этом случае фигура обращена к наблюдателю слева; левая рука, таким образом, является той, которая имеет рукав, а свободный конец халата свисает через правое плечо, доходя почти до земли и заканчиваясь, возможно, кисточкой. Кортик находится у правого бока, а перевернутый литуус зажат в левой руке, которая поднята для его удержания. Шапочка имеет три полосы по краю; косичка возможна, но сомнительна. Ноги опираются на два округлых постамента с чешуйчатыми поверхностями;^[531] а вытянутая правая рука поддерживает ряд эмблем.^[532] Они образуют несколько сложную группу; в центре ее - маленькая бородатая фигура в конической ребристой шапке, наклоненной вперед на макушке, и одетая в длинный халат, украшенный чешуйчатым узором. По бокам находятся три выступа, которые трудно объяснить.^[533] Эта маленькая фигурка опирается на подобие хеттского башмака, носок которого сильно вздернут. Левая рука поднята над головой, а правая вытянута. Внешние элементы эмблемы представляют собой сужающиеся колонны из трех флейт, увенчанные ионическими волютами; между ними и фигурой с каждой стороны находится третий элемент, возможно, представляющий собой кортик, острие которого покоится в колчане. Все это покрыто устройством, в котором центральное место занимают две розетки, нижняя из которых окружена подковообразным предметом, несущимся на паре распростертых крыльев, как было описано ранее. Эта фигура, как мы увидим, еще раз повторяется в группе в соседней галерее, к которой мы вскоре перейдем.

На противоположной стороне того же выступа скалы, и, следовательно, обращенного на юг, именно там, где мы определили вход, находится группа из двух фигур^[534], которые не были описаны ранее, но являются характерными и представляют особый интерес. Их очень трудно проследить на избитой непогодой скале, и чтобы разглядеть детали, необходимо рассмотреть их при разном освещении, особенно ранним утром и снова ранним днем. Таким образом, можно определить, что группа состоит из двух женских или облаченных в одежды фигур, сидящих по разные стороны стола в характерной позе, которую можно увидеть на плитах, изображающих церемониальные пиры, из Мараша, Синджерли, Ярре и других мест.^[535] Одна из фигур, по крайней мере, имеет вид откинутой назад косы или платка; стул, на котором она сидит, кажется цельным. Каждую фигуру сопровождали определенные эмблемы, но сейчас их невозможно идентифицировать, за исключением овальной эмблемы святости или божественности, которая возвышается над каждой группой.

На следующем изгибе стены, примерно в шести ярдах от нее и, таким образом, действительно за пределами главной камеры, находятся две чудовищные крылатые фигуры высотой чуть более трех футов. Они стоят лицом друг к другу на противоположных сторонах узкой расселины в скале, которая, похоже, была древним входом во внутреннее святилище, также украшенное рядом скульптур. Та, что находится по левую руку^[536], отличается наибольшей детализацией. Тело и конечности человеческие, но голова львиная, а сзади добавлены два коротких крыла, правое из которых слегка приподнято, а левое свисает вниз. Руки подняты по одной с каждой стороны головы, а пальцы вытянуты в виде когтей, что придает угрожающий вид челюстям, как бы предупреждая тех, кто осмелится подойти входу, за которым он наблюдает. Короткая туника, перетянутая через талию, доходит едва ли до колен, а по нижним краям прослеживается широкая бахрома. Верхняя часть тела, похоже, также облачена в одежду, застегнутую спереди. Резьба фигуры-компаньона,^[537]

расположенной на противоположной стороне, кажется, едва ли была завершена в деталях, хотя в целом она повторяет конструкцию и внешний вид первой.

ПЛИТА LXIX

БОГАЗ-КЕУИ: МАЛАЯ ГАЛЕРЕЯ В ИАСИЛЫ-КАЯ

БОГАЗ-КЕУИ: ПОРТРЕТЫ ХЕТТОВ

Три фигуры из группы слева в малой галерее в Иасилы-Кая.

Вход, который охраняют эти существа, сейчас закрыт упавшими камнями, и попасть внутрь можно, перебравшись по камням и мусору в месте, которое, по-видимому, изначально было закрыто. Войдя с этой стороны, мы оказываемся в узкой галерее между вертикальными скальными стенами, которые немного расширяются по мере продвижения. Однако по первоначальному варианту вход должен был быть с более широкой стороны.[538] На западной стороне высечены двенадцать мужских фигур[539], стоящих бок о бок и напоминающих аналогичную группу в главной камере, уже описанной выше.[540] В этом случае, однако, группа находится низко, и до недавних времен была частично или полностью засыпана землей, так что скульптуры прекрасно сохранились.[541] Действия и позы фигур предполагают быстрый марш в строю. Костюм и детали в каждом случае одинаковы и уже стали привычными. На каждом из них короткая туника со складкой спереди, пояс вокруг талии, обувь с оттопыренными носками, конические ребристые шапки с околышем и прикрепленной спереди эмблемой, похожей на рог. Серьга в ухе в нескольких случаях простая. Левая рука вытянута вперед и вывернута в локте, кисть пуста. Правая рука держит оружие, похожее на серп, которое лежит на плече, изогнутой частью лезвия вверх. Форма очень близка к священному *хопешу* Египта.[542] Фигуры не выглядят неестественно твердыми, но лица тяжелые, а нос и губы толстые, хотя и не выступающие.

На противоположной стене находятся две важные скульптуры, обращенные друг к другу в том же смысле. Переднюю[543] принято считать геральдической фигурой. Она очень высокая, около одиннадцати футов в высоту. Верхняя часть представляет собой тело мужчины, обращенное вправо, в конической шапке с ребрами и кольцами. Он представлен облаченным в львиные шкуры, две из которых свисают с плеч, головы обращены наружу и заменяют руки, которые не видны или не предполагаются. Другая пара свисает вниз с талии, каждый подвешен за одну ногу, другие задние лапы подтянуты под тело и приближены друг к другу. Головы львов доходят передними лапами примерно до уровня коленей. В качестве альтернативы можно рассматривать всю конструкцию как состоящую из львов в таком сочетании, полностью заменяющих тело человека, но воспроизводящих ту же форму. Ниже колен ноги заменены приспособлением, которое можно принять за сужающееся острие большого кинжала или кортика со средним ребром. Фигура не имеет видимой рамы.

ПЛИТА LXX

БОГАЗ-КЕУИ: ДИРК-БОЖЕСТВО, ОБЛАЧЕННОЕ В ЛЬВИНУЮ ШКУРУ

В малой галерее в Иасилы-Кая.

Мы переходим к последним скульптурам серии, которые образуют группу из двух фигур.[544] Одна из них величественна и масштабна, во всех деталях напоминает юношескую фигуру, которая стоит на львице в основной серии.[545] Только в этом случае кольца в конической шапке выделяются, и кажется, что они не полностью между ребрами, а рассечены ими. Левая рука, которая на другой фигуре держит двуглавый топор, здесь обхватывает поднятое правое запястье меньшей фигуры, которую левая рука обхватывает за шею. Эта меньшая фигура во всех отношениях похожа на ту, которую мы уже дважды встречали во внешней камере,[546] одетая в тогу, как и прежде, и несущая в свободной руке перевернутый литавр. За его плечом виден завитый конец косички, но это можно считать принадлежностью большей фигуры, как из-за ее большого масштаба и положения, так и потому, что видна обнаженная шея меньшей фигуры. Обе фигуры идентифицируются по сопровождающим их эмблемам: большая - по изображению небольшого тела и ног, которые, как и в ее аналоге, удерживаются вытянутой правой рукой; меньшая - по композиционной группе, расположенной на свободном пространстве над головой справа. Это то же самое, что сопровождает упомянутую фигуру,[547] за исключением маленькой центральной фигуры, которая здесь заменена другим символом, который некоторые считают фаллосом. Символы по обеим сторонам производят впечатление увенчанных диском *ураев*, увиденных анфас, но реальный мотив сомнителен.

Гипотез о значении этих скульптур выдвинуто так много и так много,[548] что, возможно, будет менее запутанно рассматривать их полностью *de novo*. Мы тем более вынуждены это сделать, что внимание ученых было в основном сосредоточено на идентификации божеств в центральной группе, без особого рассмотрения серии в целом или ее отношения к Богаз-Кеуи и хеттским народам. Нам кажется, что вся серия по своей композиции должна иллюстрировать одну центральную идею, на которую должно проливать свет любое объяснение отдельных фигур. Если взглянуть на скульптуры в целом, то становится ясно, что некоторые из них, особенно с крыльями, имеют божественный аспект, представляя богов или второстепенные божества.[549] Возвышенные фигуры, возглавляющие процессию, должны быть богами или лицами, пользующимися наибольшим почитанием. Это, во-первых, слева - большая мужская фигура, которую несут на плечах два служителя, а за ним - две другие мужские фигуры такого же типа, но меньшей величины. Справа - главная женская фигура и юноша, которого несут на спинах львицы или пантеры. За ними - пара женских фигур, одетых так же, как их лидер, стоящих на эмблеме двуглавого орла. Эти две группы параллельны; если ведущие фигуры - это фигуры богов, как мы можем предположить, то пары фигур, которые следуют с каждой стороны, должны быть в равной степени богами или персонами божественного ранга. Бросая взгляд влево и вправо, мы находим множество фигур, одетых так же, как их лидеры, и приходим к выводу, что боги хеттов на этой стадии их искусства представлены в своих национальных костюмах, как и в человеческом облике.[550] Поезд, следующий за богиней и ее юным спутником и женскими божествами двуглавого орла, состоит из женщин, многие из которых обозначены специальными символами.[551] В них мы видим жриц культа или культов, одетых в одежду и имитирующих лица богинь. 552] Общий костюм слева, за исключением некоторых особых фигур,[553] представляет собой короткую тунику, характерную для хеттских воинов и народа. В этих мужских фигурах мы легко распознаем два класса. Во-первых, тех, кто смешивается с основной процессией и часто обозначается специальными символами. Это, по-видимому, жрецы, хотя некоторые из них могут быть полубогами. Во-вторых, те, кто формирует группу из двенадцати человек в конце процессии. Они могут представлять население[554], участвующее в представленных обрядах.

Где же теперь тот царь, под руководством которого были сделаны эти скульптуры и чья фигура по аналогии со всеми памятными скульптурами древнего Востока должна занимать место и ранг, уступающий только богам? На главном фасаде ему не нашлось места, так как сопровождающие фигуры в каждом случае расположены парами, а юноша, который следует за ведущей богиней справа, не имеет никаких знаков отличия королевской власти, но кажется естественным в группе со своим лидером. Оглянувшись по сторонам, мы видим перед этой сценой величественную фигуру, облаченную в тогу,^[555] сопровождаемую целой группой эмблем, указывающих на его ранг. Он стоит один, возвышенный и выдающийся, но следует как бы в хвосте богини. В другой процессии, слева,^[556] он следует за фигурами меньших богов. Во внутренней галерее его обнимает богоподобная фигура того же юного божества, которое во внешней галерее сопровождает богиню; и мы вспоминаем египетский текст^[557], в котором описывается изображение бога хеттов, обнимающего их царя, в качестве рисунка на царской печатке, которая прилагалась к договору.^[558] Теперь эта фигура - та, которую обычно считают изображением первосвященника, и не без оснований; она вновь появляется без знаков отличия, возглавляя акт жертвоприношения перед святилищем быка в Эюке,^[559] а на двух скульптурных блоках, недавно обнаруженных в Богаз-Кеуи, мы снова находим то же самое, служащее перед алтарем. ^{560]} Не имеет значения, каков был объект культа; костюм, очевидно, принадлежал жрецу. В том же договоре сообщается, что великий царь хеттов был также главным жрецом бога. Царь-жрец действительно был характерной чертой хеттской национальной жизни, и в этом свете мы можем интерпретировать их памятники по ту сторону Тавра.^[561] Мы приходим к выводу, что именно так объясняются эти скульптуры, и что в фигурах перед нами есть и главный жрец, и царь. Теперь проблема значительно упрощается. Царская фигура сопровождает обе процессии: та, в которой его величие наиболее очевидно, - это процессия великой богини и ее супруга; в то время как на другой стороне он, кажется, принимает или, по крайней мере, санкционирует своим присутствием поклонение другим божествам.

БОГАЗ-КЕУИ: ХЕТТСКИЙ БОГ, ОБНИМАЮЩИЙ ЖРЕЦА

В небольшой галерее в Иасили Кайя Сутех из Хеттов, обнимающий великого царя. (См. также [с. 228.](#))

Возможно, однако, что при более тщательном изучении миниатюр царского знака отличия - крылатой розетки - выяснится, что эти два царя не являются одним и тем же человеком. Кем же тогда они могут быть? Почему они ассоциируются здесь с таким количеством различных божеств? Кто эти божества? Что может означать вся эта серия изображений?

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, давайте сделаем паузу, чтобы напомнить себе несколько основополагающих соображений. Недавние открытия позволили понять, что в XIV веке до н. э. организационный центр державы Хатти - столица хеттского народа - находился в Богаз-Кеуи. Насколько мы можем судить, это был величайший период существования хеттской империи, когда ее оружие не только оспаривало владения Сирии с фараонами, с одной стороны, но и проникало через Лидию в Эгейское море, с другой. Мы готовы поверить, что великое святилище Иасили Кая также было продуктом этой эпохи, хотя бы потому, что это самый грандиозный памятник, который сохранился до наших дней. Кроме того, близкое соответствие в характере и обращении главных мужских фигур с теми, которые по своему положению за Халисом должны относиться к периоду империи, как скульптуры Кара-Бела и Гяур-Калеси, также указывает на этот период. Мы действительно уже подготовлены к такому предположению благодаря четкому соответствию печати, наложенной на договор между Хаттусилом и Рамсесом Великим, с дизайном скульптуры во внутреннем святилище, описанном выше. Итак, конституция хеттской державы в этот период явно представляла собой конфедерацию, союз мелких государств, следы которых можно обнаружить по обе стороны Тавра. Цари" этих государств были "союзниками" или вассалами великого царя, который руководил их военными операциями и чья резиденция в это время находилась в Богаз-Кеуи. Архивы самого места подтверждают эту мысль, на которую уже указывали египетские памятники, и особенно внутреннее свидетельство договора (который теперь, в связи с недавними открытиями, стал подлинным материалом для нашего использования).

Мы сделали это отступление, чтобы установить некоторые факты, понимание которых кажется нам основополагающим для правильного рассмотрения проблемы скульптур. Вкратце они таковы: что Богаз-Кеуи является местом расположения хеттской столицы в период наибольшего расширения хеттской империи (в XIV и XIII веках до н.э.); что хеттская держава в это время представляла собой конфедерацию государств по обе стороны Тавра; и что святилище Иасили Кая относится к этому периоду. Тогда мы можем ожидать, что национальные божества будут наиболее заметны в скульптурах. Опять же, принимая во внимание природу государств, каждое из которых управлялось своим царем или царем-жрецом, каждое было отделено от своего соседа изломанной природой страны, развивало свои собственные обычаи, ритуалы и религию, не следует думать, что какой-либо общий национальный культ мог вытеснить или сильно изменить местные культы. Определенная история более поздних времен заставляет нас сделать вывод обратном; и мы снова подтверждаем этот вывод свидетельством договора, свидетелями священности которого были многочисленные боги государств.^[562] С некоторыми государствами ассоциируется национальное божество или национальное слово для обозначения божества (Сутех); другие упоминают свои отдельные божества по имени.

Вернемся теперь к скульптурам. Первые две фигуры по правую руку, женщина и юноша, сидящие на спинах львиц, почти единодушно признаются учеными как прототипы великой богини-матери (МА) Малой Азии и ее сына-любownika, отождествляемых, с одной стороны, с Кибелой и Аттисом, а с другой - с Истар и Таммузом. Это отождествление, хотя и помогает нам предположить местные атрибуты божеств, позволяет нам также сразу распознать национальный характер лидеров процессии, поскольку культ богини природы был

всемирным. Ее ассоциация со львицей знакома во многих ее обликах, как, например, во Фригии, где она едет в запряженной львами машине. Несомненно, в богине-льве, сопровождаемой сыном-львом, есть реминисценция какого-то первобытного культа, истоки которого, возможно, уже утеряны из виду, и который мы должны искать где-то в холмистых границах долины Евфрата. За парой львов следуют божества-близнецы Двуглавого Орла, обе богини.[563] Значение двуглавого орла неизвестно. Но на то, что существовал местный культ, связанный с орлом, указывает как находка в Богаз-Кеуи скульптурной головы этой птицы из черного камня, больше натуральной величины,[564] так и недавно расшифрованный клинописный фрагмент из того же места, на котором идеографическим письмом упоминается дом или храм орла.[О том, что подобный культ был распространен в районе Халиса, говорит большой монумент, который сейчас покоится в диком месте с видом на реку недалеко от Ямулы,[566] а также различные объекты меньшего размера. В Эюке также есть заметное, хотя и частично поврежденное изображение жреца Двуглавого Орла на косяке сфинкса дворцовых ворот,[567] символика, которая, как мы читаем, подразумевает, что обитатель дворца был главным жрецом этого культа. Однако этот дворец, расположенный на таком небольшом расстоянии от столицы, скорее всего, обозначает место расположения царского поместья, а не независимого царства. Теперь мы уже пришли к выводу, что скульптуры правой стороны процессии относятся, в частности, к местности Богаз-Кеуи, поскольку с этой группой связано главное изображение царя-жреца. Отсюда следует вывод, что после изображений национальных божеств на этой стороне (богини-матери и ее сына, божества-льва) следуют изображения местного культа этой части Каппадокии, а именно богини-близнецы Двуглавого Орла. Другие женские фигуры этой стороны, выделенные отдельными символами, вероятно, представляют жриц культов, которые, возможно, были в какой-то степени связаны между собой; а продолжающаяся процессия безымянных женщин напоминает обряд самопосвящения, практиковавшийся в храмах Истар в Вавилоне[568].

Левая серия скульптур более сложна, но может быть объяснена в общих чертах по той же линии аргументов. Ведущая фигура явно представляет Бога-Отца (в противоположность Богине-Матери), Зевса греков, Ваала из Тарса, "Сутеха", или национального божества хеттов. Он изображен поддерживаемым на плечах двумя жрецами, которые, как и львы напротив, кажутся стоящими на вершинах гор. В этой детали скрывается реминисценция или поглощение горного культа, что становится яснее в двух последующих фигурах. Эти божества мы принимаем за местные формы "Сутеха", относящиеся к различным хеттским государствам[569], кроме Каппадокии; первого отличает неободренный меч, второго - деталь одежды, но оба почти идентичны с вождем, и оба стоят на вершинах гор. Знаменательно, что народы, которые, как мы подозреваем по их одежде, спустились с гор, сохранили таким образом бессознательную память о божестве своих предков. Далее следует еще одна подобная фигура, но именно две крылатые фигуры особенно привлекают наше внимание.[570] Здесь в хеттском искусстве явно присутствуют божества из-за Тавра,[571] претендующие на место в изображенной здесь церемонии так же, как они претендуют на отдельное упоминание в списке хеттских божеств в египетском договоре.[572] Далее следует изображение царя-жреца; но принадлежит ли оно великому царю, изображенному на противоположной стороне, или вассальному царю из-за Тельца, аналогично сопровождающему свои божества, не установлено. Звездopodobная эмблема и полумесяц, которые он несет, должны быть подсказкой, если только их можно истолковать. В этот момент мы подозреваем, что список божественных существ уступает место священному; но, возможно, боги мелких государств (во всех случаях отождествляемые с великим богом) продолжают появляться, сопровождаемые в нескольких случаях своей местной свитой.

Наконец, появляется группа движущихся существ, которая одна говорит нам о том, что сцена, на которую мы смотрим, - это картина обряда, а не просто память о союзе.

Что же представляет собой этот обряд? Прямых свидетельств для ответа мало. В центральной группе - изображения мужского и женского божеств в сопровождении юноши, божественная триада природы. На данном этапе наших знаний мы не можем надеяться проникнуть в тайну символики, которую видят в горах, львах и козлах. Но из того, что известно о культе Кибелы в ее различных формах и Аттиса, ее сына-любownika, чьи атрибуты различаются, но отождествляются в отдельных культах Ваала и Сандона из Тарса, можно сделать вывод о главной цели церемонии. [573] Омоложение природы, символизируемое божественным браком богини земли с богом плодородия, является центральным мотивом; и плоды земли являются результатом. Но хотя мы и признаем характер культа, мы не считаем себя вправе предполагать что-либо, кроме общего сходства между местным культом и обрядами, которые практиковались в других местах в более поздние времена. То, что мы видим в этом памятнике, - это национальная религиозная церемония хеттов, на которой присутствовали местные божества главных государств или представляющие их божественные персоны. В этой церемонии изображение национального бога переносилось на плечах его жрецов [574] в святилище Матери-богини, которое находилось в местном святилище столицы. Цель заключалась в том, чтобы земля была плодородной и давала свои плоды, чтобы фрукты созревали, а колосья кукурузы становились толстыми. Что касается времени года, когда проводилась эта церемония, то здесь мало предположений. Весеннее время кажется нам подходящим; но если гротескные фигуры в левом ряду [575] действительно стоят на винном прессе, а группа мужчин [576] с той же стороны действительно держит в руках серпы, то это указывает на время сбора урожая. С другой стороны, церемония могла быть сезонной или нерегулярной, или приуроченной к какой-то великой дате хеттского календаря. Спекулировать на эту тему бесполезно. Что касается дальнейшей природы обрядов, мы также остаемся в неведении, понимая только танец или шествие мужчин и присутствие женщин, и располагая лишь теми знаниями, которые дошли до нас о ритуалах, практикуемых в святилище богини в других местах.

Если мы пройдем во внутреннее святилище, то окажемся лицом к лицу с новыми тайнами. Группа фигур слева явно является аналогом тех, что изображены во внешней камере, что наводит на мысль об обрядах, совершаемых во время действия. Но на противоположной стороне две отдельные скульптуры имеют новый и самостоятельный характер. На одной из них изображено дирк-божество, укутанное в львиные шкуры, на другой - юный бог, принявший теперь более высокое достоинство, обнимает царя. С большим основанием было высказано предположение, [577] что символика может быть истолкована в том смысле, что царь-жрец или его представитель мягко ведется божеством "через долину смертной тени" к жертвоприношению. Но мы не знаем аналогов подобной символики в восточных скульптурах и предпочитаем видеть в этой внутренней камере просто особое святилище бога с изображениями, относящимися к его культу. В одном из них царь принимается как первосвященник в присутствие и объятия бога. Мы уже видели, что такое действие само по себе считалось настолько важным, что составляло предмет царской печати. Возможно, таким образом царь обретал святость личности; во всяком случае, признавалась его привилегия доступа к богу. В другой скульптуре, по нашему мнению, мы снова видим бога, но в другом обличье и отождествленного с другим культом, который, судя по его широкому распространению и влиянию, должен был быть почти национальным - священным кортиком. [578] Первым атрибутом царской власти, указывающим, по-видимому, на его священнический сан, было хранение священного кортика, так же как можно сказать "Защитник веры". В том, что такой кортик изначально имел отношение к

жертвоприношениям, сомневаться не приходится. Здесь мы видим его в нижней части составной божественной фигуры. Лицо божества может навести на мысль о Боге-Сыне: мы склонны верить в это отождествление по несколько смелой аналогии. Ведь этого бога явно следует отождествить с Сандоном из Тарса, Гераклом, сыном Зевса; а в раннем образе Геракл представлен облаченным в львиную шкуру, как и божество перед нами. Поэтому возможно, что скульптура, украшающая стену внутреннего святилища, напоминает о каком-то обряде инвестирования царя со знаками отличия его должности верховного жреца бога. Таким образом, мы видим во внутренней камере отдельное святилище бога-сына, к которому царь имел доступ в силу своего положения верховного жреца. Внешнюю нишу мы рассматриваем как святилище Матери-богини, украшенное с одной стороны символикой ее культа, а с другой - изображением описанного нами обряда. Дальнейшее рассмотрение исторического аспекта этих скульптур относится к более поздней главе.

V ОБНЕСЕННЫЕ СТЕНОЙ ГОРОДА И ДВОРЦЫ

Часть I. Дворец и скульптуры Эйюка.

В предыдущей главе стало очевидно, что северная столица достигла величия как центр военной организации, а не как географический или экономический центр страны. Союз между государствами, хотя и рассматривается нами в основном как конфедерация в оружии, не мог не привести к некоторой унификации, если не национализации, местных обычаев и институтов. С другой стороны, во многих случаях они были разделены физическими границами, которые в противном случае должны были способствовать и подчеркивать их естественные различия. Переходя к рассмотрению тех из этих малых столиц, которые были в достаточной степени открыты нам в результате раскопок, особый и постоянный интерес представляет то, насколько общее или взаимное влияние в искусстве и архитектуре можно проследить среди их руин. Результат, в целом, удивительный. Мы можем выделить для сравнения только один объект из Малой Азии и два соседних объекта на севере Сирии; и хотя исследование затруднено недостатком хронологического материала, а результат осложнен вторжением других влияний, более сильных с одной стороны, чем с другой, тем не менее мы обнаружим соответствие в общих чертах и в некоторых деталях, достаточное того, чтобы заклеить их как продукты одной цивилизации, в которых доминирует общий мотив, даже если их разделяет несколько поколений или, может быть, столетий по времени.

Мы начнем с Эйюка, деревни, расположенной примерно в двадцати милях к северу от Богаз-Кеуи, достаточно близко, чтобы быть в тесном контакте с деятельностью и культурным прогрессом столицы, но достаточно далеко, чтобы сохранить некоторые местные особенности. Здесь руины, которые, как мы теперь знаем, являются хеттскими, были обнаружены Гамильтоном,^[579] "принцем путешественников", в 1835 году; впоследствии их посетили Барт^[580] и Ван Леннеп.^{581]} Рассказ о них, данный последним, который в течение тридцати лет был миссионером в Турции, был первой попыткой передать достоверное и полное описание, сопровождаемое грубым планом здания и эскизами скульптур, украшавших его портик. Затем в 1881 году приехал профессор Рамзи, и в записи^[582] о его посещении этих памятников мы имеем первое впечатление ученого об их смысле и значении. М. Перро посетил это место и включил свои заметки в свой большой труд *"Exploration Archéologique"*,^[583] и многие исследователи последовали за ним. Ливерпульская экспедиция 1907 года, побывав здесь, получила полную серию фотографий и

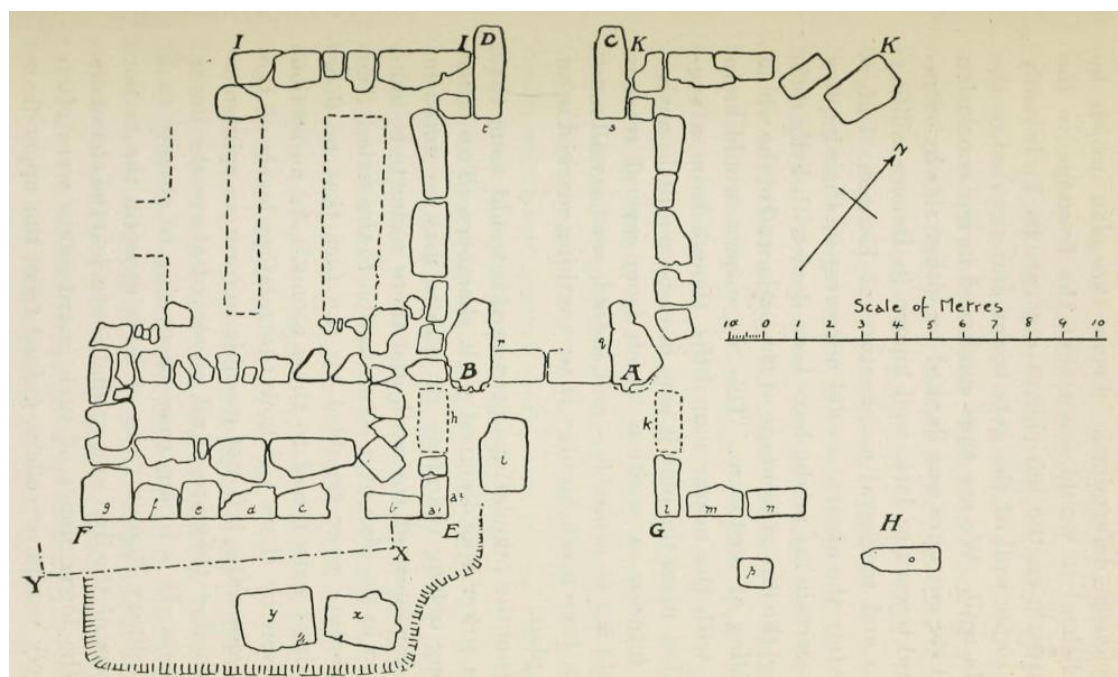
план;^[584] а затем, в том же году, Османское правительство смогло сделать несколько полезных расчисток перед знаменитым портиком сфинксов, добавив значительную информацию и выветив две интересные скульптуры, которые ранее лежали погребенными.^[585] Рассказы этих различных авторов, хотя в основном и согласны в отношении природы руин, в некоторой степени отличаются в описании деталей и очень сильно в интерпретации значения скульптур. Учитывая это, мы будем использовать наши собственные заметки и планы в качестве основы для нашего описания, указывая, насколько это возможно, те места, где мы отличаемся в нашей интерпретации от тех или иных более поздних исследователей. В плане мы также опустим нынешнее положение тех скульптурных блоков, которых уже нет *на месте*, но чье первоначальное положение известно, поскольку в последние годы они были значительно перемещены, что привело к расхождениям в последовательно опубликованных планах. По этой же причине мы будем использовать буквы, а не цифры для обозначения блоков на сайте, чтобы избежать дальнейшей путаницы с различными классификациями и перечислениями, которые были опубликованы.

Курган, на который опирается маленькая деревушка Эюк, имеет более или менее четырехугольную форму с закругленными углами; его длина с севера на юг составляет около 250 ярдов, а ширина - чуть больше. Она не выделяется при приближении со стороны Богаз-Кеуи, так как полого поднимается с равнины с этой стороны, достигая наибольшей высоты в сорок - сорок пять футов к северным пределам, откуда она снова круто переходит в ровную землю. С этой стороны на заднем плане возвышается гряда невысоких холмов, от которых, однако, курган довольно четко отделяется. Следы стены, окружавшей вершину кургана, можно увидеть здесь и там, и их легко обнаружить при раскопках. У северного края видна кладка внутри хлева с низким полом; по сути, новая стена частично использовала старую в качестве фундамента. В целом она похожа на грубоватую многоугольную кладку некоторых внутренних стен в Богаз-Кеуи, как и та, что окружает Бюк-Калех. Здесь же находится проход, построенный полностью так же, как на южном склоне акрополя в Богаз-Кеуи, с крышей из кирпичной кладки и достаточно высокий, чтобы человек мог пройти по нему вертикально. По нему можно пройти в южном направлении около пятнадцати ярдов, затем он круто поворачивает на запад и продолжается еще шесть или семь ярдов.^[586] В коньке крыши можно заметить плоскую каменную плиту, перфорированную круглым отверстием, как для проникновения света, так и для отвода воды сверху. Нам не сообщают, на какую глубину крыша сейчас погребена под поверхность. Примерно в двадцати ярдах к западу от этого места на кургане есть несколько каменных блоков, один из которых, по крайней мере, имеет округлое отверстие в одной из граней - особенность, заметная в нескольких случаях в Богаз-Кеуи.

От этих общих признаков древнего города, обнесенного стеной^[587], мы переходим к более известным скульптурам, которые найдены в самой нижней части кургана на юго-востоке, примерно в двадцати ярдах от возделанной равнины. Они украшали самый нижний ход фасада ворот, которые в плане очень напоминают Львиные ворота на акрополе в Богаз-Кеуи. Этот план показан в масштабе на противоположной странице, так что нам не нужно приводить подробные измерения блоков, где расположение не предполагает реконструкции. К счастью, несмотря на длительное воздействие, расположение камней осталось почти нетронутым, так что план этих интересных ворот можно определить без особых затруднений. Он также остается уникальным до сих пор среди хеттских сооружений Малой Азии.

Как и в Львиных воротах в Богаз-Кеуи, этот вход имеет внешний и внутренний проемы. Ближний из них отстоит от фронтальной части главной стены на расстояние чуть более

тринадцати футов. Ширина между углами подъезда (Е, G), с учетом небольшого смещения угловых камней, составляет почти ровно двадцать футов: она уменьшается между большими монолитами, которые образуют косяки, до нескольких дюймов над одиннадцатью футами. Интервал между гранями внешнего и внутреннего монолитов с каждой стороны составляет около двадцати шести футов, что, должно быть, приблизительно соответствует расстоянию от одной двери до другой. Между двумя воротами пространство расширяется до той же ширины, что и подход снаружи; но внутри внутренних ворот стены сразу же возвращаются с обеих сторон (II, KK) без какого-либо подхода с этой стороны, соответствующего подходу снаружи. Таким образом, выступ стен, обрамляющий подход за воротами, становится, по сравнению с Львиными воротами в Богаз-Кеуи, признанной чертой хеттской военной архитектуры, предназначенной для защиты ворот от обстрела сверху[588].

ПЛАН ВОРОТ СФИНКСА В ЭЮКЕ.

Ссылки-А, В, С, D, скульптурные монолиты, образующие косяки двух ворот; Е, F, G, H, линия внешней стены; II, KK, линия внутреннего возврата; X, Y, концы нижней стены; a-g, l-n, скульптурные блоки, образующие самый нижний ход стены по обе стороны от подхода; h, i, k, o, p, скульптурные блоки не на месте, из которых место h и k установлено; q, r, скульптуры на сторонах сфинксов-монолитов А, В; x, y, два скульптурных блока, недавно найденные при раскопках.

Недавние раскопки, проведенные Макриди-беем, пролили свет на несколько важных особенностей, не установленных ранее. Из опубликованного им плана[589] следует, что фасадная часть подхода, во всяком случае, с левой стороны (Е, F), на самом деле является внешней стеной надвратной башни и примыкает к основной стене. Таким образом, мы подтверждаем наш вывод о том, что вход был фланкирован с обеих сторон дополнительными башнями, как позже хорошо известно в римских военных крепостях и средневековой архитектуре Европы. К сожалению, раскопки не привели к установлению (что можно было бы сделать без особого труда) линии фасада главной стены всего здания или корпуса. Мы

подозреваем, что она находилась на одной линии с ближайшими монолитами, хотя, судя по плану, она могла быть немного ближе к интерьеру - положение, которое по ряду причин не представляется вероятным - и, действительно, такая стена должна была быть намного прочнее, чем все, что отмечено на плане.

Судя по сохранившимся фундаментам, каждая башня была спроектирована с камерами. В толще стены можно отметить еще две мощные продолговатые камеры или своды, а на плане, похоже, есть указание на продолжение серии. Раскопщики были обеспокоены тем, что в этих комнатах не было обнаружено дверных проемов.^[590] Поскольку они не привели никаких разрезов, показывающих относительный уровень различных стен, невозможно составить мнение о том, сохранились ли они вообще над нижними ярусами. В любом случае интересно отметить, что в военных римских крепостях более позднего времени (в более ранней системе первого и второго веков) камеры на нижних этажах таких караульных помещений часто были просто сводами или подвалами, в которые можно было попасть с верхнего этажа (который находился почти вровень с часовым на стене) по внутренней лестнице.

Есть еще один важный факт, выявленный в ходе недавних раскопок, значение которого, похоже, не было отмечено. Это обнаружение с левой стороны нижней фронтальной стены или фундамента (X, Y), на которую частично опирается верхняя. Между этими верхней и нижней стенами, согласно плану, имеется явный угол отклонения в пять градусов. Кладка нижней стены соответствует грубо "многоугольной" системе стен, показанной на Беюк-Кале в Богаз-Кеуи и в других местах, в то время как кладка верхней состоит из больших квадратных блоков гранита, почти одинаковых по высоте и в основном пяти или шести футов в длину, скрепленных между собой с помощью "жоглов" и подкрепленных вымосткой из грубых камней, что составляет около двух метров в толщину. Насколько можно судить по опубликованным свидетельствам, здесь явно прослеживаются два разных периода строительства, как мы уже отмечали в отношении нижнего дворца в Богаз-Кеуи. Более ранний из них прослеживается в мощной военной стене полигонального типа, более поздний - в линии скульптурных блоков, которая была построена частично над остатками другой. Монолиты и другие скульптуры, а также видимые остатки в целом относятся к этой более поздней серии.

Прежде чем перейти к рассмотрению скульптур, необходимо отметить два-три архитектурных момента. В больших кубках для фасадной стены заметно, особенно в интерьере, что их грани одеты только на ширину пяти или шести дюймов по краям, в то время как остальная часть грани значительно выступает за эту одетую линию. Похоже, что это был обычный метод обработки камней, так как то же самое можно заметить на небольших камнях в главной стене на подходе к Львиным воротам в Богаз-Кеуи (Pl. LX.). Ясно, что в последнем случае скульптуры не предполагались, поэтому эта особенность не обязательно означает, что такие камни были оставлены каменщиком для скульптора и по какой-то причине остались незаконченными, или даже что скульптуры было принято высекать после того, как камни были установлены на место.^[591] Если последнее верно, это должно быть доказано другими свидетельствами; противоположный вывод кажется более вероятным *prima facie*, и в некоторой степени подтверждается общей завершенностью группы скульптур на каждом камне в отдельности, а также тщательностью исполнения самых нижних деталей рельефов, которыми можно было бы пренебречь, если бы камень уже был установлен на земле. Еще один момент - реконструкция дверного проема, будь то консольная арка, как в Богаз-Кеуи, или единая массивная перемычка. Огромный размер гранитного блока, отмечающего порог, показывает, что последний способ был возможен для инженеров, а часть перемычки, возможно, можно увидеть в огромной квадратной гранитной массе (i), с несколькими

иероглифами на ней, которая лежит, невостребованная для других целей, перед воротами, где она могла легко упасть. С другой стороны, свободное пространство между косяками составляет почти двенадцать футов в длину, и можно предположить, что косяки не имеют достаточных относительных пропорций, чтобы выдержать столь большую массу и вес, которые потребовались бы от одного камня, перекинутого через них. В сохранившейся верхней части левого монолита (В) также видно, что горизонтальная часть немного наклоняется, как бы образуя отпрыск арки, а вертикальный упор слегка наклонен наружу, как бы предназначенный для прямой тяги арки, будь то из двух больших камней или из множества маленьких. Упор был бы еще больше за счет подпорной кладки за монолитами, которая, как видно из плана, была включена в первоначальный проект. Несмотря на эти соображения, материальные доказательства в данном случае свидетельствуют в пользу большой каменной перемычки, прочность и размер которой пропорциональны ширине пролета.

Третий момент - реконструкция верхних ярусов здания, что предполагает рассмотрение взаимного соотношения верхней и нижней стен фасада (EF и XY). Что касается верхней стены (EF), то здесь сохранился одетый блок второго курса, который, по-видимому, не сильно отклоняется от своего первоначального положения.^[592] Это подготавливает нас к восстановлению всего курса в камне, и, возможно, еще один упавший блок (лежащий прямо перед блоком, отмеченным буквой *f*) может быть установлен на место по левую руку от первого. Это создает прецедент, поскольку в других известных скульптурных стенах, как в Синджерли и Сакье-Геузи, стена была выложена из кирпича. В этих случаях, однако, скульптуры были вырезаны только на облицовочных плитах, а не на кубических строительных блоках, так что для архитектурной аналогии мы должны скорее обратиться к дворцу в Богаз-Кеуи. Последний, однако, не дает прямых доказательств на этот счет, хотя М. Перро подозревает, что он был возведен на деревянном каркасе. Поэтому мы должны принять предположение об одиночном камне *in situ*; но мы не решаемся принять без четких доказательств теорию о том, что на втором ярусе также были скульптуры,^[593] особенность, которой у нас нет аналогий в хеттских работах. Два скульптурных блока (*x*, *y*), недавно найденные на более низком уровне, перед нижней стеной (XY), представляют собой предметы, совершенно отличные от тех, что находятся *на месте*, и, судя по опубликованным фотографиям^[594], иллюстрируют фазу искусства, столь же отличную, как ранние и поздние рельефы Синджерли. Измерения камней с неправильными очертаниями могут быть обманчивыми, и только после того, как эти камни будут точно соответствовать предложенному положению, наряду с тем, что находится *на месте*, на втором ходе верхней стены, мы сможем поверить, что именно таким было их первоначальное положение. Было отмечено, что эти блоки были найдены в раскопе, который раскрыл нижнюю стену. Теперь на плане и фотографии ясно видно, что нижняя стена предшествовала верхней, и, принимая во внимание более поздний уровень, который лучше всего виден в пороге между сфинксами, крайне маловероятно, что нижняя стена оставалась открытой для обзора в то время, когда использовалась верхняя. Скорее всего, она уже была скрыта обломками и руинами. Аналогия с дворцами Богаз-Кеуи полностью совпадает. Поэтому мы склонны полагать, что два скульптурных блока (*x*, *y*), изображающие сцены погони, относятся к более раннему периоду, сопутствующему нижней стене. Как бы то ни было, представленные нам свидетельства говорят о двух различных фазах в истории хеттского Эйюка: первая - когда место было окружено городской стеной, возможно, с украшенными воротами;^[595] вторая - когда ранние постройки были разрушены (как и соседний дворец Хатти в Богаз-Кеуи), а на их месте был построен дворец с входом над остатками старых ворот. Позже в этой главе мы найдем указание в неустановленном угловом камне (*p*) на третий период строительства, к которому, возможно, будут отнесены недавно найденные блоки (*x*, *y*).

ЕЮК: СКУЛЬПТУРЫ, УКРАШАЮЩИЕ ЛЕВЫЙ ФАСАД ДВОРЦОВОГО ВХОДА

(См. с. [253-261](#).)

Скульптуры, украшающие этот дворцовый вход, относятся к двум классам: это большие монолиты, образующие косяки ворот, выполненные в виде сфинксов (А, В, С, D), и рельефы, которыми украшены стены фасада и подъездной дорожки. Внешние сфинксы (А, В) практически идентичны: каждый из них более семи футов в высоту, а блоки, частью которых они являются, в целом имеют высоту около десяти футов. Внутренние сфинксы, должно быть, были такими же, но меньшего размера.^[596] Изображена только передняя часть сфинкса, и то в жирном рельефе. Грудь и передние ноги принадлежат крупному животному; обычно предполагается, что это бык,^[597] хотя у того, что слева, пять пальцев или когтей. Между ногами имеется мешковатость, как от налипшей плоти. Верхняя часть представляет собой человеческое лицо, окруженное париком или своеобразным головным убором, который имеет форму конской подковы, заканчивающейся перед плечами завершенным наружным изгибом, внутри которого находится внутренний концентрический круг. По бокам головы эта деталь выходит наружу и вперед, как капюшон, чтобы защитить уши и шею. Он прикреплен к голове широкой полосой вокруг бровей; от нее перед ушами спускаются два длинных крепления для поддержки воротника, который образует полосу под подбородком. Левый воротник простой, а правый украшен тремя розетками, каждая из которых имеет шесть полых лепестков, похожих на петли. Уши человеческие, но большие и слишком низко посаженные. Глазные впадины выдолблены, как для вставки отдельных глаз. Лицо слишком обветрено, чтобы сохранить много характерных черт; можно судить, что оно было полным и круглым, особенно в верхней части щек. Фотография говорит яснее, чем любое длинное описание^[598].

Ранние авторы^[599] и многие другие предполагали, что эти сфинксы имеют египетское происхождение. Но сфинкс в целом не обязательно египетский: никто не проследил его исконного развития в качестве художественного мотива или религиозного символа. Он гораздо более распространен в долине Евфрата, где также встречается в большом

разнообразии форм. Его значение в этих более жизнеподобных изображениях становится более понятным. Там сила и власть монарха символизируются движением и силой благородного зверя, на котором изображены его черты. Но в Египте Сфинкс по большей части условен и безжизнен, это адаптация к религиозному символизму смерти, который является доминирующим мотивом сохранившегося египетского искусства. Привычная поза в ранних примерах - сидя, и даже лицо представлено с такой условностью и таинственностью, похожей на смерть, что это породило в нашем языке прилагательное "сфинксоподобный", подразумевающее неизменный аспект потенциальной и таинственной безмятежности. Наконец, ни один пример сфинкса такого типа, где тело представляет собой быка, не был найден в Египте, который вряд ли мог послужить моделью для этих стоящих громоздких быков-сфинксов из Эюка.

Лицо, вырезанное на сфинксах, может быть лицом царского и жреческого законоучителя, жившего во дворце, который они охраняли, или это может быть обычный тип; по этому поводу нет никаких доказательств. Мы отвергли египетские мотивы в этих сфинксах на общих основаниях, но обнаружилось два любопытных и необъяснимых сходства, когда мы перешли к рассмотрению изображенного типа лица и манеры его украшения. Первое - это портрет-статуя[600] Нефрет, царицы Египта середины двенадцатой династии (до или около 2000 года до н. э.), скульптура, которая представляет собой исключительный, почти уникальный тип в египетском искусстве. Однако при сравнении следует иметь в виду, что эта статуя, возможно, была вырезана в Дельте, а древние памятники Нижнего Египта настолько редки, что их стандартный характер мало известен. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, воспроизводит ли этот своеобразный памятник тип, от которого не сохранилось других примеров, или же он сам был создан по модели, незнакомой даже в Дельте. В последнем случае напрашивается интересное объяснение: возможно, уже во времена двенадцатой династии египетские цари вступали в брак с месопотамскими или хеттскими принцессами, как это происходило во времена восемнадцатой и девятнадцатой династий. Другое сходство обнаруживается в этрусском памятнике,[601] который представляет собой общее сходство в теме и обработке, одновременно поразительное и заслуживающее внимания.

Обращаясь теперь к рельефам, украшающим фронтоны, можно заметить, что, как и в Иасилы-Кая, в композиции целого противопоставлены друг другу две основные серии. В обеих главные темы - религиозные. На левой стороне изображено святилище Быка, жрец, жрица и сопровождающие их лица подносят мелких животных для жертвоприношения. На правой стороне центр поклонения предстает в виде возведенной на престол богини, изображенной дважды; другие камни в ряду украшены быком и львом великолепных размеров. В каждом случае культовое божество занимает естественное видное место, а именно - переднюю грань угловых камней по обе стороны, обращенную к поклоняющимся и другим, кто следует за ними.

Бык (а), объект поклонения слева, стоит на обшитом панелями постаменте с выступающим карнизом. Его космы, волосы, полная грудь и тяжелые плечи очерчены, а на боках и четвертях, кажется, есть особые отметины. Его генеративные органы изображены, но без преувеличения, если учесть склонность скульпторов старого времени к увеличению деталей. Он является олицетворением земной силы и мужественности; из его противопоставления Матери-богине можно сделать вывод, что здесь он отдельно воплощает мужскую силу ее божественного супруга, с которым он, похоже, и был первоначально отождествлен[602].

Перед быком, на следующем камне, находится ближайший объект, который можно принять за алтарь, точная форма которого, однако, не ясна. Предположительно, он был круглым. Его пьедестал сужается к вершине и пересечен боковыми полосами, поперечные из которых

украшены поперечными линиями в чередующихся сериях.[603] Фигура, возглавляющая молящихся, - царь-жрец, тип, знакомый по скульптурам Богаз-Кеуи и Малатии, только здесь у него нет крылатой эмблемы, которая в первом случае, кажется, обозначает его суверенитет. Здесь, однако, его достоинство во главе процессии очевидно. На нем та же шапочка с черепом, халат, похожий на тогу, серьги и обувь с оттопыренными пальцами. В правой руке - перевернутый литавр, а левая, с оттопыренным большим пальцем, вытянута в сторону алтаря. За ним следует или его сопровождает женщина, главная жрица, его королева. Мы не колеблемся в этой идентификации, вытекающей из общих соображений, поскольку эта должность ассоциируется с царицей в описании печати договора, заключенного между хеттскими и египетскими царями[604], на которую мы уже ссылались. Интересен ее наряд. На ней юбка с косыми складками и плотно облегающий жилет. Ее волосы, кажется, спускаются сзади в виде косички почти до земли, хотя можно заметить несколько прядных косичек, спадающих за ухо. Серьга в ухе обычная, как и вывернутые острия тувель. Руки находятся в странном положении, и их нелегко проследить на камне: кажется вероятным, однако, что левая сложена под правой, и что она опирается около локтя на посох, который можно увидеть наклоненным к левой ноге, которая выдвинута вперед. Головка посоха не видна, и поэтому нельзя сказать, похож ли он на те, которыми пользуются жрицы в правой серии скульптур в Иасилы-Кая;[605] однако можно заметить, что он украшен рядом коротких поперечных параллельных линий по всей длине. Головной убор отломан. Лицо этой фигуры также сохранилось плохо, но можно заметить, что оно напоминает лицо вождя прямым носом, который находится на одной линии с покатым лбом - черта, повторяющаяся слишком нарочито и слишком часто, чтобы ее можно было считать просто дефектом рисунка[606].

Далее следует щель, из которой пропал меньший камень; чтобы вырваться из зазубрин, фиксировавших его на месте, он должен был сломаться и так исчез.[607] Третий камень (с) хорошо заполнен сценой, изображающей барана и трех овец, которых ведет вперед человек для жертвоприношения. Последний держит барана за рога, а два барана появляются в верхнем регистре, как обычно, чтобы передать впечатление расстояния; возможно, что такое расположение символизирует стадо овец, как предположил М. Перро, но заметно, что количество животных совпадает с количеством жрецов-пастухов (или сопровождающих), из которых еще три изображены вслед за этой группой на следующем камне (d). Они одеты одинаково со своим предводителем, и единственная особенность, отличающая их от главного жреца, - это спадающий плащ, который заканчивается почти в точке за ногами. Одна рука каждого из них поднята перед лицом, но другая используется в каждом случае по-разному. Ведущий сопровождающий, как было замечено, держит рог одного из животных. Первая фигура из следующей группы (d), похоже, держит шнур или плет, продолжение которой, однако, невозможно проследить на камне впереди. Второй держит предмет, который истерт в верхней части, но заканчивается ниже, на уровне локтя, в виде завитка, направленного наружу. Последний изображен с обеими поднятыми руками, но теперь не видно, чтобы они держали что-то. Голова этой фигуры также почти полностью стерта.

Далее, на четвертом камне, следует одно из самых любопытных изображений в этой серии. Оно состоит из двух небольших фигур мужчин, один из которых поднимается по лестнице из двадцати перекладин, которая косо поднимается от уровня земли и заканчивается на высоте двух третей камня. М. Перро предполагает, что это были клоуны, что кажется ненужным усложнением: более естественно предположить, что здесь поминается какая-то сцена, знакомая по обрядам или по их изображению. Мужчины одеты в короткие туники, и в их одежде заметны такие детали, как шлемоподобная шапка[608] у человека на лестнице, черепная коробка и серьги у другого, подпоясанный узел у обоих. Положение их рук очень любопытно и интересно, и позволяет нам с некоторой долей уверенности разгадать

истинный смысл группы. На нескольких представленных нам фотографиях,^[609] сделанных с разных точек зрения при разном освещении, мы получаем (как это обычно бывает) сравнительный эффект, который очень помогает устранить несущественные черты на камне. Можно заметить^[610], что человек на лестнице держится за нее не для того, чтобы подняться выше. При внимательном рассмотрении фотографии хорошо виден небольшой тонкий инструмент, выступающий под сжатой рукой, которая находится как раз над лестницей вблизи вершины. Правая рука поднята вверх и держит округлое орудие (более четко видно на другом снимке), в естественной позе для нанесения удара. Он работает зубилом и молотком каменщика; должно быть, именно простота интерпретации так долго откладывала его. Высота ярусов этой стены составляет около четырех футов,^[611] так что обычная лестница с двадцатью перекладинами упирается примерно в четвертый или пятый ярус. Если бы человек стоял примерно посередине лестницы, которая была почти вдвое выше его самого, как показано на рисунке, то он работал бы на третьем или четвертом уровне или на эквивалентной высоте. В любом случае подразумевается, что он занимается облицовкой стены, как это обычно делалось после установки блоков, и это был последний этап строительства, а завершение дворца отмечено скульптурой. Возможность того, что скульптор изображает себя за работой, как это было нередко в восточных настенных украшениях, кажется, исключается несколькими соображениями, первое - использование длинной лестницы, которая была бы ненужной даже для второго курса скульптур, и второе - отсутствие какого-либо рисунка на той части камня, где работает резец. Фигура, стоящая на уровне земли, как видно, работает аналогичным образом на самых нижних ступенях; он изображен в момент нанесения удара, молоток находится в контакте с зубилом^[612].

ПЛИТА LXXIII

ЭЮК: СВЯТИЛИЩЕ БОГИНИ-МАТЕРИ

Скульптура, украшающая правый фасад дворцового входа. (См. [с. 262.](#))

ЭЮК: МУЗЫКАНТЫ С ВОЛЫНКОЙ И ГИТАРОЙ

На том же блоке изображен один из трех музыкантов, все они обращены в обратную сторону, влево. Предположительно, они участвуют в другой сцене, не связанной, во всяком случае, с группами молящихся. Тот, о ком идет речь, - трубач, его инструмент - простая прямая труба с расширяющимся концом.[613] Его одежда - короткая туника, шапочка-череп и башмак с наконечником. Он носит серьгу, а косичка у него толстая и заметная, заканчивающаяся завитком гораздо ниже плеча. Остальные музыканты находятся на следующем блоке (е). Средний из них одет так же, как и первый, но инструмент у него другой. Это надутая кожа, в которую он явно дует, но никакой трубы не представлено: мы должны подозревать эффект дрона, неизменного аккомпанемента восточной музыки.[614] Третий инструмент снова отличается, являясь прекрасным образцом гитары, нажимаемой, похоже, пальцами. Он прикреплен шнуром к поясу оператора и украшен свободными лентами, которые развеваются с конца.

На последнем блоке (f) в контуре изображен бык, обращенный в оригинальном направлении. Сцену сопровождают два круглых предмета, один из которых полый в центре, а другой - простой диск. На спине животного лежит груз, верхняя часть которого выступает. Невозможно сказать, каков был мотив этой скульптуры, но, будучи подготовленным к нерелигиозной интерпретации предшествующими сценами, ее можно объяснить как ношу, несущую груз к строительству дворца. Возможно, круглые предметы представляют собой колеса повозки, которые не могли быть введены из-за недостатка места на стене, которая здесь заканчивается.

Серия скульптур по правую руку, соответствующая только что описанным, открывается изображением религиозного обряда. В данном случае объектом поклонения является женское божество, сидящее на троне, но мы не замечаем никаких отличительных черт среди поклоняющихся. Предположительно, богиня здесь опять-таки является прототипом Кибелы, той самой, которая подобным образом установлена на горе Сипилус[615] и описана Павсанием как богиня-мать. Мы смогли идентифицировать ее в изображениях Иасили Кая,[616] и на скалах во Фракте:[617] а по другую сторону Тавра она встречается в хеттской мифологии в Кархемише. Очевидно, что она была божеством, приемлемым для всех ветвей хеттских народов, и под другими именами и обликами ее поклонение было почти всеобщим на всем древнем Востоке. В данном случае (l) мы видим ее сидящей, лицом вправо, на стуле с низкой спинкой. Ее одежда - длинный халат, достигающий до щиколоток, а под ним, на низком камне, видны ее ноги, левая выдвинута вперед, обутая в туфли, пальцы которых вывернуты вверх и назад в завершенной кривой - уникальный случай. Она носит тройной воротник, а ее волосы спадают в длинную косичку, достигающую до сиденья стула между его спинкой и ее телом. Нос угловат и находится на одной линии с покатым лбом, но головной убор разорван. Правой рукой она подносит что-то ко рту, а левой держит наперевес питьевую чашку в виде кубка, ножка которого частично скрыта рукой и не вытянута прямо. Стул, на котором она сидит, имеет четыре ножки, ступни которых поворачиваются вперед: сиденье слегка изогнуто, а каркас опирается на веретено.

Поклоняющихся (m) трое, и все они похожи друг на друга; к сожалению, их лица стерты. Они стоят, выставив вперед одну ногу, которая, вероятно, является правой, так как они повернуты влево к богине. Похоже, что они одеты в тогу, подобную той, что носят жрец и его помощники в соответствующей сцене на противоположной стороне. Однако передний край этого одеяния каким-то образом окаймлен и так заметно выделяется, что это ввело в заблуждение многих наблюдателей. Правые руки этих фигур подняты вверх.[618] Левый локоть находится сбоку и согнут, а рука, расположенная напротив середины груди, сжимает прямой посох около своей середины, верхний конец которого упирается в плечо в естественном

положении. Верхний конец не изогнут (как предполагает рисунок М. Гийома), и если и было какое-то украшение, то оно заключалось в добавлении около середины полумесяца, который лучше виден на скульптуре (a^2) в левой руке приближенного, о которой говорится ниже. Однако в данном случае эта особенность неясна. За этим блоком следует третий (n), все еще находящийся *на месте*, на котором можно слабо различить изображения трех других фигур, похожих на предыдущие. Следующий блок (o) находится не на своем месте и несколько ниже, чем те, что расположены на этом фасаде: тем не менее, он достаточно близок по положению и размеру, чтобы можно было предположить, что он является следующим в серии. На нем с великолепной реалистичностью изображен бык, [619] с опущенной головой, как бы в процессе зарядки или подготовки к броску. Другой камень (p), хотя и находится под рукой, отделен от своих соседей и, стоя теперь на торце, выполняет роль косяка дверного проема в общественную умывальню деревни. Он высечен с не менее энергичным реализмом: на нем изображен лев, удерживающий передними лапами барана; задние лапы тоже вытянуты, как будто он еще не оправился от пружины. Хвост опущен и загибается наружу. Лев обращен влево, а баран - поперек его профиля. Этот блок, должно быть, служил угловым камнем, судя по аналогии с подобными памятниками в Сакдже-Геузи [620] и других местах, где тело льва высечено в рельефе, а голова и передняя часть - в круге. На его спине видна квадратная поверхность для приема верхнего углового камня. В данном случае баран также рельефный, с круглой головой, так как длина его тела соответствует толщине камня. [621] Обработка деталей на боках и четвертях барана подчиняется определенному хеттскому обычаю, что дополнительно иллюстрируется двумя недавно обнаруженными свободными камнями. Они были найдены [622] под и перед нижней фронтальной стеной слева (x , y). Каждый из них высечен в верхнем и нижнем регистре. На одном, в верхней части, изображен мужчина, стоящий на коленях и целящийся из лука и стрел в кабана, который на него нападает. Его одежда - короткая туника и шапочка-череп, лук средней длины, но стрела длинная и колючая. Животное изображено с большим реализмом, особенно морда и щетина: хвост заканчивается треугольным острием. В регистре ниже олень, обращенный влево, обгладывает траву; художнику не хватило места в высоту, и он сжал объект так, что животное кажется скрюченным. За ним следует еще одна фигура охотника, изображенного в той же позе, что и выше, но камень в этом месте сильно потерт, и можно различить только острие стрелы и контур. Второй камень находится в последовательности слева; в верхнем ряду можно отчетливо различить только дерево слева, но можно предположить, что остальное было продолжением сцены погони. В нижнем регистре трава (удивительно похожая на горечавку), по-видимому, продолжается справа, а перед ней стоит другой олень. Два меньших, но похожих животных обращены в другую сторону, а вдалеке (изображен высоко в сцене и небольшого размера) виден еще один, бегущий влево, но с повернутой назад головой.

В трактовке этих животных наблюдаются те же своеобразные условности, особенно в обрисовке плечевых мышц, которые мы заметили на маленьком животном под лапами льва (p), описанном выше: эти три скульптуры, однако, не обязательно являются современными. [623] Как уже говорилось, кажется вероятным, что недавно найденные рельефы (x , y) относятся к более раннему периоду строительства, [624] в силу обстоятельств их обнаружения и сцен, изображенных на них. Более того, львиный блок (p) является угловым камнем и не занимает никакого видимого места у входа во дворец, который мы рассматривали; таким образом, есть признаки еще третьего периода строительства, который, предположительно, был самым поздним [625].

Два скульптурных блока были сдвинуты со стен, которые выстраиваются вдоль подхода к воротам сфинкса (EB, GA), но они были распознаны по их размерам среди тех, что лежат

свободно у входа.[626] Есть только два блока с каждой стороны, где угловые камни остаются на месте, их концы направлены к линии фасада (a^1 и l на плане); таким образом, свободные камни попадают на место между угловым камнем и сфинксом с каждой стороны (h , k на плане). С левой стороны лица обоих камней украшены скульптурами (a^2 , h). Ближайший из них - угловой камень, на конце которого, как мы видели, находится изображение быка на пьедестале. На ближней стороне, однако, сюжет совершенно иной; мы видим две пары мужских фигур, члены каждой пары обращены друг к другу. Слева каждый из них держит посох: один из них выше другого, так что его рука оказывается выше другой, а посох упирается в землю и вертикально поднимается между ними. Каждая фигура одета в короткую тунику, но мало что еще можно разобрать, кроме серьги и выдающегося покатога носа более высокого. Как и в случае с последним описанным быком (g), резьба, похоже, не была выполнена ничем, кроме контура, хотя он довольно глубокий, а фон был срезан. Фигура поменьше, которая находится слева, частично исчезла вместе с отколотым углом камня, а верхняя часть также значительно повреждена.[627] Группа справа на том же камне не совсем такая же. Более высокая фигура здесь также обращена влево, но одета она в длинное одеяние, похожее на тогу, с черепной коробкой, серьгой и башмаками с наконечниками, и он один касается посоха, который держит наперевес обеими руками, правая выше левой. Из середины посоха, в том самом месте, где за него хватается левая рука, выступает полумесяц с внутренней вершиной, напоминающий по рисунку найденный в Египте топор, который был прикреплен к посоху в трех точках. Трудно высказать мнение о том, что именно он должен изображать; вряд ли головка топора была бы прикреплена к середине посоха, пусть даже только для церемониальных целей; с другой стороны, согласно старым представлениям о перспективе, изогнутый внешний край может действительно изображать какой-то твердый предмет, который был круглым в плоскости, перпендикулярной поверхности камня, как это видно, например, на трубе, изображенной на внешнем фасаде (d). Меньшая фигура в этом случае очень нечеткая, она представлена как стоящая на некотором расстоянии от большей, хотя и лицом к ней (его ноги показаны, то есть находятся на более высоком уровне, чем остальные).

В следующем блоке (h) изображены шесть фигур.[628] Эти скульптуры находятся в плохом состоянии, но некоторые детали можно уловить. Мужчины идут в процессии или в строю, все повернуты вправо, лицом к сфинксу и входу во дворец. Похоже, что они одеты в короткие туники и обуты в башмаки с наконечниками. Их головной убор, возможно, похож на шлем, который носил каменщик на лестнице, описанной выше. В некоторых случаях виден узел их подпоясанной веревки. Левые руки, похоже, все держат симметрично, правые - около середины талии, а правые согнуты в локтях.

Особый интерес представляет аналог этой группы на противоположной стороне (k), но он не был опубликован М. Перро. Как указал профессор Рамсей,[629] который первым перевернул этот блок и таким образом обнаружил скульптуру, в правой части изображения есть четкие очертания сидящей богини, напоминающей по большинству параметров богиню, которой поклонялись в передней группе (l), которую мы описали и отождествили с Кибелой. В данном случае камень разбит, и видны только колени и руки, а также часть табурета, но аналогия достаточна. Любой предмет, который она могла держать в руке, больше не виден, а ряд точек был когда-то просверлен поперек камня, как будто для того, чтобы отделить этот конец от блока. Следующей интересной особенностью является повторное появление главного жреца и жрицы, которые, как мы предполагаем, были местными королем и королевой, и чьи фигуры мы видели ранее, на левом фронте (b), проводящими обряды в святилище Быка. Only in this case an oblation scene is represented, such as we have noticed at Malatia and at Fraktin.[630] In the restored scene the priest pours out the liquid offering with his left hand into a

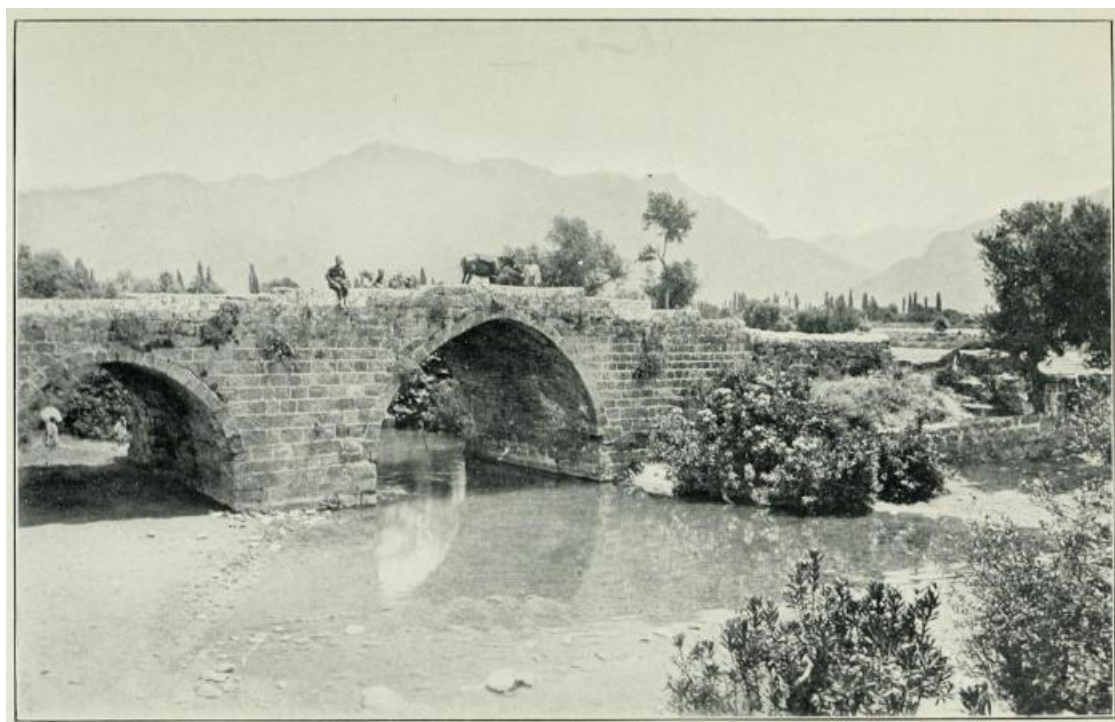
vase held by the goddess; while the priestess poises some large object like a pomegranate aloft. К сожалению, в данном случае опять не удастся разобрать головной убор царицы. За ней следуют две обветренные фигуры, похожие на сопровождающих в предыдущем случае, в одинаковых одеждах, похожих на тогу, с выдающимся передним краем.

Внутренняя поверхность углового камня (*l*) с этой стороны вообще не изваяна; но на боковых сторонах больших сфинксов (*A*, *B*), которые фланкируют вход, были сделаны значительные рельефы, среди которых особый интерес представляет тот, что остался с правой стороны (*q*). Здесь мы находим повторение двуглавого орла, с которым мы в последний раз встречались в скульптурах Иасили Кая.[631] В этом случае когти птицы закреплены на двух зайцах, морды которых обращены наружу. На спине изображена, по-видимому, только одна фигура; мужская она или женская, сказать трудно. Форма юбки, идущей сзади, вполне согласуется с таковой у Иасили Кая, но вертикальные складки отсутствуют. С другой стороны, при внимательном рассмотрении фотографии можно обнаружить следы свободного конца тоги и изогнутого конца перевернутого литууса, что позволяет предположить, что это мужская фигура, одетая как царь-жрец, знакомый нам по этим скульптурам. Одна деталь совершенно ясна, а именно вывернутый носок обуви, и ее можно увидеть на соответствующей стороне противоположного сфинкса вместе со следами орлиной головы. Внутренние концы этих монолитов (снятых, то есть, с лицевой стороны сфинксов) слишком разрушены, чтобы обнаружить на них какие-либо скульптуры, но в соответствующих местах на внутренних сфинксах (*s*, *t*) можно обнаружить глубоко утопленные ноги человека в обуви с откинутым носком, повернутые в сторону ворот. Здесь, по-видимому, прослеживается аналогия с фигурами воинов, недавно найденными для украшения ворот в Богаз-Кеуи[632].

Других резных изображений *in situ* не найдено: из тех, что лежат рядом, можно упомянуть большой блок с несколькими иероглифическими знаками[633], лежащий у порога (*i* в Планае); еще один камень с бордюром с двух сторон и рельефной фигурой на нем, которая кажется нам, возможно, телом сидящей богини, хотя в другом смысле она похожа на грубого скрюченного льва.[634] Он лежит в саду неподалеку от ворот.[635] Есть также пара больших камней, которые, кажется, были частью местной серии, но теперь их невозможно узнать.[636] Они лежат в миле от города на возвышенности, где они были установлены в какую-то забытую дату, чтобы служить косяками входа, который все еще можно проследить под почвой.

Часть II.- Город и скульптуры Синджерли.

Раскопки, проводившиеся в течение трех сезонов в Синджерли Немецким восточным комитетом[637], пролили свет на археологию Северной Сирии. Они также внесли большой ряд памятников в наш список хеттских работ; а более поздняя история города и окрестностей еще больше прояснилась благодаря открытию нескольких памятников с надписями, которые хотя и не относятся к периоду хеттского господства, тем не менее устанавливают для нас определенные исторические ориентиры, от которых мы можем отталкиваться в наших рассуждениях. Обнаруженные памятники и архитектурные остатки относятся к трем основным периодам, которые терминологически можно разделить на хеттский, арамейский и финикийский. Памятники двух более поздних фаз[638] нас не касаются, за исключением тех случаев, когда они проливают свет на историю хеттской оккупации этого места: но даже в них преобладают хеттские прототипы.

БЕРЕГОВОЙ МАРШРУТ ВОКРУГ ИССУССКОГО ЗАЛИВА В НАПРАВЛЕНИИ АЛЕКСАНДРЕТТЫ:
НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ ХРЕБЕТ АМАНУС, ЗА КОТОРЫМ НАХОДЯТСЯ СИНДЖЕРЛИ И САҚДЖЕ-
ГЕУЗИ

Многие из зданий, а также целая серия скульптур и исторических документов относятся к так называемому арамейскому периоду. В это время здесь располагалось княжество, отождествляемое с Самаалом (или Самалла), которым в VIII веке до н. э. в разное время правили местные цари по имени Панамму и Баррекуб, находившиеся под сюзеренитетом Ассирии. Ранее она, возможно, входила в состав хеттского феодального государства Хаттина,^[639] включавшего также Иауди и Унки; она была поглощена растущей мощью Ассирии при Тиглате-Пилесере III, как следует из имени Панамму, князя Самаала, в его даннических списках 738-735 гг. до н. э. В следующем веке, в 670 г. до н. э., Эсархаддон, по-видимому, сделал это место временной резиденцией во время своих войн с Египтом и Тиром и установил там стелу с записью побед, которые, вероятно, были воображаемыми, с изображением царей Египта и Тира, удерживаемых в плену веревкой.

Руины, обнаруженные в ходе этих раскопок, открывают нам обнесенную стеной цитадель или акрополь, включающий несколько дворцов и других зданий, и окруженный на равнине двойной стеной, которая обозначает границы города. Похоже, что среди самих раскопщиков существовали значительные разногласия по поводу дат, которые следует приписать различным особенностям этого места. Хорошо бы признать, что основанием для таких разногласий послужила недостаточность датированных материалов. Это не является критикой в адрес самих раскопщиков, которые замечательно провели свою новаторскую работу без помощи установленных местных критериев, помогающих решать различные мелкие проблемы, ежедневно возникающие в процессе раскопок. Одно из замечаний, которое можно высказать, заключается в том, что, похоже, не велось систематического учета находок фрагментов керамики, что, возможно, помогло бы установить связь одной части объекта с другой, и, в частности, пригодилось бы при будущих раскопках на севере Сирии или вообще в любой точке хеттских земель. Такое исследование, однако, потребовало бы большой предусмотрительности, поскольку здания, как выяснилось, были разрушены и

восстановлены в разное время, и, вероятно, именно этой причине следует приписать тот факт, что это исследование не было проведено.

Однако раскопщики, похоже, были согласны с тем, что из группы пастушьих хижин это место превратилось в обнесенный стеной город. Они выделили три различных периода строительства, первый из которых может относиться к последней части второго тысячелетия до н. э., когда местоположение города полностью ограничивалось курганом, который позже стал цитаделью. В этом поселении дома стояли вплотную друг к другу, а их внешние стены, сплошные и без окон, представляли собой линию обороны вокруг холма. Фундаменты нескольких домов были частично прослежены под местами дворцов более позднего времени, и хотя они отмечены как неважные, на самом деле это могут быть руины резиденций вождей в раннехеттский период. Вход в эту цитадель находился на юге, но, по мнению раскопщиков, она еще не приняла свой окончательный план и не была украшена скульптурами, которые впоследствии сделали ее столь примечательной.

Следующий большой период не отделяется четко от первого, от которого он, по нашему мнению, мог произойти путем естественного роста: он характеризуется планировкой всего города и поселка по тем же линиям, которые сохранялись в течение последующих веков. Во время этого этапа появилась стена, окружающая весь город, внешняя и внутренняя оборонительная стена цитадели, поперечная стена, которая, как нам кажется, озаглаивала собой некоторый период обновления, а также фундамент более старого дворца и несколько других незначительных элементов перестройки. Постройки этого времени характеризуются рядами деревянных конструкций с каменными прослойками между ними. По мнению раскопщиков, этот этап следует датировать двенадцатым веком до нашей эры; примечательно, что ассирийский царь Тиглат-Пилесер I скопировал план хеттского дворца (называемого *Хилани*),^[640] который в точности соответствует планам дворцов, построенных в цитадели в течение следующего периода.

Третий этап относят примерно к восьмому веку до н. э. Город был уже полностью сформирован. На его стенах возвышалось восемьсот башен. Наконец были построены южные ворота цитадели, украшенные скульптурами, как и более древние ворота города, но более тщательно проработанными. Угловыми камнями дворцов были архитектурные львы, а их портики поддерживались колоннами, поставленными на спины сфинксов. Главных дворцов было три, и они соответствовали стандартному типу, который отличался башнями-крыльями по обе стороны от портика, а к ним вели ступени, ведущие в зал, вокруг которого располагалось несколько палат.^[641] Затем, примерно с 750 года до н. э., даты, которую подтверждают документальные свидетельства, между дворцами стали появляться дома. Это был отход от прежнего строгого типа хиланских домов, чтобы допустить большее размещение, и чисто хеттский характер зданий был сильно изменен. Город, по-видимому, был сожжен около 680 года до н. э., что соответствует дате, указанной на стеле Эсархаддона.

В отсутствие более точных исторических данных наш интерес представляют несколько серий скульптур, украшавших ворота и дворцы. Те, которые раскопщики считают самыми древними, были найдены у южных ворот города. Сами камни выветрились, но сюжеты на них были тщательно изучены и воспроизведены. Они высечены в рельефе на блоках долерита. Рисунок по большей части грубый, но они иллюстрируют нам стандартные приемы в подобных хеттских работах с некоторыми интересными вариациями. Поскольку их много, мы ограничимся кратким описанием предметов, отмечая то тут, то там детали, которые помогут нам в сравнительном исследовании.^[642] Во-первых, это орлиноголовое крылатое существо

с человеческим телом и конечностями, облаченное в короткую хеттскую тунику, держащее вверх обе руки и стоящее с левой ногой, выдвинутой в направлении, к которому он обращен. Хотя обуви не видно, пальцы ног на скульптуре вывернуты в соответствии с хеттским узором. Прядь волос, спускающаяся по бокам головы орла, заканчивается завитком наружу, что является признаком более раннего хеттского стиля. С середины пояса также свисает кисточка. На другом блоке то же самое изображение с небольшими изменениями. На третьем камне грубо изображен всадник; левой рукой он держит маску, черты которой напоминают его собственные, обычные хеттские черты, прямой нос и большой глаз в профиль. Он сидит верхом, вытянув пятки, как бы прижимаясь к бокам лошади, так как у него нет стремян. Он одет в короткую тунику и жилет с короткими рукавами, на голове - коническая шапка, хотя и не такая высокая, как , знакомая сейчас по скульптурам Богаз-Кеуи, а за шеей виднеется вьющийся локон или косичка. У левого бока подвешен длинный нож или кинжал, а в правой руке он держит небольшой предмет с петлей, который, возможно, предназначен для лука. Рисунок лошади еще более грубый. Голову можно принять за голову зебры, но в проработке плечевых мышц и сгорбленности прослеживается определенная покорность хеттским традициям. Есть еще один камень, на котором всадник изображен в очень похожем стиле, но детали почти стерты.

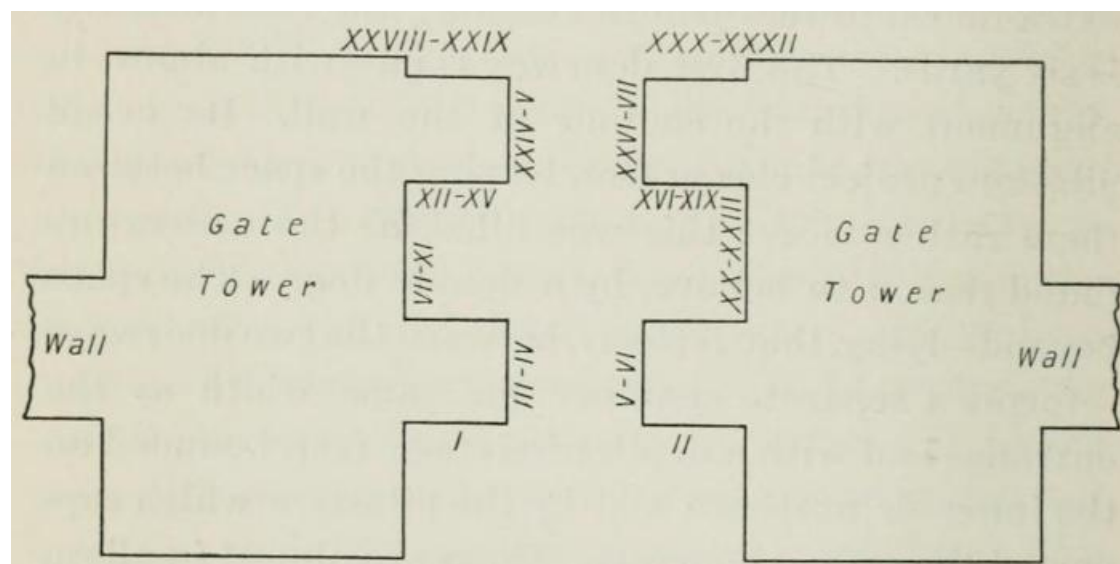
Затем мы переходим к двум чудовищным мифологическим существам, высеченным на одном камне, одно над другим, чтобы представить их рядом. У нижнего из них тело льва, на котором проступают мышцы плеч, лицо - человеческое, а за шеей четко видна завивающаяся косичка. Головной убор представляет собой модификацию конической шляпы с набалдашником на макушке, а ободок вздернут спереди и сзади. Показано только одно крыло, то есть то, которое находится на дальней стороне. Хвост расположен вертикально и заканчивается головой птицы.^[643] Верхнее чудовище такое же во всех отношениях, кроме головы, которая является исключительно плодом воображения художника, хотя по крючковатому клюву можно предположить, что она предназначена для птицы. Оба существа идут, выставив вперед левую переднюю ногу и подняв ее в воздух. Любопытно, что правая задняя нога нижнего животного выдвинута вперед, в то время как соответствующая нога верхнего животного находится сзади. Этот памятник, пожалуй, самый грубый из всей серии.

На шестом блоке камня изображены две мужские фигуры, стоящие друг напротив друга: каждый одет в длинный халат, подол которого виден; каждый выдвигает дальнюю ногу навстречу другой; каждый держит в ближней руке короткий посох, а дальней рукой подносит к губам предмет, похожий на чашу. Они отличаются только тем, что у правой фигуры есть кисточка^[644], спускающаяся с пояса. Похоже, что они носят черепные коробки, а на левой фигуре видна завивающаяся косичка, в то время как соответствующая часть камня на другой стороне отломана. Следующая скульптура несколько шире и изображает сцену охоты, на которой изображен стрелок из лука, выпускающий стрелу. Он одет в очень короткую тунику с бахромой; пальцы ног вывернуты, а от шеи отходит косичка. На поясе с дальней стороны висит нож, острием вперед, но деталь неясна. Позади него в воздухе головой вниз сидит животное, похожее на зайца, которого, как можно предположить, он подстрелил. Однако его цель, скорее всего, направлена против оленя, изображенного на предшествующей скульптуре. Это снова рисунок, настолько грубый, что почти причудливый. Животное стоит, повернув голову назад, в сторону своего преследователя. Его шею пронзила стрела, за которой видны колючки, а к погоне присоединяется плохо нарисованная собака. Напротив него на одном камне изображены еще два животных, которые, очевидно, призваны указать на дальнейшую добычу. Одно из них - олень, нарисованный в данном случае в полный профиль (включая рога); в то время как в нижнем регистре виден лев, который, хотя и может

быть идентифицирован, лишен на рисунке какого-либо характера, требующего комментариев.

Более интересная, хотя и отчасти менее древняя, серия скульптур украшала главную дверь цитадели. Она располагалась на южном изгибе стены и в своем окончательном виде напоминала в общих чертах ворота дворца в Эюке и цитадели Богаз-Кеуи, которые мы уже описывали ранее.[645] Подход к этому входу защищен, как и в других случаях, башнями-крыльями с обеих сторон.[646] Ширина в этом месте входа составляет около двенадцати ярдов, а глубина этих дополнительных башен до первого дверного проема - шесть ярдов. Первый дверной проем расположен почти вровень с контуром стены. Его широкие пилястры выступают на одиннадцать футов, оставляя между ними пространство гораздо больше; оно, как полагают раскопщики, было заполнено двойной дверью. Пространство за дверью, то есть между двумя дверными проемами, образует отдельную камеру той же ширины, что и вход, и глубиной шестнадцать футов, ограниченную с внутренней или северной стороны пилястрами, которые поддерживали второй дверной проем. Они почти совпадают с главными внутренними стенами входных башен, которые, таким образом, имеют общую глубину пятьдесят пять футов; их ширина составляет около десяти ярдов. Толщина главной стены корпуса, к которой они возвращаются с обеих сторон, оценивается примерно в пятнадцать футов.

Вся поверхность этого входа, как по фасаду башен, так и вокруг оснований пилястр, была украшена скульптурными плитами. Резьба во всех случаях рельефная, сюжеты разнообразны, включая божества, мифологические эмблемы и сцены погони, обработка которых во всех случаях соответствует установленным хеттским мотивам, а в других деталях обнаруживает следы хеттской ручной работы. Эти ворота датируются, по крайней мере, так же рано, как и стела, которую Эсархаддон установил в пространстве между двумя дверями в 681 году до н.э., а возможно, и раньше. Действительно, происхождение ворот было отнесено раскопщиками ко второму периоду великого строительства, хотя их окончательная структура и некоторые украшения относятся к более поздней фазе. Можно предположить, что последние скульптуры были созданы в восьмом веке до нашей эры.

SINJERLI: ЭСКИЗНЫЙ ПЛАН ВОРОТ, НА КОТОРОМ ЦИФРАМИ ОБОЗНАЧЕНО РАСПОЛОЖЕНИЕ СКУЛЬПТУР, ОПИСАННЫХ В ТЕКСТЕ.

Скульптуры в данном случае настолько многочисленны, что мы считаем удобным присвоить им номера для справки. Мы начинаем с внешнего подхода к воротам с южной стороны и

описываем скульптуры на каждой стороне стены к востоку и западу, прежде чем перейти к следующему возвращению.[647] При подходе к дверному проему и обращении к югу серия скульптур начинается с левой стороны (к западу) с

Но. i. Две плиты, на которых предметом украшения являются конь и колесница. Общая схема напоминает колесницы, которые мы ранее находили среди скульптур Малатии и Сакдже-Геузи,[648] но в этой есть некоторые детали, уникальные для хеттского искусства, а другие особенности, которые ранее было трудно объяснить, теперь становятся понятными. Колесница небольшая и установлена на колесе с шестью спицами.[649] Два предмета на панели колесницы, пересекающие друг друга, очевидно, в данном случае являются колчанами для хранения стрел для воина, стоящего внутри. Как и в других рассмотренных нами примерах, копье помещено в заднюю часть машины острием вверх и откинута назад. Снаружи, на задней части колесницы, видна в профиль голова маленького льва, эмблема, вероятно, царского ранга владельца. Как и прежде, внутри стоят двое мужчин, и в данном случае мы видим их черты более отчетливо, потому что водитель изображен несколько впереди другого, который занимает более ближнюю часть машины и характерным образом сгибает свой лук со стрелой, готовой к полету. Этот персонаж, хотя мы должны принять его за вождя или князя города, одет в национальную хеттскую одежду - короткую тунику, подпоясанную на талии, и жилет с короткими рукавами. Его головной убор более своеобразен, но, к сожалению, он слишком выветрился, чтобы можно было собрать много деталей: можно заметить завивающийся локон волос на ближней стороне, сплошной, возможно, парик на голове, и заканчивающийся за шеей. Фигура на заднем плане одета так же, но на голове у нее простая шапочка, плотно прилегающая к черепу. Обе фигуры бородаты, но в последнем случае колечки бороды не подстрижены ровно. Он стоит с вытянутыми руками, держа две пары вожжей, что позволяет предположить, что управляется пара лошадей, хотя, как и в предыдущих случаях, изображена только одна. На голове у животного - бойкий капкан, а сразу за шеей (предположительно, украшение на ошейнике) - эмблема, которая, по мнению раскопщиков, напоминает голову длинношеего грифона. Амуниция лошади четко выражена и напоминает недоуздок, прочно закрепленный за ушами, хотя, возможно, судя по расположению поводьев, здесь также использовалось долото. Однако в этом вопросе нет уверенности. Рисунок животного, как обычно, грубый; он подчиняется некоторым обычным правилам: мышцы плеча и подгрудка показаны в общих чертах. Однако уникальным для хеттских изображений является изображение человека, распростертого между передними и задними ногами животного и пронзенного двумя стрелами, очевидно, выпущенными воином в машине. Одной рукой жертва пытается вырвать стрелу из своего бедра. Изображение почти аналогично тем, что так хорошо знакомы по стенам египетских храмов, на которых фараон убивает своими стрелами убегающих врагов-хеттов. Здесь, однако, изображен не чужеземный враг. Лежащий человек в целом соответствует северосирийскому типу, который можно увидеть даже в вознице внутри машины. На нем нет одежды, кроме шапки, которая плотно прилегает к телу; завиток волос за шеей показан в общих чертах, и даже пальцы его обутых ног по привычке скульптора представлены как вывернутые.

ПЛИТА LXXV

СКУЛЬПТУРЫ ИЗ СИНДЖЕРЛИ (см. с. 284)

1. ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК 2. ВОИН

Нет. ii. Соответствующая скульптура на противоположной стороне этого входа, то есть на восточной стороне, но все еще обращенная к югу, представляет собой вертикальную фигуру воина, вооруженного копьем и щитом, а также обычным длинным кинжалом или мечом. [650] Любопытно, что он обращен в ту же сторону, что и колесница, а именно, влево, поэтому в данном случае он смотрит в сторону от ворот. Воин стоит, выставив вперед левую ногу и левую руку; его тело и лицо показаны в профиль, а плечи на виду, в соответствии с обычными традициями восточного искусства. Он одет в привычную короткую тунику с бахромой по низу, перекрытие которой косо спадает спереди; верхняя часть тела слегка прикрыта жилетом с короткими рукавами. Вокруг талии проходит широкий кушак, а длинный кинжал, висящий на левом боку, кажется, имеет специальное крепление, которое проходит через правое плечо. Его головной убор - конусообразная шапка хеттских народов с вздернутым околышем, а сверху расширяющаяся, как шар. На ногах - обувь, острия которой экстравагантно вздернуты, а вокруг лодыжек видны украшения или приспособления для крепления обуви. [651] Черты лица мужчины, хотя и условные, изображены смело. Длинный прямой нос, расположенный на одной линии со лбом, нарисован с тщательностью. От подбородка ниспадает борода квадратной формы, также изображены усы. Глаза изображены в полный профиль, и они также слишком велики по пропорциям. Обычный локон волос, похожий на выжившую косичку, спадающий с макушки головы, заканчивается широким завитком за шеей. Щит, который он держит, очевидно, задуман в форме восьмерки, [652] хотя перспектива картины доставила художнику немало хлопот. Копье, которое он держит поперек острием вниз, длиннее его самого. Древко нарисовано не прямо, возможно, оно напоминает естественную форму ветви дерева. Лезвие длинное и заостренное, с признаками срединного ребра. Его короткое оружие, вероятно, является кинжалом, хотя представлено такой длины, что может быть и мечом. Эфес полукруглый, [653] с выемкой по обе стороны рукояти, [654] и, несомненно, вложен в ножны; срединное ребро хорошо выражено по всей его длине.

От внешней стороны мы переходим к скульптурам, украшающим фланкирующие стены пилястры первого дверного проема.

№ iii. Декор слева, обращенный, следовательно, на восток, состоит из двух сюжетов: один - большой лев, занимающий две плиты, с головой на угловом камне,^[655] а другой - чудовищное существо, держащее кролика. Лев^[656] обращен влево, поэтому смотрит из ворот. Картина нарисована плохо; в животном нет бодрости и мало жизни, а условности художника преувеличены настолько, что уже не являются художественными. Пасть зверя открыта. Дальние ноги выдвинуты вперед, а хвост опускается между двумя задними ногами, как в стандартных типах. Плечевые мышцы показаны линией границы, которая широким изгибом доходит до задней части шеи, а за ушами предполагается воротник, будь то из шерсти или чего-либо другого. Когти изогнуты и удлинены до смешного. Тело, изображенное на втором камне, удлиненное и узкое, и, кажется, с трудом прилегает к тяжелым передним конечностям.

№ iv. Чудовищная фигура, которая является его спутницей, обращена вправо. Раскопщики называют ее Богом Погони. Его тело - человеческое, одетое в короткую тунику, жилет и башмаки, а голова - львиная, с широко раскрытой пастью и длинной преувеличенной шеей. С левого бока у него свисает тонкий кинжал. Вытянутой левой рукой он держит кролика за задние лапы, а на этой руке держит птицу, которую нелегко описать, хотя ее крючковатый клюв наводит на мысль о грифе или соколе. Правая рука заведена за голову, в ней зажат какой-то короткий изогнутый предмет, похожий на метательную палку, а за ней видна еще одна птица с открытым клювом.

№№ v.-vi. Аналог этих изображений, расположенный на противоположной стороне дверного проема, практически повторяет только что описанный сюжет, только в этом случае оба существа обращены вправо, глядя из дверного проема. Вожак - лев, изображенный еще более грубо, чем в предыдущем случае, и без каких-либо дополнительных поучительных деталей; единственное изменение в вертикальном монстре, который следует за ним, заключается в положении двух птиц, которые в предыдущем случае были на его руках, а теперь сидят на его руках.

No. vii. Теперь мы переходим к внутренней стене камеры, которая находится между дверными проемами. Мы начинаем, как и прежде, с левой стороны, со скульптур, обращенных на восток, а затем продолжаем со скульптур, обращенных на юг. Первая часть состоит из пяти скульптурных блоков.^[657] Первый из них представляет собой изображение мужчины, обращенного лицом влево, одетого в короткую тунику и туфли с вывернутыми носками. Он носит закрытую черепную коробку, за которой изображен хеттский локон. Его борода длинная и квадратного сечения. Его руки подняты вверх, а на плечах он несет ребенка, голова которого повернута как бы назад.

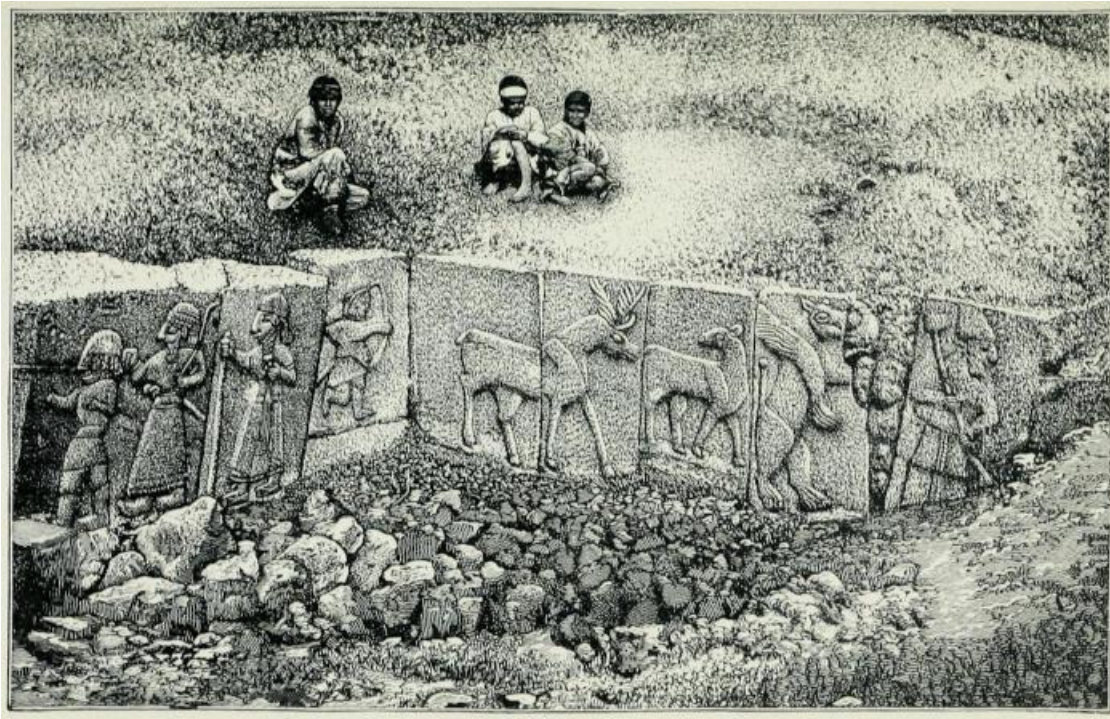
№ viii. Следующий блок заполнен сценой церемониального пира.^[658] Две фигуры, явно мужчина и женщина, сидят лицом друг к другу по разные стороны низкого стола, заставленного провизией. Мужчина сидит слева, его место - стул с квадратным каркасом и высокой спинкой. Он носит тесную круглую черепную коробку, а хеттский локон падает за шею. Он изображен с бородой и усами; нос у него выдающийся и прямой. Его одежда - длинный халат, достигающий до щиколоток, а пальцы его обуви, как обычно, вывернуты. Правая рука у него на боку и держит длинный кривой посох, а левой он подносит ко рту какой-то предмет. Фигура напротив имеет несколько отличий. Ее шляпа имеет цилиндрическую форму и покрыта длинным тонким волнистым предметом, достигающим за спиной почти до земли; его можно принять за вуаль, отодвинутую перед лицом. Ее одежда

также представляет собой длинный халат, а пояс, как и у мужчин, широкий и состоит из шести или более прядей, как шнур. Ее волосы уложены в обычный локон или косичку. Черты ее лица резкие, но не такие выдающиеся, как у ее коллеги. Как и он, правой рукой она подносит ко рту какой-то предмет, а в левой, которая находится рядом, держит два, похоже, съедобных предмета на стебельках. На обоих запястьях у нее браслеты. Ее место - низкий табурет, который, в отличие от мужского, кажется, не имеет спинки. За неимением места стол между ними отодвинут от картины. Видны только две ножки, и они, как обычно, изогнуты. Верхняя часть стола также изогнута вниз, что позволяет предположить, что он был круглым; так же как и наваленные на него предметы, которые, однако, не могут быть идентифицированы.[659] Ранее мы уже описывали несколько подобных скульптур и в некоторой степени обсуждали их характер. Наиболее близкой аналогией к данному случаю является скульптура из Малатии,[660] и здесь, как и там, мы принимаем за предмет пиршество царской пары. Несмотря на несочетаемые сцены вокруг, религиозное происхождение этого класса скульптур, кажется, увековечено в священническом одеянии, в которое облачена мужская фигура.

№ ix. На следующем камне изображены две фигуры, обе обращены влево. Главный из них меньше другого. Он одет по обычной хеттской моде, в короткую тунику и черепную коробку. Его длинный прямой нос и завитки волос столь же характерны. Его левая рука лежит на боку, а правая, которая видна только в общих чертах, выдвинута вперед, но дальнейшие детали не различимы. Фигура, которая следует за ним, обращенная в том же направлении, несколько выше. Он одет по-другому; его одежда - длинный халат, достигающий до щиколоток и заканчивающийся бахромой. Обычный пояс с верхней и нижней каймой опоясывает талию. Рукава короткие, а носки туфель вывернуты. Вместо шляпы он явно носит парик, от которого за шею спускается хеттский локон. Борода у него длинная и обычная, а усов, похоже, нет. Его нос прямой и преувеличенно длинный, а черты лица плохо прорисованы. Его правая рука вытянута, а левая отведена назад и держит длинный изогнутый предмет, который лежит на левом плече и выходит за его пределы. Он также носит кинжал на дальней стороне пояса.

На следующем камне стоит третий человек, одетый, как и предыдущие, в длинный халат, который, однако, не имеет бахромы. Это интересная фигура, так как вместо башмаков он явно носит сандалии,[661] ремешки которых можно проследить. Его головной убор тоже отличается: если на предшествующей ему скульптуре волосы или парик уложены в обычные концентрические полосы и завитки, или короткие косички, то шапочка, которую носит этот человек, покрыта простыми ребрами, переходящими с одной стороны на другую. Хеттский локон спускается, однако, за шею, а борода, хотя и редет, изображена условно. Лицо этого человека поражает, несмотря на то, что рисунок выполнен плохо. Длинный нос, расположенный на одной линии со лбом, изображен более нарочито, чем в любом другом случае. Подбородок покатый, а губы, хотя и тонкие, выдающиеся и выступающие. С его пояса свисает кисточка, состоящая из петли и двух свободных концов, похожих на петлю из сложенного вдвое шнура. Среди других отличительных признаков - кинжал с полумесячной рукоятью, который он держит в левой руке, а в правой, вытянутой, - посох[662].

ПЛИТА LXXVI

СИНДЖЕРЛИ: СКУЛЬПТУРНЫЕ БЛОКИ (IX.-XV.) воротного пути *на месте* ДО ЭКСКАВАЦИИ

№ xi. Следующий камень небольшой, и фигура на нем обращена вправо. Это изображение лучника с согнутым луком. Он изображен в обычном мужском одеянии - туника, башмаки, черепная коробка, кудри, пояс и кинжал. Он стоит на левой ноге с согнутым правым коленом в момент выстрела. Этот камень установлен на другой, ниже его, , чтобы довести его до нужной высоты, и он завершает внутреннюю стену этого углубления. Примыкающая к ней стена выступает на восток и состоит из пяти камней, украшенных четырьмя сюжетами.

№№ xixiii. Первые два камня занимает олень, обращенный вправо. Он плохо прорисован. Голова и шея совершенно неправильной формы; условности изображения животных преувеличены, и в результате получилась безжизненная картина. На третьем камне перед ним стоит ребенок, смотрящий назад, резьба которого, пожалуй, более удачна, но все же не отличается художественным чувством и аппликацией. Мускулы очерчены в обычной манере.

№ xiv. Другая картина, лучше нарисованная и лучше вырезанная, заполняет всю высоту следующего блока. Здесь изображен крылатый лев, левая лапа которого когтит воздух, а правая опущена. Крыло поднимается от ближнего плеча и проходит за шеей. Хвост прямо за спиной, заканчивается жестким завитком. Мышцы на бедрах выражены с некоторой жизненной силой, но когти преувеличены.

№ xv. Следующий камень завершает эту серию: угол был изменен в древности за счет включения пьедестала. На рассматриваемой нами грани изображена фигура мужчины, несущего через правое плечо, похоже, большой двуглавый каменный молот или двойной топор. Он одет в короткую тунику с бахромой, обут в туфли с оттопыренными носками и носит черепную коробку такой высоты, что она почти коническая. Хеттский локон выдается за шею; прослеживается сильный нос, а с подбородка спадает борода квадратной формы. Он также вооружен длинным кинжалом, рукоять которого показана за поясом, а лезвие или ножны выступают вперед. Его ноги, как обычно, обнажены, а фигура, пожалуй, необычайно мощная и мускулистая.

№. xvi. Если перейти к восточной стороне этого углубления, то стена, соответствующая той, которую мы описали в прошлый раз[663], также украшена четырьмя скульптурными блоками, из которых первый повторяет в деталях тот, что мы описали в прошлый раз, и не нуждается в дальнейшем описании. Однако можно отметить два небольших изменения в трактовке этого предмета. Во-первых, кинжал теперь подвешен в обычной манере, с рукоятью, показанной перед телом; а головной убор кажется более высоким, больше похожим на коническую шапку хеттов с расширяющимся верхом.[664] Можно также отметить, что двойной топор или молот несколько шире и короче, и отмечен четырьмя короткими боковыми линиями, а длинная рукоять несколько изогнута, как будто сделана из ветви дерева. За эту рукоятку он хватается обеими руками, левая держит конец. В обрисовке левой руки допущена ошибка: хотя левый локоть выдвинут вперед, а рука отведена назад к телу, ладонь повернута наружу, а большой палец поднят вверх, пальцы также представлены полностью, вдавленными в ладонь, вместо которых перед рукояткой должны быть показаны только костяшки. Это ошибка, нередкая в восточном рисунке.

№ xvii. Следующая каменная глыба больше остальных, на ней изображены две фигуры, обе обращены, как и в предыдущем случае, вправо от наблюдателя. Впереди идет крылатый сфинкс, за ним воин с копьем и щитом, выполненный в том же стиле, что и описанный нами ранее.[665] В данном случае фигура настолько мала, а поверхность камня настолько разрушена, что никаких новых деталей добавить невозможно, но, за исключением кинжала или меча, все черты предыдущего камня, похоже, прослеживаются. Вздернутый край шляпы спереди, возможно, более заметен. Сфинкс представляет собой интересное изображение. Тело - львиное, а лицо, несколько утонченное, - человеческое. Из-за плеча поднимается крыло, наклоненное назад. Мускулы животного показаны в общих чертах, а когти или когти, как обычно, преувеличены. Хвост поднят в воздух и, кажется, заканчивается головой птицы,[666] хотя, возможно, этот вид иллюзорен. Лицо безбородое, четкого хеттского типа; головной убор - черепная шапка с ободком, передняя вершина которого вздернута. Из-под нее за голову падает двойная коса, которая за шеей закручивается вверх и полностью округляется, образуя заметный завиток. Вторая двойная косичка волос, кажется, падает из-за уха, перед грудью животного и на полпути к земле, где она заканчивается завитком. Необычно очерчено крыло: изогнутые ребра сведены вместе посередине к верхней части, как будто это новая точка отсчета для ряда перьев.

№ xviii. Еще одна чудовищная фигура предшествует сфинксу, в данном случае грифон, с телом льва и головой орла. Из соединения длинной шеи с телом поднимается крыло; мышцы показаны в общих чертах; голова плохо прорисована и снабжена ушами; хвост свисает вниз за телом. Двойная косичка, ниспадающая из-за правого уха животного, как и в предыдущем случае, заканчивается завитком к левой части груди. Рисунку в целом не хватает духа и жизненности.

№ xix. Последняя скульптура на этом участке стены, похоже, изображает человека, но резьба не была выполнена детально, и, за исключением того, что он обращен лицом вправо, с обеими руками, отведенными назад, очертания его фигуры не дают представления о чем-то ином, кроме обычного хеттского типа. Теперь стена поворачивает параллельно противоположному лицу, и идет на север и юг, поэтому скульптуры обращены на запад. Их четыре;[667] все они обращены вправо, как и в предыдущем разделе.

№. xx. Первая - вертикальная чудовищная фигура с опущенными крыльями; тело - человека, голова - орла. Его одежда - короткая туника. Руки подняты вверх, как для поклонения. За ухом, которым украшена голова птицы, как и в предыдущем случае, ниспадает такая же двойная коса, заканчивающаяся завитком на горле[668].

№ ххi. Спереди находится изношенное изображение сидящей фигуры, на котором можно различить мало деталей. Головной убор, похоже, цилиндрической формы, с длинной вуалью, спадающей, как обычно, сзади. Возле шеи фигуры виднеется завивающийся локон волос. Правая рука отведена в сторону. Стул низкий и квадратной формы, а его высокая спинка оканчивается выгнутым наружу локоном. Общий вид этого камня настолько контрастирует с четкой резьбой тех, что находятся по обе стороны от него, что кажется вероятным, что он был уже старым, когда дверной проем был построен в его нынешней форме, и что он когда-то был левой частью церемониального пира, подобного тому, который мы описали ранее (№ viii.), к которому он, таким образом, являлся аналогом.^[669]

№ ххii. Его предваряет великолепная скульптура хеттского бога бури Тессапа, или как его еще называют.^[670] Он одет в характерную для хеттов короткую тунику и вздернутые башмаки. Его головной убор - высокая коническая шапка с расширяющимся верхом. Борода длинная, квадратного сечения, изображенная, как обычно, в виде последовательных полос коротких завитков или косичек. Нос длинный и прямой, а глаза большие. Длинная вьющаяся коса волос, похожая на косичку, ниспадает за шею и плечо и видна ниже правого локтя, который поднят вверх. Длинный кинжал с полумесяцем на рукояти, где хорошо видно срединное ребро, перекинут с дальней стороны пояса, рукоятью назад. В левой руке он держит эмблему, похожую на трехгранный трезубец, изображающий, как предполагается, вилообразную молнию, а в правой - топор-молоток с короткой рукоятью, к которой он привязан нитями.

№ ххiii. Следующая скульптура заполняет одну сторону углового камня. Это изображение женщины, и хотя оно сломано в верхней части, в нем можно различить несколько новых черт, а другие детали видны более отчетливо, чем в ранее описанных случаях. Ее одежда - длинный халат, достигающий до щиколоток, перевязанный на талии веревочным поясом из шести нитей. Это одеяние, похоже, обернуто вокруг тела, соединяясь с правой стороны, где оно окаймлено или как-то окантовано. Позади фигуры видна длинная вуаль или плащ, который, судя по многочисленным засечкам на рисунке, также мог быть окаймлен или вышит. Верхняя часть шляпы не видна, но передняя козырек повернут вверх. За шеей, как обычно, видна двойная коса и локон, на шее также изображено ожерелье. В правой руке она, кажется, держит что-то вроде пера, а в левой - круглое зеркало с ручкой, похожей на те, что часто встречаются в египетских гробницах.^[671] Рисунок правой руки, которая находится перед телом, демонстрирует тот же недостаток, который мы указали в недавнем примере, где, при поднятом вверх большом пальце, ладонь руки также повернута наружу - невозможное положение.

Теперь мы добрались до обратной стороны стены, с внутренней стороны пилястры к внешним воротам. Эта стена, как и соответствующая стена на противоположной стороне слева, была оставлена пустой, вероятно, потому, что она не бросалась в глаза тому, кто входил в ворота, а также находилась в сравнительной темноте для того, кто выходил. Далее мы переходим к описанию остальных скульптур, украшающих пилястры внутреннего дверного проема, и в первую очередь тех, которые фланкируют расположение дверного проема с обеих сторон: соответствующие стены внешнего дверного проема были украшены изображениями львов, обращенных наружу.

№№ хxiv.-ххv. В данном случае быки составляют ведущий мотив декора: с левой стороны два камня заполнены изображением этого животного.^[672] Рисунок, как и в случае со львами, слишком сильно вытянут, и скульптор не выполнил свою работу реалистично, подчиняясь лишь установленным условностям. Рога животного вытянуты вперед, плечевые мышцы показаны в преувеличенном виде, а чуть выше копыта на каждой ноге, кажется, есть какое-то

кольцо или украшение. На третьем блоке камня изображен новый рисунок - всадник, обращенный в ту же сторону. Лошадь маленькая и плохо запряженная; амуниция напоминает недоуздок, как у колесничных лошадей, а всадник держит пару поводьев или веревок, которые проходят по ближней стороне шеи. Не видно ни седла, ни стремени. Черты лица мужчины сохранились нечетко. Однако его головной убор, очевидно, представляет собой простой конический шлем или шапку, а сзади виден хеттский локон. На левой руке, закрывающей его тело от нашего взгляда, висит большой круглый щит. Из-за спины, на уровне плеча, поднимается предмет, который можно принять за большой колчан.

ПЛАТА LXXVII

1. ХИТРЫЙ БОГ НЕБА С СВЕТОМ И МОЛОТКОМ В РУКАХ (см. [с. 291](#)).

2. ХИТРЫЙ БОГ С ДВУМЯ АКСЕЯМИ (СР. SCULPTURES OF BOGHAZ-KEUI, [PL. LXIV.](#)) (См. [с. 283.](#))

№№ xxvi.-xxvii. Соответствуя этим скульптурам на противоположной стороне, правая фланкирующая стена внутреннего дверного проема украшена аналогичным изображением быка, обращенного лицом наружу и занимающего два камня, и человека на левой стороне,

обращенного лицом в противоположную сторону. Последнее изображение (№ xxvii.) является новым. Человек стоит, очевидно, спиной к животному, и, вероятно, эти два предмета различны. Он одет в длиннополую юбку и жилет с короткими рукавами. Костюм завершает черепная шапочка и хеттская обувь. Его борода немного выступает вперед, а за шеей виден хеттский замок. Длинный кинжал или меч висит у него за поясом рукояткой вперед. В руках у него два предмета, похожие друг на друга и напоминающие по очертаниям булавы. В правой руке он держит одну из них, которую держит чуть выше уровня головы; в левой же руке он держит другую за конец рукоятки, которая естественным образом опирается на левое плечо.

№№ xxviii.-xxix. Остались скульптуры, украшающие внутреннюю фронтальную стену этого дверного проема, то есть первую стену, с которой сталкивается каждый, кто выходит из цитадели. С правой стороны ближайшие скульптуры представляют собой пару оленей, нарисованных лишь в общих чертах, по одному на каждом из двух каменных блоков. Животные повернуты друг к другу, но ближний из них смотрит назад, так что обе их морды обращены ко входу. На противоположной стороне, то есть на востоке, находятся три скульптуры на отдельных каменных блоках.

№. xxx. Первая из них, [673] высеченная на том же блоке, что и только что описанный человек с дубинами (№ xxvii.), представляет собой сложную чудовищную фигуру. Тело, по-видимому, львиное, с открытой пастью и поднятым хвостом. Из-за плеча поднимается крыло, которое на рисунке совпадает с условным контуром плечевых мышц. На шее возвышается голова человека в тесной черепной коробке, передний край которой вздернут. Черты лица знакомы по предыдущим скульптурам, не обошлось и без хеттского завитка за шеей. Вокруг шеи изображена широкая лента, украшенная в три ряда. Жаль, что камень имеет следы выветривания, и можно разобрать мало деталей, так как изображение уникально; и хотя рисунок грубый, он не совсем безыскусный.

№ xxxi. Следующий камень не украшен, но на втором от угла изображен воин со щитом и копьем, похожий на двух ранее описанных (№ iii. и № xvii.). Единственная деталь, которую можно добавить, - это кисточка, свисающая с козырька его конической шапки.

№ xxxii. После такого же перерыва появляется последняя скульптура этой стены, на которой, хотя она сильно выветрилась и едва прослеживается, мы, кажется, видим изображение охотника, держащего кролика в левой руке и размахивающего длинным копьем в правой. Кажется, на нем высокий шлем, но другие детали неясны.

Завершив осмотр скульптур, украшающих внутренние стены этого входа по обе стороны от дверного проема, мы выходим наружу, где обнаружили несколько интересных резных изображений, которые, по-видимому, украшали внешние фланкирующие стены и были видны поэтому при подходе ко входу в цитадель с юга. На правой стороне, ближайшей к углу, была изображена фигура животного, ныне уже не видимая, а на небольшом камне (№ xxxiii.), расположенном над ней, кажется, изображена собака, которая так же разрушена. Следующие четыре, однако, более понятны.

Первый - изображение музыканта, сидящего на табурете. Он одет в длинную юбку с поясом, но детали его одежды и черты лица не требуют особых комментариев. Однако инструмент, на котором он играет, представляет интерес: это [674] "тамбур ярко выраженного ассирийского типа, точно такой же, как во времена Ассур-назир-пала", ок. 880 г. до н. э. [675] Имеется шнур для крепления к плечу. В качестве альтернативы было высказано предположение, что речь идет об инструменте типа арфы, рассматриваемой сбоку; положение рук музыканта, однако, не подтверждает эту точку зрения, поскольку левой он сжимает стержень инструмента, на

котором играет[676] правой. На небольшом камне, расположенном над этим, изображено очертание орла или стервятника[677].

№. xxxv. Скульптура на следующем камне изображает человека, который, кажется, находится по отношению к музыканту, к которому он повернут. Его одежда - короткая юбка, и, похоже, помимо вздернутых туфель, он носил какое-то заметное украшение вокруг лодыжки. Шляпа плотно прилегает к голове и завязана сбоку. Борода и кудри как обычно. Левая рука согнута, и пальцами он как бы касается бороды; правая рука стерта.

№№ xxxvi.-xxxvii. Последние две скульптуры этой стороны можно рассматривать вместе, так как они изображают знакомую восточную сцену, когда пара козлов встает на задние ноги, чтобы дотянуться до верхних зеленых побегов кустарника, который они обгладывают.

Левая фланкирующая стена, ведущая к главным воротам, похоже, была разрушена до раскопок, и скульптур, которые могли бы составить аналог описанной группы, не обнаружено. В нашем описании мы постарались указать место находки каждого камня, но, изучив оригинальные памятники и фотографии, сделанные раскопщиками, мы убедились, что очень немногие из них были найдены в тех местах, для которых они изначально предназначались. Различные размеры, разнообразие и отсутствие последовательности в изображении сюжетов - все это подтверждает эту точку зрения. Мы также не разделяем мнение раскопщиков о том, что все скульптуры внешних ворот города, которые мы описали первыми, обязательно старше, чем скульптуры ворот цитадели; первые более обветрены, так как подвергались большему воздействию, а вторые, по нашему мнению, не все современны друг другу. Мы можем выделить три или четыре группы сюжетов, которые, вероятно, располагались вместе, как в Эюке и Сакдже-Геузи. Среди них - шествие мифологических существ и изображений божеств (возможно, сам царь выдает себя за богов[678]), сцены погони, музыканты и церемониальный пир, которые, по большей части, бессистемно перемешаны. Нам кажется, что фигура воина (№ ii.) может быть такой же древней, как и все скульптуры Богаз-Кеуи, в то время как другие могут быть настолько поздними, насколько это допускает история. Мы считаем, что в основном они относятся к X веку до н. э., а перестановку мы относим к одной из более поздних реставраций этого места, которые, как показывают местные документы, были нередки, и, возможно, к подготовке зданий в качестве летнего дворца Эсархаддона в VII веке до н. э.

Есть еще несколько скульптур, представляющих значительный интерес, в том числе две пары массивных львов, которые, должно быть, служили угловыми косяками дверных проемов, как и в Сакдже-Геузи.[679] В этом случае, однако, львы огромных размеров. Одна пара вырезана только в общих чертах, в то время как работа другой выполнена в деталях восхитительного качества. Однако больше всего поражают два каменных бюста в рельефе, найденные рядом с упомянутыми львами.[680] Здесь мы встречаемся лицом к лицу с тем замечательным типом лица и головного убора, который характеризует сфинксов Эюка.[681] Камни сильно выветрились, но по опубликованным фронтальным и профильным видам не может быть сомнений, что каждый из них украшен бюстом и головой женщины. Можно выделить округлость лица, высокие скулы, полосу через лоб, изогнутый парик на голове и, наконец, (но слабо) завиток кончиков парика по обе стороны от горла, который хорошо заметен на скульптурах Эюка. Природа сфинксов-оснований, еще одной серии скульптур поразительного характера, станет очевидной при описании дворца-портика в Сакдже-Геузи, которое следует далее.

Часть III.- Курганы и дворец-портик в Сакдже-Геузи.

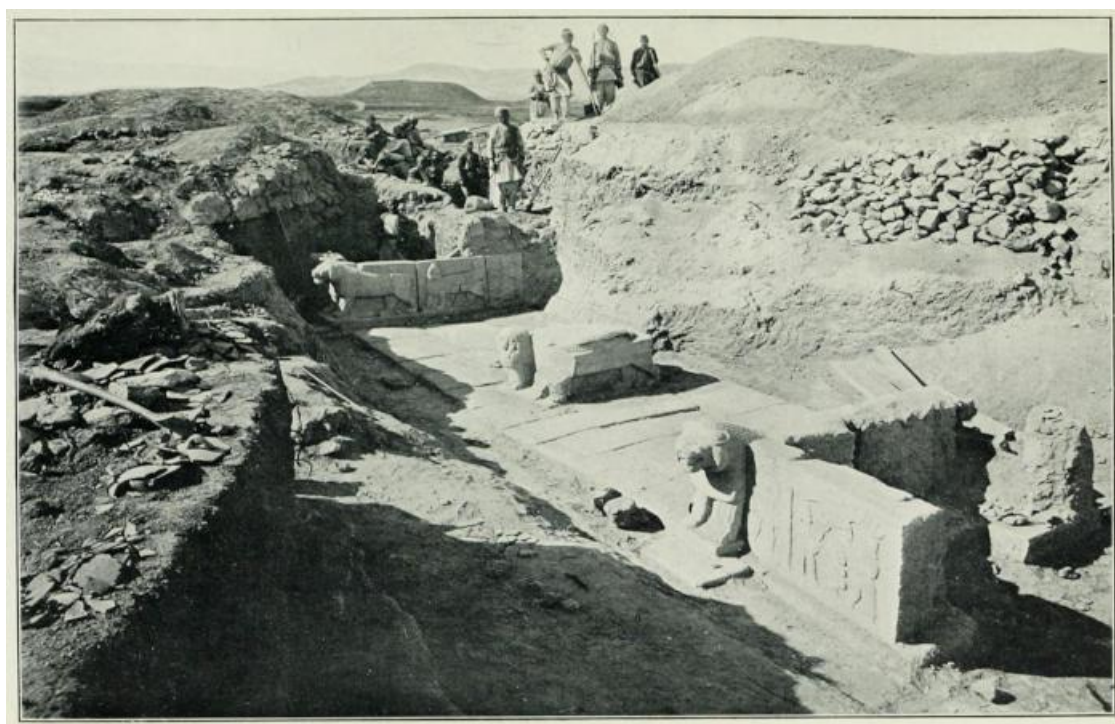
Мы уже описывали положение соседнего городища Сакдже-Геузи и характер некоторых его наземных памятников. В этом месте есть несколько заметных курганов: упомянутые скульптуры и недавно обнаруженные руины дворца[682] связаны с самым маленьким из них. Зондирование других курганов показало, что их природа схожа, а рост сопутствует: по всей вероятности, они содержат памятники с надписями и скульптурами, тщательное раскрытие которых внесет новые страницы, если не тома, в наши знания о восточной истории. Пока раскопки на этом месте продолжались, их хватило, чтобы определить характер основных укреплений и обнаружить внутри стен портик дворца, украшенный фризом из скульптурных плит в их первоначальном положении и в свежем, не выветрившемся состоянии. Также показано, что здесь, во всяком случае, долгие века местного развития предшествовали периоду, который эти поразительные памятники сделали более заметным, хотя исторически не более важным. Однако в истории упадка и падения хеттской державы нет ничего более интересного, чем эти скульптурные памятники с растущими признаками ассирийского влияния на них, и их изучение приобретает более широкое значение по сравнению с другими. По местным различиям и сходствам, которые можно увидеть в работах Синджерли и Сакдже-Геузи, мы можем не только определить глубину проникновения ассирийских чувств в хеттское искусство в первые века первого тысячелетия до нашей эры. Но, сравнив их с Эюком, мы можем понять, насколько некоторые черты архитектуры и религиозной символики были изначально хеттскими, и хотя здесь они были изменены тесным контактом с всепоглощающей ассирийской властью, по другую сторону Тавра они оставались свободными от узнаваемого вторжения до конца.

В небольшом кургане, раскопанном в Сакдже-Геузи, форма основного ограждения была практически прямоугольной и четырехугольной, охватывая площадь около ста футов в длину и восьмидесяти футов в ширину. Небольшое изменение формы, по-видимому, было сделано либо во время строительства всей стены, либо позже, где северо-западная стена огибает крутой край кургана по мере приближения к северному углу. Никаких ворот не было найдено, нижняя сторона кургана напротив дворца была почти опустошена даже до фундамента стены, который был найден в других местах на шесть или восемь футов ниже поверхности. Внешний вал на нижнем уровне также не соответствовал широкому ограждению в Синджерли. Стена была построена из небольших камней, скрепленных более прочными облицовочными блоками; они, хотя и были уложены примерно по курсу, были подогнаны друг к другу без особой формовки и без раствора, как в Беюк-Кале в Богаз-Кеуи и в укреплениях Синджерли. Стену поддерживали внешние контрфорсы или настенные башни, шириной около тринадцати футов и выступающие примерно на три фута; они расположены с интервалами, которые значительно уменьшаются по крутому краю кургана. Углы были аналогично укреплены прямоугольными башенками того же выступа. Толщина стены составляла почти двенадцать футов, а ее фундамент был пропорционально глубоким и массивным, как будто предназначался для того, чтобы выдержать высоту в двадцать футов и более, из которых около тринадцати футов сохранилось там, где почва была наиболее глубокой. Самые нижние ярусы фундамента были сложены из крупных камней, что наводит на мысль о кладке на Беюк-Кале в Богаз-Кеуи[683].

Внутри ограды ряд наложенных друг на друга зданий на возвышенностях свидетельствовал о смене эпох обитания и частично скрывал место дворца, который был обнаружен на глубине семи или восьми футов под поверхностью. Он не был полностью вскрыт, но детали портика и скульптуры, украшавшие его фасад, показывают, что в целом он был похож на главный хеттский дворец (арамейских времен) в Синджерли, который все еще использовался в

восьмом веке до нашей эры. Вероятно, большая часть постройки была выполнена из необожженного кирпича, который в значительной степени превратился в грязь, оставив, как обычно, мало следов первоначального устройства; но скульптурные плиты, украшавшие вход, остались на месте, и по ним можно проследить план здания. Дверной проем, похоже, был разделен и поддерживался посередине круглой колонной,^[684] а с обеих сторон его фланкировала квадратная башня-крыло, отдаленно напоминающая египетский пилон. К нему вели две широкие ступени, тянувшиеся из стороны в сторону, которые вели к платформе или порогу, вымощенному большими камнями. Это был главный порог, двадцать четыре фута в ширину и семь футов в глубину. Мостовая продолжалась в крыльях лишь настолько, чтобы служить фундаментом для облицовочных плит угловых башен: на ней также был установлен только что упомянутый декоративный постамент.

ПЛАТА LXXVIII

САКДЖЕ-ГЕУЗИ: ВХОД В ПАЛАЦ, С КУЛЬПТУРАМИ НА МЕСТЕ

Переходя к схеме украшения,^[685] главной особенностью являются два реалистичных изображения львов в натуральную величину, по одному с каждой стороны, охраняющих вход в здание, угловым камнем которого они являются. Передние части и головы животных вырезаны в круглом сечении и выступают за пределы фасада стены, в то время как туловище и задние части выполнены в высоком рельефе, являясь непрерывными с другими скульптурами, украшающими фланкирующие стены. В деталях исполнения эти звери созданы по образцам, уже знакомым по более ранним описаниям.^[686] Передние лапы расположены рядом и слегка выдвинуты вперед; дальняя задняя лапа выдвинута вперед, а хвост опущен вниз и вперед, заканчиваясь завитком между ног. Грива полная, с оборкой вокруг горла, а шерсть особенно густая на плечах и ниже живота, как и в других случаях. Что поражает в этих и других скульптурах этой серии, так это их четкость и сохранность, что позволяет взглянуть на них с новым интересом и свежестью, особенно после созерцания выветрившихся рельефов, по которым хеттское искусство было почти полностью известно и оценено ранее. Хотя эти львы и являются "провинциальной" работой, их рычащая

вызывающая реалистичность никогда не была превзойдена ни в одном образце восточного искусства. С архитектурной точки зрения, как было замечено, они образуют угловые камни здания, а линия передней стены обозначена упорами через одетую горизонтальную поверхность камня над их спинами, на которые они, должно быть, несли основной вес башен, если не самих дверных косяков. Блоки, из которых они были высечены, были пропорционально более массивными, чем другие камни серии, чтобы выдержать наложенный вес, а также для того, чтобы передняя часть животных могла быть представлена в круглом виде.

ПЛИТА LXXIX

САКДЖЕ-ГЕУЗИ: УГЛОВОЙ КАМЕНЬ СО ЛЬВОМ (ЛЕВАЯ СТОРОНА)

Сюжеты, изображенные на плитах, примыкающих к львам, как на боковых вдоль фронтона, так и на тех, что следуют непосредственно за ними вдоль фланкирующих стен портика, были воспроизведены в двух экземплярах с обеих сторон. На ближайшей, боковой, в каждом случае изображено орлиноголовое крылатое божество с человеческим телом (знакомый ассирийский рисунок); он стоит прямо, с босыми ногами, лицом к льву; протянутой дальней рукой он предлагает семя, а в ближней руке несет корзину, которую держит согнутой в локте. Его одежда - простая юбка, доходящая почти до колен. Мускулы ног показаны с некоторой детализацией. Крыльев четыре, из которых одна пара поднимается от плеч, а остальные опущены. Головной убор заканчивается на плече заметной завитой косичкой. Следующая плита гораздо шире, но высота ее осталась прежней, а именно около трех футов. На ней две фигуры, стоящие лицом друг к другу, изображены в процессе оплодотворения священного дерева. Дальняя рука каждого из них держит семя, а ближняя - изогнутый нож с восходящим лезвием. Дерево изображено условно с тремя парами вьющихся ветвей, а стебель (но не листва) напоминает чешуйчатую финиковую пальму.^[687] Фигуры одеты одинаково, в короткую юбку до колен, прикрытую плащом без рукавов, отрезанным спереди и ниспадающим сзади до щиколоток. Нижняя часть отделана бахромой. Их головные уборы похожи на современные фески, с набалдашником посередине на макушке (по ассирийской моде) и рогом по бокам. Их ноги, похоже (но не точно), обуты в обувь с оттопыренными

пальцами. Черты лица, борода и волосы выполнены в обычном ассирийском стиле. Над фигурами, простирающимися от края до края плиты, изображена эмблема, состоящая из крылатой розетки и полумесяца. У розетки двенадцать лепестков, а полумесяц находится сразу под ней: в этих двух чертах мы можем видеть прототип звезды и полумесяца турецких народов.[Ноги птицы[688] сохранились в композиции этой эмблемы только как декоративные элементы, а когти уступили место внешним изгибам или кругам, подобным тем, которые можно видеть на головном уборе сфинксов в Эюке.[690] От них вниз свисают тонкие пестичные предметы с разделенными или чашеобразными концами, чтобы коснуться семян в поднятых руках мужчин. Другие предметы, похожие на шнуры, но не поддающиеся определению, свисают вниз с того же места, падая за запястья. Возникает предположение, что, возможно, предметом сцены является оплодотворение пестика. Как бы то ни было, мы замечаем, что, как и в предыдущем случае, мышцы рук и ног сильно выражены; фигуры тоже неподвижны, а рисунок, обработка и сюжет в равной степени носят ярко выраженный ассирийский характер, за исключением особой и характерной черты - розетки и полумесяца. Этим изображением завершается серия скульптур, украшающих фасад дворца, но есть и другие, обрамляющие вход с обеих сторон. Из них на первом месте стоят львиные угловые камни, детали которых мы уже рассмотрели.

ПЛИТА LXXX

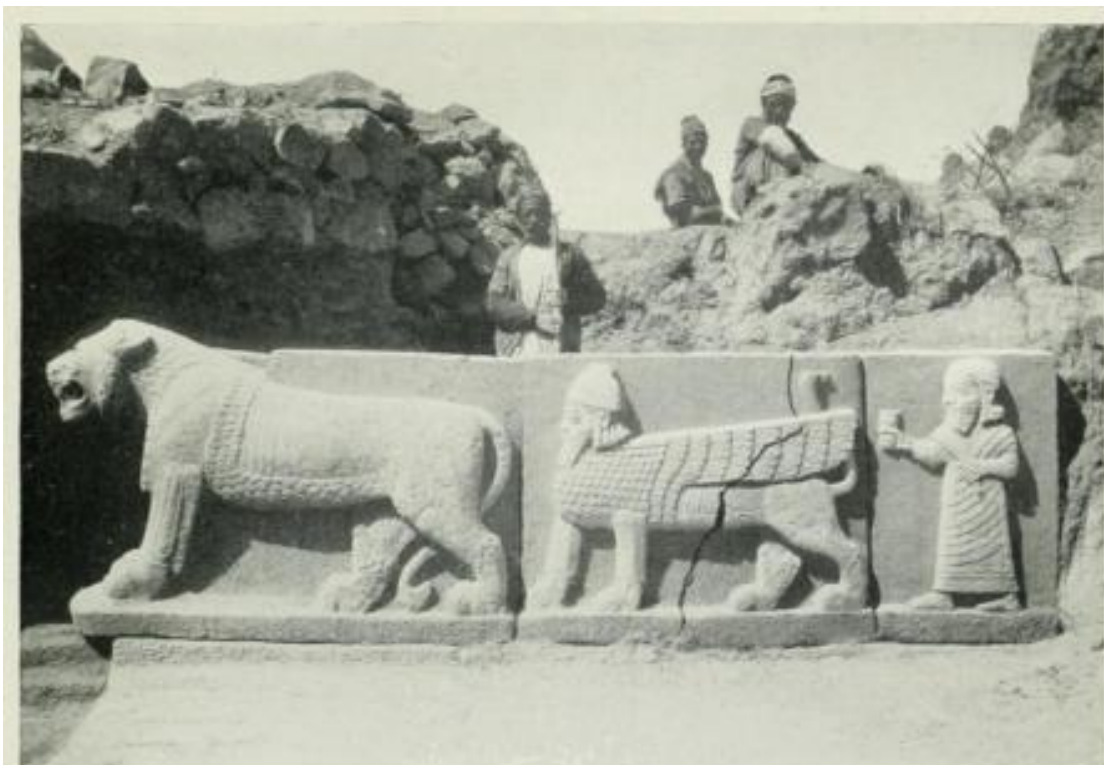

САКДЖЕ-ГЕУЗИ: ЛЕВ И ПРИЛЕГАЮЩИЕ СКУЛЬПТУРЫ (ПРАВАЯ СТОРОНА)

За львами с каждой стороны следуют изображения крылатых сфинксов, причем эти две скульптуры, как и в других рассмотренных случаях, практически дублируют друг друга. Можно предположить, что эти существа имеют туловище льва, хотя общая поза неподвижна, а положение передних ног даже наводит на мысль о птице, соответствующей крыльям над головой; дальнейшие детали чудовища, однако, не подтверждают это предположение. Обработка головы и деталей этой скульптуры опять же не дает оснований говорить о чем-то характерно хеттском, а лишь местами свидетельствует о сохранении хеттских чувств и традиций. Вероятно, это искусство соответствует ранней фазе семитского влияния, которое с большей полнотой проявилось при раскопках Синджерли. Первый критерий можно найти в

обработке волос, которые спадают по всему затылку кольцами, а не завиваются назад в один пучок, как это характерно для хеттских фигур из Мараша, Кархемиша и Бора. Борода обработана аналогичным образом, а на щеках она представлена маленькими катушками или концентрическими кругами. Черты лица мужчины также гораздо мягче и менее выражены, чем те, с которыми мы знакомы по хеттским произведениям Малой Азии. Головной убор представляет собой нечто вроде шлема - плотно прилегающую округлую шапку с набалдашником на макушке. Крылья этого существа сложены по бокам, выходя за пределы хвоста, а вся грудь покрыта как бы пухом. Задние конечности животного сильно очерчены, и их проработка, безусловно, наводит на мысль о львином теле. Хвост поднят вверх и заканчивается в форме птичьей головы, но лебединой или гусиной - неясно. Хотя мы не можем постичь полное значение символизма, заложенного в этой детали, она полна интересных предположений.^[691] Эта особенность присутствует на каждом сфинксе; кроме того, справа можно проследить, более четко, чем слева, рисунок рога на шлеме. С правой стороны серия скульптур теперь заканчивается, угол был в свое время смещен. Поблизости были найдены две или три свободные плиты со следами скульптуры на них, которые, очевидно, завершали украшение внутреннего угла. Скульптуры изображают мужчин, двое из которых одеты в длинные одежды с бахромой, а третий, предположительно, в короткую тунику. На одной из них фигура сохранилась ниже плеч, и там можно увидеть очертания длинного кинжала или ножа в ножнах, с бахромчатой кисточкой^[692], вероятно, прикрепленной к его рукоятке. Из-за состояния камня не видно, была ли эта кисточка прикреплена к поясу или была независимой; также не ясно, свисала ли она с рукоятки кортика. Остальные камни этого угла слишком сильно выветрились и разбиты, чтобы можно было с уверенностью определить дальнейшие поучительные детали.

ПЛИТА LXXXI

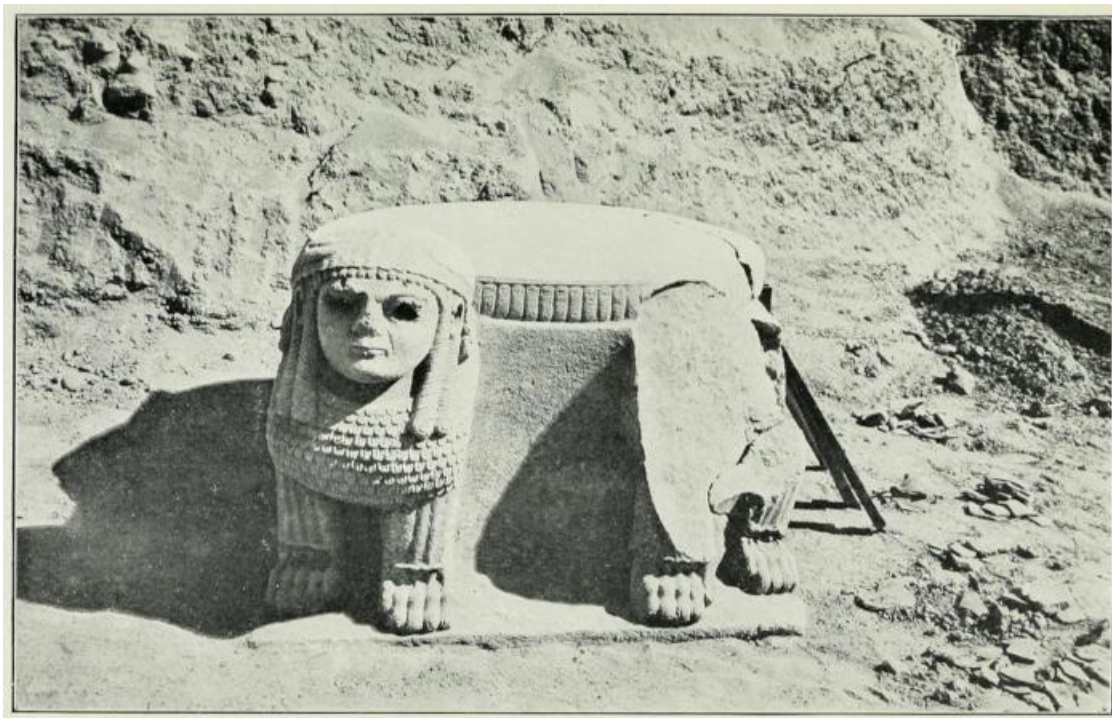

1. СКУЛЬПТУРЫ, УКРАШАЮЩИЕ ЛЕВУЮ ФЛАНГОВУЮ СТЕНУ
2. СКУЛЬПТУРЫ НА ОБРАТНОЙ СТЕНЕ, ПРОДОЛЖАЮЩИЕ СЕРИЮ

Однако на левой стороне серия завершена и сохранилась в хорошем состоянии в своем первоначальном положении. За сфинксом следует фигура мужчины, который, судя по его положению, является самым важным человеком в этой серии, и поэтому его следует считать жрецом-династом этой местности. Сама фигура обращена, естественно, влево, следуя направлению ведущих скульптур, то есть к внешней стороне дворца. В трактовке этой скульптуры обнаруживается интересная смесь исконно хеттских мотивов с изменениями, вызванными, как мы предполагаем, семитскими вкраплениями. Одевание, в которое он облачен, сохранилось от тоги, столь знакомой по скульптурам Малой Азии.[693] Свободные складки проходят сзади через правое плечо и сжимаются левой рукой. Одевание, похоже, висит довольно свободно, и на нем видны многочисленные складки, повторяющие направление, в котором оно обернуто вокруг него. Видны также рукава нижней одежды, заканчивающиеся, как обычно, у локтя. Его ноги обуты в сандалии, а на запястьях - большие браслеты. Его волосы собраны в ряд волнистых локонов, уложенных из стороны в сторону по всей макушке, и скреплены узкой косынкой, которая через определенные промежутки украшена концентрическими кругами. Черты лица этого персонажа представлены грубо: глаза показаны полностью и преувеличены в размере; нос, в отличие от обычных хеттских изображений, маленький и почти монголоидный; губы тяжелые. Борода, как на щеке, так и там, где она свободно свисает, выполнена в стиле, проиллюстрированном предшествующей фигурой сфинкса, но волосы в некоторой степени подчиняются более древнему обычаю: они собраны в пучок за шеей и завиты назад. В правой руке царь-жрец держит нечто похожее на чашу с длинным стеблем, точная природа которого не очевидна. Вряд ли можно подумать, что он делает подношение кому-то из предшествующих ему существ, поскольку они обращены к нему лицом. Судя по последующим скульптурам, более вероятно, что он просто освежается вином. Серия продолжается, но не на той же стороне стены; камень, на котором высечен царь-жрец, оказался угловым камнем, отмечающим возвращение внутренней стены крыла-башни с этой стороны. На этой внутренней стене обнаружены еще две скульптуры на двух отдельных плитах. Ими серия завершается, хотя неясно, на какой именно угол башни указывает этот разрыв. Обе фигуры - мужские: обе вырезаны с заметным мастерством и замечательно сохранились. Похоже, что это слуги во дворце или личные слуги короля, поскольку они одеты одинаково и несут в руках предметы, предназначенные для использования королем. Их одежда представляет собой длинный халат с бахромой чуть выше подола. Их ноги обуты в сандалии, пальцы которых слегка вывернуты. Они не носят никаких украшений, а вокруг головы - только простая филейная часть, заканчивающаяся бантом с бахромой. Оба стоят лицом вправо, следуя за своим вождем, выставив вперед правые ноги, вытянув правые руки, а левые держат по бокам тела. Вождь держит в правой руке то, что кажется мухойкой, а в левой - подвесной предмет, похожий на кусок кожи или ленту, заканчивающуюся бахромой. Это, вероятно, объясняет изображение на соответствующем камне на противоположной стороне, и важно, что оно, похоже, не связано с кинжалом, который подвешен к поясу с помощью крепления, проходящего через правое плечо. Интересно также отметить, что этот камень, по-видимому, был высечен *in situ*, поскольку часть венчика находится на угловом камне, который стоит перед ним, а конец кинжала - на камне, который следует за ним. Вторая фигура держит на крыше птицу, вырезанную как стервятник, но из-за ее размера и общего характера предмета ее следует принять за сокола.[694] В левой руке сокольник держит "приманку", пращу, к которой обычно прикреплялся колокольчик или подобный предмет, который бросали вслед птице, чтобы привлечь ее к возвращению. Этот человек также несет кинжал, подвешенный подобным образом на креплении, которое проходит через правое плечо и соединяется с ножнами соответствующим образом в двух точках. Рукоятка этого кинжала своеобразна, предполагая небольшую выемку в металле между рукоятью и лезвием.

Остается упомянуть один поразительный скульптурный объект, расположенный, как мы уже упоминали, в центре портика между башнями крыльев, и четко определенный как основание архитектурной колонны, поддерживающей дверной проем. Конструкция, вкратце, предполагает, что вес барабана приходился на спины двух сфинксов, стоящих бок о бок. По всему верхнему краю постамент украшен рисунком из множества пальцев, расположенных рядом, ногтями вверх; похожий предмет был найден, как мы видели, в Синджерли, на котором эта деталь также была четкой. Остальная часть скульптуры более проста, но не менее поразительна, не только из-за характера рисунка, но и из-за прекрасного качества его исполнения. Тело каждого сфинкса кажется телом вытянутого льва. Две лапы видны спереди, три - сбоку и две - сзади, так что мы имеем дело с новой концепцией, которая, по-видимому, свойственна хеттскому искусству. Она напоминает ассирийскую, но все же существенно отличается. В обоих случаях животные изображаются с пятью ногами, чтобы придать реалистичный эффект каждой из трех точек зрения. Но в ассирийском искусстве передняя нога на удаленной стороне должна была повторять боковую, тогда как здесь дублируется задняя. Человеческий портрет на этом животном примечателен, он поразительно напоминает голову сфинкса в Эюке и в некоторой степени портретную статую египетской царицы Нефрет, на которую мы уже упоминали.[695] Без сомнения, это изображение женщины. Лицо полное, губы твердые и несколько суровые, глаза впалые, как для приема инкрустированных драгоценных камней. Волосы свисают двумя кольцами по обе стороны, между которыми видны ушные раковины. На голове - плотно прилегающий парик или подобный головной убор, сделанный, как мы можем предположить, из плетеных волос или тонкой веревки, пряди которой идут спереди назад. Он заканчивается у плеч тройной каймой и украшен по обе стороны головы эмблемами, похожими на рога[696].

Как и в случае со сфинксом на фланкирующей стене, грудь этого существа покрыта пухом, как бы участвуя в схеме, завершенной крыльями, которые, как и в первом случае, сложены по бокам. Они закрывают только верхнюю половину тела, под которой видны живот и задние конечности животного, очерченные сильно, хотя и несколько условно. Как и в предыдущих случаях скульптур львов, под брюхом имеется обильная шерсть, которая в данном случае повторяется также за передними лапами и на задних конечностях. Хвост опускается между задними лапами, загибаясь вперед к земле, где с коротким загибом назад можно проследить его кустистый конец. Оба сфинкса во всех отношениях похожи друг на друга, но голова одного из них была обнаружена отломанной. Вся композиция этой скульптуры настолько сложна, что можно легко поверить, что она была задумана не только с архитектурной точки зрения, как простая опора для простой колонны. Раскопки действительно дали основания полагать, что при каком-то вторичном использовании этого места, после разрушения верхней стены дворца, плоская вершина этого пастамента служила алтарем или его эквивалентом, а рядом с ним они нашли множество обгоревших костей и золы. Однако очевидно, что в своем первоначальном виде дверной проем дворца должен был нуждаться в колонне для поддержки широкого пролета между крыльями-башнями, который составлял более двадцати трех футов. Мы склонны полагать, что, возможно, такая колонна, в соответствии с общим дизайном здания, могла быть выполнена в виде большой статуи, подобной, например, статуе Панамму, найденной в Гердшайне близ Синьерли,[697] и особенно круглой колонне-фигуре, найденной в Паланге.[698] Это заключение, однако, чисто гипотетическое, основанное исключительно на продуманной природе пьедестала и округлом характере статуй, о которых идет речь. Тем не менее, он вполне соответствует той фазе восточного искусства, к которой относятся скульптуры.

САКДЖЕ-ГЕУЗИ: СФИНКС-ПЕШЕХОД К ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛОННЕ ПОРТИКА

Прежде чем перейти к теме этого портика, мы должны упомянуть также две широкие ступени, которые, очевидно, были частью того же здания. Они украшены в основном розетками и, похоже, давали доступ во внутреннюю камеру, связь которой с порогом пока не ясна.

Что касается искусства, иллюстрируемого этими предметами в целом, то после тщательного сравнения с другими хеттскими памятниками и с "арамейскими" памятниками Синджерли[699] мы пришли к выводу, что они представляют собой промежуточный этап между одним и другим.[700] На основании внутренних свидетельств мы не можем решить, объясняется ли этот вид влиянием хеттского владычества на арамейское население или вытеснением хеттской твердыни семитскими правителями.

Раскопки, проведенные в Сакдже-Геузи, до сих пор не были подкреплены никакими документальными свидетельствами. Была предпринята попытка получить хоть какую-то материальную основу для хронологии, срезав участок кургана до нетронутой земли, на которой он вырос. Выяснилось, что весь курган был искусственным, являясь накопленным мусором непрерывных или последовательных поселений. Он начался в далекой древности с курганов и других следов примитивного неолитического населения, чьи кремневые и обсидиановые фрагменты и черная керамика образовали отчетливое отложение, в котором, как полагали раскопщики, они обнаружили три слоя. Эта эпоха сменилась двумя другими, в течение которых неолитическая культура оставалась доминирующей. К концу этой фазы появляется новый стиль расписной керамики, и затем в течение двух долгих эпох расписные мотивы характеризуют керамическое искусство этой местности. Главная стена кургана была построена в конце последнего из этих периодов, и, по-видимому, одновременно со строительством дворца внутри него. Последующая расписная керамика встречается лишь изредка, а найденные фрагменты более определенно относятся к позднему эгейскому искусству, в то время как более распространенной керамикой была твердая обожженная посуда, похожая на кирпич, хорошо знакомая по ассирийским поселениям[701].

Нет никаких сомнений в том, что в этой записи двух тысяч фрагментов керамики в их первоначальной стратификации содержится ценный материал для будущих сравнительных

исследований. Однако в настоящее время препятствует немедленному применению этого материала к проблеме хронологии тот примечательный факт, что почти все ранние расписные ткани,[702] составляющие большую часть предметов, найденных в этом разделе, кажутся местными, или, во всяком случае, не похожими ни на какие другие, имеющиеся в архивах. В ходе будущих раскопок в этом и других местах, несомненно, будут установлены связи, которые позволят археологам связать рост этого участка с установленной хронологией какой-либо цивилизации, подобной египетской или ассирийской. В настоящее время единственные предполагаемые отношения, которые не являются четко установленными, - это, во-первых, черная керамика, иногда украшенная белым рисунком, которая в целом напоминает ту, что была обнаружена в Трое Шлимана[703] и д-ра Артура Эванса в неолите. Артуром Эвансом в неолитических и самых ранних "минойских" слоях Крита;[704] во-вторых, несколько фрагментов своеобразной ткани с черным узором на желтой основе, относящейся в Сақдже-Геузи к неолитической эпохе и близко соответствующей некоторым изделиям возраста Нарам-Сина, свободно найденным М. де Морганом при раскопках в Сусе. де Морган при раскопках в Сузах;[705] и, в-третьих, некоторое общее сходство между отдельными фрагментами расписных тканей и теми, что были найдены доктором Пампелли в Туркестане,[706] профессором Петри в царских гробницах Первой династии в Абидосе,[707] и особенно доктором Эвансом в раннеминойских слоях Крита.[708] Точная природа этих предполагаемых отношений пока не ясна, но для нашей цели интересно осознавать, что они столь отдалены. В том, что касается керамического искусства, хеттская цивилизация на протяжении многих веков развивалась независимо. Кроме того, установлено, что рост этой цивилизации может быть прослежен в данной местности на несколько тысяч лет назад - факт, который впервые продемонстрировали эти раскопки.

VI ИСТОРИЯ ХЕТТОВ

В этой заключительной главе мы попытаемся связать материальные свидетельства работы хеттов с историей их деяний. Памятники были описаны, их расположение отмечено, и в некоторых случаях были определены материалы для их датировки; но набросок истории хеттов, сделанный во второй главе, остается заполнить такими деталями, которые можно почерпнуть из литературных источников, как старых, так и новых. Старые источники хорошо известны. К ним относятся письма, найденные в Телль-эль-Амарне,[709] декоративные сцены и надписи на стенах египетских храмов,[710] а также архивы вавилонских и ассирийских царей. При их использовании мы должны опираться на опубликованные переводы и критические обсуждения филологов,[711] что мы можем делать с большей уверенностью, поскольку эта отрасль исследований связана с такими именами, как Масперо, Мейер, Мюллер, Сайс, Винклер, Хоммель, Кнудтзон, Рейнах. Новые источники - это архивы царей Хатти, первой династии хеттов, до сих пор известных истории, обнаруженные недавно среди руин их столицы в Богаз-Кеуи.[712] Эти документы вначале современны письмам из Телль-эль-Амарны, которые они дополняют и обосновывают, а по датировке они доходят практически до египетских ссылок, на фоне которых они дают ряд важных синхронизмов. Эти новые архивы еще не были опубликованы полностью, так что в данном случае мы не можем воспользоваться чужой критикой. Но д-р Винклер дал миру первые плоды своих трудов,[713] в которых содержатся материалы для многих давно утерянных страниц

восточной истории. Мы попытались проанализировать их, поскольку они сложны и неясны, и изложим их в той последовательности и взаимосвязи, которая представляется нам исторической.

Однако, как обычно в таких исследованиях, чисто археологические свидетельства проливают свет на расселение хеттов задолго до самых ранних литературных упоминаний. Курган Сакдже-Геузи,^[714] у южного подножия Тавра, иллюстрирует развитие местной культуры во время непрерывного заселения этого места в течение периода, который, по оценкам, начинается до 3000 года до н. э. и продолжается вплоть до времени ассирийского господства. Мы уже видели, что первые поселенцы имели некоторые общие черты неолитической культуры с Сузами, с одной стороны, и с Троадой и даже Критом - с другой.^[715] Была ли вся западная Азия и Эгейское море пронизаны общим зародышем цивилизации в те дни, или это поселение в далекой древности было инцидентом в миграции из одной точки в другую? К сожалению, у нас нет никаких сопутствующих свидетельств относительно плато Малой Азии, которые помогли бы ответить на эти вопросы; однако если хеттская культура пустила корни на севере Сирии до второго тысячелетия до н.э., можно с готовностью поверить, что она так же давно прижилась и на столичной земле, где в исторические времена находится ее главная сила. Высокий уровень культуры хеттов, о котором свидетельствуют их собственные архивы и памятники на заре их истории в XIV веке до н. э., сам по себе доказывает длительный период заселения и развития в цивилизованных условиях; на длительный контакт с культурой долины Евфрата указывает и тот факт, что их самая ранняя международная переписка велась на ассирио-вавилонском языке, а их писцы были достаточно близки к клинописной системе письма, чтобы применять ее к своему собственному языку, который радикально отличался. Великие божества хеттского пантеона также имеют свои прототипы в Вавилонии.

Из какого же рода были эти ранние поселенцы и откуда они пришли? Были ли они частью великой миграции с Востока, как турки в современной истории, согласно старой школе мысли? Были ли они семитскими? Или они прошли, как фригийские завоеватели, из Европы в Азию, впитывая и перенимая восточные мысли и привычки, настоящий *восточный мираж*? То, что хетты не были автохтонами, если этот термин вообще имеет какое-то значение, очевидно уже сейчас и будет становиться все более очевидным по мере того, как мы будем двигаться дальше, исходя из сложности их пантеона и смешения элементов их народов. С самого начала мы должны также остерегаться ловушки непоследовательной терминологии. Название "хетты" обычно используется в трех смыслах, которые мы должны различать: оно может использоваться по отношению ко всей конфедерации народов, изображенной на египетских сценах, или к меньшей и более однородной группе хеттских племен, или к доминирующему племени хатти в составе халисов, которое, похоже, дало свое имя в древности всему народу. Египетские художники действительно признавали смешанный характер конфедератов в свое время и отмечали некоторые их особенности, но не проводили различия между ними с достаточной ясностью или последовательностью для нашей цели. Два типа, которые мы воспроизводим^[716], послужат иллюстрацией большой разницы расовых характеров среди хеттских союзников, очевидной для египтян во времена Рамсеса Великого. Один из них - монголоидный, характеризуется определенной косичкой,^[717] косыми глазами, высокими скулами; короче говоря, узнаваемый татарский тип. Мы склонны поместить его в окрестностях Кархемиша, если не за Евфратом, на главном торговом пути с Востоком. Другой тип - протогреческий, с особой формой щита, который мы склонны отнести к Лидии или какой-то части западной Малой Азии. Амориты, арамейский (семитский) народ, также выделяются среди союзников этих времен, отличаясь выступающей бородой, покатым лбом и другими особенностями.^[718] Эти огромные различия между народами,

объединенными под руководством Хатти в тринадцатом веке до нашей эры, теперь объясняются исторически, как станет ясно далее в этой главе. Они показывают нам население хеттских земель, не менее смешанное, чем население Турции в Азии в наши дни. Однако они не проливают свет на вопрос об изначальной расе хеттских племен. Их принято отождествлять с другим типом - с длинной головой, длинным носом и покатым лбом, глубоко посаженными глазами, несколько косо поставленными, и желтой морщинистой кожей. Резкая, твердая линия проходит вниз от ноздри по обе стороны губ.[\[719\]](#) На стенах Рамессеума, где он лучше всего виден, этот тип ассоциируется с Алеппо, и мы должны признать в нем элемент хеттского народа; но при сравнении его с хеттскими скульптурами Синджерли, Богаз-Кеуи и других мест мы должны считать гипотетическим, были ли даже центральные хеттские государства строго однородными по расе. Сами хатти, действительно, рассматриваются нами как доминирующий завоевательный элемент, опять же, возможно, значительно отличающийся от других хеттских народов[\[720\]](#), что лучше всего объяснить, рассмотрев доминирование сельджуков или османов в более поздние времена, или, возможно, аналогично положению фригийских правителей в древности среди других народов родственной расы, которые предшествовали им.

ПЛАТА LXXXIII

ТИПЫ ХЕТТСКИХ СОЮЗНИКОВ.

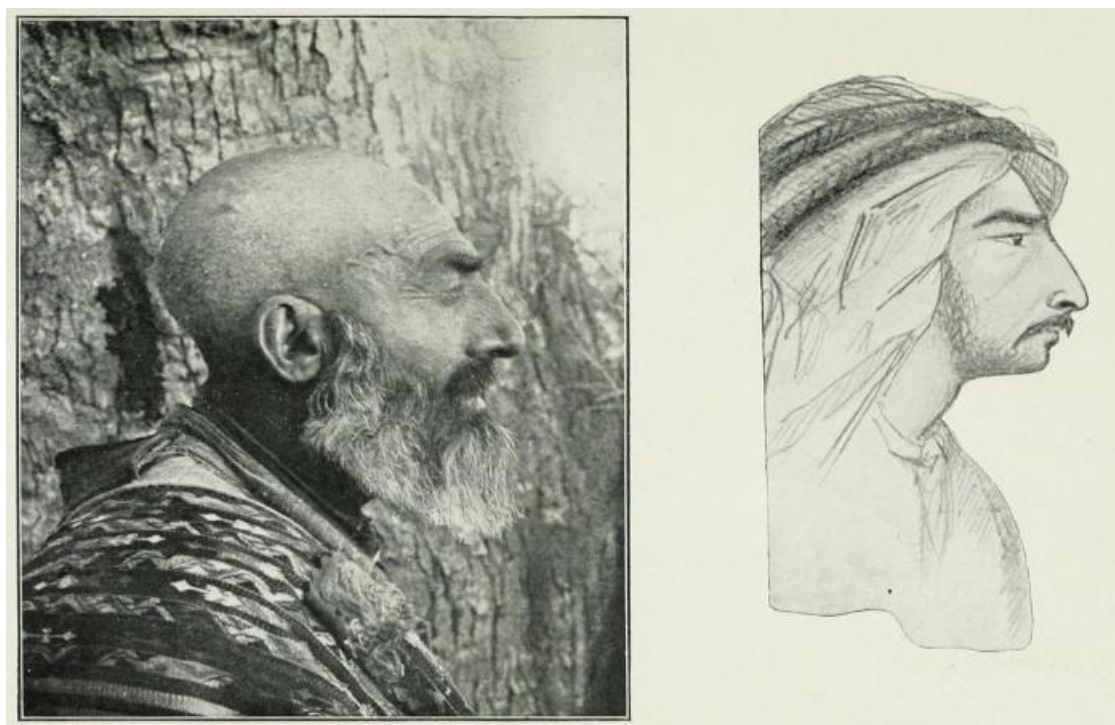
i. Монголоидный.

ii. Протогреки.

Храм Рамсеса II в Абидосе.

Хотя нам не удастся идентифицировать хеттскую расу,[721] есть некоторые общие указания на то, откуда они пришли. Мы отвергли прямые доказательства наличия косичек среди хеттских народов, несмотря на соблазнительность косичек на скульптурах из Богаз-Кеуи[722] и описание косичкообразного вождя как царского хетта, чтобы не заводить аргумент дальше, чем это может быть оправдано. Однако мы можем рассматривать эти факты как общее указание на связь с Востоком. Контакт с Вавилонией уже был аргументирован, и мы должны напомнить о необычных связях между расписной керамикой Сакдже-Геузи и керамикой Туркестана, простирающихся на большой промежуток постнеолитической культуры.[723] Другая связь, не упомянутая ранее, - раннее использование хеттами лошади, датируемое по крайней мере началом второго тысячелетия до н.э.,[724] и древность останков лошадей, найденных в равной степени в курганах Туркестана.[725] Еще одно доказательство по этому вопросу можно найти в ножной одежде хеттов, которая, за исключением поздних скульптур Северной Сирии, всегда представлена, как мы видели, как обувь или сапог с вывернутым носком.[726] Эта особенность теперь особенно характерна для тартарских народов, и, следовательно, можно предположить еще одну восточную связь. Но это не так исключительно; арабы (которые заимствовали его в средние века у турок) используют его в песках пустыни, а в более особой форме, о которой идет речь, его можно найти во многих горных странах, например, в Греции, и он издавна использовался на Крите. Обычно считается, что это естественная форма снегоступов для высокогорных районов, хотя пастухи Пиренеев, которые также используют их, считают, что они специально приспособлены для ходьбы по разбитой и каменистой местности. Как бы то ни было, большинство ученых сходятся во мнении, что она доказывает горное происхождение ее носителей-хеттов,[727] и это предположение подтверждается горными культами, встречающимися в хеттском пантеоне.[728] Горы, по которым хетты достигли плато Малой Азии, искать не так уж далеко: они лежат на востоке, в Армении, на Кавказе и Тавре.

ПЛАТА LXXXIV

1. ЖИВОЙ АМОРИТ. (См. с. 12, 318.) 2. СОХРАНИВШИЙСЯ ХЕТТСКИЙ ТИП.

По эскизу г-на Хорста Шлифака. (См. [с. 16](#), [прим. 2](#), и [ср. с. 48](#).)

Мы не настаиваем на этих предположениях, а лишь сожалеем о скудости имеющихся доказательств. На данный момент мы должны довольствоваться тем, что нам удалось найти некоторые доказательства древности хеттского поселения. Мы не можем полагать, что курганы Сакдже-Геузи стоят особняком: действительно, бесчисленное множество других, оставшихся неисследованными, [\[729\]](#) свидетельствуют об обратном, и на их основе можно сделать значительные выводы о расположении хеттских племен, как оно раскрывается в первом свете истории. Одна могущественная ветвь, должно быть, рано захватила Кархемиш, в то время как другие обосновались на равнинах, лежащих к западу от Евфрата. Другие снова нашли свой дом в долинах Кара-Су и Оронта, а некоторые ветви перешли Ливан и смешались с аборигенами южной Сирии, где постепенно ушли под воду. Если мы правы в своих доводах, то пригодные для жизни долины Тавра и анти-Тавра должны были быть заселены раньше; и если судить по тем отношениям, которые мы указали, западное распространение этих племен в Малой Азии должно было быть значительным еще в неолитические времена. Вопрос о том, были ли сами правители Хатти частью более поздней иммиграции, остается открытым; по этому вопросу мы ждем дальнейших доказательств. Хетты, похоже, принесли с собой (рано или поздно) новый цикл божеств с вавилонскими прототипами, включая их национального Сандеса или Сандана, повелителя небес, бога неба с молнией в руке, в одной из его различных форм; и они, похоже, впитали в свой пантеон ряд приемлемых природных культов, таких как поклонение горам и потокам и богине-матери земли, уже практикуемых более ранним населением, на которое они наложились. Бога солнца они, по-видимому, получили в результате контакта с семитами и отождествили его со своим собственным главным богом. Что касается других аспектов их примитивной культуры, то мы можем судить только по одному месту Сакдже-Геузи и по отраженным свидетельствам более поздних времен. Поэтому мы можем сделать лишь одно общее предположение: поселившись в стране, производящей металлы, в контакте с богатыми рудниками Кавказа [\[730\]](#) и медными источниками на Кипре и Тавре, их цивилизация в полной мере использовала стимулы медного и бронзового веков по мере их возникновения. Именно на последнем этапе они появляются в свете истории [\[731\]](#) в четырнадцатом веке до нашей эры.

ПЛИТА LXXXV

ДРЕЙФ НА ЗАПАД: КОЧЕВНИКИ, ПРОХОДЯЩИЕ В МАЛУЮ АЗИЮ ЧЕРЕЗ КИЛИКИЙСКИЕ ВОРОТА.

Однако самые ранние упоминания о хеттах в восточных записях относятся к периоду великих движений в западной Азии примерно за пять или шесть веков до этого. Эти упоминания, естественно, скудны, но они встречаются в записях трех разных народов и в некотором смысле параллельны друг другу, так что основные факты несут на себе печать исторической точности. Из вавилонских архивов следует, что около 1800 года до н.э, или раньше, хетты были главным виновником свержения первой династии, правившей в Вавилоне;^[732] в то время как еще раньше, в той же династии, упоминается царь хеттов и его деяния, содержащиеся в великом вавилонском труде по астрологии;^[733] и есть упоминание, возможно, гораздо более древней даты.^[734] Упоминание хеттов в начале второго тысячелетия почти синхронно с самым ранним упоминанием из египетских источников, в надписи двенадцатой династии,^[735] из которой следует, что поселения хеттов были основаны в южной Сирии, и что они были одной из целей военной экспедиции. Историчность этой записи очевидна, и она подтверждается и усиливается упоминаниями в древнееврейской истории, которые требуют нашего рассмотрения не меньше, чем надписи, вырезанные верными подданными фараона. Эти отрывки показывают нам, что в местной традиции времен патриархов хеттские поселения не вызывали особых замечаний.^[736] С другой стороны, их название было практически синонимом ханаанейского,^[737] и, как и амориты, они долгое время рассматривались как один из оседлых народов земли. [Однако на протяжении нескольких веков мы не имеем датированных записей, и до восемнадцатой египетской династии нет никаких прямых свидетельств об истории и делах хеттов. Однако ясно одно: народы "гиксосов", захватившие Египет в это время, были глубоко пропитаны элементами культуры, которая, если и не была чисто хеттской и не прослеживалась непосредственно до этого времени, все же в значительной степени разделялась хеттами в исторические времена.^[739] Народ, свергнувший вавилонскую династию, явно был уже организованной властью.

Хотя самые ранние цари^[740] и династии хеттов остаются неизвестными, характер хеттской организации в тринадцатом и четырнадцатом веках до н. э. теперь стал ясен благодаря

архивам, недавно обнаруженным в Богаз-Кеуи. Они охватывают правление шести поколений династии царей Хатти, в которых упоминаются восемь их государей. Они включают договоры с внутренними государствами в Сирии и других странах, с Митанни, с амореями и с Египтом, большинство из которых предваряются историческими заметками о событиях, приведших к заключению договора, о котором идет речь. Имеется также переписка дипломатического характера с фиванским, вавилонским и митаннийским дворами и другие документы различного рода. Они написаны клинописью, а язык, используемый во внешних делах, - ассиро-вавилонский: лишь в некоторых внутренних вопросах используется хеттский язык. Хотя документы еще не раскрыли всю полноту своего содержания, архивы в целом[741] уже пролили столько же света на историю хеттов в этот период, сколько таблички Телль-эль-Амарны, с которыми они частично современны, на внешние дела Египта при XVIII династии.

История открывается заявкой на империю под руководством Хатти в лице Суббилуиума.[742] Этот правитель (известный в египетских записях как Сапалулу) унаследовал от своего отца, Хаттусила I, только царствование в своем городе-государстве Ку-сар [или Су-сар], который, возможно, находился в самом Богаз-Кеуи; но так хорошо были разработаны его планы и так совершенны его военные действия, что перед своей смертью он завоевал себе титул Великого Царя.[743] Мы не можем проследить историю его деяний в Малой Азии, поскольку, к сожалению, названия мест, упоминаемых на хеттском языке в это и последующие царствования, пока не удастся установить; но из нижеследующего будет ясно, что его западные границы, если они еще не были заселены хеттскими племенами и не подчинялись его власти, должны были привлечь его внимание в первую очередь. В других направлениях его политика и движения раскрываются более четко. Среди своих собственных народов он, по-видимому, заключил ряд союзов; другие земли, которые он захватил, он разделил между своими последователями, а некоторым нехеттским племенам он предоставил условия вассальной зависимости.

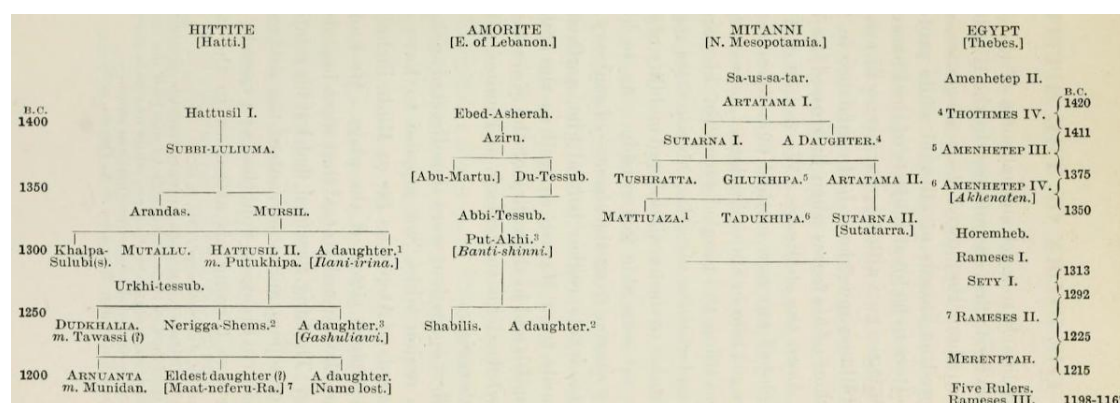
Хотя у нас нет четких указаний на царства в областях Тавра в это время, мы можем предположить, что два великих хеттских государства Арзава[744] и Хали-раббат[745], которые лежали по обе стороны от его пути, уже были союзниками в той или иной степени, прежде чем он спустился на север Сирии и решил выйти на политическую арену западной Азии, где старые державы были расположены для сопротивления его наступлению. Вся Сирия к северу от Алеппо действительно в течение примерно столетия находилась в сфере влияния фараонов. Утверждается, что египетский монарх Тотмес I еще до конца XVI века до н. э. установил границу своей империи где-то около Кархемиша на Евфрате, в "земле Нахараина". Три его преемника периодически экспедициями, начиная с экспедиции Тотмеса III около 1469 года до н. э.,[746] пытались удержать эту границу и вступили в конфликт с хеттскими племенами, уже обосновавшимися в этих регионах. Похоже, что они, как и другие северные государства, номинально, во всяком случае, подчинились египетскому господству и регулярно отправляли фараону свою дань. Но хотя Аменхетеп III унаследовал всю полноту власти и господства своих предшественников, он, кажется, счел необходимым отправить экспедицию в начале своего правления, чтобы поддержать свой сюзеренитет.

Эти пограничные государства действительно занимали в это время весьма сложное положение, где требовалась вся дипломатия их вождей, чтобы сохранить безопасность их наследства. Правда, фараон, сидящий на своем далеком троне в Фивах, мог лишь слегка пошатываться: случайный подарок или дипломатическое письмо ко двору обычно давали передышку в этом направлении; но на этом их тревоги не заканчивались, поскольку на

Востоке более близкая держава также требовала их верности, а прибытие вождя Хатти усугубило их недоумения. Этой державой было царство Митанни, прочно обосновавшееся в Северной Месопотамии, от Евфрата до Тигра. Тушратта, занимавший сейчас трон, представлял четвертое поколение своего прославленного дома, [747] власть которого была укреплена благодаря дальновидности его предшественников, заключивших брачный союз с царской семьей Фив. Сестра его отца была женой Тотмеса IV, а его родная сестра была замужем за правящим фараоном. Он ясно осознавал, что постоянная поддержка Египта будет ему необходима, если он хочет спасти свое царство от разгрома под усиливающимся давлением Ассирии, с одной стороны, и хеттов - с другой; поэтому с некоторой готовностью [748] его дочь была отправлена в Египет, чтобы стать женой наследника. Поддержанные таким образом, митаннийцы не только создали грозный барьер на Евфрате против хеттской экспансии на восток, но даже распространили свое влияние на запад от этого рубежа, настолько, что некоторые из принцев Северной Сирии, впервые встреченные хеттами, едва ли знали, кому они обязаны своей верностью, и были завоеваны как вассалы Митанни, хотя в своих письмах они утверждали, что являются верными подданными фараона [749].

ТАБЛИЦА С УКАЗАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ И ЦАРСКИХ СОЮЗОВ

Составлена на основе хеттских архивов и писем из Телль-эль-Амарны.

Когда против него выступили эти две союзные державы, Субби-лулиума, должно быть, был уверен в единстве и доблести своих сил, когда он пересек Тавр, чтобы бросить вызов. Мы не можем сказать, использовал ли он какой-нибудь новый метод или оружие войны, которые воодушевляли его в его стремлениях. Как мы видим сейчас, распутывая запутанную историю его быстрых передвижений и эффективных побед, [750] его успехи объясняются выносливостью и мобильностью его войск, а также его собственным умелым полководческим искусством. Что касается его войск, то за отсутствием противоположных доказательств мы можем предположить, что вся область за его спиной, к северу и западу от Мараша, а также государства вокруг Кархемиша и в долине Кара-Су уже признали его главенство и объединились с ним в этом предприятии.

Первые его действия были направлены против Нухассе, области, которая, как мы полагаем, простиралась к северу от Алеппо до Киллиза, включая некоторые из древних городов равнины. Он захватил все земли нескольких государств [751], входивших в этот район. Царь Саррупси бежал, но его родственники попали в плен, а вместо него был поставлен слуга свергнутого царя, несомненно, в качестве вассала. Завоеватель переключил свое внимание на район Абина,

намереваясь оставить Кинзу без защиты, когда царь этого района Сутатарра и его сын Айтакама со своими боевыми колесницами обрушились на него и дали бой. Хотя Субби-лулиума был готов уважать этих противников, он не замедлил отреагировать на эту провокацию и наказать их: король и его сын, а также многие вожди были взяты в плен и с триумфом отправлены в столицу. Судьба Сутатарры неизвестна, но Айтакама появился позже, восстановленный в своем царстве и верный союзник хеттов, которые доверили ему командование сирийскими войсками.[752] Земля Кинзы не описана, но кажется, что она лежала на западе, возможно, на нижнем течении Оронта, соответствуя району Хамат или царству Хаттина в более поздние времена. Населяло его, вероятно, хеттское племя, судя по характеру имен вождей и положению, которое впоследствии занял Айтакама. Осознав в этих инцидентах постоянное влияние Митанни и объяснив их враждебным отношением Тушратты, Субби-лулиума считал желательным утвердить свой престиж и повернул на восток, готовый, если понадобится, вступить в бой с Тушраттой. За один год он присоединил к своей территории всю область равнин, лежащих между горами и Евфратом.[753] В этой кампании он, кажется, захватил арамейский район Ам (или Амма) и с помощью своих союзников взял несколько городов.[754] Но настоящей целью хеттского лидера было уничтожение митаннийского господства и власти. Поэтому, перейдя Евфрат[755], он "выступил против могущества царя Тушратты" и пошел на земли Исувы, которые, как предполагается, граничили с Тигром, подчиняя их жителей, как это, по-видимому, сделал его отец в какой-то предыдущей, до сих пор не описанной кампании.[756] Эту запись трудно понять, но мы можем предположить, что Тушратта не дал ему сражения в этой экспедиции, и даже когда завоеватель пробился на север, в горную область Альше, митаннийский царь все еще не решался вступить с ним в бой. [757] Вновь приобретенная территория была передана конфедерату, Антараки, "в качестве подарка".

Власть Тушратты, похоже, действительно была сокрушена этими неотразимыми подвигами;[758] царство впало в анархию, а сам царь вскоре после этого был убит, что дало хеттам новый повод для вмешательства в его дела, которым, как мы увидим, он не замедлил воспользоваться. Тем временем, однако, на севере Сирии проявилось недовольство, вызванное, по-видимому, предложениями эмиссаров фараона.[759] "Колеса по окрестностям", - гласит запись.[760] Субби-лулиума вновь пересек Евфрат и спустился в Алеппо. Его путь лежал, вероятно, из Малатии через Самсат или Мараш, и отсутствие комментариев на этом этапе подтверждает наше впечатление, что эта область уже была подчинена ему, хотя есть предположение, что за поколение до этого она некоторое время находилась в руках митаннийцев.[Подчинение Алеппо[762] и соседних земель и городов Ни и Катна[763] было осуществлено быстро, и сначала эти районы находились под властью Акии, царя Арахти; но после недовольства этого вождя они были переданы под прямое управление хеттских чиновников и стали провинцией царства. В это время вождь, сохранивший верность Египту, попытался вернуть фараону землю Ам, но был отбит Айтакамой с хатти.[764] Таким образом, Айтакама вновь появляется на сцене, и из той же записи ясно, что он был восстановлен в царстве своего отца. Теперь он предстает как самый влиятельный агент хеттского царя на севере Сирии, которому поручено выполнение миссий и командование войсками, даже если он протестует перед фараоном[765] против того, что его обижают те, кто обвиняет его в неверности. О его попытках склонить пограничные государства к старой верности фараону сообщил Акиззи,[766] который писал из Катны, по-видимому, накануне событий, о которых мы только что рассказали, и в то же время в отчаянии взывал о помощи в борьбе с грозившей катастрофой. На предложения Айтакамы Акиззи ответил, что, даже если ему суждено умереть, он не перейдет на сторону царя Хатти. С ним остались верны цари Нухассе, Ни, Зинзара и Тунаната, все города-государства близ Алеппо, а с хеттами были связаны цари Рухизи и Лапаны, которых звали Арзавия и Теуватти. Мы видели, что призыв Акиззи и его верность были в равной степени тщетны. Фараон был бессилен или не желал вмешиваться; сопротивление без поддержки было невозможно, и Субби-лулиума со своими генералами легко одержал победу. Сам Акиззи, по-

видимому, бежал из Катны до того, как город пал,^[767] но царь Ни, по имени Такуа,^[768] и его брат Аки-тессуб были среди пленников.

ПЛАТА LXXXVI

КЕСАРИЯ: ТИПЫ СЕМИТСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ. (См. с. 12, 23, 33.)

Триумф хеттского оружия в этих и, несомненно, других мелких экспедициях утвердил власть хеттского царя во всей северной Сирии и расширил его границы до аморитов, до сих пор исповедовавшихся союзниками фараона. Эти ранние поселенцы недавно были признаны арамейскими (семитскими); в записях Вавилонии времен Хаммурапи, из которых делается такой вывод, они описаны как живущие в западных пустынях, а теперь, похоже, постепенно продвигались на север, пока не заняли, подобно бедуинам, всю пригодную для жизни окраину языка пустыни, лежащего между Месопотамией и Ливаном. Их патриарх Эбед-Ашера оказался перед той же дилеммой, что и Аитакама и другие северные вожди, но быстрое продвижение хеттской державы не оставило ему времени для колебаний.^[769] Он и его сыновья были признанными лидерами аморейских племен в мире, политике и войне. Они с тревогой наблюдали за приближением хеттского вождя к Тунипу из Нухассы,^[770] и неспособность фараона прислать им поддержку не могла не усилить их беспокойство. Инстинктивно уловив знамения времени, они тайно договорились с вождем Кадеша, города, уже находившегося под сюзеренитетом хеттов, если не входившего в сферу владений Аитакамы. В то же время Азиру, самый активный из сыновей Эбед-Ашеры, делая вид, что все еще служит своему старому господину, положил глаз на город Сумур как на свой ближайший приз. Изменение позиции и хитроумные сделки аморитов не ускользнули от внимания эмиссара фараона, который сообщил, что Сумур находится в большой опасности, хотя еще не пал, а сыновья Эбед-Ашеры - приспешники новой северной державы.^[771] Египетский государь был опечален, но бездействовал. В письме, адресованном вождю амореев^[772], он обвинил их в двуличии и приказал представить Азиру в качестве заложника при его дворе. Тот, однако, уклонился от выполнения приказа. По всей видимости, он уже привел в упадок Сумур и другие города и испытывал естественные колебания, принимая приглашение своего государя. Он также нашел предлог, чтобы отложить восстановление Сумура, как было приказано^[773], и по-прежнему заявлял о своей верности.

Однако в ответ на более императивный вызов, несмотря на перестановки и уловки, Азиру в конце концов явился в Фивы [774] для вынесения решения по своему делу. Но амориты имели влияние при дворе, как явствует из письма их патриарха одному из чиновников с просьбой освободить его сына. [775] Амон "вынес приговор" Азиру и "даровал ему жизнь". [776] Милость, оказанная Азиру, однако, оказалась бесполезной, и дальнейшая верность фараону могла оказаться лишь фатальной для интересов его народа. Дело хеттов явно торжествовало, и египтянин не предпринимал никаких видимых усилий, чтобы противостоять его натиску; в любом случае аморит поспешил перейти на сторону победителей. Перейдя на сторону хеттов, Азиру "бросился под ноги Субби-лулиумы", который "оказал ему милость". [777] Цена вассалитета аморитов в другой записи выглядит как триста сиклей золота в год. [778]

С аморитами на своей стороне, казалось бы, хеттский вождь мог бы теперь двинуться дальше, к границам Египта, но на этом этапе продвижение хеттского оружия на юг, похоже, было приостановлено. Занятый, вероятно, другими кампаниями аналогичного характера по расширению своей власти в Малой Азии, Субби-лулиума был вынужден доверить ведение большей части своих сирийских войн Айтагаме, и, возможно, он считал, что регион Ливана был достаточно удаленной границей для эффективного контроля. Как бы то ни было, он считал желательным примириться с фараоном и заключил с ним союз, [779] который положил конец их борьбе на некоторое время.

Некоторые из описанных нами событий произошли с быстротой, удивительной даже для восточной истории, но Великий Царь, вероятно, предвидел, что перед ним стоит более сложная задача по укреплению своей империи. И здесь удача снова оказалась на его стороне, устранив два главных источника беспокойства на его азиатских границах. В Египте Аменхетеп IV, вступивший на престол около 1375 года до н. э., был слишком молод или слишком занят домашними делами, чтобы проявлять активный интерес к владениям Сирии, и был только рад возобновить со временем хеттский договор. [780] Вавилония, где на троне восседали цари Кардуниаши, была слишком далека, чтобы давать повод для беспокойства, и к тому же обширная территория, подвластная аморейскому режиму, была зажата между их соответствующими сферами влияния. На Востоке трагическое развитие событий у митаннийцев, [781] убийство Тушратты, бегство наследника от узурпатора и отцеубийцы Сутатарры, вторжение в страну ассирийцев и горцев из Альше - все эти события благоприятствовали делу хеттов. Армии Субби-лулиумы перешли Евфрат, чтобы подтвердить свои права на часть распавшегося царства, а когда он осознал бедственное положение, в которое привела анархия этих времен, он даже послал своих администраторов со скотом, овцами и лошадьми, чтобы восстановить население. [782] Наконец, когда беглый Маттиуаза после тщетного обращения к вавилонскому двору [783] обратился к нему за защитой, он увидел и ухватился за возможность. Обратились к оракулу, и "хеттский бог вынес решение в пользу Маттиуазы, сына Тушратты" (против Сутатарры, которого он ранее поддерживал). Взяв несчастного принца за руку, Субби-лулиума отдал ему в жены одну из своих дочерей и посадил его на остатки отцовского трона. Были определены условия подданства, а новое, но уменьшенное царство Митанни было создано как особый протекторат. [784] Боги обоих народов были призваны в качестве хранителей договора. Граница Субби-лулиума на Евфрате была надежно защищена благодаря благодарности восстановленного царя.

При Субби-лулиуме империя хеттов за Тавром достигла своего самого дальнего исторического предела, а в Малой Азии, хотя прямых свидетельств пока нет, мы можем предположить, что его власть распространилась на запад далеко за пределы Галиса, даже если его оружие еще не проникло на лидийское побережье. [785] Таким образом, мы видим в Субби-лулиуме основателя Хеттской империи под властью династии Хатти, которая в течение почти двухсот лет продолжала удерживать свои позиции в условиях постоянных колебаний баланса восточных сил на

протяжении всего этого времени. Освободившись на время от пограничных походов, Великий царь и его союзники, похоже, пожинали плоды своей удачи и процветания. В столице в Богаз-Кеуи, "городе Хатти", царский дворец, похоже, стоял на северном гребне Беюк-Калеха .[786] В Малатии дворец его вассала или союзника, царя Хали-раббата (*Милид* более поздних ассирийских записей), был украшен скульптурными блоками, изображающими правителя и его супругу как верховного жреца и верховную жрицу, совершающих жертвоприношения перед Сандесом (хеттским национальным божеством) и крылатым божеством, которое, кажется, было хранителем племени.[787] К этому же этапу искусства, хотя и не обязательно к работе этого поколения, мы должны отнести похожие сцены жертвоприношений в Эюке[788] и Фрактине[789]; в первом случае, кроме того, формы священных сосудов те же, что и в Малатии. Правда, такие вазы могли продолжать использоваться в церемониальных целях после того, как их обычная мода прошла; но в любом случае нижние здания в Эйюке, на существование которых мы указывали[790], должны быть такими же древними, как и в эти времена; в то время как в наскальных скульптурах Фрактина мы узнаем фазу искусства и мотивов, столь же раннюю, как и в любых других зафиксированных хеттских произведениях.

Примечательно, что, несмотря на великие деяния Субби-лулиумы и его преемников, ни одна скульптура не дошла до нас, чтобы увековечить триумфы хеттов . Все хеттские памятники Малой Азии имеют прежде всего религиозное значение. Царские дворцы украшены религиозными сценами, и даже божества-воины Гяур-Калеси и Кара-Бел отождествляются с формами национального бога Сандеса. О царе всегда говорят как о Солнце, и этот факт может быть отражен в обращении сирийских подданных к фараону в это время,[791] который в других случаях неизменно именуется Гором. В Малатии местные царь и царица уже рассматриваются как верховный жрец и верховная жрица богов.[792] В этих ранних представлениях мы видим первые следы идеалов, столь явных в более поздней истории, а именно: жреческое царство и высокий статус женщины,[793] со всеми вытекающими последствиями, которые влекло за собой поддержание этих принципов.

Характер хеттской конституции в целом становится более ясным в более поздние царствования, но мы уже видели кое-что о природе царства и конфедерации, наблюдая за завязыванием ее уз. Уже сейчас можно выделить три различных уровня верности:[794] союзники, вассалы, обложенные данью, и завоеванные государства, управляемые короной. Особый протекторат Митанни можно отнести к первому из них. Каждое подвластное государство, по-видимому, было связано с Великим Царем особым договором: договор с амореями уже упоминался, а даже мелкое царство Нухассе, похоже, получило свой особый фирман при первом завоевании, до недовольства своего вождя[795].

ПЛАТА LXXXVII

ЕНИ-ХАН, недалеко от Секели: группа женщин-номадов (см. с. 29).

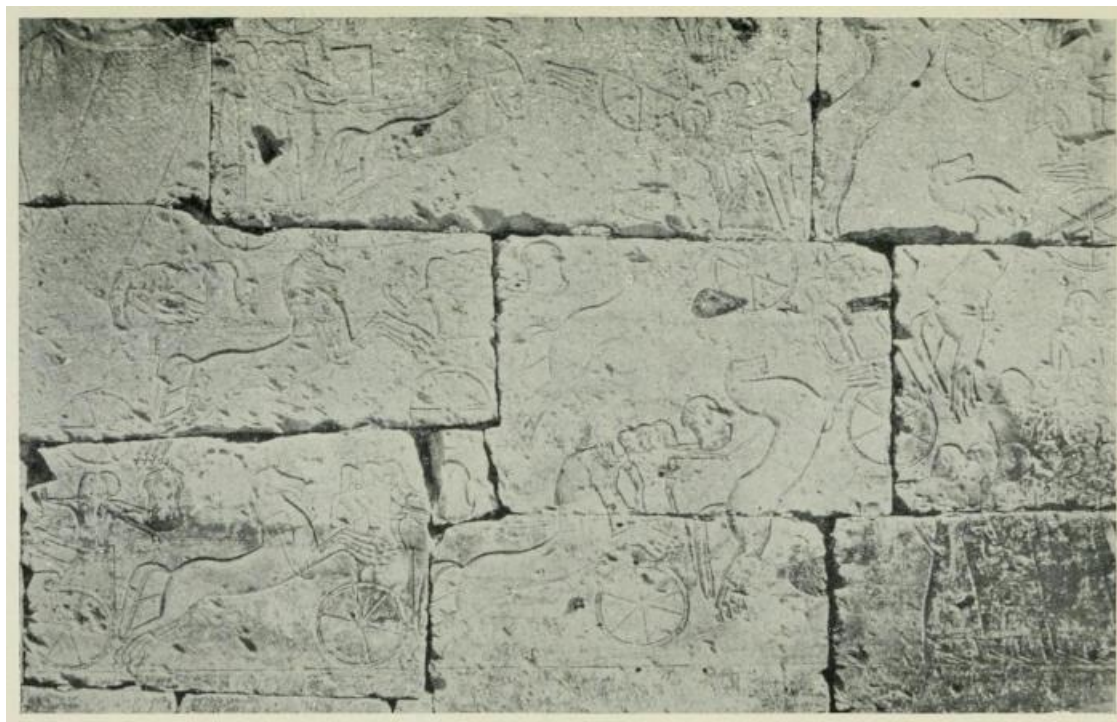
Субби-лулиума умер[796] и "взошел на холм"[797], где на священном возвышении он был собран со своим богом. После этого в течение более полутора веков, несмотря на постоянное развитие новых исторических ситуаций, династия Хатти прочно сидела на троне, на протяжении всего величайшего видимого периода хеттского могущества. Его сын Арандас, который номинально стал преемником после короткого междоцарствия, похоже, не обладал реальной властью, и вскоре был заменен своим братом Мурсилом, *Маурасаром* из египетских текстов. В течение первой части, по-видимому, долгого правления этот монарх, похоже, имел досуг и спокойствие, чтобы наслаждаться империей, которую он унаследовал от своего отца. Во всяком случае, в течение первых десяти лет, о которых сохранились летописи, во внешних делах, похоже, не было никаких происшествий, более примечательных, чем ряд мелких неурядиц на границах. Упоминаются его отношения с рядом государств, но хеттские названия этих государств пока не поддаются определению.[798] Было распределено управление различными пограничными землями, или, возможно, они впервые оказались под властью хеттов. Один *Барху-изува* был назначен в землю Мира, *Манапа-Тессуб*[799] - в Амасхе-хаку, а *Таргас-нали* - в Хаппаламу. Условия вассалитета аморитов были возобновлены в специальном договоре с Абби-Тессубом, который теперь фигурирует как вождь этого народа.[800] В периоде кажущегося спокойствия в начале этого царствования мы можем увидеть историческую возможность, когда в безопасности своего царства монарх построил новый царский дворец в Богаз-Кеуи на нижней площадке к северу от акрополя, вне основной линии оборонительных сооружений.[801]

Но бездействие в этих империях меча всегда было чревато опасностями. Ближе к концу его правления, если мы правильно понимаем несколько неясную хронологию этого периода, восточные границы его империи пережили несколько потрясений. Ассирийское царство неуклонно набирало силу, и вскоре после 1320 года до н. э. Шалманесер I, похоже, полностью лишил хеттов сюзеренитета к востоку от Евфрата, опустошив всю безцарственную страну Митанни вплоть до Кархемиша.[802] Далее на север он даже перешел Евфрат и вошел в Хали-раббат, захватив Малатию, как это сделал предыдущий ассирийский монарх за сто лет до этого. В этой

кампании хеттские войска, посланные против него, были, по-видимому, окончательно разбиты, и Шалманесер проник вплоть до Музри,[803] а его преемник также вторгся в район Куммуха, который лежал на хеттской стороне Евфрата вокруг Самсата. Египет, радуясь восстановлению сильной линии царей, не замедлил воспользоваться этим временным ослаблением. Сети I. едва успел взойти на трон фараонов, как начал серию кампаний на юге Сирии и вскоре оказался в состоянии отбить хеттские войска и проникнуть на север до Тунипа и земли Нахараина,[804] дойдя, возможно, до Евфрата. Однако ранние операции его преемника Рамсеса II, похоже, простирались только до Ливана,[805] где хетты и столкнулись; отсюда можно сделать вывод, что последним удалось восстановить свое господство в Северной Сирии. В эти критические времена, когда великая борьба была неизбежна и даже неотвратима, Мурсил умер, и хеттский престол занял его сын Муталу[806].

Новый монарх не замедлил осознать критическое положение дел, возникшее на его восточных границах. Ассирия, действительно, по внутренним причинам временно отказалась от попыток закрепиться в хеттских землях, но постоянные вторжения египетских войск и явное намерение фараона вернуть себе господство над Сирией вызвали мощные усилия Муталла, чтобы сохранить империю, которую основал его великий предок Субби-лулиума, если даже не расширить ее границы. Призыв к оружию прозвучал по всем хеттским землям, и отклик со всех сторон показал, насколько глубоко и широко утвердилась власть великого царя. Практически все части Малой Азии были представлены в этом великолепном митинге вокруг хеттского вождя. К государствам центра, таким как Хатти (*Хетта*), Аринна, Писидия, присоединились дарданцы и мисийцы из самых отдаленных частей полуострова, а также ликийцы с южного побережья и катаонцы с Антитавра.[807] Северная Сирия, от Кархемиша до Кадеша, также прислала свои контингенты, ибо хеттский вождь "не оставил людей на своей дороге". Число их было бесконечно, ничего подобного никогда не видели. Они покрывали горы и холмы, как кузнечики, по своей численности". Фараон отважно вышел навстречу грозному врагу, прежде чем тот вступит в его владения, и недалеко от Кадеша произошла роковая битва. Начало сражения было благоприятным для хеттов, которые предприняли стратегический и непредвиденный натиск на фланг противника и на некоторое время дезорганизовали силы египтян. Положение фараона, действительно, в какой-то момент казалось почти отчаянным, но в итоге он сумел восстановить строй и утверждает, что преследовал хеттов с поля боя.[808] Потери египтян были столь велики, что они не смогли воспользоваться своим преимуществом: даже Кадеш остался непобежденным, хотя хеттский царь укрылся в его стенах; так что битву следует считать нерешительной. Однако моральное воздействие на обе стороны было достаточным. Муталла сделал предложение о перемирии, которое фараон с готовностью принял,[809] и египетские войска были отведены.

ПЛАТА LXXXVIII

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ: ХЕТТСКИЕ КОЛЕСНИЦЫ НА ХОЛМЕ.

Храм Рамсеса II в Абидосе.

Результат этой битвы оказался действительно эффективным упреком амбициям лидеров обеих сторон. После этого Рамсес ограничил свои военные действия южной Сирией. С хеттами вопрос был более серьезным, а последствия - более незамедлительными. Два принца царской крови, Сипа-зар (? Субби-силь) и Мазарима, несколько вождей, солдат и возниц были причислены к убитым. Вождь катаонийцев также погиб в битве, а царь Алеппо утонул при попытке пересечь ров и болота, защищавшие Кадеш. Великая армия была вынуждена распуститься, удрученная и разочарованная, когда победа была так близка. Амориты, чьи родные земли пострадали в этой войне, пожалуй, больше всех и которые постоянно следили за равновесием, отказались от своей верности.^[810] Их вождь, Пут-Ахи,^[811] был свергнут, но избежал наказания за свой проступок. Недовольство распространилось среди войск: произошел мятеж, в котором заметную роль сыграл главный военачальник, а Муталлу был убит.^[812] Зенит хеттского могущества был пройден; хеттское солнце достигло своей высшей точки, а тени в тот же момент начали удлиняться. Никогда больше, похоже, хеттские вожди не могли призвать в свое особое предприятие столько союзников из столь разных народов.

Тем не менее династия Хатти сохранила трон; Хаттусил, брат злополучного вождя, конец которого мы уже описывали, теперь стал Великим царем, а Путухипа, принцесса Кизвадны, - его царицей. Как дочь города Аринна, дома бога Солнца, эта дама была, вероятно, передовой в стране, и ее союз с принцем Хатти был одним из событий, способствовавших восстановлению престижа его дома. Как Хетасар, этот монарх занимает видное место на страницах египетской истории, и его правление действительно было очень важным и продолжительным. Но, как и в случае с его соратником на троне Египта, фактическая тенденция развития событий на протяжении этого царствования свидетельствует об ослаблении власти хеттов и постепенном расчленении их империи.^[813] Как и в случае с Египтом, начиная с этой даты, это царствование было свободно от серьезных конфликтов или беспорядков в Сирии. Ассирия временно отстала в борьбе за империю, митаннийцы были полностью погружены, и ни одна из двух других держав пока не была настроена на возобновление военных действий. Один из первых актов Хаттусила действительно

способствовал спокойствию его границ в этом направлении, восстановив Пут-Ахи в качестве вождя аморитов на тех же условиях вассальной зависимости, что и раньше.^[814] Именно вмешательству Хаттусила аморейский принц был обязан своей жизнью во время своего недовольства; а теперь, имея в качестве жены хеттскую принцессу (Гашулиави), Пут-ахи был связан с ним двойными узами верности.

В конце своего правления, около 1271 года до н. э., Хаттусилу удалось заключить с фараоном определенный наступательный и оборонительный союз и договор о выдаче, "хороший договор о дружбе и согласии, который должен был обеспечить мир на более долгий срок, чем прежде". Предварительные переговоры заняли много месяцев и были проведены с полным восточным достоинством. Царицы обеих сторон принимали участие в переговорах, а главная жена Рамсеса написала Путухипе специальное письмо, в котором выразила свое удовлетворение по поводу завершения дела. Первый проект договора был явно подготовлен хеттскими дипломатами; мало того, что имя хеттского царя стоит на первом месте во всех случаях, когда встречаются оба имени, среди их архивов было найдено резюме, которое содержит не все пункты, включенные в договор.^[815] Он начинается с исторической преамбулы, в соответствии с хорошо известным прецедентом, найденным в хеттских договорах с амореями и митаннийцами, а также с мелкими вассальными государствами. Только в данном случае, поскольку договор заключался на основе справедливости, в нем не делалось никаких намеков на первое завоевание Субби-лулумы с одной стороны или на подвиги Сети с другой: упоминался факт прошлых войн и предыдущих промежуточных договоров, но теперь два царя должны были быть союзниками, друзьями и братьями, и между ними навеки сохранялось доброе взаимопонимание. Отныне ни один из них не должен вторгаться в земли другого, границей между ними будет северный Ливан; с другой стороны, если один из них будет испытывать военные затруднения и обратиться к другому за помощью, то войска должны быть посланы соответствующим образом; их войны должны быть общими.^[816] Также были улажены мелкие вопросы, такие как вопрос о беглых слугах и беженцах.

Мы не знаем, был ли обмен копиями этого договора, но об этом можно судить по тому факту, что египетское посольство было принято в столице хеттов.^[817] Египетская запись об этом деле, начертанная на стенах Карнакского храма, сообщает лишь, что два хеттских посла, по имени "Тал-тисебу" и "Рамсес", сопровождаемые хорошей свитой, представили фараону хеттскую копию, выгравированную на серебряной скирижали.

Боги всех хеттов были отдельно призваны, согласно их давнему обычаю, в качестве хранителей нерушимости этого договора. На первом месте стоит бог солнца, повелитель неба, за ним следует бог солнца Аринна. Затем следуют различные локализованные формы Сандеса,^[818] называемого египтянами Сутех и ассоциируемого здесь с девятью главными государствами, в которых мы, похоже, узнаем три: Аринна, Алеппо (Хилпа) и Сарису, возможно, классическую Сарейсу. Далее следует список божеств-покровителей, включающий семь богов и три богини,^[820] но, возможно, пробелы в тексте говорят о других. Наконец, призываются бог земли, царица неба, богиня земли, хозяйка клятвы, богиня (Асхир) гор и рек хеттских земель; в заключение упоминаются боги Кизвадны, дома хеттской царицы, и боги Египта, которые объединены одним пунктом. Особый интерес представляют рисунки и надписи на печатях: на самой табличке они, естественно, были выгравированы. На лицевой стороне, как нам сообщают, было изображение хеттского национального бога, обнимающего Великого Царя,^[821] окруженное надписью, переданной с помощью египетского текста: "Печать Сутеха, Принца Небес" и "Печать договора, заключенного Хетасаром (Хаттусилом), сыном Маурсара (Мурсила), великого и могущественного царя хеттов". Это была печать хеттского бога неба. Реверс был аналогичным, только вместо фигуры Сандеса был изображен бог солнца Аринна, повелитель всей земли, а Великая Царица была показана в

объятиях божества. Вокруг была надпись: "Печать бога солнца города Аринны, владыки земли" и "Печать Путухипы, великой царицы хеттов, дочери земли Кизвадны... земли Аринны, хозяйки ее территории, жрицы ее богини".

Слава об этом договоре разнеслась по всему миру, и от царя Вавилонии был получен запрос о его сути. Хеттский царь ответил[822] с твердостью и явным ликованием: "Я сообщу моему брату: мы с царем Египта заключили союз и стали братьями. Братья мы и будем [объединяться] против общего врага и с общими друзьями". Далее в письме рассказывается о предыдущих войнах между народами, которые сделали этот договор желательным, и делается ссылка на вторжения фараона в земли хеттов.

Хотя отношения между Египтом и Вавилонией это время были хорошо налажены, можно было подумать, что Вавилон слишком далек, чтобы сильно беспокоиться о хеттах, сидящих на севере Малой Азии. На самом деле в это время две державы разделяло лишь расширение аморейского царства на восток, точно так же, как тот же народ формировал границу с Египтом на западе. Дипломатические отношения между ними действительно были открыты уже на протяжении нескольких поколений, и до наших дней дошло несколько длинных писем. В основном они касаются разбойничьих нападений аморитов, которых хеттский царь просит поддерживать порядок и наказывать как своих вассалов. Интересно также отметить влияние, которое Хаттусил оказывал, используя силовые выражения своего посла при вавилонском дворе и собственные почти угрожающие дипломатические письма, вмешиваясь даже в решение вопроса о наследовании вавилонского престола. Этот вопрос вполне можно считать выходящим за рамки международной политики, и вавилонский царь нашел повод возразить и против условий сообщения по этому поводу, которые скорее подобало бы адресовать вассалу, чем сопернику. Но ответ Хаттусила заслуживает внимания: "Я написал только следующее: "Если ты не признаешь сына своего господина, то не случится ли так, что, если враг нападет на тебя, я не приду к тебе на помощь?", ибо брат мой был тогда еще ребенком, а он злой человек, который поступает согласно злым помыслам".

Вопросы внешней политики также обсуждались этими двумя державами в нескольких письмах. Один фрагмент из Вавилона показывает, что растущая мощь Ассирии[823] была проблемой момента, а ответ Хаттусила[824] показывает, что они сближались по этому вопросу, который серьезно беспокоил их обоих. Его совет младшему царю, выраженный в лестных выражениях, "пойти и разграбить землю врага", указывает на стремление проницательного политика убрать меч, угрожающе нависший над его собственной головой. Сложившаяся ситуация представляет значительный исторический интерес. Как Тушратта из Митанни при приближении Хатти, так и хеттский царь в этот кризисный момент предпринял особые меры, чтобы заручиться поддержкой Египта, где Рамсес Великий все еще восседал на троне Фив у спокойного Нила. Если раньше Тушратта, вопреки прецеденту, выдавал дочь замуж по первому требованию, то теперь не только первая хеттская принцесса была, казалось бы, предложена Рамсесу, чтобы занять место среди других царских жен, но и сам хеттский царь с большим состоянием сопровождал ее в Египет и, сопровождаемый вверх по Нилу, посетил египетского монарха в его столице, что является событием, не имеющим аналогов в восточной истории. Естественно, Рамсес сделал соответствующую запись об этом инциденте,[825] а красота его новой невесты удостоилась похвал его придворных.

Мало что известно о двух преемниках Хаттусила, Дудхалии и его сыне Арнуанте, при которых династия царей Хатти продлилась до двенадцатого века до н.э. Эдикт, изданный первым, касается организации империи и положения крупных вассалов.[826] Имена некоторых вождей встречаются среди свидетелей этого документа: Эни-Тессуб[827] появляется в это время как царь Кархемиша, который, вероятно, был вторым государством империи. Еще одно событие в правление Дудхалии

- "договор" с царем Алеппо, несомненно, ратификация условий вассалитета, но имя этого вождя не раскрывается.

Имя Арнуанты, его сына, который в свою очередь стал Великим царем, - последнее из династии, дошедшее до нас, и обстоятельства свидетельствуют о том, что день владычества Хатти действительно закончился. О нем известно только по двум фрагментам царских эдиктов и более полному документу (найденному в обломках ворот), который, по-видимому, представляет собой тщательно разработанный земельный реестр или кадастровый план.^[828] Особый интерес представляют печати, которые, как и знаменитый босс Таркудимме, были написаны хеттскими иероглифами и клинописью. Хеттская надпись на одной из печатей повреждена, но клинопись можно прочитать в обоих случаях. Первая печать принадлежит самому Арнуанте, Великому царю, сыну Дудхалии. На второй указаны имена царских дам: царицы-матери Тавасси^[829] и его жены, великой царицы Мунидан; упоминается также дочь Дудхалии, хотя ее имя утеряно.

Появление этих царственных женщин бок о бок монархом при решении государственных дел пробуждает целый ряд интересных аллюзий, которые встречаются в ранних архивах этой династии, указывая на четкое положение власти, занимаемое женской стороной, и даже предполагая матриархальную систему наследования трона. В эдикте Дудхалии царица-мать, Путухипа, упоминается как соправительница; и мы видели выше, что она отдельно поставила свою печать на договоре с Египтом, где она описывается как Великая царица земли хеттов, ... земли Аринны, хозяйка ее территории". Кроме того, сын этой владычицы унаследовал трон после смерти Муталлу, хотя сын последнего был еще жив (он упоминается в документах Хаттусила). Во время междоусобицы^[830] она сохраняла преемственность правления, единоличная власть находилась в ее руках, как явствует из ее переписки в это время с Рамсесом. В свете этих фактов титул самого Хаттусила на престол лучше всего объясняется его браком с этой дамой, первой принцессой страны;^[831] и то, что ее сын станет преемником, похоже, предвидел Рамсес II, когда дипломатично написал ей, пожелав "доброго здоровья". О том, какую роль играли царственные женщины в государственных делах на Востоке, можно судить по современным событиям в Китае, который при своих монгольских правителях представляет нам так много интересных сравнений, не меньше, чем по записям переписки между Египтом и Митанни в эпоху, которую мы рассматриваем.

Это уважение поклонников Богини-Матери к женщине прививалось ими различным ветвям своих народов. Не стоит забывать, что основатель династии Хатти, принимая в свою семью беглого митаннийского принца и оказывая ему покровительство, поставил условие моногамного брака. Так и Хаттусил, отдавая свою дочь аморейскому вождю Пут-ахи, которого он таким же образом восстановил в своей власти, включил в документ, фиксирующий союз, пункт о том, что суверенитет над амореями должен принадлежать сыну и потомкам его дочери на вечные времена.

Все эти признаки согласуются с тем впечатлением, которое уже оставили в нашем сознании греческая традиция и хеттские памятники. Поклонение богине-матери, о котором мы упоминали, похоже, действительно было главенствующим на всей территории хеттских земель, от Кархемиша до Эфеса, от Кадеша до побережья Черного моря. Изначально культ природы, проистекающий из продуктивности земли, теперь принял божественную форму с качеством самовоспроизводства, чтобы позже развиться в концепцию вселенской матери. Хотя этот культ был распространен по всей западной Азии, его внедрение в Малую Азию можно отнести к хеттам, на памятниках которых его символика появляется раньше, чем это известно в других местах, в частности в Богаз-Кеуи,^[832] Эюке,^[833] Фрактине,^[834] и на Сипиле. [Мы не хотим подразумевать местное развитие культа, хотя это можно допустить, если принять во внимание простой и общий характер его происхождения и способность человеческого разума тогда, как и сейчас, за несколько лет достичь

точки зрения, которой достигают только поколения опыта предков, и на основе этого построить новые концепции, которые будут передаваться таким же образом вместе с унаследованными. Однако на плодородных равнинах Вавилонии сезонная продуктивность природы была более заметной и почти спонтанной; там, как кажется, человек раньше смог отказаться от бродячей жизни и поселиться, с удовлетворением и благодарностью отмечая, что земля и солнечный свет с другими элементарными силами обеспечивают его средствами к существованию. Если принять во внимание все имеющиеся данные, то кажется, что воплощение этих представлений в божественной форме (под именем Истар) раньше всего относится к Вавилонии; и, следовательно, оттуда мы склонны выводить ее появление в Малой Азии, будь то в результате общего контакта, как это исторически допустимо, или привнесенного, что кажется более вероятным, в результате ранней миграции хеттских народов, которые уже ассимилировали ее для себя.

Поклонение богине, обладающей столь естественными добродетелями и силой, которую так хотелось умиловить, в любом случае, можно думать, было бы легко приемлемо для крестьянского народа. Она пустила глубокие корни и в определенных местностях приняла особые формы, отразившиеся много веков спустя в обрядах Ма в Комане, Кибелы во Фригии, Артемиды в Эфесе и, позднее всего, Семирамиды в постхеттском городе Кархемиш. Из скульптур Богаз-Кеуи[836] видно, что, как и в Вавилонии, с ней уже был связан юноша, чья мужская сила была необходима для завершения ее собственной. Вместе с ней также появляется львица или пантера, чья сила и характер, похоже, олицетворяли ее саму. Хотя эта ассоциация явно относится к более ранней фазе мышления, она могла возникнуть до того, как культ был локализован. Однако в этих скульптурах есть следы и более примитивных представлений, относящихся к более древним слоям населения. В целом, в хеттском пантеоне можно выделить четыре или пять слоев. В самом нижнем из них появляются чисто элементарные формы, горы и потоки,[837] земля,[838] солнце,[839] луна[840] и звезды.[Переходя от неживого к живому, мы находим льва,[842] быка,[843] орла,[844] сокола или голубя,[845] козла,[846] оленя, змею[847] и других живых существ, некоторые из которых, возможно, приняты в качестве племенных тотемов, и все они, несомненно, представляют собой некую особую добродетель или силу, которая позже воплотилась в божествах, связанных с ними. На эти субстраты накладываются боги в человеческом облике, и первой среди них становится богиня-мать. Уже, как мы заметили в этих скульптурах,[848] ее верховная сила в жизни и непостижимые действия нашли свое выражение в облике льва, прежде чем она была принята поклонниками гор; а другой класс памятников, возможно, более поздней эволюции, кажется, показывает ее в другом аспекте, как богиню, которую нужно умиловить во время смерти. Эти две идеи в ее случае не так уж далеки друг от друга; поскольку, как в самом простом представлении о ее силах через нее оживала мертвая земля, а в ее развитом культе ее мертвый сын еще жил в ее потомстве (через ее неестественный союз с ним), так инстинктивная вера человечества в неполноту смерти нашла свое выражение в приношениях ей за мертвых[849] и в причащении мертвых за ее столом.[850] Идея будущей жизни после смерти была неотделима от ее поклонения.

В скульптурах[851] этих времен с богиней ассоциируется ряд божественных служительниц и жриц, каждая из которых держит, как кажется, согнутый посох, на который она опирается. Они не вооружены, но в них мы можем видеть прототипы класса женщин, посвященных богине, которые в последующие века, на закате хеттской державы, при наступлении, возможно, фригийцев, сначала для защиты своей религии, а затем отделившись в самостоятельных действиях, превратились в вооруженных жриц, а возможно, и в амазонок из традиции.[852] Но это было еще не так; ни в одном из святилищ богини этого века мы не видим никаких признаков или намеков на оргии и плотские празднества, которые тысячу лет спустя праздновались в ее честь. С другой стороны, мы видим культ этой эпохи в его простоте; в одних случаях богиня поклонялась одна, в других - в сопровождении сына-супруга, чье положение в легенде и в Богаз-Кеуи вторично по

отношению к ее собственному. В последнем случае, однако, она оказывается лицом к лицу с другим богом, равным ей. Мы смогли проследить в этих скульптурах в некоторой степени слияние этой религии со старыми представлениями, и теперь мы переходим к рассмотрению ее союза с новыми.

В этой четвертой фазе преобладает мужское начало. Новое божество было богом всемогущим, с молнией в руке. Мы называем его Сандесом, от имени, сохранившегося в греческой традиции в Киликии и Лидии; но его настоящее имя неизвестно. Возможно, Тарку было одной из хеттских форм этого имени; но в этот период его выдающейся индивидуальности ему больше подошли бы Баал или Зевс. Как и богиня, он был хорошо известен в западной Азии под разными именами: Тессуб из Митанни, Хадад из Сирии, Риммон из Вавилонии. В Малую Азию он пришел, как нам кажется, в качестве божества-покровителя завоевателей Хатти, одетых, как их воины; а вслед за ними пришло ограниченное число родственных племен, среди которых ему также поклонялись в различных формах,[853] в частности, как богу войны с мечом в руке.[854] От них он был передан в качестве национального бога другим хеттским народам, чьи божества-покровители, однако, похоже, были самыми разными.[855] В нем, воплощении мужской силы, поклонники природы видели солнце, правящее в небесах,[856] верховного, подходящего мужа для их Матери-Земли. Примирить эти культы было несложно. Как возвращение солнца весной на землю было необходимо для оживления ушедшего года, так и периодический союз бога с богиней был естественным и уместным, чтобы земля могла приносить свои плоды в положенное время. Скульптуры[857] иллюстрируют ритуал, возникший на основе этого нового идеала: мы видим, как статую бога несут на плечах его жрецы в святилище богини под открытым небом, а божественные бракосочетания отмечаются танцами и весельем, которые сопровождали брачные праздники во все времена.

Концепция отцовства, доселе погруженная в себя, теперь нашла выражение в независимой форме, где новый бог отождествлялся с быком, эмблемой мужественности. В Малатии[858] бог едет на спине животного; в Эюке[859] животное находится в одиночестве, в сцене, где его служителями являются царский верховный жрец и жрица, что является аналогом поклонения самой богине по другую сторону ворот. В этом образе пища, музыка и веселье были его наслаждением. Здесь присутствовали все элементы, которые в других условиях могли бы привести к развитию особого и преувеличенного поклонения мужским силам. Но здесь обстоятельства были неблагоприятны. Пока короли-воины удерживали трон, их бог также сохранял свою индивидуальность,[860] однако в окружении, слишком глубоко пропитанном старыми идеалами, чтобы сохранить отдельное поклонение после их падения. Уже сейчас мы видим, как его культ мог быть затоплен; ведь роль, на которую он теперь претендовал, как бы насильно, до этого в эзотерической манере играл сын. Таким образом, возникла новая идентичность, в которой атрибуты бога-отца и бога-сына смешались и слились воедино.[861] Этот факт, кажется, отражен даже в скульптурах Богаз-Кеуи, где культ кортика, который носит каждая важная мужская фигура, становится наделенным отдельным ритуалом.[862] Возможно, однако, что это скорее аспект бога-сына и связано с ритуалом богини-матери. Кроме того, это был национальный культ, широко распространенный и почитаемый.[863] В любом случае объединение бога-отца с богом-сыном в культе матери-богини, божественной триады природы, представляется нам существенной чертой религии этих времен.

Роль, которую играли царь и его царица в этом поклонении, ясно видна в скульптурах Эюка[864] и Малатии,[865] а их положение как верховного жреца и жрицы бога определено в тексте египетского договора.[866] Занимал ли сам царь официальную должность в поклонении богине, остается открытым для предположений; изображения верховного жреца в Богаз-Кеуи,[867] хотя и сопровождаются царскими знаками отличия, допускают другую интерпретацию,[868] и,

возможно, на ее праздниках место царя занимал евнух-жрец со значительным авторитетом, в соответствии с ритуалом, давно установленным и сохранившимся в более поздние времена. В Синджерли есть интересное предположение в определенной серии скульптур[869], относящихся, возможно, к этой эпохе. При их сравнении нам кажется, что сам царь изображен в различных образах, выдавая себя за своего бога или божество; в одном случае он - воин со щитом и копьем, в другом - держит трезубец молнии, а в третьем мы видим его как Тора с волшебным молотом. Возможно, во время обрядов, посвященных различным божествам, царь мог торжественно носить эти священные эмблемы.

Положение царей Хатти в государственных делах, характер их царства и империи уже были раскрыты при рассмотрении того, как была завоевана их власть.[870] Армия была главной опорой их империи, однако ни одна военная сцена не украшает стены дворцов и храмов, которые были до сих пор раскопаны. Это можно объяснить феодальным характером конституции, при котором основную часть войск составляли войска, находившиеся под непосредственным командованием вассальных королей и вождей. В пределах своего собственного племени или племен, хотя, несомненно, содержалась царская телохранительница, кажется, что власть хеттского царя поддерживалась скорее конституционными правами, как было указано выше. Некоторые из религиозных скульптур, однако, дают представление, хотя и в несколько условной и, возможно, древней форме, об одежде и доспехах хеттской пехоты; в то время как общий характер их колесниц и оружия можно почерпнуть из сцен охоты более позднего времени в сирийских городах. Там, где домашние источники не помогают, египетская резьба предлагает множество деталей, иллюстрирующих все виды хеттских войск;[871] и они, хотя и получены издалека, имеют не меньшее преимущество - это современные свидетельства, записанные мастерами прошлого в этой области архивирования, которые не позволили ни одной характерной детали ускользнуть от них.

Самый свободный рисунок пешего солдата - из Синджерли,[872] где изображен воин, вооруженный копьем и щитом; головка копья узкая и ребристая посередине, а древко длиной примерно в рост человека; защитное оружие имеет форму восьмерки, традиционную для Малой Азии и связанную с некоторыми ветвями хеттов в египетских скульптурах.[Носимый кортик, неизменное боковое оружие хеттов, здесь показан настолько длинным, что выглядит почти как обоюдоострый меч; из других скульптур, например, из Гяур-Калеси[874] и Богаз-Кеуи[875], мы можем быть уверены, что речь идет о кортике или кинжале. Эфес с полумесяцем и срединное ребро - заметные особенности. О том, что использовался меч, можно судить по другим сценам.[876] Одежда хеттского воина, как и его богов, состояла из короткой туники, жилета с короткими рукавами, обуви с вывернутыми остриями и высокой конической шапки; последняя, похоже, была подбита в этом случае на макушке. Конники и возницы, по-видимому, изменили или отбросили этот головной убор[877] как непригодный для быстрого движения. Кроме копья, лук, несомненно, использовался как пехотой[878], так и колесницами;[879] но другие орудия, первоначально носившие наступательный характер, такие как булава, двойной топор,[880] булава и изогнутый кинжал,[881] встречаются только в религиозной символике в такой связи, что следует считать сомнительным, чтобы они продолжали использоваться на войне. Метательная палка, однако, допустима, хотя и встречается только в спортивных сценах.[882] Что касается хеттской кавалерии, то местные источники почти не дают нам информации. На двух камнях из Синджерли изображен всадник, вооруженный луком и кинжалом и, возможно, щитом, украшенным человеческим лицом;[883] а третья скульптура из того же места представляет большой круглый щит и, возможно, колчан.[884] Есть также фрагмент, возможно, из Мараша, на котором изображен всадник,[885] хотя, очевидно, в данном случае это не боевой человек. В другом случае изображен конь с сопровождающим конюхом, как бы ожидающий удовольствия своего царственного господина.[886] В египетских сценах,[887] однако, хеттский всадник бросается в

глаза, убегая от стрел фараона, сам вооруженный копьем; и по крайней мере в двух литературных отрывках ясно упоминается хеттская конница.[888]

Колесницы хеттов были, однако, их главным оружием нападения. К сожалению, в их собственных скульптурах изображена только одна боевая колесница,[889] и она, очевидно, более позднего времени и использовалась в межплеменной борьбе. В этом случае в машине изображены два человека - воин и его водитель. Колесо имеет шесть спиц, машина легкой конструкции, к ней привязана пара лошадей.[890] В руках у воина лук и копье. Другие колесницы появляются в сценах охоты, мало чем отличаясь, кроме колес с восемью спицами; но по египетским изображениям можно предположить, что для войны использовалась несколько более тяжелая машина с обшитыми боками. Великолепный вид массовых хеттских колесниц в атаке вызывал восхищение их врагов, египтян, которые передали яркие изображения их, взятые из своих войн: штурм холма,[891] инцидент в битве при Кадеше, показывает превосходный строй в тесном порядке при продвижении галопом. Египтяне были единодушны в представлении трех хеттов в каждой машине, что отличалось от их собственной практики и поэтому привлекло их внимание. Третьим человеком был щитоносец, отсутствие которого в сценах охоты на хеттских скульптурах объяснимо. Квадратный щит, в основном ассоциирующийся с сирийскими союзниками, появляется в сцене перед нами; но египетские художники были настолько озадачены необходимостью вместить и показать трех мужчин в крошечную машину, что забыли или не нашли места для наступательного оружия своего сомнительного врага.

Для передвижения во время войны хетты, похоже, свободно использовали крытую повозку на четырех колесах, характерную для всей Западной Азии и по сей день, и запряженную, как тогда, так и сейчас, либо быками, либо парой лошадей. Кроме того, использовался и выносливый осел, который изображался борющимся с тяжестью своих телег.[892] Хотя для пограничных войн с Египтом, которые велись в основном у Ливана, хетты, несомненно, использовали стратегическую базу в северной Сирии, такую как Кархемиш, но для сирийских кампаний и для общего контроля над сирийскими зависимыми территориями становится почти очевидным, что должен был существовать хотя бы один маршрут для колесного транспорта, соединяющий внутренние районы со столицей. Но определить, какой из нескольких перевалов мог использоваться для этой цели, отнюдь не просто.[893] История этих времен заставляет нас предположить наличие системы коммуникаций по всей империи, центром которой был Богаз-Кеуи. Из этого центра, судя по расположению ранних памятников и другим свидетельствам, дороги уже расходились в нескольких направлениях. На севере находился Синоп,[894] который, по-видимому, когда-то был первым портом страны, но пришел в упадок вместе с самим Богаз-Кеуи. На востоке мы должны предположить наличие дороги, соединяющей долину Халиса, через Сивас или иным путем, с долиной Тохма-Су,[895] и ведущей к границе Малатии. Южное раздвоение этого пути вело через Альбистан по перевалам Пирама в Мараш,[896] сообщаясь затем с Кархемишем, Алеппо и долиной Кара-Су, где находились города Сакдже-Геузи и Синджерли. Более прямой путь через горы из Мазакки (Кесарии) в Мараш проходил через Куру-Бел близ старого времени Команы,[897] откуда также можно было подойти к Дастаркону (близ Феракдина). Линия сообщения от Богаз-Кеуи до Мазакки неизвестна, но можно проследить прямую дорогу от первой в сторону Тианы, и, возможно, от нее отходило ответвление, соответствующее современному маршруту из Инджесу в Кесарию. Вопрос о том, продолжалась ли прямая дорога на юг через Киликийские ворота в Тарс, остается открытым, хотя она явно была открыта примерно три века спустя.[898] К западу также должна была быть создана сейчас или вскоре после этого насыпь, соединяющая Тиану через Ардистаму с Иконией; в то время как, как мы уже отмечали, [899] существование главного западного пути из Богаз-Кеуи к лидийскому побережью подтверждается современными скульптурами Гяур-Калеси и Кара-Бела.

От городов, которые соединяли эти дороги, осталось мало следов. В Богаз-Кеуи только погребенные остатки дворца, построенного Мурсилом[900], и скульптурное святилище, которое мы датировали эпохой Хаттусила[901], можно с уверенностью отнести к двум векам, которые мы рассматриваем. В Эюке и Малатье кубические здания, украшенные скульптурами, похоже, указывают на существование дворцов уже при Субби-лулиуме. [902] Место Сакдже-Геузи уже было занято хеттами и, вероятно, насчитывало шесть окруженных стенами городов и цитаделей; [903] мы подозреваем, что это был центр государства, которое позже станет известно в ассирийских записях под именем Иауди. Синджерли также был большим и процветающим городом, [904] столицей царства, позже названного ассирийцами Самаллой. Кархемиш, [905] Алеппо, [906] и Хамат [907] также известны как хеттские города из истории этих времен, но на их территории не было найдено никаких остатков зданий, которые можно было бы отнести к этому периоду. [Однако на основании раскопок в Синджерли, современных египетских скульптур, а также проектов поздних укреплений мы можем заключить, что города этой эпохи уже были окружены каменными стенами, поддерживаемыми многочисленными внешними башнями, и входили в них через ворота, закрытые парой двойных дверей и охраняемые с обеих сторон башнями-крыльями. Но большинство видимых архитектурных остатков Богаз-Кеуи и почти все те, что были обнаружены в Сирии, включая Мараш, относятся, по нашим данным, к более позднему периоду после распада империи, когда на какое-то время в развитии истории появилась возможность для возрождения местного искусства по старым образцам в небольших уцелевших королевствах.

Распад империи хеттов вводит новый этап их истории. С ним было связано падение правителей Хатти, о чем свидетельствует утрата архивов Богаз-Кеуи после правления Арнуандаса, через два поколения после Хаттусила, а значит, вероятно, около 1200 г. до н. э. В великом объединении сухопутных и морских держав против Египта, которому противостоял и рассеял Рамсес III, [909] хетты снова фигурируют среди конфедератов, но на этот раз уже не в качестве лидеров; и впоследствии они больше не появляются в египетской истории. Они властвовали над Малой Азией около двух столетий - долгий срок для восточной династии, - и теперь их затопили исторические события, подробности которых в той мере, в какой они их касались, отсутствуют, хотя развитие событий можно проследить в общих чертах. Как часто бывает в истории Малой Азии, иммиграционный прилив, который раньше шел на запад, теперь повернул и, неудержимо проносясь из Европы на юг и восток, через греческий мир и Эгейские острова, охватил и полуостров. [910] Волна, которую Рамсес III направил от египетской границы, смахнула власть Хатти, и можно думать, что их роль в этом движении, как и других, была скорее миграционной, чем военной, под давлением новых людей извне.

В перераспределении власти, последовавшем за рассеянием этих народов, господствующее положение в Малой Азии, по-видимому, заняли муски, [911] которых мы считаем европейским народом, родственным фригийским завоевателям более поздних времен. [912] С этими новыми людьми ассирийские цари, во всяком случае, были заняты в течение полувека. К 1170 году до н.э, судя по всему, они пересекли Малую Азию и обрушились на Куммух, хеттское государство, расположенное вокруг Самсата, между Кархемишем и Малатией, на ассирийской границе; и только в 1120 году они были отброшены назад доблестными экспедициями Тиглата-Пилесера I. Возможно, ассирийский царь продолжил свои победы вплоть до Черного моря; [913] но в любом случае власть Муски, по-видимому, была сломлена и постепенно приходила в упадок, пока не была усилена фракийскими переселенцами девятого и восьмого веков до н. э. [914] Тем временем хеттские государства нашли возможность для замечательного возрождения. Готовность этих народов, хотя они уже не были политически едины, объединиться против общего врага хорошо видна на примере ассирийского царя, который не успел пересечь границу Малатии, как был атакован с правого фланга двадцатью тремя вождями, [915] в то время как впереди находились

шестьдесят других, чьи владения простирались до Верхнего моря. Хотя, возможно, эта экспедиция проходила восточнее границы хеттских земель, центральные хеттские государства не избежали честолюбивых набегов ассирийского царя, который, переправившись через Евфрат на плотах из кожи, на этот раз ближе к Кархемишу, подверг мечу гору Бишри[916], и, продвигаясь на север, опустошил пограничные земли (Музри), которые теперь, как мы видели, лежали за Куммухом, ближе к царству Малатия. Кумани, обитавшие, вероятно, в горной местности вокруг Команы (Шахр), похоже, вышли на помощь своим сородичам, преследуя ассирийцев, вероятно, с левого фланга. Но их родные крепости и обнесенные стенами города не защитили их от мести ассирийцев. Их передовые отряды были разбиты и заключены в крепость Аринни, а остатки их боевых людей, около 20 000 человек, закрепившихся на горе Тала, были изгнаны и преследовались вплоть до Харусы, на границе.[917] Кибшуна, столица Кумани, сдалась. Следующими под удар ассирийского завоевателя попали государства Сирии, поскольку новая экспедиция, прошедшая вверх по Оронту, по-видимому, пересекла Ливан и достигла побережья Средиземного моря к северу от Бейрута[918].

Хотя экспедиции Тиглата-Пилесера I были далеко идущими, они, похоже, не установили ничего похожего на постоянное владычество над хеттскими государствами Сирии. Кархемиш, расположенный на границе, похоже, не утратил своей независимости, и можно предположить, что после упадка Хатти это государство оставалось главным центром хеттской власти.[919] Есть предположение, что его цари происходили от правителей Хатти или были их родственниками,[920] и что одно время, возможно в одиннадцатом веке, они властвовали вплоть до Гуруна, [921] в долине Тохма Су, что указывает на царство, охватывавшее все центральные хеттские государства. Как бы то ни было, некоторые имена ранних царей Кархемиша сохранились в архивах Хатти,[922] при которых он, очевидно, уже был важным государством; и его независимость сохранялась, по крайней мере, под именем, до самого позднего времени, о котором известно.

Очевидная независимость Кархемиша на протяжении всего царствования Тиглата-Пилесера - это не только свидетельство его собственных военных ресурсов, но и указание на то, что ассирийские завоевания не были обеспечены. Время великой Ассирийской империи еще не наступило, и по мере постепенного ослабления ассирийской власти на некоторое время возрождались и власть хеттских государств. В течение полутора веков, примерно до 950 г. до н. э., на ближнем берегу Евфрата еще прослеживается некое подобие ассирийской власти,[923] но с учетом истории этих времен можно сказать, что в течение X в. до н. э., до возобновления ассирийских вторжений (около 850 г. до н. э.), хеттские государства Сирии были свободными, и их произведения демонстрируют нам их скрытую жизнеспособность и возрождение их традиций.

Такая возможность представилась не только в Сирии, поскольку параллельное развитие обстоятельств на плато Малой Азии, похоже, способствовало возрождению главных государств, устранив их затруднения. Ассирийские вторжения сломили силы Муски, которые некоторое время угрожали захлестнуть и затопить хеттские народы; теперь постепенный отход обоих врагов был отмечен циклом хеттских работ, которые доказали, насколько глубоко укоренилась их цивилизация, а более поздняя история показывает, насколько радикальными должны были быть изменения, которые вытеснили бы ее в их горных домах. В Богаз-Кеуи новый дворец, не украшенный, однако, скульптурами, возник на месте дворца Великих царей, который теперь был полностью разрушен. Возможно, что великие стены цитадели в том виде, в каком они видны сейчас, также были продуктом этой эпохи.[924] Похоже, что сейчас или через несколько поколений они были обставлены большими арочными воротами, украшенными скульптурами [925], которые являются одной из их наиболее ярких особенностей. Кстати, в изображении женщины-воина на одном из больших косяков[926] раскрывается развитие или союз с

амазонками, [927] чья слава жила в греческой истории и традиции, в то время как деяния старых царей Хатти были уже похоронены в забвении. В Эюке, как мы видели, есть указания на соответствующую фазу местных построек, включающую детали архитектуры и скульптуры, свойственные хеттам.

Однако, похоже, что доминирующий хеттский дух в наибольшей степени проявился не в старом административном центре. Скульптуры Бора[928] и Ивриза[929] и связанные с ними надписи Булгара-Мадена[930] и Карабурны[931], а также другие на Кара-Даге и в Богче, а также многочисленные мелкие работы - все это свидетельствует о значительной территории, объединенной в единое царство, центром которого была Таяна. Ассирийские записи более позднего времени действительно рассказывают о могущественном племени или народе, названном ими Хилакку, чье географическое положение, по-видимому, соответствует этой области. Эти два факта в совокупности напоминают традицию о великой "килийской" империи, упомянутой Солинусом, [932] которая, как утверждается, включала в себя большинство великих государств Малой Азии и Сирии, ранее признававших власть или сюзеренитет царей Хатти[933].

Хотя это возрождение хеттских царств, возможно, было недолгим, [934] оно было не менее реальным и всеобщим, о чем свидетельствуют особенности и взаимосвязь памятников этой эпохи. Однако об истории этого периода практически ничего не известно: их собственные надписи, по-видимому, в основном теократические или религиозные, а Египет и Ассирия были слишком заняты внутренними делами, чтобы посылать экспедиции в Хетто-Сирию, записи о приключениях которых могли бы в противном случае позволить нам проникнуть в неясность, скрывающую от нашего взора эту блестящую эпоху. Однако этот период попадает в первые бледные отблески греческой традиции, что позволяет нам, во всяком случае, более четко интерпретировать некоторые аспекты местных памятников этих времен. Карта хеттского мира[935] в десятом веке до нашей эры, выведенная из расположения их памятников и из записей ассирийцев, когда они снова вступили в контакт, также поучительна, и, как нам кажется, указывает на родные земли или места расселения настоящих хеттских народов более четко, чем карта Хеттской империи, основанная на целом ряде хеттских произведений[936] и неопределенной идентификации египетских имен. К востоку от Хилакку[937] царство, известное ассирийцам как Табал, похоже, в течение некоторого времени охватывало большинство городов Антитавра от Фрактина до Комана, простираясь на север, возможно, до Экрека и Мазакки (Кесарии). В него входили многочисленные мелкие государства, [938] некоторые из которых в разное время становились самостоятельными, среди которых Камману, кажется, можно узнать в Комане (отождествляется с современным Шахром), а княжество Шинухта и город Тынне[939] лежали ближе к Тиане. На Тохма-Су Гуриания была названием небольшого царства, расположенного в Гуруне, а ниже по течению старая Малатия была главным городом царства Милид (Милидду), которое все еще сохраняло свое большое значение. [940] Гургум лежал, кажется, вокруг Мараша, тогда известного как Маргаси, о котором мы говорим ниже, а Куммух[941] простирался, как мы видели, на северо-восток вверх по ближнему берегу Евфрата. Несколько государств располагались в долине между Курт-дагом и Гяур-дагом, [942] например, Михри, граничивший с Пирамом; Иауди с центром (Куллани), возможно, в Сакдже-Геузи или Киллизе; Самалла, расположенная дальше к югу, со столицей в Синджерли; а ниже по Кара-Су находился Унки, [943] который, вероятно, включал в себя Курц-оглу и местоположение классического Гиндара. Границы как мелких государств, так и крупных царств не могут быть определены, и, вероятно, они постоянно менялись в зависимости от прихода к власти то одного, то другого вождя. Например, область, упомянутая в последний раз, кажется, в одно время в основном подчинялась Самалле, [944] в то время как в другое время она была разделена между Гургумом и Хаттиной, или подчинялась одной или другой из этих держав. Последние, как следует из их названия, были хеттами, чьи многочисленные княжества [945] лежали в долине Оронта, [946]

со столицей Хамат, несомненно. Наконец, сами хатти, по-видимому, представлены могущественным царством Кархемиш на Евфрате,^[947] границы которого были неопределенными, но, во всяком случае, доходили до реки Хабур на юге.

ХИТИТСКИЕ ГОСУДАРСТВА после возрождения в X веке до н. э.

На окраинах хеттских царств уже существовало большинство элементов тех держав, которые позже должны были их поглотить. На ближайшем западе мы помещаем Муски-Фригийцев, но взаимная граница не поддается определению и, вероятно, постоянно меняется.^[948] К востоку от Евфрата Митанни уже не было, и Ассирия набирала войска; с юга и юго-востока уже началось неуклонное проникновение арамейских народов, которые теперь занимали большую часть территории между Оронтом и Евфратом. [Их центром был Дамаск, а в пределах хетто-ассирийской сферы они уже основали сильные поселения на равнинах к западу от Евфрата. Даже цари Самаллы рано встречаются с семитскими именами, ^[950] что соответствует характеру целого ряда ее памятников. ^[951] По названию можно предположить арамейское происхождение династии Бит-Адини, которая правила обширным и многонаселенным хеттским регионом, простиравшимся к югу от Кархемиша даже по Евфрату, включая, вероятно, место Тель-Ахмара. Шугаб также лежал на обоих берегах реки, несколько дальше к северу. На северо-востоке в окрестностях озера Ван набирала силу новая грозная держава, похожая на более ранних хеттов, по имени Урарту; но киммерийские орды еще не появились на севере.

Многие из наземных памятников хеттов, по-видимому, относятся к этому периоду возрождения: они связаны между собой различными общими чертами в деталях и одновременно иллюстрируют развитие новых мотивов в искусстве. Растущая власть царя-жреца отражается в том, что его портрету как главному объекту скульптур уделяется большое внимание.^[952] Его одежда приобрела великолепие вышивки и гобелена, неизвестное в прежние времена, хотя в том, что касается шапки, длинного халата, мантии и обуви, явно происходит от священнической одежды

ушедшей эпохи. На наскальном рисунке Ивриза он воздает почести богу земледелия, у которого так много новых черт, что на первый взгляд его можно принять за совершенно новую концепцию, несмотря на то, что его одежда, очевидно, является прямой модификацией только проверенного временем священного костюма богов Хатти. Однако он - потомок бога-сына Богаз-Кеуи,^[953] а его новые достоинства - продукт хеттских земель. Теперь он стал крестьянским богом, покровителем земледелия, сам вознаграждая труд фруктами и кукурузой. В Вавилонии, где зерно росло в диком виде, а урожай был даром природы, варьирующимся лишь в степени, функция супруга богини-земли как оплодотворителя была второстепенной. При царях Хатти бог получил отдельные местные атрибуты и святилище. Теперь он появляется один, в третьей фазе, четко развитой на земле, где богиня была благосклонна только к тем, кто трудился. Здесь расчистка земли, орошение, вспашка, посев и постоянный уход были необходимы, прежде чем можно было получить урожай; и в этом поклоняются богу. Греки, придя на сцену, увидели в нем своего Геракла, бога труда. Однако его одежда, как мы уже говорили, свидетельствует о его хеттском происхождении. Туника и башмаки, хотя и более замысловатые, остались по сути теми же, что и раньше. Национальная шапка, однако, потеряла свою высоту и стала шире; то же самое отличие можно заметить в недавно найденной фигурке амазонки из Богаз-Кеуи. Это изменение, действительно, может быть отнесено к поздним годам периода Хатти, если полагаться на египетское изображение^[954] хеттского монарха, посетившего Рамсеса II. Косичка, кроме того, исчезла, и, исходя из последнего процитированного источника и других соображений, мы склонны полагать, что даже в период Хатти она уже была древней, сохранившись только в религиозных изображениях, освященных временем. Для гражданских целей она, возможно, даже тогда была заменена новым стилем, который, во всяком случае, характерен для памятников рассматриваемой нами эпохи, в котором волосы собраны в густой пучок, закручивающийся назад за шею^[955].

Диапазон этих изменений в деталях по обе стороны Тавра - еще одно свидетельство тесных связей между различными ветвями хеттских народов. В архитектуре этих времен появляется новый и поразительный мотив, столь же широко распространенный, - львиный угловой камень.^[956] Сам лев, как мы видели, был рано введен в хеттскую символику, но самые ранние круглые примеры, похоже, являются продуктом этой эпохи. Резьба из Сакдже-Геузи, в которой прослеживается хеттский стиль с оттенком ассирийского или арамейского (семитского) влияния, может быть с определенной долей уверенности отнесена к периоду 900-850 гг. до н. э. В Синджерли большие львы, по-видимому, датируются более ранним временем,^[957] но в любом случае между всеми зафиксированными образцами наблюдается замечательная согласованность в дизайне и методе использования, а также соответствие в обработке деталей со львами, украшающими главные ворота и цистерну в Богаз-Кеуи^[958].

Один из львов Мараша покрыт надписью, характер которой, кажется, полностью соответствует господствующим теократическим идеалам эпохи.^[959] Памятники и руины этого места сами по себе свидетельствуют о городе удивительной силы и выдающегося значения в хеттском мире,^[960] одним из последних уцелевших членов которого он был. К несчастью для истории, здесь, как и в других местах, мы все еще должны ждать доказательств, которые только лопата экскаватора может удовлетворительно выявить. Голые упоминания в ассирийских анналах о захвате того или иного города или о различных отчаянных коалициях хеттских государств против державы, угрожавшей их независимости, если не их существованию, мало что говорят нам, кроме даты и способа их падения. Если бы только можно было пробиться сквозь мрак, который окутывает историю хеттов в эти волнующие времена, сколько Илиад можно было бы написать, чтобы порадовать своих читателей!

Затем мы переходим к последнему этапу, охватывающему период 850-700 гг. до н. э., в течение которого хеттские государства одно за другим были затоплены различными державами, окружавшими их, и, наконец, киммерийцы вычеркнули из Малой Азии память о прошлом. Эта история скоро будет рассказана; ведь у нас есть только записи ассирийских[961] и ваннских[962] надписей, чтобы помочь заполнить контур хеттской истории этих последних веков, который был набросан в предыдущей главе. Эти записи также обычно либо кратки и формальны, либо выражены в терминах, явно преувеличенных и неполных; а операции, о которых они рассказывают, по большей части ограничивались восточными хеттскими государствами. Однако, как бы то ни было, их можно только приветствовать.

История начинается около 884 или 885 года до н. э. с потери Тул-Барсипа, главного оплота Бит-Адини. Это было, так сказать, предупреждением в длинной серии вторжений ассирийских войск при Ассур-назир-пале и его преемнике Шалманезере II. Евфрат они пересекали на плотках из кожи, как и раньше. Шангара, царь Кархемиша, был потрясен и послал богатую дань, чтобы обеспечить безопасность своей короны и жизни. Среди его даров были царская колесница, предметы из золота, серебра, меди и железа, быки из бронзы, украшенные кубки и резьба по слоновой кости. Путь ассирийского вождя пролегал через долину Оронта, и на короткий миг Любарна, который в то время был главой княжеств Хаттины, похоже, задумал о сопротивлении. Однако, осознав бессмысленность такого шага, он последовал примеру Шангары и вымостил подарками дорогу ассирийскому царю, который, имея теперь открытый путь, отправился дальше за Ливан. Но хеттские вожди еще не были покорены. Около 860 года до н. э. почти все хеттские государства Сирии, включая Кархемиш, Бит-Адини, Гургум, Самаллу, Куэ и Хаттину, объединились в решительном стремлении если не избавиться от ассирийской угрозы, то хотя бы противостоять ей. Воспользовавшись отсутствием армии Шалманесера на севере, где он штурмовал крепости Урарту, они даже перешли границу и совершили значительные вторжения в ассирийские земли. Месть ассирийцев была быстрой. Города Бит-Адини были взяты штурмом, а Евфрат перейден. Гургум, одно из государств, первым подвергшихся нападению, отделился от конфедератов и покорился. Объединенная армия Адини, Самаллы и Хаттины была разгромлена, и ассирийские войска снова двинулись вверх по долине Оронта, на этот раз в погоне за царем Хаттины Шапалулме, который сбежал. Воспользовавшись случаем, царь Самаллы собрал свои войска и, присоединившись к царю Кархемиша, а также к подкреплениям из Куэ и с запада, приготовился защищать свою страну от захватчика. Однако усилия оказались тщетными. Крепость Шапалульм была сожжена. Возможно даже, что ассирийцы прошли через Аман в Киликию,[963] будучи остановлены на границах главного хеттского государства только послами и подарками.[964] Хеттские пленники украсили этот триумф ассирийского завоевателя в его столице, отличаясь длинными одеждами и пышными шапками.[965]

Хотя в следующем году Бит-Адини снова восстал, в результате чего двести деревень и шесть крепостей были взяты или разрушены, а Телль-Барсип был гарнизонирован ассирийскими войсками, кажется, что пять лет спустя государства Кархемиш, Куммух, Милид, Самалла, Хаттина и Гургум[966] все еще признавали, пусть и неохотно, сюзеренитет своего всемогущего соседа, а их соответствующие цари участвовали в конференции по его приказу. Один только Алеппо держался в стороне, и его убедили силой оружия. Удовлетворенный, по-видимому, их покорностью и поведением, ассирийский царь решил попытаться договориться с арамейской державой, расположенной в Дамаске. Хетты Хамата, Куэ и Тавра сражались против него в большой битве, которая произошла при Каркаре.[967] Вопрос был нерешенным, но Ассирия, как нападающая сторона, потеряла престиж из-за отсутствия успеха. Кархемиш и другие вассальные государства сразу же отказались возобновить выплату дани. Шалманесер целый год подавлял это восстание и впоследствии считал желательным каждый год отправлять экспедицию на границу для поддержания своей власти.

Как видно, до сих пор вторжения ассирийцев на территорию хеттов носили скорее характер набегов за добычей и взимания дани; никаких серьезных попыток подчинить государства непосредственному управлению Ассирии пока не предпринималось, а операции ограничивались практически севером Сирии. Существует запись от 850 г. до н. э., из которой можно сделать вывод, что первый удар теперь был направлен на центральные хеттские государства.^[968] Однако в следующем году, после того как ассирийские войска прошли Кархемиш и достигли Амана, а затем, повернув на юг, взяли Хаттину, лига из двенадцати хеттских царей в окрестностях Хамата, похоже, преградила им дальнейшее продвижение. Эти цари больше не упоминаются, и, возможно, их территория была поглощена Дамаском, который, очевидно, приобрел влияние после битвы при Каркаре. Царь Хамата, однако, оказал почтение ассирийцу, когда тот в 842 году до н. э. вновь вошел в долину Оронта.

Если ненадолго отвлечься от дел Сирии, то в 838 году до н. э. впервые было захвачено царство Табал, и ассирийцы утверждают, что привели к покорности двадцать четыре его вождя. В Куэ царь Кати был свергнут и заменен другим по имени Кирри, а дальше на запад Тарс также попал в руки ассирийцев. На этом этапе Шалманесер отказался от военного командования; на некоторое время хеттские государства получили передышку, а некоторые из них, например Хаттина, вновь обрели независимость.

Погружение хеттских государств в VIII веке до н.э.

Тем временем, однако, ваннийские цари неуклонно набирали силу и теперь оказались достаточно могущественными, чтобы с лихвой удерживать свои позиции. Эрелонги начали доставлять ассирийцам беспокойство на их северной границе, и около 804 г. до н. э. Менуас оттеснил ассирийцев и напал на хеттов. Перейдя Евфрат, уарты потребовали дань с Малатии.^[969] События следующего поколения неясны, но в 776 году хеттские племена Сирии, в частности племена под властью Амана, воспользовавшись поражением ассирийцев от рук нового уартского царя, Аргистиса Апаратского, сбросили с себя подданство, и через несколько лет большинство из них освободились от ассирийского ига.

Но их свобода была преходящей. Аргистис вырисовывается в истории этих времен как великий завоеватель, и хеттские государства на его непосредственной границе, включая не только Малатию и Куммух, но, возможно, и большую часть Табала, подчинились его власти. После временного отступления, как кажется, вся Северная Сирия была быстро включена в сферу влияния новой державы. В 758 году до н. э. царство Малатия, которое при Хите-руадасе на мгновение обрело независимость, вновь подверглось вторжению выносливых горцев: столица, а также четырнадцать крепостей и сто городов пали в их руках.^[970] К 756 году до н. э. Мараш, вероятно, тоже пал, поскольку завоевания Ваннийской державы простирались так же далеко на юг, как и Ассирийской, и все хеттские государства Северной Сирии были вынуждены подчиниться ей. Во всяком случае, до 744 года до н. э., когда ассирийский царь Тиглат-Пилесер III с обновленной армией готовился дать отпор захватчикам, Кархемиш, Гургум, Куммух, Унки и Куэ признали сюзеренитет Шардуриса^[971].

Подробности борьбы за Сирию между двумя иностранными державами вряд ли можно считать историей хеттов. Силы хеттов были уже на исходе; их царства в Сирии и на Тавре были разбиты, опустошены и ослаблены бичом постоянных войн; в то время как в Малой Азии аналогичная, но более жизненная борьба, неизвестная истории, велась между наступающими фригийцами и главными хеттскими царствами во внутренних районах. Всякой надежде на всеобщее объединение пришел конец. Однако в записях о сирийской стороне этих событий удивительно видеть, как в старых хеттских центрах сохранялся дух независимости, готовый в любой момент вылиться в открытое восстание. Никакие обычные военные наказания, казалось, не могли его подавить. В 743 году Тиглат-Пилесер встретил и разгромил большую конфедеративную армию Шардуриса, с которой сражались хеттские контингенты из Агуси, Гургума, Куммуха и Малатии.^[972] Вопрос был решающим и судьбоносным. Оба царя лично возглавили свои армии, а ассирийские записи^[973] гласят, что в битве было убито 73 000 врагов. Однако Матилу из Агуси, центром которой был Арпад, не поколебавшись, отстоял свою свободу и сопротивлялся ассирийцам почти три года, когда был побежден и убит в 740 году до н. э. Падение Арпада и смерть его царя не могли не отразиться на других государствах, так что цари Куммуха, Гургума, Кархемиша и Куэ пришли к победителям, чтобы смиренно выразить свое формальное подчинение. Хаттина все еще держалась, но ассирийцы двинулись на их столицу, Киналуа, которая была взята штурмом; и чтобы избежать дальнейших беспорядков в этих мятежных кварталах, Агуси и Унки впредь управлялись ассирийскими офицерами и гарнизоновались ассирийскими войсками. Начатая таким образом политика в сочетании с депортацией туземцев в большом количестве оказалась для хеттов более роковой, чем длинная череда карательных экспедиций, направленных против них.

Следующей на вооружение была взята Самалла. Воспользовавшись отсутствием ассирийских войск на своих северо-восточных границах, Азриягу, который, судя по всему, был туземным принцем, претендовал на трон, хотя его занимал Панамму II,^[974] семитский правитель, поставленный ассирийским царем. Тиглат-Пилесер поспешил назад, чтобы восстановить порядок, по пути разрушив Куллани^[975]. Затем он двинулся на юг по долине Оронта, опустошая все на своем пути. Хамат уступил, а цари Кархемиша, Малатии, Табала и других городов благодаря этим подвигам убедились, что наилучшей политикой для них будет изъявить полную покорность и прислать дань. Теперь господство Ассирии было полным, и это было продемонстрировано тяжелой экспедицией, которая проникла к стенам урартской столицы, расположенной в горах на севере. Ваннийская держава была сломлена, и в дальнейшем ее воины, подобно хеттам, лишь ведут тщетную борьбу с неуклонно одолевавшей их великой силой. В 732 году до н. э. падение Дамаска наконец-то открыло путь к основанию величайшей Ассирийской империи.

Наша история почти рассказана; неизбежная развязка прослеживается лишь в изложении главных событий дюжины лет. Последняя комбинация хеттов Табала и Кархемиша в 720 г. до н. э., усиленная урартами, лишь ускорила конец. В 718 году войска Саргона прошли на север через Киликийские ворота,^[976] за которыми Таяна уже не представляла собой главный хеттский центр, а была пограничным оплотом фригийского Мидаса.^[977] Этот монарх был явно озадачен ассирийским наступлением и сделал предложение Писирису из Кархемиша, который открыто восстал. Но Мидас подвел его: его царство стало ассирийской колонией, а величайшая хеттская крепость Сирии, так долго сохранявшая видимость реальной независимости в условиях поглощения окружающих государств, теперь была гарнизонирована ассирийскими солдатами.^[978] В 713 году до н. э. табалы снова взяли за оружие, хотя вождь повстанцев был ставленником Ассирии.^[979] Он был должным образом наказан, а его вотчина была присоединена к киликийской провинции. После вторжения Тархунази из Малатии восточная часть Табала, вокруг Команы, в 712 году до н. э. была укреплена как ассирийское пограничное государство, с пятью крепостями на урартской стороне, двумя на севере и тремя для защиты от фригийцев. Само царство Малатия в 710 году перешло под власть Муталлу из Куммуха, а вся горная область была переименована в Тулгаримме. Гургум, с его мощной крепостью Мараш, поддался последним. В течение примерно тридцати лет его последний царь, Тархулара, удерживал свой трон дипломатическими подарками и подчинением сначала урартам, а затем ассирийцам. Однако после начала локальных военных действий в 709 году это государство также стало ассирийской провинцией, и с этим событием исчез последний элемент хеттской свободы.

В горах Тавра, в царстве Табал, тлеющий огонь еще мог время от времени вспыхивать^[980]. Но киммерийские орды погасили эту искру, как они это сделали с Урарту и в свое время сделали с Муски; и прежде чем их удалось загнать обратно, ход истории изменился. История хеттов закончилась; "Мешех и Тубал"^[981] были уничтожены, а "земля хеттов" стала воспоминанием о прошлом^[982].

КАРТА ХЕТТСКИХ СТОЯНОК В МАЛОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ СИРИИ.

ЭПОХИ ХЕТТСКОЙ ИСТОРИИ

2000 г. до н. э.[983] Поселения в южной Сирии; свержение 1-й династии Вавилона (с. 323). Кони и колесницы используются в Малой Азии (с. 320).

1400 г. до н. э.[983] Цари Хатти утвердились в Богаз-Кеуи (с. 326).

1380 г. до н. э.[983] Субби-лулиума присоединяет Северную Сирию (с. 330) и вторгается в Месопотамию (с. 331).

1370 г. до н. э.[983] Вассальная зависимость от аморитов (с. 336); договор с Египтом (с. 337); Митанни под протекторатом (с. 338).

Империя в Малой Азии и Северной Сирии.

Дворец[984] на Беюк-Калех в Богаз-Кеуи; местные дворцы в Эюке и Малатии; скульптуры Фрактина и (?) Сипила (с. 339).

1350 г. до н. э.[983] Правление Арандаса. 1340 г. до н. э.[983] Присоединение Мурсила (с. 341).

1330 г. до н. э.[984] Построен нижний дворец в Богаз-Кеуи (с. 342).

1320 г. до н. э.[983] Ассирия захватывает Месопотамию и Малатию (с. 342).

1310 г. до н. э.[983] Египет вновь завоевывает Северную Сирию (с. 343).

1295 г. до н. э.[984] Присоединение Муталлу (с. 343).

1288 г. до н. э.[983] Битва при Кадеше (с. 343).

1271 г. до н. э. Хаттусил заключает договор с Египтом (с. 347). Дипломатические отношения с Вавилонией (с. 350). [984]Скульптуры Иасилы-Кая, Гяур-Калеси и Кара-Бела (с. 366). [?] Построены укрепления Богаз-Кеуи] Хеттские города в Хамате, Алеппо, Кархемише, Синджерли, Сакдже-Геузи, Мараше, Малатии, Комане; конфедеративные государства в западной и южной части Малой Азии.

1258 г. до н. э. Хеттский царь (? Дудхалия) посещает фараона (с. 351).

1220 г. до н. э.[983] Арнуанта, кадастровый учет (с. 352).

1200 г. до н. э.[983] Вторжения муски-фригийцев; падение Хатти и (?) Богаз-Кеуи (с. 368).

1170 г. до н. э.[983] Муски достигают ассирийской границы; 1120 г. отбиты (с. 368).

1120 г. до н. э. *и далее*. Ассирийские вторжения в Северную Сирию и Таврию (с. 369).

1000 г. до н. э.[983] - 900 г. до н. э. Возрождение хеттских царств. [984]Скульптуры Бора, Ивриза, Эюка, Малатии, Мараша, Синджерли, Сакдже-Геузи; надписи Булгара-Мадена и Карабурны (с. 373). Открыта дорога через Киликийские ворота (с. 366). Реконструирован дворец в Богаз-Кеуи; скульптура амазонок (с. 372).

885 г. до н. э. Вторжение Ассирии до (838 г.) Табала и Тарса (с. 384).

750 г. до н. э.[983] Северная Сирия и Тавр подвластны ваннийским царям (с. 386).

[984]Плоскогорье Малой Азии подчинено Фригии.

743 г. до н. э. Ассирийское господство восстановлено (с. 387).

718 г. до н. э. Падение Кархемиша; ассирийские войска входят в Малую Азию (с. 388).

712 г. до н. э. Завоеван Табал (Тавр); 709 г., падение Мараша (с. 389).

ССЫЛКИ

[1] Мы считаем, однако, скульптуры горы Сипилус (Pl. LIII.) и Кара-Бель (Pl. LIV.) свидетелями обладания внутренними проходами, ведущими к лидийскому побережью.

[2] В частности, ликийцы (Лукки), которые появляются среди союзников хеттов во времена Рамсеса II, а затем среди народов моря в царствование Меренптаха.

[3] Нет никаких свидетельств, которые позволили бы нам включить "ваннические" памятники. Ср. Sayce's *Herodotus* (London, 1883), App. iv. p. 424 и ниже, pp. 54, 385; мы также исключаем как способные к другой интерпретации отдельные находки движимых памятников, как те, что в Кедабеге (Messerschmidt, *Corpus Inscript. Hettitarum, Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*, 1900, Pt. v. No. 1.), в Вавилоне (op. cit., № 3, 4, 5) и Ниневии (ibid., Pl. XXXIX. № 2-9), и т.д. Камень с надписью, найденный около Эрзерума, ныне хранящийся в музее в Константинополе, № 1193, имеет сомнительное происхождение (op. cit., 1906, Pt. v. pp. 7, 8).

[4] Эти хеттские поселения показаны на [карте, на стр. 390](#).

[5] Г-н Хогарт, пишущий в *Recueil de Travaux*, xvii., сообщает, что во время своих путешествий по долине он никогда не видел и не слышал о каких-либо доэллинских памятниках на северной стороне реки.

[6] Об этих маршрутах см. Hogarth, *Recueil de Travaux*, XV. p. 29, а также в книге Макана "Геродот" (1895), App. XIII. § 9; также Ramsay, *Historical Geography*, pp. 35, 46 ff.

[7] О современном состоянии и древнем значении этого региона см. далее: Layard, *Nineveh and Babylon*, p. 94; Peters, *Nippur*, i. p. 81; Maspero, *The Struggle of the Nations* (London, 1896), pp. 144 и последующие; и *The Passing of Empires* (1900), p. 35, с иллюстрацией.

[8] Здесь также Евфрат все еще является нашей восточной границей; ведь Телль-Ахмар, место недавних открытий г-на Хогарта ([стр. 129](#)), хотя и находится на другом берегу, стоит у самой воды; а немногие памятники, найденные дальше к востоку, такие как печать из Урфы (Messerschmidt, op. cit., C.I.H. 1900, Pl. XLI. No. 3), и дворцовые скульптуры Телль-Халафа (Von Oppenheim, *Der alte Orient*, 1908, Heft 1), которые чем-то обязаны хеттскому влиянию, не являются достаточно определенными, чтобы предполагать хеттскую оккупацию. То, что река отделяла земли Митанни от Хатти, подтверждается архивами Богаз-Кеуи (Winckler, *Mitteilungen der D. Orient.-Ges.* 1907, No. 35). Об отношении Митанни к хеттам см. ниже, с. 58, [прим. 1](#), [324](#), [прим. 2](#).

[9] Произносится как *Африн*.

[10] См. [таблички XXXV, XLIII](#).

[11] Мы заметили этот эффект, особенно в Карадинеке, в августе 1907 года.

[12] Pl. LXXXIV. (i), p. 320. Это, очевидно, старый аморито-хеттский тип, представленный на египетских храмовых скульптурах *времен Рамсеса II, затем, по-видимому, в эпоху Рамсеса II*. Рамсеса II, в то время, очевидно, наиболее преобладавший в районе Ливана. См. Petrie, *Racial Types*, No. 147, и Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 147 и fig.; ср. также W. Max Müller, *Asien und Europa*, pp. 229, 233, и Книгу Иисуса Навина, х. 6 и xi. 3. В настоящее время этот тип более широко распространен, как видно из этого примера и рис. XV. (ii), LXXXVI. ниже.

[13] Местная традиция гласит, что во времена Александра из этого региона было набрано 120 000 человек.

[14] Von Luschan, *Ausgrabungen in Sendschirli*, i.; и *Liverpool Annals of Archæology*, i. p. 99.

[15] Включая царства Унки, Самалла и Джауди: см. [карту](#), с. 375.

[16] Ср. [таблицу LXXIV](#).

[17] Береговой путь в Александретту был реконструирован в 1907 году. Раньше скалистый мыс, известный как *Pylæ Syriæ et Ciliciæ*, представлял собой грозное препятствие, через которое телеги могли проехать только с большим трудом, а для путешественников на лошадях самым легким путем был переход вброд по морю у подножия скал. Маршрут Богче - это маршрут, который предполагается проложить по новому участку железной дороги, ведущей в Багдад.

[18] Посеребренная медная печать цилиндрической формы привезена из Хайфы (C.I.H. 1900, Pl. XLI. 2), но на этом нельзя основываться. Другие небольшие предметы из этого региона - печать и архаичная бронзовая фигурка из Латакии (C.I.H. *loc. cit.* No. 6, и Peiser, *Die Bronze-figur von Schernen*, aus *Sitzungsber. der Altertumsges. Prussia*, Heft 22, p. 428), а также аналогичная архаичная бронза из Хомса, найденная, как говорят, в Оронте (Peiser, *op. cit.*).

[19] См. [рис. LXXXIV. \(ii\)](#), воспроизведенную по эскизу г-на Хорста Шлифака. На рисунке изображен арабоязычный извозчик, проживающий в Хамате, который говорит, что его родина - Урфа. Ср. типы Pls. [LXXV.](#), [LXXVII](#).

[20] Ramsay, *Journ. Roy. Asiatic Soc.*, xv. p. 100.

[21] Ср. Livy, Bk. xxxviii. 18 и т.д., для контраста между Фригией и равнинами.

[22] Эта особенность также является исторической. Ср. Страбон XII. viii. 8.

[23] Об общих географических условиях, влияющих на жизнь на плато, см. Hogarth, *The Nearer East* (London, 1902), pp. 246 и далее.

[24] О минеральных и других ресурсах см., *в частности*, Hamilton, *Researches in Asia Minor* (London, 1842), vol. i. chs. xvi., xx., xxiii.; также Van Lennep, *Travels in ... Малой Азии* (Лондон, 1870).

[25] В этой связи интересно отметить, что одно из самых ранних исторических упоминаний о хеттах встречается в вавилонских хрониках (King, *Chronicles of the Early Babylonian Kings*, London, 1907, pp. 72 и 148).

[26] См. группу памятников в Кара-Даге, [стр. 90](#).

[27] Барьер, то есть препятствие для общей миграции в древние времена. Как политическая граница его значение ясно из того, что он разделял Медийскую и Лидийскую империи (Herodotus, i. 72).

[28] *Loc. cit.*, Страбон (XII. iii. 9) говорит о "лейко-сирийцах", которых мы называем каппадокийцами". См. также [p. 92](#); и Ramsay, *Historical Geography*, pp. 32, 33.

[29] Hamilton, *Researches in Asia Minor*, vol. ii. ch. xliii.

[30] *Liverpool Annals of Archæology*, i. (1908), p. 6, Pls. VIII., IX.

[31] Примечательно, что Страбон (XII. ii. 7) описывает Мазак (тогдашнюю столицу Киликийской провинции) как находящуюся в разрушенном состоянии без стен, а ее земля оставалась неплодородной и невозделанной.

[32] См. [Pl. IX](#).

[33] См. [Pl. LXXXVI](#).

[34] Профессор Рамсей (*Историческая география*, стр. 35) уже доказывал необходимую древность такого маршрута до того, как был обнаружен хеттский памятник на горном перевале.

[35] См. ниже, с. [45](#), [366](#), [прим. 2](#); и ср. *Геродот* Макана, App. XIII. §§ 7, 8, 9.

[36] *Liv. Annals of Arch.*, i. (1908), p. 11.

[37] Ср. [Pl. XXIV. \(i\)](#).

[38] См. ниже, [Pl. XXV. \(iii\)](#); и *Liverpool Annals of Arch.*, i. pp. 10, 13.

[39] В Андавале, *C.I.H.* (1900), Pl. XXXI.; и в Боре, там же (1906), Pl. XXXIII. См. ниже, с. [91](#).

[40] См. с. [233](#).

[41] См. с. [33](#), [38](#).

[42] См. с. [143](#).

[43] См. [Pl. II. \(ii\)](#).

[44] Ср. Страбон, XII. xi. 8.

[45] Мы заметили пожилую пару, работавшую вместе на своем небольшом огороде с овощами. Было летнее время, и их спальное место представляло собой беседку из веток и сучьев, сплошь усыпанную розовыми розами.

[46] Следует отличать от Богче, давшего название перевалу через Гяур-Даг ([стр. 14](#)).

[47] Herodotus, i. 75, and v. 52; Ramsay, *Historical Geography*, p. 29; но см. ниже, [p. 38, note 1](#).

[48] Ср. Pls. [XII.](#), [XIII. \(ii\)](#). Мы имеем в виду бедные слои населения. Среди более зажиточных туркоманов существует значительная степень утонченности и простой роскоши. См., например, Davis, *Life in Asiatic Turkey*, pp. 223-4.

[49] [Pl. XVII](#).

[50] Ср. [пл. XIV](#), [XVIII](#).

[51] Yazîr Daresî.

[52] Beuyuk Kayanin Daresî. См. [пл. LIX](#).

[53] Геродот, i. 76, говорит, что Крёс поработил жителей, а также занял соседние места, изгнав население.

[54] Мы не пытаемся выделить какие-либо типы, которые напоминают различные хеттские изображения в современных скульптурах, особенно в тех, которые украшают стены египетских храмов. Такое сходство может быть случайным, но оно представляет интерес. При более глубоком исследовании перед подготовленным этнографом открывается прекрасное поле для поиска материала. Вероятно, ни одна "нация" на земле сегодня не состоит из столь многочисленных и разнообразных элементов, как турки. Прогулка по любому рыночному городу, где люди собираются вместе, или даже взгляд из окна вагона на людей на платформе оживленного железнодорожного вокзала, вызовет видение татар и монголов, греков и евреев, даже иногда индусов и арабов, а также доминирующих туркоманских, черкесских и армянских типов, которые под мягким и чудесным влиянием природы, кажется, вполне уместно смешиваются вместе. Нет ничего, что могло бы удивить, ибо эта страна была не только полем битвы народов, но и естественным путем между двумя континентами. Ср. [Pls. XV., LXXXV.-LXXXVII.](#)

[55] Ср. [пл. LXXXIV., LXXXVI. \(i\)](#). По вопросу о сохранившихся типах см. Уилсон (сэр Чарльз) в *Quart. Statement Pal. Expl. Fd.*, Jan. 1884.

[56] А затем в древние времена в Синопе. Ramsay, *Hist. Geog.*, p. 28; см. также Curtius, *Griech. Gesch.*, ed. 5, i. 408, и Геродот, i. 76, в отношении которого см. Perrot and Chipiez, *History of Art in Sardinia ... Сирии и Малой Азии* (англ. изд. 1890 г.), ii. p. 103.

[57] Например, Геродот, ix. 27; и Страбон, XI. гл. v. 4.

[58] См. [Pl. L](#).

[59] Ramsay, *Historical Geography*, p. 31, и *Jour. Roy. As. Soc.*, XV. pp. 100-112; также Crowfoot, *Jour. Hell. Stud.*, XIX., i. p. 50.

[60] Herodotus, i. 72. Но ср. также Гомер, *Илиада*, iii. 187 и xvi. 719.

[61] Ramsay, *Historical Geography*, pp. 29, 30. См. [Pl. XXIV. \(i\)](#).

[62] Геродот, i. 75, приводит общее сомнение (которое, впрочем, он не разделяет), что во времена Крёза Халис еще не была перебросана. Однако есть подходящие броды к северу от Чешме-Кеупру, которые до сих пор свободно используются для летних маршрутов, ведущих из Ангоры через реку на восток; и то, что мост использовался в персидские времена, кажется очевидным (*ibid.*, v. 52).

[63] См. Ramsay, *Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire* (Aberdeen, 1906), pp. 177-180.

[64] Хеттские лошади назывались египтянами *абару*, сильными или энергичными (*Anastasi Pap.*, iv., Pl. XVII., ll. 8-9), но мы можем подозревать, что здесь и в других местах речь идет о породах Сирии (см. *Анналы Томмеса III*); Масперо (*Struggle of the Nations*, p. 215, note 4, и p. 352, note 4), кажется, разделил свое мнение, отнеся этот пассаж в одном месте к Каппадокии, а в другом к Сирии. Ср. также его *"Переход империй"* (1900), стр. 205. В Киликии, судя по упоминанию в Геродоте, iii. 90, в персидские времена была особая порода.

[65] Это, однако, полно интересов, как известно любому студенту, изучающему исследования профессора Рамсея.

[66] В книге профессора Рамсея "*Лука-врач*", стр. 129 и далее, рассказывается о множестве заброшенных ирригационных работ в пустыне и на склонах Тавра. Должно быть, в свое время страна выглядела совсем иначе.

[67] См. ниже, с. 56, и Pl. XXV. (iii).

[68] Ср. Ramsay and Hogarth, *Recueil de Travaux*, xiv. (1893), pp. 74 и далее.

[69] См. Pl. LV.

[70] Местно называется *Бозанти Су* или *Ак Су*, по названиям важных пунктов на пути; это главный приток Саруса, в который он вливается после слияния с Коркуном, когда приближается к равнине.

[71] См. фронтиспис.

[72] Однако Ошер-Элой в "*Отчетах о путешествиях по Востоку 1830-1838 годов*", i. p. 160, утверждает, что наскальная скульптура (неопределенного характера), которую он видел в Киликийских воротах, была разрушена в 1834 году.

[73] Мы можем обоснованно подозревать, что это относится к возрождению хеттского государства с центром в Тиане в десятом веке до н.э. (см. выше, стр. 24, и ниже, стр. 373.) По этому вопросу см. Ramsay, *The Cities of St. Paul* (London, 1907), pp. 114 и след, также *Pauline and other Studies* (London, 1906), ch. xi.; ср. также описание маршрута в Davis, *Life in Asiatic Turkey* (London, 1879), ch. viii.

[74] Придорожные дома отдыха. Ср. пл. XIII, XX.

[75] Построен или перестроен, кажется, Ибрагимом-пашой.

[76] Мы не можем принять за хеттские, исходя из имеющихся у нас свидетельств, дверной проем и резную перемычку из Ламаса около Асели-Keyi; Langlois, *Voyage en Cilicie*, p. 169; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 57; Messerschmidt, *C.I.H.* (1900), Pl. XXXIII. B.

[77] Среди легкодоступных работ мы можем отослать читателя к резюме г-на Хогарта во введении к "*Справочнику Мюррея*"; к статьям Винклера и Брандиса в томах iii и iv "*Всемирной истории*", изд. Helmolt (London, 1902); и за материалы к Ramsay, *Historical Geography of Asia Minor* (London, 1890).

[78] Подробный рассказ с источниками см. ниже, глава VI.

[79] На отождествление Мита из Муски с Мидасом из Фригии впервые указал Винклер, *Ostorientalische Forschungen*, ii. 71 и далее. Мы предполагаем, что Муски из Ассирийских анналов, Мосхи Геродота (iii. 94), действительно были сродни фригийцам более поздней истории.

[80] Около 1170 г. до н.э.

[81] Пятьдесят лет спустя, в царствование Тиглата Пилесера I.

[82] См. карты, сопровождающие гл. VI. стр. 375, 385.

[83] Hamilton, *Researches in Asia Minor*, i. p. 383; Ramsay, *Jour. Roy. As. Soc.*, XV. p. 123.

[84] См. Pl. XXV. (iii), из *Liv. Annals*, i. Pl. XIII. Имя Мидаса в этой надписи было впервые распознано профессором Майресом, *op. cit.*, p. 13.

[85] Ср. Maspero, *The Struggle of the Nations*, pp. 591, 643.

[86] В царствование Ассур-Назир-Пала; ср. Maspero, *The Passing of Empires*, p. 16.

[87] Относительно, то есть, последовательного появления Митанни, Хеттов и Урарту (Ваннийская держава) как аналогичных движений. Ср. Winckler, *Mitteil. d. Deut. Orient-Ges.*, December 1907, pp. 47 ff.; и в *The World's History*, vol. iii. p. 113 etc.

[88] См. особенно Ramsay, "A Study of Phrygian Art," in the *Jour. Hell. Stud.*, ix. (1887-8), pp. 350-352, и более раннюю статью в vol. iii. pp. 1-32; и Maspero, *The Passing of Empires*, pp. 328-335.

[89] Ср. Гомер, *Илиада*, iii. 187; xvi. 719.

[90] По этому вопросу см. Ramsay, *Cities and Bishoprics of Phrygia* (Oxford, 1895), i. p. 7.

[91] Ramsay, *loc. cit.* Ср. центральную группу хеттских скульптур в Иасили-Кая, Pl. LXV., где, однако, бог-отец, супруг богини-матери, по-видимому, происходит от вавилонских истоков. Так и бог бури у хеттов явно имеет вавилонский прототип в Хададе. О хеттских божествах см. ниже, с. 356 и далее.

[92] Herodotus, ii. 2.

[93] Гомер, *Hymn. Aphr.* 111 и далее.

[94] Φρυγίης εὐτεϊχίῳ. Ср. Ramsay, *loc. cit.*

[95] В этом мнении мы, возможно, расходимся с Хогартом, *Иония и Восток* (Оксфорд, 1909), с. 70, но точки зрения разные.

[96] Помимо фригийских надписей в Эюке, приведенных выше, история Даскилоса, беглого лидийского принца (720 г. до н.э.), указывает на тесную политическую связь между двумя берегами Халиса в это время; опасаясь остаться во Фригии после восшествия Мирсоса на лидийский трон, он для большей безопасности пересек Халис и нашел убежище у "белых сирийцев". Ср. Николай Дамасский, *Fragm. Hist. Grec.* (ed. Müller-Didot), No. 49. Об отношениях с Птерием и халибами см. также Radet, *La Lydie et le Monde Grec*, pp. 63, 111.

[97] Pls. XXIV., XXV.

[98] Ср. Pls. LX., LXXVIII.

[99] Pl. XXIV. (ii); ср. с. 121, 265, 289.

[100] Наш новейший авторитет для этого периода - Olmstead, *Western Asia in the Days of Sargon* (New York, 1908).

[101] Если Туна ассирийцев - это действительно Туана, то есть четкое свидетельство фригийского господства в 714 году, когда Матти из Туны отказался от верности Ассирии и обратился к Мидасу. Если же Туна расположена несколько восточнее (ср. *Тынна* Птолемея V., 6, 22, и Maspero, *The Passing of Empires*, p. 239, note 2) или юго-восточнее Фаустинополя (Ramsay, *Hist. Geog.*, p. 68), то вывод о том, что фригийская сфера простиралась по крайней мере до Тианы, если не дальше, столь же очевиден. Это свидетельство дополняет уже упомянутую надпись (Pl. XXV.).

[102] Herodotus, iv. 11, 12. Мы следуем истории, разработанной Масперо, *op. cit.*, p. 345.

[103] Strabo, XIV. i. 40.

[104] Ср. Maspero, *op. cit.*, p. 336; также Sayce, *Empires of the East*, i. p. 427.

[105] Herodotus, i. 7. О том, как была получена эта дата, см. Schubert, *Gesch. der Könige von Lydien*, p. 8.

[106] О характере ранних имен и их связи с хеттами см. Sayce, *loc. cit.*; ср. также Hall on *Mursil and Myrtillos*, *Jour. Hell. Stud.*, xxix. (1909), pp. 19-22; и по тому же вопросу Винклер в *Orientalistische Litteratur-Zeitung*, Dec. 1906.

[107] Gelzer, *Das Zeitalter des Gyges*, *Rheins. Mus.*, vol. xxxv. (1880), pp. 520-524; ср. Radet, *La Lydie et le Monde Grec*, etc., pp. 90, 91.

[108] Ср. положение царей Хатти, стр. 340, 361 и далее; и царей Команы, Понта и других государств (Страбон, Bk. XII. гл. iii. сек. 32). По этому вопросу см. также Ramsay, в *Recueil de Travaux*, vol. xiv. pp. 78 ff., о "Доэллинских памятниках Каппадокии".

[109] О двойном топоре в хеттской символике см. LXV.; а о связи бога двойного топора с Гераклом см. с. 195, 240.

[110] По этому вопросу, а также по вопросу о хеттском влиянии, сохранившемся в цивилизациях западного побережья, см. блестящий обзор Хогарта "Иония и Восток", особенно стр. 74 и далее и 101-2.

[111] *Op. cit.*, pp. 101-2.

[112] *Раскопки в Эфесе: I. The Archaic Artemisia* p. 173.

[113] Выше, с. 37; см. также ниже, с. 338, и Pls. LIII., LIV.

[114] Herodotus, i. 76.

[115] По этому вопросу см. Mommsen, *The Provinces of the Roman Empire* (London, 1909), pp. 120, 123.

[116] Pl. LV.

[117] Pl. XXVII.

[118] Это место посетил Драммонд, *Путешествия ... по частям Азии до Евфрата* (Лондон, 1874), который дает эскизный план (№ 9 к ф. р. 201). Феодорит в своей "Церковной истории" упоминает три надписи над воротами, а также замок, "очень превосходный" театр, базилику, храм и другие здания; см. также Maundrell, *A Journey from Aleppo to Jerusalem* (ed. 1799), p. 158.

[119] О них см. статью преподобного В. М. Линтона Смита в *Liv. Annals of Arch.*, 1910.

[120] Pl. XXVIII. Ср. мавзолей-пирамиду в Мактапе, опубликованный Gauckler, *Les travaux d'Art ... en Tunisie*, в *Revue Générale des Sciences* (Paris, November 30, 1896), p. 971, fig. 15. Также гробницы в Арле и в Алжире, опубликованные Гселлом в *Les Monuments Antiques d'Algérie* (Paris, 1901). За эти ссылки мы обязаны профессору Босанкету.

[121] Pls. XXIX., XXX.

[122] Старое арамейское название Гелиополя; на самом деле он находится к югу от исторической хеттской границы в Ливане.

[123] Фотографии руин и города Тарсус см. на [пл. XXII.](#), [XXIII.](#); ср. также Ramsay, *Cities of St. Paul*, Part II., with Pls. II.-V.

[124] См. [PL. XXXIV. \(ii\).](#)

[125] Pls. XXXII., XXXIII.

[126] О важности этого аспекта исследования см. Frazer, *Adonis, Attis, and Osiris*, в предисловии; и Hogarth in *Authority and Archæology*, 2nd ed. (London, 1899), Preface, vii.

[127] Sayce, *The Hittites* (London, 1888), 3rd ed., 1902, p. 67.

[128] А также другие камни со скульптурами и надписями; см. Winckler: Предварительный отчет о раскопках в Богаз Кёуи, 1907. (*Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*, No. 35, Dec. 1907), рис. 6, 7, pp. 57, 58.

[129] Hist. Relations of Phrygia and Cappadocia (*Jour. Roy. Asiatic Soc.*, xv., Pl. I.), p. 124.

[130] Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. etc., pp. 214 and ff.; также Hamilton, *Researches*, etc., ii., pp. 350, 351; и *Revue Arch.*, 3, v. pp. 257-264, and Pls. XI., XII.

[131] (a) Хеттское вторжение предшествовало свержению первой вавилонской династии. Дата в восемнадцатом веке до н. э., установленная Кингом (*Chronicles*, etc., i. p. 137), принимается Мейером, но, по мнению Сайса и других, является слишком поздней. (b) В египетских анналах, дипломатических письмах, настенных украшениях и т.д. часто упоминается Хета, начиная с 33-го года правления Тотмеса III. (около 1471 г. до н.э.) до времени Рамсеса III, начала двенадцатого века до н.э. Есть раннее появление группы знаков, читающихся как "Хета", на стеле двенадцатой династии (Лувр, Cl.); некоторые филологи склонны считать группу в этом случае частью более длинного слова - уникальный случай, который подразумевает, во всяком случае, знакомство со словом "Хета" в двенадцатой династии. Более вероятно, говорит нам г-н Гриффит, что группа действительно должна быть переведена как "Хета", хотя и написана (при обстоятельствах, которые можно объяснить филологически) с ложным детерминативом. Вавилонские свидетельства теперь готовят нас к такому раннему появлению имени. (c) В ассирийских записях самое раннее упоминание о Хатти относится к правлению Шалманесера I, около 1320 г. до н.э., но название не повторяется до времени Тиглата Пилесера I, около 1120 г. до н.э.: Саргон (721-704 гг. до н.э.), кажется, окончательно подчинил и разъединил их княжества в Северной Сирии.

[132] Winckler, *Report*, *cit.*, особенно pp. 27 и далее.

[133] См. гл. v., ч. 3, с. [299](#), [314](#).

[134] См. гл. v., ч. 2, с. [271-273](#).

[135] См. выше, с. [55](#), [56](#); ср. также Ксенофонт, *Анабасис*, с. 4-30.

[136] Надписи до сих пор в значительной степени хранят свои тайны. Причина, по-видимому, кроется главным образом в несовершенстве наших копий, поскольку система профессора Сейса (описанная в *Proc. Soc. Bibl. Arch.*, 1904 и др.) последовательно вывела

географические и местные названия, подтвержденные обстоятельствами открытия. Язык, по-видимому, не похож ни на один из известных и варьируется в зависимости от местности.

[137] Камень с надписью в виде круглой верхушки на постаменте, на возвышенности возле Богче, с видом на Халис. См. [пл. XLVIII](#).

[138] Как и массивный алтарь на перевале Куру-Бел. См. [с. 147](#).

[139] *Например*, львы, найденные возле Дерендеха; обелиск в Изгине и колонная фигура из Паланги. См. [с. 141, 145](#).

[140] *Например*, памятники Иераблуса, места Кархемиша, и Мараша, древнего Маргаси; также найденные в Эмир-Гази около Ардистама; или в Боре, Нигдехе и Андавале около Тианы.

[141] Как и львы из Сакдже-Геузи, Мараша, Эюка и т.д.

[142] *Например*, в Курц-оглу и Мараше. См. [с. 98, 113](#).

[143] *Например*, из Кара-буршлу, Синджерли, Сакдже-Геузи, Мараша, Малатии.

[144] *Например*, из Джераблуса, Мараша и т.д. См. показания профессора Сайса, *Proc. S.B.A.*, 1904, Nov. et seqq.

[145] Они отмечены на [карте, с. 390](#). Более подробный указатель этих памятников с библиографией приведен в [Приложении Б](#).

[146] Скульптуры украшают три последних названных дворца.

[147] Можно сделать вывод на основании аналогии скульптурных блоков и местоположения.

[148] При внимательном рассмотрении можно обнаружить некоторые признаки.

[149] Памятники орла, предположительно хеттские.

[150] Памятники льва, голова только круглая.

[151] Статуэтки в круге; в Мараше, также памятники льва.

[152] Алтарь.

[153] Встроен в фасад ворот.

[154] Кажущиеся биографическими или мемориальными.

[155] Предметы, легко переносимые.

[156] Колонная статуя.

[157] *Происхождение сомнительно*.

[158] Ср. ниже, [гл. v. p. 313](#).

[159] Messerschmidt, *C.I.H.* (1900), Pls. XXXIX.-XLV.

[160] *Например*, из Bor, *Recueil de Travaux*, xiv. p. 88.

[161] *Например*, из Aintab, *op. cit.*, vol. xvii. p. 26.

[162] См. ниже, [p. 160](#), [Pl. XL. \(ii\)](#).

[163] Perrot in *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 83.

[164] См. далее, [p. 321](#).

[165] [To face p. 390](#).

[166] Халабу в *Анналах Тотмеса III*, 33-й год; Халман в ассирийских записях; Халпа в хеттских, и Халеп в арабских.

[167] Кроме небольшой архаичной бронзовой фигурки, приобретенной в Хомсе (Ménant: *Revue Arch.*, 1895, p. 31); еще одна бронзовая фигурка и цилиндрическая печать из железного камня, купленные в Латакии на побережье. (Longpréier *Musée Napol.*, Pls. XXI.-XXII.; и *American Jour. Arch.*, 1898, p. 163, и 1899, p. 18.) Добавление: рельефная надпись в две строки была недавно найдена в Рестане преподобным отцом Ронзевалли из Бейрута.

[168] См. например, Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 18; Breasted, *The Battle of Kadesh* (Chicago, 1903), pp. 13, *et ff*.

[169] См. с. [128](#), [130](#); и список памятников в [Приложении Б](#).

[170] См. [Pl. XL. \(i\)](#).

[171] Рамсей (*Hist. Geog.*, p. 35; также *Recueil*, xv., p. 28) считает, что главный восточный маршрут проходил через Малатию и соединялся с Королевской дорогой. На этом месте, конечно же, находилась римская пограничная крепость.

[172] *Liverpool Annals of Arch.*, i. p. 9.

[173] *Ibid.*, p. 11, и [Pl. XIV., fig. 1](#). См. ниже, [Pl. XL. \(ii\)](#).

[174] См. выше, [с. 38](#), и Ramsay, *Historical Geography of Asia Minor*, pp. 30, 31.

[175] Pausanias, I. iv. 5.

[176] *Journal Hellenic Studies*, xix., Part I., 1899, p. 50.

[177] Или, возможно, дискредитирует его. Ср. *J.H.S. loc. cit.*, p. 45, вверху.

[178] Наш относительно большой материал по этому региону в основном обусловлен последовательными исследованиями профессора сэра Уильяма Рамсея и его школы.

[179] Ramsay, *Luke the Physician*, p. 174, сноска.

[180] См. выше, [с. 56](#), и [Pl. XXV](#).

[181] Эта неопределенность, однако, не позволяет нам использовать их *происхождение* в качестве доказательства, хотя сами по себе они представляют особый интерес.

[182] Геродот, i. 76 и i. 72; см. также выше, стр. [21](#), [22](#).

[183] Ramsay, *Historical Geography of Asia Minor* (London, 1890), p. 32.

[184] Профессор Рамсей указывает на пренебрегаемые ирригационные работы, *Лука Врач*, стр. 129.

[185] По мнению мисс Гертруды Белл, он был искусственно отделен от хребта, из которого, как кажется, выступает мыс. См. *The Desert and the Sown* (London, 1905), p. 223. К этой же работе можно обратиться для ознакомления с современными интересами этого замечательного арабского города. Также Tyke, *Dar el Islam* (London, 1907).

[186] См. с. 85, прим. 2 (добавление); и Sayce в *Proc. S.B.A.* (1909), p. 259.

[187] Burckhardt, *Travels in Syria and the Holy Land*, (London 1822), p. 149.

[188] О ходе и перипетиях попыток получить запись о камнях из Хамата читайте в Wright, *The Empire of the Hittites*; Burton, *Unexplored Syria*, and the Quarterly Statements of the Palestine Exploration Fund (1871-2-3); а также в Sayce, *The Hittites* (1905), pp. 60-64.

[189] В частности, один из них, длинный, был полезен для ревматиков, которые растягивались на нем. Алеппский камень считался эффективным средством от офтальмии; и некоторое суеверие сохраняется почти со всеми подобными останками, если они давно известны деревенским общинам. В Египте любые памятники из камня, даже недавно найденные, но гарантированно древние, особенно востребованы бесплодными женщинами, у которых, похоже, есть определенная формула и ритуал для соблюдения - одно из этих действий заключается в том, чтобы пересечь и снова пересечь камень, если возможно, семь раз в каждую сторону, не поворачивая глаз вправо или влево.

[190] C.I.H. (*Mitteilungen*, etc., 1900, 5), Pls. III. B; IV. A, B; V., VI., и текст (1900, 4), с. 6-8. Также Wright, *op. cit.*, Pls. I.-IV., pp. 139-141.

[191] Как характерный экземпляр и представляющий исторический интерес, мы воспроизводим этот памятник на [пл. XXXVII](#).

[192] Sayce, *Proc. S.B.A.*, 1903, March.

[193] Эта особенность отличает данный знак от определителя района, представленного в виде конического холма.

[194] См. например, группы символов, сопровождающие божественные фигуры в Богаз-Кеуи, Pls. LXV., LXII.

[195] Чтение № 1 было предварительно предложено Сайсом, *Proc. S.B.A.* (1903), p. 354; но оно должно быть пересмотрено в свете нового чтения № 2 и заметки об одном из знаков № 1, в *Proc. S.B.A.*, 1905, Nov., p. 218.

[196] Ср. камень Айнтаб ниже, [стр. 107](#), и [PL. XLI](#). Также угловые камни *in situ* в Эюке, Pls. LXXII., LXXIII.

[197] Эти памятники сейчас можно увидеть в Константинополе, в Османском музее. (№№ 831, 832 и т. д.)

[198] C.I.H., Pl. III. A, Text, p. 4 (*Mitteilungen*, etc., 1900, 4, 5), и *Proc. S.B.A.*, v. (1883), p. 146.

[199] Ливерпульской экспедицией 1907 года. См. *Liv. Annals of Arch.*, i. p. 8, Pl. IX., 3; и ср. *Proc. S.B.A.*, June 1908. О трех неописанных, но предположительно хеттских скульптурах из Алеппо см. *Annals*, ii. p. 184, и Pl. XLII.

[200] См. [пл. XXXVIII](#)., к лицу.

[201] C.I.H. (1900), Pl. VII. и p. 8.

[202] *Vorderasiatische Abteilung*, No. 3009.

[203] *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*, 1900, pt. 4, p. 8. Еще один предмет с надписью, происходящий из этого региона, сейчас находится в музее в Александретте, но, похоже, он был привезен из Мараша. Это небольшой камень с надписями на обеих сторонах, одна из которых плоская, а другая выпуклая. Четыре ряда рельефных иероглифов сохранились на обеих сторонах, а часть пятого видна, так как часть предмета отколота. Его ширина составляет 9½ дюймов, а высота того, что сохранилось, - 14 дюймов (*ibid.*, *loc. cit.*).

[204] *C.I.H.* (1900, 5), Pl. XXVI. 1, 2, и до. (1900, 4), p. 20.

[205] Иллюстрация сцены в Синджерли, Pl. LXXV., объясняет сюжет в целом: только в Сакье-Геузи одна из фигур стоит, в остальных случаях обе сидят.

[206] Сравните по форме и сюжету "надгробие арамейской царицы", VIII век до н. э., Берлинский музей (*Vorderasiatische Abteilung*, No. 2995). Форма также соответствует памятнику из Самсата (ниже, [стр. 130](#)); и стеле Набонида из Муджелибека, находящейся в Константинополе, опубликованной Шейлем, *Recueil de Travaux*, xviii. 1, 2 (Париж, 1896).

[207] Такие, как можно увидеть в Сакдже-Геузи и в одном случае в Мараше.

[208] К сожалению, похоже, что не было сделано никаких зондирований для столь желанного хеттского некрополя. О возможной эволюции мотива в целом см. ниже, [с. 357](#).

[209] По этому вопросу см. [с. 357](#), и ср. Jensen, *Hittiter und Armenier* (Strassburg, 1898), p. 166; и Crowfoot, *Jour. Hell. Stud.*, xix., pp. 42, 43.

[210] *Liv. Annals of Arch.*, i. pp. 97-117, and Pls. XXXIII.-XLIX.

[211] Публикуется в *Liv. Annals of Arch.*, i. Pl. XLV., и pp. 101-2. Есть слепок в Ливерпульском институте археологии.

[212] Ср. памятники этого класса из Мараша, описанные ниже, и стелу Нераба, финикийский памятник девятого века до н.э. (хорошая фотография которого опубликована Боллом, *Свет с Востока*, на стр. 236). Эти скульптуры следует сравнить с изображениями святилищ или приношений на алтаре, такими как рельефы во Фрактине, Pl. XLVII. (*Recueil de Travaux*, xiv., Pl. VI., и Chantre, *Mission en Cappadoce*, Pl. XXIII.); также сцена в Эйюке, Pl. LXXIII. (i).

[213] Ср. аналогичную скульптуру из Мараша, [стр. 111](#), и *C.I.H.* (1900, 5), Pl. XXII., и из Малатии, ниже, [с. 135](#).

[214] *Vorderasiat. Mus.*, No. 971.

[215] Pl. XXXIX.; ср. также Humann и Puchstein, в *Reisen in Kleinasien und Nord Syrien* (Berlin, 1890): *Atlas*, Pl. XLVI. Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 64, и рис. 279.

[216] Ср. аналогичную композицию другой скульптуры из того же места. *Liv. Annals*, i. (1908), Pl. XV., fig. 2.

[217] Ср. лев из Мараша, Pl. XLII., и недавно найденного льва из Сакдже-Геузи, Pl. LXXIX.

[218] Ср. *Liv. Annals*, i. (1908), Pls. XXXIV. 2, XXXV. 2.

[219] Относится Пухштейном, "Псевдо-гетевская кунсткамера" (Берлин, 1890), к эпохе Саргона.

[220] Pl. XL. (i). Из *Liv. Annals*, i. (1908), figs. 2, 3, Pl. XIV.

[221] Ср. *среди прочего* Chantre, *Mission en Cappadoce*, Pl. XXIV.; также (Bezenberger und) Peiser, *Die bronze Figur von Schernen* (*Sitzungsber. der Altertumsges. Prussia*, Heft 22), где подробно рассматривается распространение этого класса бронзовых фигурок. Среди малоазиатских памятников фигурируют Юзгат, Ангора, Амасия, Карашер, Икония и десять безымянных мест Каппадокии. На сирийской стороне выделяются Мараш и Хомс, а также регион Ливана. Таким образом, распределение включает многие хеттские места, но не исключительно.

[222] Pl. XLI.; ср. *Liv. Annals Arch.*, i. (1908), Pls. X., XI., p. 8, и fig. p. 7. В Айнтабе было найдено несколько важных небольших предметов.

[223] Ср. с памятником, недавно обнаруженным в Мараше, описанным ниже, [стр. 114 и далее](#).

[224] Как и в Сакдже-Геузи. См. [пл. LXXVIII](#).

[225] Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii., fig. 268.

[226] Humann and Puchstein, *Reisen, etc., Atlas*, Pls. XLVII.-XLIX.

[227] Другие скульптурные фрагменты описаны на [стр. 118-122](#).

[228] Pl. XLII. с фотографии Императорского Османского музея в Константинополе, любезно предоставленной Е. П. Хамди-беем.

[229] Ниже, Pls. XXXVIII., LXXIX.

[230] Оригинал находится в Константинопольском музее, № 840; слепок можно увидеть в Британском музее.

[231] *Proc. Soc. Bibl. Arch.* 1905, Nov., p. 225.

[232] Например, в Комане Понтийском, Страбон, XII. iii. 32; там же, и в Каппадокии, где жрец был вторым по рангу, там же, XII. ii. 3; также в Пессине, там же, XII. vi. 3.

[233] Ср. скульптуру № 72 в Иасили Кая, [Pl. LXX.](#), и [стр. 228](#); также [стр. 360](#).

[234] Messerschmidt, *C.I.H.* (1900, pt. 5), Pl. XXII., и *ibid.*, 4, p. 18.

[235] Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 64.

[236] Ср. аналогичную черту в скульптуре из Кархемиша, [p. 127](#).

[237] Ср. фотографию [Pl. V. \(ii\)](#) женщин в Картале, который находится в Курт-Даге к югу от Мараша. Наводящее на размышления общее сходство можно найти на некоторых этрусских памятниках.

[238] Ср. [пл. LXXV.](#), [LXXVII](#).

[239] *C.I.H.* (1900-5), Pls. XXIII, A-B. Оригинал находится в Берлинском музее Восточных древностей, № 973.

[240] Hogarth, *Recueil, etc.*, XV. p. 32, and Pl. II., fig. B.

[241] Berlin Vorderasiatisches Museum, No. 972.

[242] *C.I.H.* (1900-4), p. 20; *Ibid.* (1900-5), Pl. XXV.

[243] Сейчас она находится в музее Метрополитен, Нью-Йорк; (Cesnola Coll., No. 1904), и есть оттиски в Берлинском музее.

[244] *C.I.H.* (1906), pp. 12-15, и Pl. LII.

[245] *Op. cit.*, p. 13. Оригинал находится в Константинопольском музее, № 1625.

[246] После осмотра предмета мы считаем, что это реальное объяснение. Мы также утвердились в своем мнении, что надпись и резьба современны оригиналу памятника. - Март 1910.

[247] См. например, рис. № 72 в маленькой галерее в Иасили-Кая, ниже, [пл. LXX.](#); также стр. 110, 360. О кисточке см. стр. 306, 308, и [пл. LXXXI. \(ii\).](#)

[248] *C.I.H.* (1900-4), p. 19; и (1900-5), Pl. XXIV.

[249] Humann and Puchstein, *Reisen, etc., Atlas*, Pl. XLVII., № 2; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii., fig. 281. Метрополитен. Mus. of Art, New York, No. 1906.

[250] По мнению Перро, это высокий табурет.

[251] Ср. лиру, которую держал азиатский иммигрант в Египте около 2000 г. до н. э. Newberry, *Beni Hasan* (London, 1893), Pl. XXXI.

[252] Как культовый объект эта птица представляет широкий и интересный спектр для изучения. Например, архаическая греческая статуэтка VI века до н. э. из Малой Азии, хранящаяся в Берлинском музее (Stehende Frau), № 1597.

[253] Humann and Puchstein, *Reisen, etc., Atlas*, Pl. XLVII., fig. 4. Есть слепок в Берлинском музее, № 61.

[254] Например, в Кара-Беле, [Pl. LIV.](#); и в Малатии, [Pl. XLIV.](#) Ср. также сцену штурма Дапура в Рамессеуме в Фивах.

[255] Слепок находится в Берлинском музее Vorderasiatisches, № 63, V.A.G.

[256] Humann, etc., *op. cit.*, XLVII. 5; Perrot, etc., *op. cit.*, fig. 282. Оригинал находится в музее Метрополитен, Нью-Йорк, № 1905; есть слепок в Берлинском музее.

[257] Ср. стр. 265, 282.

[258] Humann and Puchstein, *op. cit.*, Pl. XLVII. 1. Berlin Vorderasiatisches Museum, 62.

[259] Ср. аналогичные скульптуры из Малатии, [с. 133](#); Сакье-Геузи, [пл. XXXIX.](#)

[260] Оригинал Berlin Vorderas. Mus., No. 974; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 77, fig. 290.

[261] См. ниже, [с. 380.](#)

[262] См. ниже, [с. 371](#), и Maspero, *The Struggle of the Nations*, pp. 145 ff.

[263] См. резюме отчета, напечатанного в "*Графики*", в Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 281. См. также Drummond, *Travels ... to the Banks of the Euphrates* (1754), p. 209; и Maundrell (Hy.), *A Journey ... to the Banks of the Euphrates* (Oxford), 1749.

[264] См. с. 263; и ср. Pl. LXV. (Иасили Кая), Pl. LXXIX. (Сакдже-Геузи) и Pl. XLII. (Мараш). Обсуждение мотива в целом см. в *Ausgrabungen in Sendschirli*, cit., p. 270, note 1.

[265] Как представлено у Перро и Чипьеца, *Искусство в ... Asia Minor*, ii. p. 62, fig. 276. За фотографию, с которой мы пишем, мы обязаны любезности Миссии в Кесарии. Этот предмет проиллюстрирован плохо отпечатанной фотографией в книге Сейса "Хетты", на стр. 58, где он по недосмотру описан как из Мараша.

[266] British Museum, *Guide to Babylonian and Assyrian Antiquities*, p. 27, No. 3; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii., fig. 277; Messerschmidt, *C.I.H.* (1900), Pl. XII. Фотография в Ball, *Light from the East*, p. 142.

[267] Ср. также скульптуру, найденную в Сакье-Геузи, Pl. LXXX.; и *Liv. Annals Arch.*, 1908 (4), Pl. XLI., № 2, где божество имеет четыре крыла.

[268] Ср. скульптуры Бора, Pl. LVI.; и Ивриз, Pl. LVII.

[269] *C.I.H.*, 1900, Pl. X.; *Путеводитель по Британскому музею*, цит. соч. стр. 27, № 8. Перевод Сэйса в *Proc. S.B.A.*, 1905, Nov., p. 201, начало "кортик Кархемиша". Повторение географического слова Kar-ka-me-is (ассирийское Gargamis) является замечательным подтверждением системы перевода профессора Сайса.

[270] Ср. с этой особенностью скульптуры из Бора, Pl. LVI.

[271] О важности этой детали как критерия см. с. 379.

[272] Боскауэн в *Graphic*, 11 декабря 1880 г.; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii., Additions, fig. 390; *C.I.H.* (1900), Pl. XV. 13, и Text, p. 12.

[273] Ср. *Baruch*, vi. 43. 'Сидят женщины, обвязанные шнурами вокруг тела; и одна говорит... почему я не была избрана и шнур мой не порвался?'

[274] *Brit. Mus. Guide*, p. 27, No. 6; *C.I.H.* (1902), Pl. XIV., No. 7.

[275] *British Museum Guide*, p. 27, No. 1, где "часть здания" - это сумма имеющейся информации; *C.I.H.*, Pl. IX., and Text, p. 9; Ball, *Light from the East*, p. 143; Sayce in *S.B.A.*, 1905, Nov., p. 204.

[276] *C.I.H.* (1900), Pl. XI., 2, и Text, p. 10; *British Museum Guide*, p. 27, No. 2; Sayce in *S.B.A.*, 1905 (Nov.), p. 206.

[277] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, fig. 390. *Добавление*, 1910: наши сведения об этих скульптурах теперь дополнены рассказом г-на Хогарта, *Liv. Annals of Arch.* (Dec. 1909), ii. pp. 165-172, и Pls. XXXV., XXXVI. (i). См. также Келлекли в [Приложении В](#).

[278] Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, fig. 391.

[279] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 62, fig. 278.

[280] После публикации см. [В](#), и *Liv. Annals of Arch.*, ii. pp. 177-183, и Pls. XXXVII.-XL.

[281] *Op. cit.*, fig. 283. Впервые опубликовано в *Gazette Arch.*, 1883. Pl. XXII.

[282] Humann and Puchstein, *Reisen in Kleinasien und Nord Syrien* (Berlin, 1890), *Atlas*, Pl. XLIX., No. 1-3. Также Messerschmidt, *C.I.H.* (1900), Pl. XVII., и Текст, стр. 14.

[283] Humann and Puchstein, *Reisen*, etc., p. 355, fig. 50. 'Felsrelief bei Gerger'.

[284] *Recueil de Travaux*, xvii. p. 26.

[285] Константинопольский музей, № 846. Hogarth, *loc. cit.*, with Plate, fig. 3. Hilprecht, *Explorations in Bible Lands* (Philadelphia, 1897), fig. 159; Messerschmidt, *C.I.H.* (1900), Pl. XVI. A., and Text, p. 13.

[286] Обсуждается Sayce, *S.B.A.*, 1905, Nov., p. 212. Ручная копия, Hogarth, *loc. cit.*, p. 25.

[287] Ср. скульптуры, Pls. XLII. и LXXIX.

[288] Константинопольский музей, № 847. *C.I.H.* (1900), Pl. XVI. B. Hogarth, *Recueil*, xvii. p. 25.

[289] См. с. 99, 103, 111.

[290] Ср. Pl. LXXV. (i), и p. 111.

[291] Ср. эпилог к договору между Рамсесом II и Хаттусилом, p. 349.

[292] Ср. Pl. LXXII. Об этом вопросе в целом см. ниже, с. 360.

[293] В музее Лувр, Париж. Публ. Heuzy, *Les Origines Orientales de l'Art*, Pt. i. (Paris, 1892), Pl. X. Messerschmidt, *C.I.H.* (1906), Pl. XLVII., и с. 7.

[294] Впервые опубликовано и обсуждено Сэйсом, *P.S.B.A.* xxvi. (1904, янв.), p. 13, с рисунком. Профессор Сейс переводит так: "Эти ворота вырезал Лже... с, повелитель... ианов", но Мессершмидт оспаривает чтение "ворот", *loc. cit.*

[295] Ср. Pl. LXXII. и pp. 256, 265.

[296] Pl. LXXIX. и с. 301.

[297] См. Pl. XLIX. из *Liverpool Annals of Archæology*, i. (1908), Pls. IV., V. Совсем недавно г-н Хогарт (*ibid.*, 1909, Pl. XLI.) получил новый набор фотографий, на которых детали видны гораздо четче.

[298] Ср. головной убор бога в Богаз-Кеуи, Pls. LXV., LXXI.

[299] Он соответствует, как указывает профессор Сайс, сирийскому Хададу, который аналогичным образом стоит на спине быка, которого он ведет за собой на веревке. Ср. также утверждение Лукиана (*De Dea Syria*), что главный бог Иераполиса, который заменил Кархемиш, опирался на быка. О положении этого бога в хеттском пантеоне см. с. 359.

[300] Ср. скульптуру Кара-Бела, Pl. LIV., также p. 119.

[301] Для этого объекта см. скульптуру Синджерли, Pl. LXXVII. (ii); а для формального изображения - ведущий бог в Богаз-Кеуи, Pl. LXV.

[302] Pl. LXXII., p. 256.

[303] Ср. крылатое божество из Богаз-Кеуи (Иасилы-Кая), № 5 L., p. 216.

[304] О типах ваз см. сирийскую дань в Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 263; и особенно хеттскую дань, *temp.* Ахенатена, опубликованные Дэвисом, *Эль-Амарна II*, Pl. XL., p. 41; ср. также сцены обложения в Эюке (*к.*, p. 268) и у Фрактина, Pl. XLVII.

[305] Вопрос о датировке см. с. 339.

[306] См. с. 277, 301.

[307] *Recueil de Travaux*, xv. p. 27, Pt. iv.

[308] Ramsay and Hogarth, *Recueil de Travaux*, xv. Pl. III., Константинопольский музей, № 1215 (630); Messerschmidt, *C.I.H.* (1900), Pl. XX., и пересмотренная копия, 1906, Pl. XX.

[309] Cp. *Journal of Hellenic Studies*, vol. xii. Pl. IX.

[310] Hogarth, *loc. cit.*, p. 31.

[311] Vorderasiat. Mus., Berlin, No. 2882, *Ausgrabungen in Sendschirli*, i. (*Mitt. aus den Orient. Sammlungen*, 1893, Berlin, Heft xi.), Pl. VI.

[312] Messerschmidt, *C.I.H.* (1906), p. 13. Основание статуи, по-видимому, является продолжением колонных оснований Синджерли и Сакье-Геузи (Pl. LXXXII.), в конструкции которых два сфинкса поддерживают барабан колонны на своих спинах. В данном случае конструкция изменена, но сохранила яркие черты, оставшиеся от более древнего прототипа. Сфинксы заменены львами, в стиле угловых львов Синджерли (*Ausgrabungen in Sendschirli*, iii., Pl. XLVII.), а между их передними частями появляется фигура человека, вырезанная в рельефе. Он находится в скрюченном положении, продиктованном, вероятно, небольшим пространством, которым располагал скульптор; его руки протянуты к ошейникам львов по обе стороны; лицо показано полностью, с квадратно подстриженной бородой и выделяющимся по обе стороны головы локоном волос, явно прикрепленным к парикю. Его одежда - короткая туника с бахромой и жилет с короткими рукавами; вокруг талии - пояс, к которому прикреплен кинжал. Его ноги повернуты влево; на ступнях, похоже, есть ремешки или браслеты, возможно, для крепления обуви. Хотя обуви не видно, пальцы ног заметно вывернуты. Это поразительный предмет. Обод барабана никак не украшен, но на его верхушке есть большая квадратная выемка, соответствующая язычку на нижней части статуи. (Orig. Consple. Mus., No. 1519.)

[313] By Sir Charles W. Wilson; Wright, *Empire*, etc., p. 57. Ramsay and Hogarth, *Recueil*, etc., xiv. and Pl. IV. *C.I.H.*, 1900; Pl. XVIII., и p. 15.

[314] Cp. Pls. LXV., LXXI.

[315] Название означает "Львиный камень" и известно везде, где встречаются подобные памятники.

[316] Ramsay and Hogarth, *loc. cit.* Pl. II., A.

[317] См. ниже, с. 297, и *Mitt. a. d. Orient. Samm. Sendschirli*, iii. (Berlin, 1902), Pl. XLVI. Оригиналы хранятся в берлинском Vorderas. Mus., №№ 2718, 3001.

[318] Cp. львы Мараша и Сакдже-Геузи, Pls. XLII., LXXIX.

[319] Sterrett, *Epigraphical Journey* (1884), p. 299.

[320] Ramsay and Hogarth, *Recueil*, etc., xv. p. 30 and Pls. I.-II.

[321] G. de Jeraphanion, *Proc. S.B.A.*, 1908 (Feb.), p. 42 и Pl. I. За две фотографии, которые находятся перед нами в момент написания статьи, мы обязаны членам Американской миссии в Кесарии.

[322] Pp. 180, 181.

[323] P. 237.

[324] [Pl. XLVI.](#); *C.I.H.* (1900), Pl. XXXI. p. 26; *Ibid.* (1906), Pl. XXXI. А и p. 23. Константинопольский музей, № 1217.

[325] Hans Rott, *Kleinasiatische Denkmäler* (Leipzig, 1908), p. 178, fig. 3; Jeraphanion, *Proc. S.B.A.*, xxx. (1908) pp. 43, 44, и [Pl. II.](#)

[326] Murray's *Handbook for Asia Minor*, p. 273.

[327] Ramsay and Hogarth, *Recueil, etc.*, xiv. p. 81, and [Pl. VI.](#); *C.I.H.* (1900), [Pl. XXX.](#) и p. 25; Chantre, *Mission en Cappadoce* (Paris, 1898), [Pl. XXIII](#) и p. 125.

[328] *Hist. Geog.*, pp. 288, 312. Эта идентификация, вероятно, остается непоколебимой после открытия в Ташджи. Ср. Страбон, xii. 2-6. Слово, по-видимому, связано с именем Тарк.....

[329] [Pl. XLVII.](#)

[330] Ср. фигуры богов из Богаз-Кеуи, [Pl. LXV.](#)

[331] Эта позиция уникальна; ср. фигурки жрецов на пл. [LVIII](#), [LXXII.](#)

[332] Ср. фигурки богов Кара-Бела, [пл. LIV.](#); Малатия, [пл. XLIV.](#)

[333] Ср. сцены обрядов в Малатии, [Pl. XLIV.](#), [p. 138](#), и из Эюка, [p. 268.](#)

[334] Ср. Эюк, [Pl. LXXIII. \(i\)](#); Sipylus, [Pl. LIII.](#)

[335] Ср. женскую фигуру в Богаз-Кеуи, [Pl. LXVII.](#)

[336] Ср. кисточку в Сакдже-Геузи, [пл. LXXXI. \(ii\)](#); and Marash, [p. 115](#); also the oblation-scene at Malatia, above, [Pl. XLIV.](#)

[337] Ср. скульптуры из Мараша, [с. 118](#), и Ярре, [с. 165.](#)

[338] Ср. [p. 241.](#)

[339] *Liverpool Annals of Archæology*, vol. i., No. 1, p. 6, и [Pls. VIII. and IX. \(i.\)](#).

[340] См. выше, [с. 24.](#)

[341] Hans Rott, *Kleinasiatische Denkmäler* (Messerschmidt в том же издании), pp. 175-179 и [figs. 1, 2.](#)

[342] См. выше, [с. 24.](#)

[343] Он описан Андерсоном, *Jour. Hellenic Studies*, xxi. (1901), pp. 328-332 как шесть миль к северо-северо-западу от Туз-Кеуи, поэтому, вероятно, это *Карапунар* на карте Киперта, и его следует отличать от *Карапурны*, к северо-западу от Араписона.

[344] Ср. крепость и надпись Кара-Дагх, ниже, [с. 178.](#)

[345] Ср. *Jour. Hellenic Studies* (1899), p. 55 ff.

[346] Открыт Андерсоном, см. указ. соч. и табличку; также Sayce, *Proc. S.B.A.*, 1905 (Nov.), p. 217; *C.I.H.* (1902), [Pl. XLVI.](#)

[347] См. [Pl. XLVIII.](#) для нашей фотографии южного лица. Ср. *C.I.H.* (1906), [Pl. LI.](#) и стр. 11, 12.

[348] Ср. с. 27, выше.

[349] См. Pl. XLIX. Ср. Robinson, *Proc. S.B.A.*, 1908 (январь), p. 27 и fig. 1, 2; и *Liv. Annals of Arch.*, 1, i. Pls. VI., VII. и p. 5.

[350] Ср. конструктивные детали Нижнего дворца в Богдаз-Кеуи, ниже, с. 208.

[351] Ср. пл. LXV.

[352] См. с. 235, 236.

[353] Из договора между Хаттусилом и Рамсесом II, см. ниже, с. 348.

[354] Тем более что некоторые иероглифы видны на фотографии М. Перро.

[355] Winckler, *Mitteilungen der Deutschen Orient. Gesellschaft zu Berlin*, Dec. 1907, No. 35, pp. 57, 58, figs. 6, 7.

[356] Хотя в иероглифическом виде встречается у Эмира Гази; и в круглом у Куру-Бела (выше с. 147).

[357] См. Pl. XL. (ii), и *Liv. Annals of Arch.*, 1, i. p. 11, и Pl. XIV. (1).

[358] См. с. 37, 38.

[359] См. с. 21, 92.

[360] Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 198, fig. 350.

[361] Crowfoot, *Jour. Hellenic Studies*, xix. pp. 45-48, fig. 5.

[362] Ср. строительство в Сакдже-Геузи, Pl. LXXVIII.

[363] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 202 fig. 352.

[364] См. с. 205.

[365] См. Pl. LXI. (i).

[366] См. с. 178.

[367] См. с. 154.

[368] См. Pl. LXV.

[369] Интересно сравнить этот головной убор со скифским (ср. узоры на электронной вазе из Куль-Обы, Рейнах и др., *Древности Южной России*).

[370] См. с. 215, примечание.

[371] См. Pl. LXV.

[372] Strabo, XII. v. 3; о маршруте см. Perrot and Chipiez, *op. cit.*, p. 202; Anderson, *Jour. Hell. Stud.*, xix. p. 95; Ramsay, *Hist. Geog.*, p. 31; и *Jour. Roy. Asiat. Soc.*, xv. (1883), p. 109.

[373] Crowfoot, *Jour. Hell. Stud.*, xix. Pt. 1 (1899), pp. 40-45, и рис. 4.

[374] См. с. 99, 100 и Pl. LXXV. (i).

[375] P. 111.

[376] P. 226.

[377] P. 284 и Pl. LXXV. (i).

[378] Ramsay, *Jour. Hell. Stud.*, iii (1883) pp. 6-11 и fig. 2. О фригийских памятниках вкратце см. в Murray's *Handbook*, p. 142 и др.

[379] Ср. скульптуру из Мараша, [стр. 119](#), и из Фрактина, [стр. 151](#).

[380] C.I.H. (1900), Pl. XXXVI. B, и текст, стр. 32.

[381] *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 206 и fig. 353.

[382] *Mitteilungen der Deutschen Arch. Inst. Athen. Abtlg.*, xiv. (1889), p. 181; C.I.H. (1900), Pl. XXXVI. A, и текст, с. 32; Murray's *Handbook*, p. 135.

[383] Ср. первоначальный вид надписи из Экрека, [Pl. XLVI](#).

[384] Описание горы и сравнительное исследование религии знаменитого памятника см. в статье Ramsay, 'Sipylus and Cybele,' in *Jour. Hell. Stud.*, iii. pp. 33-68. Ср. Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 234 и ff., и рис. 365; Weber, *Le Sipylus et ses monuments* (Paris, 1880); C.I.H. (1900), Pls. XXXVII., XXXVIII., и текст, p. 33.

[385] См. [Pl. LIII.](#), к лицу.

[386] Pausanias, III. xxii. 4, цитируется ниже.

[387] Dennis, *Proc. S.B.A.*, iii. p. 49; Sayce, *ib.*, vol. vii. Pl. V.; C.I.H. (1900), Pl. XXXVIII.

[388] [Pl. LXXIII. \(i\)](#).

[389] [Pl. XLVII](#).

[390] Below, [p. 184](#).

[391] *Iliad*, xxiv. 615.

[392] *Metamorphoses*, vi. 310.

[393] Pausanias, trans. Frazer, I. xxi. 3.

[394] Pausanias, trans. Frazer, III. xxii. 4.

[395] Ср. Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 236, где этот отрывок переведен: "Статуя Матери Богов, древнейшей из всех богинь". По-гречески это звучит так: μήτρος θεῶν ἀρχαιότατον ἀπάντων ἁγᾶλμα. Однако не может быть никаких сомнений в идентичности памятника.

[396] Pausanias, VIII. xxxviii. 10.

[397] J.H.S. (*loc. cit.*), iii. p. 41, etc., p. 54. Ср. также Rawlinson, *Ancient Monarchies*, i. p. 494.

[398] О месте этого культа в религии хеттов см. с. [354 и далее](#).

[399] См. [Pl. LIV.](#), взятую из Sayce, *The Hittites* (1903), p. 68, и переизданную по любезности автора и S.P.C.K.

[400] Texier, *Description*, vol. ii. Pl. CXXXII.; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 229, fig. 362.

- [401] Альтернативно меч, который держат наперевес; отметки на камне над и под рукой не совпадают. Ср. бог 2 L. в Богаз-Кеуи, [Pl. LXV](#).
- [402] Herodotus, ii. 106.
- [403] *Trs. S.B.A.*, vii. pp. 266, 439, и *Proc. S.B.A.*, xxi. p. 222; также в *The Hittites*, pp. 67 ff. Ср. *C.I.H.* (1900), [Pl. XXXIX](#). и p. 38.
- [404] *Recueil de Travaux*, xiv.; *C.I.H.* (1900), [Pl. XXXV](#). и p. 31; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 213 (где название неверно указано как Kosli-Tolu). Впервые надпись была опубликована в *Revue Archéologique*, 3e série, 1885, v. p. 262. Переработанная копия Сайса в *Proc. S.B.A.*, Jan. 1904, p. 24, с табличкой.
- [405] Xenophon, *Anabasis*, I. ii. 14.
- [406] Hamilton, *Researches in Asia Minor*, ii. pp. 350, 351; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. p. 214 и fig. 356; *Revue Archéologique*, 3e série, vol. V. pp. 257-264, [Pls. XI.](#), XII.
- [407] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. pp. 222, 223; иллюстрация в Ramsay, *The Cities of St. Paul* (London, 1907), p. 134, fig. 7.
- [408] Это вывод из отсутствия ног; на самом деле ноги заканчиваются на голове нижней фигуры.
- [409] Ср. стр. [235](#), [239](#).
- [410] Ср. особенно львов и основание сфинкса из Сакдже-Геузи, [пл. LXXIX](#), [LXXXII](#).
- [411] См. [с. 142 выше](#), [примечание 4](#).
- [412] Ср. ниже, [с. 311](#).
- [413] Ср. гл. I. [с. 41](#).
- [414] *Luke the Physician*, pp. 163, 164.
- [415] By Miss Gertrude Bell, 1907.
- [416] Ramsay, *op. cit.*, [Pls. XIV.](#), XV.
- [417] *Proc. S.B.A.* (март 1909), xxxi. p. 86, [Pl. VII. No. 5](#).
- [418] Sayce, *op. cit.*, [Pls. VIII. No. 6](#).
- [419] Ramsay, *op. cit.*, p. 160 и [Pl. XVI](#).
- [420] *Proc. S.B.A.* (март 1909 г.), [Pl. VII](#).
- [421] Профессор Сайс не согласен с интерпретацией профессора Рамсея, которую мы принимаем за неимением альтернативного объяснения, и особенно с учетом параллелей, проводимых скульптурами из Эюка ([Pl. LXXIII. \(i\)](#)) и Сакдже-Геузи ([Pl. LXXXI.](#)).
- [422] Профессор Рамсей (*op. cit.*, p. 160) воспроизводит это имя как Таркуаттес; но форма, приведенная профессором Сайсом (*S.B.A. loc. cit.*, p. 84), близко соответствует имени хеттского вождя *Тарганнаса*, записанному Рамсесом II.
- [423] Знак идеографический, и чтение Сандес (или Сандон) подтверждается различными способами. Этот же знак, похоже, обозначает бога бури (вавилонского Хадада и

митаннийского Тессупа) на хеттском памятнике, найденном в Вавилоне (Sayce, *Proc. S.B.A.*, 1904, p. 306). Д-р Винклер, однако, обсуждая архивы Богаз-Кеуи, считает, что Тессуп был именем национального хеттского божества. См. также [p. 358](#).

[424] Ниже, [Pl. LXV](#). и [p. 237](#). Обратите внимание также на алтарь на перевале Куру-Бел, выше, [с. 147](#).

[425] Ср. [с. 129](#), [232](#). Среди хатти, как явствует из архива Богаз-Кеуи, царь назывался Богом-Солнцем. Winckler, *Mitteil. der D. Orient-Ges.*, No. 35, Dec. 1907.

[426] В этом выводе мы несколько расходимся с профессором Сайсом и частично согласны с профессором Рамзи. Наша аргументация, однако, основана лишь на несколько отдаленных аналогиях. Ср. также Рамзи в *Recueil, etc.*, xiv. pp. 74 ff. о священническом служении.

[427] Ср. Рамсей и Хогарт, *Recueil de Travaux*, xv. p. 26.

[428] М-р Т. Калландер, участник экспедиции профессора Рамсея в 1904 году.

[429] Ramsay, *Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire* (Aberdeen, 1906), p. 178 и Pls. IX., X., XI.; *C.I.H.* (1906), p. 9 и Pls. XLIX., L. Профессор Рамзи нашел еще один алтарь в 1907 году.

[430] Исчерпывающее сравнительное исследование этих надписей см. в статье Сайса, *Proc. S.B.A.* xxvii. (1905), pp. 21-31 и Pls. I., II., III., и пересмотренное примечание, там же, vol. xxviii. (1906), May, p. 134.

[431] См. ниже, Pls. [LXVIII.](#), [LXXI.](#)

[432] Выше, [Pl. XLVII.](#)

[433] Ниже, [Pl. LXXII.](#)

[434] [P. 107](#), [Pl. XLI.](#)

[435] [Pp. 114 ff.](#)

[436] [P. 127.](#)

[437] См. выше, [с. 41.](#)

[438] [xii. 2-7.](#)

[439] Выше, [с. 56.](#)

[440] Константинопольский музей, № 857. Hogarth, *Wandering Scholar*, p. 16.; Ramsay and Hogarth, *Recueil*, xiv. Pl. I.; Sayce, *Proc. S.B.A.* xxviii. (1906), p. 94 ff. и Pl. III.; Messerschmidt, *C.I.H.* (1906), Pl. XXXIII. и с. 3. За нашу фотографию, [Pl. LVI.](#), мы обязаны властям Императорского Османского музея.

[441] См. ниже, [Pl. LVII.](#)

[442] Выше, [с. 126](#) и [с. 113.](#)

[443] [Pl. LVII.](#)

[444] Письма профессора Сайса от 2 октября, 9 октября 1909 г.

[445] Sayce, *Proc. S.B.A.* 1905, p. 200; и 1906, p. 94, с Pl. III.

[446] Первые пять знаков справа в первой колонке.

[447] *C.I.H.* (1900), Pl. XXXI., с. и текст, р. 27. Ramsay and Hogarth, *Recueil*, xiv., Pl. I. р. 84.

[448] Ботаник, Herr Walter Siehe, *C.I.H.* (1906), Pl. LIII. р. 15.

[449] Профессор Сайс предлагает нам следующий перевод: "Этот камень был установлен королем, принцем Каса".

[450] *C.I.H.* (1900), Pl. XXXII. и р. 27; Hogarth and Ramsay, *Recueil*, xiv. Pl. II. и р. 85; Sayce, *Proc. S.B.A.* 1905, р. 229. В Ливерпульском институте археологии хранится увеличенная фотография оригинала, которая была сверена со слепком в Ашмолеанском музее.

[451] См. фронтиспис и с. 43.

[452] *Op. cit.*, р. 230, строка 3 и строка 5.

[453] Мы произносим это слово как *lvreez*; хотя на местах его обычно произносят как *lbreez*, вероятно, из-за расовых трудностей с буквой *v*.

[454] См. главу I. с. 41.

[455] По этому вопросу существует обширная литература. В частности, живописное описание страны см. в Davis, *Life in Asiatic Turkey*, pp. 245-248. Рассказ о памятнике в связи с его окружением, отличающийся красотой мысли и написанный с очарованием выражения, см. в Ramsay, *Luke the Physician*, pp. 171-179, and Pl. XXI.; также примечание в *Pauline and other Studies*, pp. 172, 173. Сравнительное исследование религиозной символики памятника см. в Frazer, *Adonis, Attis, and Osiris* (1907), pp. 93-97. Для нашей фотографии использована пл. LVII., сделанной с гипсового слепка в Музее Малой Азии в Берлине, мы обязаны д-ру Мессершмидту, который описывает свое посещение этого места, *C.I.H.* (1906), pp. 5, 6, и Pl. XXXIV. Эта фотография показывает больше тонких деталей, чем любой из опубликованных оригиналов, на которых тени обычно слишком резкие.

[456] О разработке маршрута через Киликийские ворота см. выше, с. 45.

[457] Ср. обработку царя-жреца и других памятников в Сакдже-Геузи. Pl. LXXXI.

[458] Ср. Pl. LVI.

[459] Sayce, *Proc. S.B.A.*, May 1906, pp. 133, 134, and Plate.

[460] В первом случае в соединении или варианте, *Ay-mi-ny-a-si-s* (? сын Айминяса); во втором случае точно как в Боре, *Ay-mi-ny-a-s*. Эти знаки - два последних в первом ряду и три под ними во втором ряду надписи позади царя. Ср. первые пять знаков надписи на Бору, Pl. LVI.

[461] См. что сказано по этому поводу в предыдущей главе, с. 54.

[462] Ср. стр. 238, 240. О происхождении и развитии этой концепции бога см. ниже, с. 378, 379.

[463] Мы можем отдать особую дань уважения новаторской работе берлинской экспедиции в Синджерли, исследованиям сэра В. Рамсея и его школы во Фригии и Ликаонии, а также организованным трудам д-ра Винклера в Богаз-Кеуи. Мы также включим некоторые предварительные результаты раскопок Ливерпульского института в Сакдже-Геузи.

[464] См. выше, с. 32.

[465] См. выше, с. 13.

[466] См. среди прочего: Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. pp. 103 et seq. Имя Птара предложено Рамзи, который согласен с этим отождествлением (*Luke the Physician*, p. 215, note).

[467] Herodotus, i. 76. Положение Птерии неясно обозначено как κατὰ Σινώπην, что читается как "напротив" или "над Синопой"; полный контекст таков: ἡ δὲ Πτερὶν ἔστι τῆς χώρης ταύτης τὸ ἰσχυρότατον κατὰ Σινώπην πόλιν ... μάλιστα κη κεῖμένη.

[468] Мы предпочитаем термин "сиро-каппадокийцы" термину "бело-сирийцы" или "лейко-сирийцы", как более полный эквивалент в наши дни оригинального названия "сури".

[469] *Supra*, p. 158.

[470] Винклер, "Предварительный отчет о раскопках в Богаз-Кеуи, 1907 г." (*Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*, Berlin, 1907), с. 57-58. См. также выше, с. 160. См. также более раннюю статью в *Orientalistische Literatur-Zeitung*, Dec. 1906.

[471] См. выше, с. 53.

[472] Вероятно, он был уничтожен, поскольку архивы не были перенесены в новое здание, которое было построено на руинах старого. Дата основана на расчете разницы в осевом направлении, любезно предоставленном сэром Норманом Локьером, см. далее, с. 210.

[473] *Supra*, p. 37.

[474] Herodotus, v. 52.

[475] *Supra*, p. 24.

[476] Как предлагает Киперт, ср. pp. 143, 366.

[477] *Supra*, pp. 33, 34.

[478] См. Pl. LIX.

[479] Ср. однако настенные башни, столь характерные для сирийских крепостей, *инфра*, стр. 273, 300.

[480] Pl. LX.

[481] Ср. *инфра*, стр. 226.

[482] Report *cit.*, Pl. XII. Ср. ниже, p. 357.

[483] План опубликован в Humann and Puchstein, *Reisen in Kleinasien*, Pl. XIV., а пересмотренный вариант - в Murray's *Handbook*, p. 21.

[484] Ср. крепости Гяур-Калеси, стр. 163, Карабурна, стр. 154, и Кизил-Даг, стр. 178.

[485] См. фотографию на пл. LVIII., где эти черты видны вдали.

[486] См. выше, с. 158.

[487] Texier, *Description of Asia Minor*, i. Pl. LXXX.

[488] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, pp. 108 et seqq.

[489] Winckler, *Report cit.*, pp. 62 и далее.

[490] Лучший план был опубликован Бартом, *Reise von Trapesunt ... nach Scutari*, p. 48.

[491] Pl. LXI. (ii).

[492] Мы обязаны любезности д-ра Винклера и его коллег за условия, которые позволили нам изучать это место во время раскопок.

[493] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, p. 115.

[494] Winckler, *Report cit.*, p. 64 и далее.

[495] См. далее, с. 312.

[496] Из расчетов, сделанных на основе наших приблизительных данных сэром Норманом Локьером.

[497] Выше, с. 159; о нашей дате см. ниже, с. 339.

[498] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, p. 114.

[499] По раскопкам д-ра Винклера, *Report cit.*, figs. 3, 4; pp. 54-55.

[500] *Infra*, Pls. LXXIX., LXXX., and p. 311.

[501] Рамсей (*Luke the Physician*, p. 203, в главе, в значительной степени перепечатанной из статьи в *Jour. Roy. Asiatic Soc.* 1882) делает замечательное предположение, что большинство фигур, кажущихся мужскими, - это переодетые женщины (*например*, амазонки); но мы не нашли ничего в нашем исследовании этих скульптур, чтобы поддержать это мнение. При всем уважении к первым впечатлениям великого ученого, мы считаем, что если бы он вновь обратился к памятникам и рассмотрел их в свете нового сравнительного материала, то не нашел бы причин для сохранения той точки зрения, которая могла казаться оправданной двадцать семь лет назад. Одним из главных аргументов является деликатность и женственность лица некоторых скульптур; однако по тем же причинам несколько фараонов восемнадцатой и девятнадцатой династий, по-видимому, были женщинами. Изысканность явно принадлежит скульптору. Той же точки зрения придерживаются и в отношении скульптур амазонок, недавно обнаруженных (*Expository Times*, Nov. 1909), в статье "Вооруженные жрицы хеттской религии"; но, по нашему мнению, они относятся к совершенно иной фазе искусства и датируются несколькими столетиями позже. Об этом см. ниже, с. 357.

[502] См. план, с. 221, и рис. LXIII.-LXVIII.

[503] Ср. скульптуры Малатии и т.д., Pl. XLIV.

[504] Это обычная черта на хеттских скульптурах, и на нескольких хорошо сохранившихся экземплярах отсюда [ср. пл. LXIX. (ii)] и из других мест, в частности из Синджерли [ср. пл. LXVII. (ii) и Berlin V.-A. Mus., Cast No. 199], она, похоже, обусловлена простым металлическим или иным жестким креплением, поднимающимся от ободка шапки или непрерывным с ним.

[505] Сравните крылатое божество из Малатии, Pl. XLIV. и с. 139.

[506] Ср. с. 111, 118.

[507] Предположительно, священный камень; см. Sayce, *Proc. S.B.A.*, 1903, p. 154, No. 11.

[508] Pl. LXXII. и p. 255.

[509] См. Pl. LXVIII.

[510] А именно, №№ 10, 11, 13, 16, 18, на [плане, стр. 221](#). Положение группы см. на фотографии, [Pl. LXIV](#).

[511] No. 17.

[512] No. 12.

[513] №№ 14, 15.

[514] Напоминает большой двойной сильфон. Профессор Сейс указывает на аналогию с хеттским иероглифом в надписи из Эмир-Гази. (См. выше, [с. 183](#).)

[515] №№ 19, 20.

[516] №№ 22, 25.

[517] №№ 23, 24.

[518] № 21.

[519] №№ 26, 27.

[520] №№ 28-30.

[521] № 31 из всей серии.

[522] №№ 32-43.

[523] Возможно, будет полезен список рисунков с нашими номерами:

Слева.

{	1 L.	Один стоит на двух других, бородатый и возвышенный.	}	Pl. LXV.
	2, 3.	Два других, помоложе, на перистых облаках.		
	4.	Один похожий, но не поднятый на крышу.		
	5.	Один крылатый.		Pl. LXIII. (ii).
}	6, 7.	Две самки в группе.	{	
	8.	Вторая крылатая.	}	
{	9.	Одна в литусе и тоге; над ней крылатая розетка (ср. 22 R.).	}	Pl. LXIV.
	10-13.	Четверо со скимитами, из которых один крылатый.		
}	14, 15.	Два чудовища в группе (Pl. LXVI.).		
{	16-18.	Трое со скимитами.	}	
	19-20.	Двое с булавами, как у вождей.		
	21.	Один с руками и шляпой наперевес.		
	22.	Один с булавой.		

- | 23, 24. Двое без видимого оружия.
- | 25. Один с булавой.
- | 26-27. Двое с вытянутыми вперед руками и шляпой.
- | 28. Один неясный (туника и шляпа).
- | 29-31. Трое в мантиях и с бородами.
- | 32-43. Двенадцать в строю, бегут.

Справа.

- | 1 R. Одна женщина на спине пантеры. } Пл. LXV.
- | 2. Один юноша с двойным топором. }
- | 3, 4. Два похожих на первого, образующих группу на двуглавом орле.
- 5-21. Семнадцать в процессии, похожей на 1 R. (Pl. LXVII.).
- 22 Один с литуусом, тогой и крылатой розеткой и т.д. в руках, стоящий на двух
- R=65. каменных курганах (Pl. LXVIII.).

[524] См. фотографию, Pl. LXV. Этот головной убор был широко распространен среди фригийских женщин. Его форма напоминает современный головной убор турчанок, который покрыт платком, служащим иногда вуалью.

[525] Эти эмблемы в каждом случае состоят из пиктограмм или иероглифов, и в них, несомненно, кроется ключ к идентификации фигур. Знак, похожий на разделенный овал (который, по мнению профессора Сайса, представляет собой священный камень), встречается в начале каждой группы, сопровождающей божественную или возвышенную личность.

[526] Подобная деталь заметна на знакомом этрусском рисунке.

[527] Ср. скульптуру из Синджерли, Pl. LXVII. (ii). См. также p. 104.

[528] Ср. скульптуру в Эюке, Pl. LXXII.

[529] Ср. аналогичную деталь, украшающую эмблему над рис. № 9 L. и 22 R. (Pl. LXVIII.).

[530] В Эюке они сжимают зайцев, Pl. LXXII. и p. 268.

[531] Явно каменистые вершины холмов, как на воротах Балавата.

[532] Расположены, как предполагает профессор Рамсей (*Luke the Physician*, p. 212), чтобы напоминать *vaiõkoç*.

[533] Возможно, предполагает профессор Сайс, это своего рода бахрома.

[534] Nos. 66-67. Наличие скульптур на этом месте было отмечено Перро и Чипьезом.

[535] Ср. с. 101 и далее и Pl. LXXV. (i).

[536] No. 68.

[537] No. 69.

[538] Широкий конец не совсем огорожен, но ведет к скалистым обрывам.

[539] № 70-81.

[540] №№ 32-43 L.

[541] Pl. LXIX. (ii).

[542] Ср. оружие, которое несут мужчины на чаше Феста.

[543] No. 72.

[544] No. 73, 74.

[545] No. 2 R.

[546] № 22 R., 9 L.

[547] № 22 R.

[548] См. в частности: Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. pp. 149-153; Ramsay, *Luke the Physician*, chap. vi.; и *Journal Royal Asiatic Society*, vol. xv., New Series (1885), pp. 113-120; Hamilton, *Researches*, etc. (i.) p. 394; и для наглядной антропологической точки зрения, Frazer, *Adonis, Attis, and Osiris (Golden Bough*, iv. 2nd ed.), bk. I. chap. vi., § 4, pp. 105-110.

[549] Этим, как нам кажется, слишком пренебрегли в попытках прояснить смысл скульптур.

[550] Фрейзер, *Адонис, Амму и Осирис (The Golden Bough*, iv., 2nd ed.), p. 107, напоминает нам, что божества, связанные с животными, вероятно, происходят от более примитивной концепции, когда бог был неотличим от зверя. Несомненно, львица (или пантера) и орел были объектами культа, если не тотемами, до того, как их очеловечили. Фактически, в сфинксе и человекообразном орле можно увидеть промежуточную антропоморфную стадию. Человеческие формы уже были развиты в Вавилонии, откуда они, возможно, и были заимствованы, будучи наложены на первозданные туземные верования и фетиши. (О связях с Вавилонией и родственными культами см. с. 323, 355 и далее.) Можно предположить, что эволюция бога-горы была аналогичной, хотя и неодушевленной. Иллюстрацией может служить "высокое место" на Кизил-Даге с высеченным на скале изображением бога (с. 181). Вероятно, и алтарь на Куру-Беле (с. 147) можно наиболее естественно объяснить как посвященный духу горы или перевала.

[551] Мы не рассматриваем эти символы подробно, поскольку прочтение некоторых из них вызывает сомнения, а будучи изолированными группами, они представляют собой особые ловушки для попыток перевода. Однако интересно отметить, что такие жрецы и жрицы обычно получали особое священное имя в знак своей должности.

[552] Ср. Ramsay, в *Recueil de Travaux*, xv. (1890), p. 78, о жреческих классах Малой Азии.

[553] Например, исключая №№ 29-31 из всей серии, 19-43.

[554] Или служители храма. Ср. Страбон об обрядах в Комане, bk. XII. chap. xi., § 3.

[555] No. 22 R.

[556] No. 9.

[557] Договор Рамсеса II с Хаттусилом.

[558] На эту аналогию впервые указал покойный де Кара, *Gli Hethei Pelasgi* (Rome, 1894), i. p. 192.

[559] Ср. ниже, с. 257 и Pl. LXXII.

[560] Winckler, *Report cit.*, pp. 57-58; выше, [p. 159](#).

[561] Ср. пл. [LXXXI. \(i\)](#) (Сакдже-Геузи) и [LXIV](#) (Малатия).

[562] Ср. Winckler, *Report cit.*, p. 36 (ниже, [p. 338](#)), где тот же обычай иллюстрируется в договоре с Митанни.

[563] Кстати, интересно отметить, что орел был связан с обрядами Сандона из Тарса, отождествленного с богом-сыном, который здесь предшествует божествам-орлам. Ср. Frazer, *op cit.*, p. 99.

[564] Berlin Vorderasiatisches Museum (Königl. Mus.), No. 977.

[565] Письмо профессора А. Х. Сейса, 23 июля 1909 г.

[566] См. выше, [с. 155](#) и [Pl. XLIX](#).

[567] См. [с. 269](#).

[568] Ср. Геродот, i. 199; Страбон, XVI. i. 20.

[569] Независимо от этого профессор Сайс сообщает нам, что он распознал в символе, сопровождающем первую из них, эмблему царства Кас, второго государства конфедерации.

[570] №№ 5, 7.

[571] Особенно сравните № 5 с крылатым божеством Малатии. [Pl. XLIV](#).

[572] В связи с утверждением Сайса (*Proc. S.B.A.* 1904) о существовании девяти главных хеттских государств, примечательно заметить, что фигуры, предшествующие этому жрецу, могут рассматриваться как представляющие семь различных богов или культов, в то время как две фигуры представлены в противоположной серии. По этому вопросу см. также ниже, [с. 348](#).

[573] Полное представление об этих культах см. в Frazer, *op cit.*, pp. 97, 110.

[574] Ср. обряды Команы (Понт), Страбон, bk. XI. chap. iii. § 32; и в храме Мабога, Лукиан, *De Dea Syria*.

[575] №№ 14, 15.

[576] Nos. 32-43.

[577] Профессор Фрейзер, указ. соч., с. 108.

[578] Ср. Скульптура Мараша, [стр. 110](#), также переводы профессора Сайса, *Proc. S.B.A.* 1904-5.

[579] *Researches in Asia Minor*, etc. (London, 1842), i. pp. 382-3.

[580] *Reise von Trapesunt nach Scutari*, pp. 42 and 43; также *Über die Ruinen bei Hejuk* (*Arch. Zeit.* 1859, pp. 50, 59).

[581] *Travels in Little-known Parts of Asia Minor* (London, 1870), pp. 129-148.

[582] Ramsay on *The Early Historical Relations of Phrygia and Cappadocia*, Pt. 11 (*Journal Royal Asiatic Society*, xv., London, 1883), pp. 116.

[583] Также Perrot и Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, vol. ii. pp. 153-158.

[584] *Liv. Annals Arch.*, i. (1908), p. 3, и Pls. II. и III.

[585] Macridy Bey, *La porte des sphinx à Euyuk (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*, 1908, 3).

[586] Впервые отмечено Макриди-беем, указ. соч., стр. 2.

[587] Город Тейрия, из "лейко-сирийцев", упоминается Гекатеем Милетским (*Fragm. Hist. Graec.*, ed. Müller-Didot, No. 194). М. Масперо склоняется к отождествлению этого места с Эюком (*The Passing of Empires*, p. 338).

[588] Ср. ворота цитадели Синджерли, [стр. 278](#).

[589] *Op. cit.*, Pl. I. fig. 10.

[590] Macridy Bey, *op. cit.*, p. 6.

[591] В этом выводе мы расходимся с Макриди Беем, *op. cit.*, pp. 11, 13.

[592] Его можно увидеть на фотографии, [Pl. LXXII.](#), и охватывает скульптурный блок, отмеченный на плане буквой е, немного расширяясь по обе стороны.

[593] Реставрация, предложенная Макриди Беем, *op. cit.*, p. 11.

[594] Macridy Bey, *op. cit.*, figs. 23, 24.

[595] Ср. "Штадт-Тор" в Синджерли; Von Luschan, *Ausgrabungen in Sendschirli* (Berlin, 1902), Pls. XXIX., XXXIV.; и ниже, [p. 274](#).

[596] Недавним раскопщикам не удалось увидеть останки этих сфинксов, *op. cit.*, p. 11, но они довольно хорошо видны в профиль после того, как земля была расчищена; см. фотографию, *Liverpool Annals of Archæology*, i. (1908), Pl. III.

[597] Ср. например, Murray's *Handbook for Asia Minor*, p. 27.

[598] [Pl. LXXII.](#) Ср. детали Сфинкса из Сакдже-Геузи, [Pl. LXXXII.](#)

[599] Ср. Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 648.

[600] См. фотографию в Newberry, etc., *Short History of Egypt* (ed. 1907), frontispiece. Особенность подковообразного головного убора встречается на скарабеях периода гиксосов (см. *скарабеи* того же автора, Лондон, 1906, Pl. XXV. No. 30), еще одно предположение об азиатском происхождении.

[601] Berlin Mus., Etruscan Rooms, No. 1251. Сравните также некоторые выветрившиеся статуи из Синджерли, описанные ниже, [стр. 297](#), [298](#).

[602] Ср. [Pl. XLIV](#). См. также, что говорится об этом культе на [с. 359](#).

[603] Ср. круглые алтари Эмир-Гази, [с. 183](#), и изображения во Фрактине, [Pl. XLVII. p. 150](#).

[604] См. Sayce, *The Hittites* (1903), p. 39, для пересмотренного перевода этого отрывка в договоре: цитируется ниже, [p. 349](#).

[605] Ср. Pl. LXVII.

[606] Ср. Pls. LXV.-LXVII.

[607] Мы не можем принять теорию о намеренном открытии (Macridy Bey, *op. cit.*, p. 11).

[608] Ср. с. 105, Pl. XXXIX.

[609] В Ливерпульском институте археологии.

[610] Pl. LXXII.

[611] Камни нижнего хода варьируются от 3 футов 11 дюймов до 4 футов 2 дюймов.

[612] Это более четко видно на второй фотографии, сделанной во второй половине дня, с тенью по правую руку.

[613] Легко прослеживается на камне, но обычно в тени, из-за выступа камня верхнего хода.

[614] "Волянка состоит из шкуры, по-видимому, собаки, причем труба для вдувания находится в хвостовой части, а труба для ударных, вероятно, была спрятана в голове собаки, с отверстием через пасть. Та же идея была реализована в Средние века в Европе. Ср. Аристофан, "Ахарняне" (i. 866): "Вы, флейтисты, приехавшие из Фив, раздуваете хвост собаки своими костяными трубами" (Выдержка из письма мисс К. Шлезингер).

[615] Pl. LIII.

[616] Pl. LXV.

[617] Pl. XLVII.

[618] ММ. Перро и Гийом, в частности, кажется, попали в ловушку перспективы в картине, и их рисунок вводит в заблуждение (*Exploration Archéologique, Cappadoce*, Pl. LXIV.; *Искусство в ... Asia Minor*, ii., fig. 338). За ними последовали другие.

[619] Perrot and Chipiez, *op. cit.*, p. 174, fig. 339.

[620] См. ниже, Pls. LXXIX., LXXX.

[621] См. Perrot, *Art in ... Asia Minor*, ii., fig. 341 и fig. 340; *Exploration*, Pl. LVII.

[622] Macridy Bey, *op. cit.*, figs. 23, 24.

[623] Эти детали были в моде во всем диапазоне хеттского искусства в Синджерли: см. с. 275, 289. Ср. также Pl. XXIV. (ii).

[624] P. 252: вопрос о датировке см. ниже, p. 367.

[625] Нет никаких оснований датировать этот объект ранее девятого или десятого века до н. э. Ср. стр. 210, 301.

[626] Ramsay, *Jour. Roy. Asiatic Society* (N.S.), xv. p. 116, с эскизом плана.

[627] Перро, указ. соч., рис. 335, изображает правую фигуру с зубчатым головным убором, но эта маркировка, по-видимому, является выветриванием камня.

[628] Perrot, *op. cit.*, fig. 336, Pl. LXIII.; Macridy Bey, *op. cit.*, fig. 28, p. 21.

[629] *Loc. cit.*, также *Recueil de Travaux*, xiv. p. 91 и fig. 5.

[630] Ср. пл. XLIV. и XLVII.

[631] Pl. LXV., p. 223 (№№ 3, 4, R.).

[632] Winckler, *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* (Berlin, 1907, No. 35), p. 70. Abb. 12, Das Ost-tor. См. также выше, с. 205.

[633] Messerschmidt, *C.I.H.*, Pl. XXIX., No. 17.

[634] Принята Перро за часть сфинкса, а Макриди Беем - за нижнюю часть стоящей вертикально фигуры (*op. cit.*, p. 25).

[635] № 16 на плане М. Перро, *op. cit.*, fig. 324 (Pl. LV.).

[636] Мы не согласны ни с одной из предложенных реставраций этих мотивов. Ср. Macridy Bey, *op. cit.*, pp. 27, 28; Chantre, *Mission en Cappadoce* (Paris, 1898), p. 9.

[637] Von Luschan и др: *Mitteilungen aus den Orientalistischen Sammlungen*, Hefte xi., xii., и xiii.; *Ausgrabungen in Sendschirli*, i., ii., iii. (Berlin, 1893, 1898, 1907).

[638] Издано под той же эгидой. *Ausgrabungen in Sendschirli*, iv.

[639] См. карту на с. 375.

[640] Из этого факта можно сделать не так уж много выводов, поскольку хеттские дворцы даже арамейской фазы, вероятно, были основаны на более ранних моделях и имели примерно такой же план. Есть упоминания о *Хилани* во времена Саргона.

[641] Сравните план нижнего дворца в Богаз-Кеуи, стр. 207.

[642] Ср. *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii. Pl. XXXIV.

[643] Сравните с хвостом сфинкса из Сакдже-Геузи, Pl. LXXXI.

[644] Ср. скульптуру из Сакье-Геузи, Pl. LXXXI. (ii), и одну из Мараша, стр. 115. Также как и орлиноголовое чудовище, описанное выше.

[645] См. выше, стр. 203, 253, и Pl. LX., и план, стр. 247.

[646] *Ausgrabungen in Sendschirli*, ii. p. 122 (Koldewey).

[647] Соответствует в основном схеме публикации в *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii. pp. 208-229, на иллюстрации которой мы ссылаемся в сносках.

[648] Рр. 133, 134; Pl. XXXIX. и p. 105.

[649] *Op. cit.*, iii. Pl. XXXIX.

[650] См. Pl. LXXV. (ii), воспроизведенную по любезности д-ра Мессершмидта. Ср. *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii. Pl. XL.

[651] Поскольку полоса в каждом случае удвоена, не представляется вероятным, что это просто деталь верхней части обуви. Ср. памятник из Ивриза, Pl. LVII.

[652] Сравните щит хеттского воина, изображенный на северной стене храма Рамсеса II. в Абидосе, Египет; ниже, Pl. LXXXIII. (ii).

[653] Сравните пл. LXV., LXVIII., LXXI.

[654] Сравните Pl. LXXXI.

[655] Но не выступают за его пределы, как у львов Эюка, [стр. 263](#), и Мараша, [пл. XLII.](#), Сакдже-Геузи, [Pl. LXXIX](#): сравните львиные рельефы Ангоры, [с. 162](#).

[656] *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii. Pl. XLIV. (ii).

[657] Для №№ vii.-xv. см. *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii. Pl. XXXVII.

[658] См. [Pl. LXXV. \(i\)](#) (по любезности д-ра Мессершмидта).

[659] Ср. [с. 101, 111](#).

[660] [Р. 135](#).

[661] Сравните скульптуру из Сакье-Геузи, [стр. 105](#); также [Pl. LXXXI](#).

[662] Фотографию скульптур ix.-xv., *in situ*, см. на [Pl. LXXVI.](#), воспроизведенную по любезности профессора А. Х. Сайса и S.P.C.K., из *The Hittites*, p. 70.

[663] Эта стена, как следует помнить, обращена на юг, являясь внутренней стеной внутренней пилястры. Скульптуры xvi.-xxxii. см. в *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii. Pl. XXXVIII.

[664] Ср. № ii. выше, [Pl. LXXV. \(ii\)](#).

[665] No. ii., [Pl. LXXV. \(ii\)](#).

[666] Сравните сфинкса из Сакье-Геузи, [Pl. LXXXI. \(i\)](#).

[667] В *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii., Pl. XXXVIII., вверху, эти скульптуры искусственно выровнены с другими для фотографии.

[668] Ср. орлиноголовое божество в Сакье-Геузи, внизу, [Pl. LXXX](#).

[669] Об общем вопросе перестановки этих скульптур см. ниже, [с. 296](#).

[670] См. [Pl. LXXVII. \(i\)](#); и *Ausgrabungen in Sendschirli*, ii., Pl. XLI. (i).

[671] Ср. скульптуры из Мараша, [стр. 111](#), и из Богаз-Кеуи, [стр. 217](#), [Pl. LXIII. \(ii\)](#).

[672] *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii., Pl. XLIV.

[673] *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii., Pl. XLIII. No. 1.

[674] Письмо от мисс К. Шлезингер, 4 октября 1909 г.

[675] In the Camp Scene, Brit. Mus.

[676] Ср. с музыкантами из Эюка, [Pl. LXXIII. \(ii\)](#).

[677] Ср. скульптуру Мараша, [стр. 118](#).

[678] Сравните черты лица воина, № ii., [Pl. LXXV. \(ii\)](#), с фигурами богов, [Pls. LXXV. \(ii\), LXXVII.](#)

[679] Ниже, [Pl. LXXIX.](#); и *Ausgrabungen in Sendschirli*, iii., [Pls. XLVI., XLVII.](#)

[680] *Op. cit.*, iii. p. 236 (с рис. 142, 143, 144, 145), где они приписываются византийскому происхождению.

[681] Выше, с. 254 и Pl. LXXII.

[682] Ливерпульской экспедицией 1908 года. *Liv. Annals of Archæology*, i. (1908), pp. 97-117, and Pls. XXXIII.-XLIX.

[683] Cf. p. 205.

[684] Сохранилось только основание или пьедестал колонны, и раскопщики нашли основания полагать, что после разрушения здания она служила какой-то другой цели, возможно, в качестве алтаря.

[685] См. Pls. LXXVII., LXXXI.

[686] См. пл. LXXIX., LXXX; и сравните львов из Мараша (пл. XLII.), из Эюка (стр. 263) и из Синджерли (стр. 297). Также из Богаз-Кеуи, Pl. LX. и стр. 210.

[687] Сравните трактовку курганов, на которых стоит жрец-династ, в скульптурах Иасилы-Кая, № 22 R., Pl. LXVIII.

[688] По поводу этой эмблемы см. Ridgeway, "The Origin of the Turkish Crescent," *Jour. Roy. Anthropol. Inst.*, vol. xxxviii., ii. (1908), p. 241.

[689] Ср. двойных орлов Иасилы Кая и Эюка, Pls. LXV., LXXII.

[690] Ср. с. 253 и Pl. LXXII.

[691] В Ливерпульском институте археологии хранится небольшая стела египетской работы, датируемая примерно двадцать восьмой династией, на которой изображен стоящий сфинкс; хвост этого существа сделан в виде головы кобры. Сравните также скульптуру из Синджерли, стр. 275.

[692] Ср. кисточку и кортик на камне, недавно обнаруженном в Мараше, стр. 115.

[693] Особенно в изображениях священства. Ср. Богаз-Кеуи, (пл. LXVIII.), Эюк (пл. LXXII.).

[694] Обработка этой птицы очень похожа на ту, что изображена на небольшом памятнике из Мараша, стр. 118, проиллюстрированном в Humann and Puchstein, *Reisen in Kleinasien*, Pl. XLVII., рис. 2; и Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 68, fig. 2, и p. 181. Интересно также сравнить ее с птицей, изваянной на архаичной статуе из Малой Азии VI века до н. э., № 1577, Берлинский музей, *Stehende Frau*.

[695] См. стр. 255, Pl. LXXII.

[696] Сравните головной убор только что описанного царя-жреца. Рога отсутствуют на аналогичной базе сфинкса из Синджерли (*Ausgrabungen in Sendschirli*, ii., Pl. XXXIII.), и в этом случае показано дополнительное короткое крыло, спускающееся за плечо: в остальном детали обработки соответствуют. Интересно сравнить эти основы с одной из чисто ассирийских, опубликованной Лэйярдом (*Monuments of Nineveh*, i. Pl. XCV.); в последнем случае есть три пары рогов, и передача идеи отличается почти во всех деталях.

[697] См. *Ausgrabungen in Sendschirli*, i., p. 54, fig. 16; и Berlin Vorderas. Mus., No. 3012.

[698] См. главы III, с. 141, и Pl. XLV., и ср. с. 142, прим. 4.

[699] В Berl. Vorderas. Mus., vide *Ausgrabungen*, etc., iv.

[700] В этом мнении мы несколько расходимся с д-ром Мессершмидтом, *Orientalistische Literaturzeitung*, Sept. 1909, pp. 378, 381, где он рассматривает результаты раскопок, проведенных нами в Сакдже-Геузи.

[701] См. "*Ливерпульские анналы археологии*", т. i., № 4, Pl. XLIII., и p. 112, и т.д.

[702] Более поздние расписные ткани имеют явное отношение к тканям Кара-Эюка (Chantre, *Mission*, Pls. III., X.-XIII.), Богаз-Кеуи и Кара-Дага. Они, однако, не ранее первого тысячелетия до нашей эры.

[703] Schuchhardt, *Schliemann's Excavations* (London, 1891), p. 41, figs. 18, 20, 21.

[704] Ашмолеанский музей, черные, красно-черные и красно-коричневые изделия, также пуантили.

[705] *Les Premières Civilisations* (Paris, 1909), p. 198, прим. 5.

[706] R. Pumpelly, *Explorations in Turkestan* (Washington, 1908), Pls. XXIX.-XXXIII., образцы можно увидеть в музее Völkerkunde, Берлин.

[707] *Royal Tombs*, ii. (1901), Pl. LIV., образцы можно увидеть в Ашмолеанском музее, Оксфорд.

[708] Например, Ashmolean Mus., Class Æ. 757 (различные виды), Æ. 753 (красный на баффе) и Æ. 758 (пестрый красный). После раннего минойского периода II. сходство прекращается.

[709] Темп. Аменхетеп III. и IV., перекрытый Субби-лулиумой из Хатти и Тушраттой из Митанни. Мы используем издание Винклера (в примечаниях упоминается как Winckler, *T. A. Letters*), с некоторыми поправками Кнудтзона.

[710] В частности, в Карнаке (времен Сети I и Рамсеса II), Рамессеуме в Фивах, Абу-Симбеле и Абидосе (времен Рамсеса II, перекрывает Муталлу и Хаттусиль Хатти) и Мединет-Хабу (времен Рамсеса III).

[711] Библиографию и т. д. см. в Приложениях, с. 392 и далее.

[712] См. выше, с. 208; также статью в *Liv. Annals of Arch.*, i. pp. 41 и далее.

[713] *Ausgrabungen in Boghaz-Köi*, 1907, by Hugo Winckler; *Mitteil. der Deuts. Orient-Ges.*, 1907, No. 35. Также статья, *Die in Sommer 1906 ... Ausgr.*, в *Orient. Lit.-Zeitung*, ix., No. 12, pp. 621 ff.

[714] См. выше, с. 312.

[715] См. выше, с. 313.

[716] Pl. LXXXIII., с северной стены храма Рамсеса II. в Абидосе.

[717] В этом случае голова обрита. Существует и другая форма косички, которую следует отличать от этой, являющейся, по сути, лишь волосами, подстриженными и собранными за головой так, что они заканчиваются таким же образом. Ср. Де Г. Дэвис, *Телль эль-Амарна II.* (времен Аменхетепа IV. Ахенатена), Pl. XL. (нижний ряд); также "народ Дапура в земле Аморитов", S. стена большого зала в Рамессеуме (Т в Murray's *Handbook for Egypt*, 1907, p. 414), где также следует отметить квадратный щит и треугольный лук.

[718] Этот тип можно свободно распознать, *например*, в Рамессеуме и в Абидосе, Petrie, *Racial Types*, pp. 146-148, переиздано в его *History of Egypt*, iii. p. 48, fig. 17. Ср. с нашим "живым аморитом", Pl. LXXXIV. и p. 12, n. 1.

[719] Petrie, *Racial Types*, pp. 55, 143-145, в его *Историю*, iii. p. 48, fig. 17 (i); Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 353; Sayce, *The Hittites*, 1903, p. 11.

[720] Ср. Pl. LXIX. (ii), и сравните этот тип с типом из Синджерли, Pl. LXXV. (ii).

[721] Их язык, который мог бы послужить подсказкой, столь же проблематичен. Существует сильное искушение рассматривать обоих как кавказцев.

[722] Ср. Pls. LXV., LXXI.

[723] Cf. p. 313.

[724] Ср. адреса некоторых дощечек из Малой Азии, опубликованные Пинчесом, *Liv. Annals of Arch.* i. pp. 49 и далее, отнесенные этим ученым к 2000 г. до н. э.; также каппадокийская табличка того же периода, хранящаяся сейчас в Королевском шотландском музее искусства и науки. Лошади и колесницы использовались Айтагамой в начале XIV века, а хеттская конница упоминается в договоре с Рамсесом II и изображена на северной стене Карнака.

[725] Хотя мы ожидаем некоторого пересмотра хронологии д-ра Пампелли, мы не можем сомневаться в древности рассматриваемых отложений. См. его *"Исследования в Туркестане"*, i. p. 38.

[726] Ср. пл. XLVII., LVII., LXV., LXXI., LXXV. (ii) и т. д.

[727] Ср. W. Max Müller, *Asien und Europa*, pp. 328, 372; Lenormant, *Les Origines d'Histoire* (который предполагает северное происхождение), iii. p. 299.

[728] Ср. стр. 237 и Pl. LXV.

[729] Ср. с. 13, 298.

[730] Мы подозреваем, что олово происходит из этого направления. Ср. описание Бельком (*Verhandl. der Berl. Ges. für Anthropologie*, 1893, pp. 61 ff.) гробниц в Кала-Кенте близ Кедабега. За эту ссылку мы обязаны г-ну Х. Шлифаку.

[731] Ср. бронзовую фигурку, Pl. XL.; бронзовый топор и атрибуты Богаз-Кеуи, Winckler, *op. cit.*, pp. 7 ff. и fig. 1.

[732] King, *Chronicles*, i. pp. 168, 169.

[733] О дате Хамму-раби; за эту ссылку мы обязаны профессору Сайсу.

[734] В Книге Знамений (Hommel, *Die Semit. Völker und Sprache*, pp. 176 ff.), цитируемой Maspero, *Struggle of the Nations* (1896), p. 19. Предполагается, что этот отрывок относится ко времени Саргона (Аккадского) и Нарам-Сина, но более вероятно, что он принадлежит, как говорит нам профессор Сайс, к временам Хамму-раби. (Ср. также Winckler, *Alttestament. Forsch.*, p. 162, прим. 1; Hommel, *Gesch. Bab. und Ass.*, p. 271, note 6.)

[735] Стела, С. 1, Музей Лувра. См. выше, с. 77, прим. 1 (b). Однако среди филологов существуют значительные разногласия по поводу этого чтения.

[736] Ср. Бытие xxiii., xxv. 9, xxvi. 34, xlix. 29, 32.

[737] Бытие xxvii. 46, xxviii. 1. (Также xxxvi. 2, но текст может быть изменен.) Ср. также Meyer, *Gesch. des Alterthums*, i. pp. 213, 214.

[738] Иезекииль xvi. 3, 45. Мессершмидт также указывает на аналогию имени иерусалимского царя Абд-хипа (*T. A. Letters*) с именами Пуму-хипа (жена Хаттусила Хеттского) и Таду-хипа (жена Тушратты Митаннийского). Винклер (*Mitteilungen D.O.G.* 1907, 35, pp. 47 ff.) связывает эти ранние упоминания и появление хеттов в эти времена в Южной Сирии и Вавилонии с расселением митаннийцев, которых он рассматривает как родственную, но более раннюю группу. Среди них он находит индогерманский элемент (*op. cit.*, p. 51); но споры по этому поводу нас не касаются.

[739] О родстве гиксосов и хеттов см. Maspero, *The Struggle of the Nations* (1898), p. 57. Для нас, в связи с недавним признанием аморитов арамейским народом, в сочетании с семитскими именами вождей гиксосов и вассальной зависимостью аморитов от хеттов в более поздние века (см. ниже, с. 336), проблема близка к решению.

[740] По этому поводу профессор Сейс любезно приводит следующее примечание: "В четырнадцатой главе Бытия нам рассказывают, что одним из вассальных союзников Хедор-Лаомера в его походе против восставших подданных в нафтидоносной области южного Ханаана был Тид^сал, царь гоев или "народов". Во фрагментах вавилонской истории Хедор-лаомера, опубликованных доктором Пинчесом, имя Тидхаль написано как Тудхул, и он описывается как царь Умман Манда или народов севера, что на иврите является буквальным переводом имени гойим. Теперь это имя хеттское. В рассказе о походе Рамсеса II против хеттов оно фигурирует как Тид^сал, а один из хеттских царей Богаз-Кеуи носит то же имя, которое клинописью написано Дуд-халия. Это имя, очевидно, является соединением Дуда или Туда, с которым можно сравнить Таду-Хипу, и территориального божества Халия (греч. Halys; ср. лидийское Alyattes).

В надписи Богче [p. 155] царь, воздвигший памятник, называется Халис "Халиан", и, вероятно, то же имя мы находим в имени Халли, отца киликийского Амриса.

Из этого вытекает важный факт: хеттский царь уже служил в качестве союзника или вассала царю Вавилонской империи в эпоху Авраама и Хамму-раби, ветхозаветного Амрафела. Н. S., 1 декабря 1909 г.

[741] В дальнейшем для краткости мы называем эти архивы *Скрижалями Б. К.* со ссылкой на страницу предварительной публикации д-ра Винклера о них в *Mitteilungen der Deut. Orient-Gesellschaft*, Dec. 1907, No. 35, pp. 1-71. Наиболее важные документы, переводы которых приводятся, - 1. Договор с Митанни, *временный*. Subbi-luliuma, с исторической преамбулой, описывающей предыдущие отношения с Тушраттой, Исувой, Альше, Алеппо и, наконец, условия союза с Маттиуазой. 2. Фрагмент договора того же царствования, относящийся к Нухассе и Айтагаме. 3. Договор с аморитами, *временный*. Мурсил. 4. Договор с амореями, *времен*. Хаттусил, с исторической преамбулой, охватывающей правление Субби-лулиума, Мурсила и Муталлу. 5. Переписка Хаттусила с Вавилонией о престолонаследии, египетском договоре, аморитах и Ассирии. 6. Эдикт Дудхалии, касающийся внутренних дел; и 7. Документ того же царя на хеттском языке, касающийся восстания аморитов, *временный*. Муталла. 8. Кадастровый план, *времен*. Арнуанта, подписанный царскими дамами.

[742] Договор с Митанни, Winckler, *op. cit.*, pp. 32, 33, 34, 36.

[743] И когда-то так назывался, Winckler, *op. cit.*, p. 17.

[744] То, что Арзава была вассальным государством, следует из того факта, что ее архивы найдены в Богаз-Кеуи; но то, что она сохранила своих собственных царей, видно из письма, адресованного Таркундараусу Аменхетепом III. (Winckler, *op. cit.*, pp. 40, 41), а также из письма первого ко второму (*Proc. S.B.A.*, xi. p. 336). По мнению Сайса, он находился в северо-восточной Киликии, соответствуя, таким образом, району Куэ в ассирийских текстах. Его божеством-покровителем, очевидно, является Тарку или Тарху, которое также встречается в имени Таркон-демос, Тарку-димме из известного серебряного босса (*C.I.H.*, 1900; xlii. p. 9). Возможно, Тарс и Дастаркон, последний из которых Рамсей отождествляет с Фрактином (стр. 149), представляют собой основу этого имени: в этом случае указывается более широкая область влияния: то, что государство было широким и всеобъемлющим, следует из того факта, что другой царь, Алакшанду, упоминается как вассал Таркундарауса; в то время как третий царь посылал подарки фараону через послов последнего.

[745] Это чтение принадлежит профессору Сайсу и основано на надписи, недавно найденной де Морганом в Сузах. Его местоположение было на Тохма-Су, так как Шрадер (*Keilinschriften u. Geschichts-forschung.*, pp. 151 ff., 530) показал, что оно включало Малатию. Тот же автор дает чтение Ханигалбат; в то время как В. Макс Мюллер (*Asien und Europa*, p. 320) использует Хани-раббат, и указывает на аналогию между Хани-великим и Хета-великим из египетских текстов. Йенсен (*Zeitschrift für Assyriologie*, v. p. 177, прим. 1) и Винклер (*Gesch. Babs. und Assyrs.*, pp. 174, 259) поддерживают Шрадера. То, что это было важное государство, следует из его названия и независимой переписки с Египтом (Winckler, *T. A. Letters*, Nos. 1, 15); а то, что оно было союзником Хатти, можно заключить из следующего рассказа о походах Субби-лулиума.

[746] Анналы Тотмеса III, 33-й год.

[747] См. [генеалогическую таблицу](#), с. 329.

[748] Winckler, *T. A. Letters*, No. 21.

[749] Winckler, *Ausgrabungen*, 1907, p. 35.

[750] Далее мы попытаемся реконструировать походы Субби-лулиума на основе новых записей, прочитанных бок о бок с письмами из Телль-эль-Амарны, основывая последовательность событий, где нет подсказки, на постепенном перемещении сцены с севера на юг.

[751] Фрагмент договора, Winckler, *B. K. Tablets*, p. 35.

[752] См. ниже, и ср. Винклер, *Письма Т. А.*, № 132, 139.

[753] Winckler, *loc. cit.*

[754] Winckler, *T. A. Letters*, No. 125. Альтернативное чтение Am вместо более привычного Amki предложено Сайсом (см. *The Hittites*, p. 164), и оно близко соответствует Amma или Ammiya из текстов Телль-эль-Амарны. Он указывает, что чтение Amki неприемлемо, так как ki на самом деле является обычным определителем.

[755] Преамбула митаннийского договора, Winckler, *op. cit.*, p. 32. Ср. Maspero, *Struggle of the Nations*, pp. 358 ff.

[756] Если только это не то, что Тушратта утверждает в письме к фараону, что успешно сопротивлялся. Winckler, *T. A. Letters*, No. 16.

[757] Winckler, B. K. *Archives*, *op. cit.*, pp. 33, 34.

[758] Мы можем подозревать, что, в соответствии с модой, некоторые из завоеванных митаннийцев были призваны в страну хатти и поселены на этой земле, где они появляются в более поздние времена как матиены (Геродот, i. 72; v. 49, 52). Ср. Th. Reinach, *Un Peuple oublié, les Matiènes* (*Rev. des Études Grecques*, '94, pp. 217, 218).

[759] Этот факт, по-видимому, имеет место в *письмах Т. А.*: ср. последующую историю Акиззи.

[760] Winckler, B. K. *Tablets*, *op. cit.*, p. 34.

[761] Ассирийский царь, Ашшур-убаллит II. (? ок. 1420 г. до н.э.), утверждает, что отвоевал Малатию у митаннийцев; см. Johns, в *Hastings' Dict.* (1909).

[762] *Халпа* в хеттском, *Халман* в ассирийском.

[763] Катна лежала на Хабуре, притоке Евфрата; Ни, должно быть, находился где-то к северо-западу от Алеппо.

[764] Winckler, T. A. *Letters*, No. 132.

[765] *Ibid.*, No. 146.

[766] Winckler, T. A. *Letters*, No. 139; Winckler, B. K. *Tablets*, p. 34. Параллелизм между архивами Телль-эль-Амарны и Богаз-Кеуи примечателен и поучителен.

[767] Ведь он обратился с письмом к египетскому двору в третий год правления Аменхотепа IV, около 1373 года.

[768] Дальнейшие сведения об этом вожде также содержатся в письмах (Winckler, № 7; Knudtzon, № 51), относящихся к Нухассе.

[769] То, что его действия последовали за только что описанными событиями, ясно из *письма* Уинклера, № 119, где фараону сообщается об отступничестве его сына Азиру и разрушении Сумура одновременно с аннексией Ам(ма) Айтакамой.

[770] Winckler, T. A. *Letters*, No. 27.

[771] *Ibid.*, No. 87.

[772] *Ibid.*, No. 50.

[773] *Там же*, № 51.

[774] Все эти события, по-видимому, предшествовали обращению Ахенатена.

[775] Winckler, T. A. *Letters*, No. 52.

[776] Winckler, *Ausgrabungen*, etc., 1907, p. 42.

[777] Преамбула Аморитского договора, *временн.* Хаттусил, Винклер, Б. К. *Таблички*, *op. cit.*, p. 43.

[778] Преамбула аморейского договора, *временн.* Мурсил; *ibid.*, p. 44.

[779] Договор с Сапалулу упоминается в договоре с Хетасаром (Хаттусил II.), *времен Рамсеса II.* Рамсеса II.

[780] С Маурасаром (Мурсилом), который стал его преемником, *ibid.*

[781] Хетто-митаннийский договор; Winckler, *B. K. Tablets*, p. 36.

[782] *Ibid.*

[783] Когда он появляется под именем Абу-Тессуб, Winckler, *op. cit.*, p. 38.

[784] Хетто-митаннийский договор; Winckler, *op. cit.*, p. 36.

[785] Те свидетельства, которые имеются по этому вопросу (стр. 163, 199), похоже, связывают памятники запада, в Гяур-Калеси и Кара-Беле, с правлением Хаттусила II, по аналогии со скульптурами Богаз-Кеуи; но исторически возможность для экспансии на запад была теперь открыта. Хаттусил, как и его египетский предшественник, похоже, был в основном озабочен сохранением того, что он унаследовал.

[786] См. с. 159, 205.

[787] См. *пл. XLIV*. и с. 138, 139. Наша датировка основана на сходстве ваз для обвинений (более отчетливо видно на фотографиях мисс Белл, опубликованных Хогартом в *Liv. Annals of Arch.*, 1909) на те, что были найдены в руках хеттских пленников в Египте, времен Ахенатена; см. *Ахенатен*; см. De Garis Davies, *El Amarna II*. (Лондон, 1905), стр. 41, 42, и Pl. XL. (нижний ряд). Такие вазы были распространены в хеттской Сирии в XV веке до н. э. (см. Maspero, *Struggle of the Nations*, fig. on p. 263), и поэтому дата скульптур может быть изменена на основании различных соображений, таких как диапазон времени, в течение которого такие типы были в употреблении, вероятность сохранения античных форм в религиозной практике и возможность того, что специальные формы были посланы в качестве дани фараону.

[788] P. 268. Но см. Puchstein, *Pseudo-hethitische Kunst*, который относит его к девятому веку до н.э.

[789] P. 151, Pl. XLVII.

[790] P. 249.

[791] Хотя сам Ахенатен мог претендовать на этот титул, он использовался до его обращения.

[792] Ср. положение Хаттусила и Путухипы в печати договора с Рамсесом II, ниже, с. 349.

[793] Об этом см. ниже, с. 353.

[794] См. то, что сказано выше (с. 64) о сохранившихся элементах хеттской конституции в Лидийском государстве.

[795] Winckler, *B. K. Tablets*, *op. cit.*, p. 35.

[796] Мы предполагаем, исходя из синхронизма с Египтом и Митанни, между 1360 и 1340 гг. до н. э.; он и его преемник перекрывают своими правлениями правления Аменхотепа III и Сети I. Муталлю и Хаттусиль были современниками Рамсеса II.

[797] Об этом интересном выражении, встречающемся в преамбуле к аморейскому договору времен Хаттусила, см. Хаттусиль, см. Winckler, *Ausgrabungen*, etc., 1907, p. 43, примечание. Нам еще предстоит выяснить природу хеттских погребальных обрядов, но это упоминание имеет большое значение.

[798] Например, *Гасга* (ассирийский Каска), *Тибия*, *Зихрия*; ср. Винклер, указ. соч., с. 18.

[799] ? *Манапа-Санда*.

[800] Winckler, *op. cit.*, pp. 19, 44.

[801] См. выше, с. 207, 208; ср. Winckler, *op. cit.*, p. 14.

[802] Maspero, *Struggle of the Nations*, p. 608; Johns, in Hastings' *Abridged Dictionary* (1909). Мы принимаем хронологию последнего.

[803] См. карту, с. 375. *Музри* - термин, означающий "пограничные земли" и, следовательно, не фиксированный, см. Hommel, *Gesch. Bab. und Assy.*, p. 530, note 2; Тиле (*Bab. Assyrische Gesch.*, p. 201) считает, что этот Музри относится к пограничным землям Киликии, а Винклер (*Alttestamentliche Untersuch.*, p. 172) думает, что в это время он относится ко всей Северной Сирии.

[804] Аргумент Петри, *History*, iii. (1905) p. 17, относительно надежности египетских источников в этом вопросе, кажется, исторически подкреплён новым освещением этого периода.

[805] Хотя профессор Сейс обнаружил в Карнаке сцену, которая может относиться к северным районам.

[806] Мы относим это событие ко времени воцарения Рамсеса II, около 1292 г. до н. э. (следуя хронологии Брестеда, основанной на Мейере). Битва при Кадеше, которая отражена в хеттском договоре Рамсеса II. (см. Winckler, *op. cit.*, p. 45), связывает эти два царствования и попадает в эту систему дат около 1288-1289 гг. до н. э. Короткое царствование Муталлу (Winckler, *op. cit.*, p. 20), таким образом, заканчивается вскоре после этого: он - Маутенель или Мауталь из египетских текстов.

[807] Краткое изложение египетских источников см. в de Rougé, *Revue Égyptologique*, iii. p. 149; vii. p. 182. О тождестве народов и властей см. в Maspero, *Struggle of the Nations*, pp. 390, 398. Время принесло уважение к здравому принципу исследования последнего, а также к проникательности профессора Сейса (*The Hittites*, 1903 ed., p. 26) в этом вопросе. Аргумент профессора Петри, основанный на невероятности того, что войска, "три человека в машине", могли пересечь "такую суровую страну, как Малая Азия" (*History*, iii. p. 47), разбивается о первое имя в списках, и мы можем считать, что основная тема этого спора практически закрыта. Кроме того, новые факты делают ненужным подробное обсуждение позиции Хиршфельда, *Die Felsenreliefs in Kleinasien und das Volk der Hittiter* (Berlin, 1881), и О. Пухштейна, *Pseudo-hethitische Kunst* (Berlin, 1890), хотя мы и отмечаем отдельные моменты критики. Обзор всей ситуации до 1896 года см. в Reinach, *Chroniques d'Orient*, особенно i. pp. 372 и далее и pp. 772 и далее.

[808] Исчерпывающее исследование стратегии египетского вождя и критический анализ авторитетов см. в Breasted, *The Battle of Kadesh* (Chicago, 1903). См. также E. Meyer, *Geschichte des Alterthums*, pp. 288 f.; Maspero, *Histoire* (1875), pp. 220 ff., и *Struggle of the Nations*, pp. 392 ff.

[809] Мюллер (*Asien und Europa*, p. 216, прим. 1) считает, что этот отрывок в поэме Пентаура должен относиться к предложениям Хаттусила II. через шестнадцать лет после этого; но преамбула к договору с последним, прочитанная в свете новых синхронизмов, заставляет нас принять текст как исторический.

[810] Winckler, *B. K. Tablets, op. cit.*, p. 45.

[811] Профессор Сайс отмечает, что такое написание имени идеографическим способом следует считать сомнительным. В других текстах тот же человек фигурирует как Бантишинни.

[812] Факты приводятся сами по себе (Winckler, *op. cit.*, p. 19); эта последовательность - наша интерпретация их.

[813] Ср. Winckler, *Ausgrabungen, etc.*, 1907, p. 27.

[814] Winckler, *B. K. Tablets, op. cit.*, p. 24.

[815] Winckler, *op. cit.*, p. 21.

[816] См. перевод на английский язык профессора Сайса, *The Hittites*, pp. 31-39; также перевод с текста Мюллера (*Der Bündnis-vertrag Ramses II. und des Chetiterkönigs*, Berlin, 1902) в Messerschmidt, *The Hittites*.

[817] Winckler, *B. K. Tablets, op. cit.*, p. 23.

[818] Скульптурные фигуры бога в Малатии, [Pl. XLIV.](#); в Синджерли, [Pl. LXXVII.](#); и в Богаз-Кеуи, № 1 L., [Pl. LXV.](#)

[819] Другими являются: Зану-арнда, Пирка, Хиса-сапа, Рухасина, Тониса, Сахепайна, все неузнаваемы в их египтизированных формах.

[820] Ср. расположение семи богов-фигур и трех божественных женских фигур слева и справа в скульптуре Богаз-Кеуи, [стр. 215](#), [Pls. LXIII. \(ii\)](#), [LXV.](#)

[821] Ср. [Pl. LXXI.](#) и pp. [228](#), [239](#).

[822] Winckler, *B. K. Tablets, op. cit.*, pp. 23, 24.

[823] Винклер (указ. соч., стр. 21) отождествляет *Каташман-тургу* из писем с *Каташман-буриашем*, и, следовательно, синхронизирует эти события с периодом Шалманесера I, который мы рассматривали как более ранний. Возможно, мы имеем здесь новый материал для пересмотра ассирийской хронологии".

[824] Winckler, *op. cit.*, p. 26.

[825] Единственная сохранившаяся запись находится в скальном храме Абусимбел, высоко на южной стороне. К сожалению, имя хеттского царя не смог разобрать Лепсиус, который первым заметил эту сцену. Вероятно, это был преемник Хаттусила, так как принцесса, предложенная Рамсесу, была его старшей дочерью и, по всем прецедентам, не могла быть старше пятнадцати или шестнадцати лет, если она должна была оказаться приемлемой. Однако Хаттусил был уже в зрелом возрасте, когда вступил на престол, поскольку, как мы помним, правление его отца было долгим, а брата - коротким. Дата события - около 1258 г. до н. э., тридцать шестой год правления Рамсеса, тринадцать лет после договора с Хаттусилом, двадцать девять лет после битвы при Кадеше - трех событий, не имеющих исторической связи.

[826] Winckler, *op. cit.*, p. 28.

[827] Альтернативно читается "Эни-Санда" профессора Сайса, последняя группа является идеографической.

[828] Winckler, B. K. *Tablets, op. cit.*, p. 15 и p. 19.

[829] Winckler (*loc. cit.*) интерпретирует эти отношения иначе, и видит в них следы семейного межродового брака.

[830] Такой же короткий промежуток времени, по-видимому, имел место перед престолонаследием Арнуанты и, вероятно, Мурсила ранее. (Winckler, *op. cit.*, p. 18.)

[831] Кизвадна, по-видимому, занимала исключительное автономное положение среди хеттских государств. Ср. Винклер в *Orient. Lit.-Zeit.*, *loc. cit.*

[832] P. 235, Pl. LXV.

[833] P. 262, Pl. LXXIII.

[834] P. 151, Pl. XLVII.

[835] P. 168, Pl. LIII.

[836] Pl. LXV.

[837] Cf. p. 348 и Pl. LXV.

[838] Cf. p. 348 and Pl. LXVIII. Сапог в дизайне эдикулы может быть принят за эмблему земли.

[839] Ср. Pl. LXVIII.

[840] Pp. 217, 303; ср. Pls. LXVIII., LXXX.

[841] Там же.

[842] Ср. с. 157, 235 и Pl. LXV.

[843] Pls. XLIV., LXXII., p. 256.

[844] Pls. XLIX., LXV., p. 236.

[845] Pp. 118, 151, 165.

[846] Pl. LXV. и p. 215.

[847] Две последние встречаются только на маленьких печатях, C.I.H. (1900), Pl. XLI. (i), которые, хотя и являются хеттскими, мы должны рассматривать как выходящие за рамки данного тома.

[848] Pl. LXV., p. 235.

[849] Ср. с. 102, 119 и Pls. XLVII., LXXIII. (i).

[850] Таким образом мы объясняем развитие погребальной символики Церемониального пира (с. 100), которая стала стереотипным дизайном (Pl. LXXV. (i), pp. 111, 135, 164, 226, 284, 290).

[851] Pl. LXVII.

[852] Поскольку мы расходимся по этому вопросу в нашей интерпретации скульптур Богаз-Кеуи с профессором Рамсеем (см. [с. 213](#)), который, *в частности*, относит то, что мы считаем мужскими фигурами [[Pl. LXIX. \(ii\)](#)], к женскому телохранителю культа, мы считаем себя обязанными процитировать наши аргументы. *a* (i) В египетском искусстве до 1200 г. до н.э, хотя есть подробные описания хеттских союзников (ср. [Pl. LXXXIII.](#)), и до 1150 г. до н.э. азиатско-эгейской коалиции ([р. 368](#)), нет никаких подозрений о женщинах-воинах; (ii) в греческой традиции нет воспоминаний о власти Хатти, но появляются амазонки. *b* (i) Эти скульптуры, по-видимому, относятся к великому периоду Хатти, в частности, к эпохе Хаттусила (ср. аргумент на [с. 233](#)), будучи несколько более условными, чем те, которые, вероятно, относятся к более ранней фазе (сравните эмблему молнии на рис. 1 L, [Pl. LXV.](#), с эмблемой бога Малатии, [Pl. XLV.](#), которая свободно нарисована, как и эмблема Синджерли, [Pl. LXXXIII.](#)); (ii) скульптурные ворота, недавно признанные украшенными фигурой амазонки ([стр. 205](#)), были независимо датированы нами ([стр. 210, 211, 380](#)) по ряду прямых аналогий в эстетической обработке, к периоду, вероятно, несколькими столетиями позже. Пока мы, возможно, согласны, но в следующем пункте мы расходимся. *c* (i) В скульптурах Иасили Кая мужчины и женщины, как нам кажется, отличаются друг от друга, как никогда не отличались мужчина и женщина в искусстве; первые характеризуются короткими туниками, мускулистыми атлетическими фигурами, крепкими бедрами и мужественной грудью, не говоря уже о руках; вторые раскрываются в длинных одеждах, полной груди и других обычных женских характеристиках. (ii) Учитывая ярко выраженный женский характер фигуры амазонки из ворот, отмеченный заметной грудью, женственными бедрами и длинными волосами, мы считаем неразумным предполагать какое-либо сокрытие пола в фигурах воинов ранних скульптур. Таким образом, мы приходим к выводу (*d*), что ни в современных записях, ни в памятниках, насколько известно, нет никаких следов женщин-воинов до 1200 или 1150 г. до н.э.; что весь цикл легенд об амазонках исторически относится к более поздней эпохе, после падения царей-воинов Хатти. О евнухе-жреце, однако, см. [с. 361, прим. 2](#).

[853] Ср. цикл Сутеха о девяти государствах в египетском договоре, [с. 348](#).

[854] Ср. фигуры 2 L и 3 L в Богаз-Кеуи, [Pl. LXV.](#), и в Кара-Беле, [Pl. LIV](#).

[855] Второй цикл, упомянутый в египетском договоре; ср. скульптуры Малатии, где главному богу и крылатому божеству поклоняются с различными обрядами.

[856] Сутех и бог солнца оба называются владыками неба в египетском договоре ([стр. 348, 349](#)). Ср. отождествление Сандеса с богом солнца ([с. 322](#)).

[857] [Pl. LXV.](#)

[858] [Pl. XLIV.](#)

[859] [Pl. LXXII.](#) Фигура быка, к сожалению, не полностью представлена на этих фотографиях.

[860] В Богаз-Кеуи ([Pl. LXV.](#)), и Гяур-Калеси ([стр. 163](#)) он представлен с бородой в отличие от безбородого Сына-бога.

[861] Ср. легенды о Ваале и Сандане из Тарса, выше, [с. 195, 238](#).

[862] [Pl. LXX.](#), [р. 240](#).

[863] Ср. [с. 170](#).

[864] [Pl. LXXII.](#), [р. 268](#).

[865] Pl. XLIV., p. 139.

[866] P. 349.

[867] Pls. LXVIII., LXXXI.

[868] Мы уже приводили причины (с. 231), по которым предпочитаем видеть в них личность царя; но если некоторые эмблемы в *найскосе* действительно фаллические, они могут быть прочитаны как указывающие на жертвоприношение этих органов. С другой стороны, как и бык, они могут быть просто эмблемой положения царя как главного представителя мужественного бога. Свидетельства кажутся нам недостаточными для решения этого вопроса.

[869] Выше, стр. 297.

[870] Выше, с. 326 и далее.

[871] См. Maspero, *The Struggle of the Nations*, pp. 356 f.; и ср. W. Max Müller, *Asien und Europa*, pp. 324-329.

[872] Pl. LXXV. (ii); ср. с. 281.

[873] Ср. Pl. LXXXIII. (ii).

[874] P. 163.

[875] Pls. LXV., LXX.

[876] Ср. Boghaz-Keui, Pl. LXV., № 2 L., и Кара-Бель, Pl. LIV., p. 171, note 3.

[877] Ср. стр. 274-5.

[878] Ср. Pl. XLIV. (Малатия) и Pl. LIV. (Кара-Бел).

[879] Ср. Pl. XXXIX. (Сакдже-Геузи), а также более ранние подтверждающие сцены, описанные на стр. 133, 134.

[880] Pl. LXV. и с. 287.

[881] P. 140; *Liv. Annals of Arch.*, i. Pl. V.

[882] P. 283.

[883] Pp. 274-5.

[884] P. 293 (№ xxv.).

[885] P. 122.

[886] P. 121.

[887] Ср. северную стену Карнакского храма, разгромленную после битвы при Кадеше.

[888] Договор с Египтом, *temp.* Hattusil, p. 347; Преамбула к договору с Митанни, *временн.* Subbi-luliuma, cf. p. 331.

[889] P. 279.

[890] О древности коня и колесницы см. сказанное выше, с. 320, прим. 3.

[891] Ср. [Pl. LXXXVIII.](#), с северной стены храма Рамсеса II. в Абидосе.

[892] Абидосский храм, северная стена, хеттские пленники.

[893] Ср. [с. 5](#), прим. 1.

[894] См. [с. 34](#), прим. 2.

[895] См. [с. 143](#).

[896] См. [с. 6](#), [24](#).

[897] *Каппадокийцы*, позднее всегда отличавшиеся от Комана Понтийского.

[898] См. [с. 24](#), [45](#). Что касается вопроса о том, в каком направлении двигались персидские почты в более поздние времена, мы не имеем никакого мнения, и это выходит за рамки нашей темы. Предположение профессора Киперта о том, что она вела через Себастею в долину Тохма-Су, а затем мимо Малатии, кажется, подтверждается тем фактом, что второй переход через Халис не был признан достойным внимания в летописях. Резюме г-на Хогарта (*Macan's Herodotus*, 1895, vol. ii. App. xiii. §§ 8, 9) в пользу маршрута через Мазак и Коману, спускающегося на Самосату (Самсат), удовлетворяет всем условиям, но кажется нам маловероятным из-за его трудностей и отсутствия внутренних доказательств его важности. Первоначальное предпочтение профессора Рамсея в пользу маршрута через Киликийские ворота, похоже, подтверждается нашими новыми доказательствами видимого участка на север от Инджесу, который так близко соответствует той части Царской дороги, которую он проследил на Фригийских возвышенностях ([Pl. XXIV.](#)). Мы не считаем, что имеющийся материал достаточен для решения проблемы, которая, по нашему мнению, в любом случае должна быть решена по линии, изложенной профессором Майресом в докладе, прочитанном в *Roy. Geog. Soc.* 1896, в котором он попытался реконструировать карты Геродота.

[899] Рр. [37](#), [38](#).

[900] Рр. [208](#), [342](#).

[901] Р. [233](#).

[902] См. [с. 339](#), прим. 2.

[903] Р. [298](#), и *Liv. Annals of Arch.*, i. Pl. XXXIII.

[904] Р. [272](#).

[905] См. [с. 123](#).

[906] См. [с. 7](#), [97](#) и [Pl. XXXVIII](#).

[907] См. [с. 94](#).

[908] Относительно надписи из Кархемиша см., однако, [с. 371](#).

[909] Внутренняя стена второго пилона храма *Мединет Хабу* в Фивах.

[910] По этому вопросу см. Maspero, *The Struggle of the Nations*, pp. 468 и 587.

[911] Ср. Winckler, *Ausgrabungen*, etc., 1907, p. 30.

[912] Ср. выше, [с. 53](#), [прим. 1](#).

[913] Ed. Meyer, *Gesch. des Alterthums*, i. p. 331. См., однако, Schrader, *Bab.-Ass. Gesch.*, pp. 162-3, который отождествляет "Верхнее море" в тексте (опубликованном Винклером, *Inscripfen Tigl.-Pilesers I.*) с озером Ван; его поддерживают Сайс и другие. Меньян считал, что речь идет о Каспийском море, а Роулинсон - о Средиземном, но ни одна из этих теорий не согласуется с географией экспедиции, о которой см. Maspero, *Struggle of the Nations*, pp. 653-4.

[914] См. то, что сказано по этому поводу выше, [с. 57-8](#).

[915] В Анналах X-го года их число равно 30, Winckler, *op. cit.*, p. 28, l. 10.

[916] (?) Телль-Башар, в труднодоступной местности между Айнтабом и Кархемишем.

[917] Мы склонны поместить этот хребет в Аманусе, на киликийских границах. Трехстенный город Кибшуна (Maspero, *Struggle of the Nations*, pp. 655-6) сильно напоминает оборонительные сооружения Синджерли (см. выше, [стр. 272](#)); возможно, его следует отождествить с Кабессусом на Сарусе. Маршрут ассирийской армии, спускавшейся на юг по перевалам Пирама, мог легко обойти Мараш, который в записях не упоминается.

[918] Maspero, *op. cit.*, pp. 657-8. Надпись на скалистом морском берегу в Нахр-эль-Кельбе почти не читается, и наша фотография не дает новых доказательств на этот счет.

[919] Ср. Schrader, *Keilinschriften und Geschichts-forschung*, pp. 225-236. Maspero, *Struggle of the Nations*, pp. 589, and note 3.

[920] Сайсе, перевод хеттской надписи из Кархемиша, выше, [стр. 126](#).

[921] Сайс, надпись из Гуруна, выше, [стр. 144](#).

[922] Бияссили (? *Касьяс-силь*, предложено профессором Сайсом), *временное местонахождение*. Субби-лулиума; и Эни-Санда, *временный вариант*. Дудхалия. Другими царями более поздней истории являются: Шангара (или Сангар), около 860 г. до н. э., и Писирис, последний из всех, около 740-717 гг. до н. э.

[923] Ассур-бель-кала, по-видимому, сохранил владения в Куммухе, а позднее Ассирирба утверждает, что проник до горы Аманус и моря, около 950 г. до н. э. Ср. Hommel, *Gesch. Bab. und Assyr.*, p. 540.

[924] Видимый нижний дворец ([с. 207](#)) и главная оборона верхнего города ([с. 201](#)) связаны между собой особенностью жоголов и подогнанных камней (ср. [с. 208](#)).

[925] Ср. [Pl. LX](#) и [с. 203](#). Обработка морды льва является важным фактором для датировки, так как она соответствует работам этого периода в Синджерли и Сакдже-Геузи ([с. 311](#)). Подобным образом связан львиный резервуар в Богаз-Кеуи ([с. 210](#)), и это, судя по его расположению, помогает определить дату нижнего дворца ([с. 211](#)). Неустановленный угловой камень со львом в Эюке ("р" на плане, [стр. 247](#)) относится к тому же классу и фазе искусства и указывает на верхнюю серию зданий, которые, похоже, исчезли.

[926] См. выше, [стр. 205](#), [357](#). На важность и природу этой скульптуры впервые указала мисс Додд, которую, очевидно, не заметили члены экспедиции д-ра Винклера, при котором она была обнаружена (*Ausgrabungen*, etc., 1907, Pl. XII.). На момент написания этой статьи мы

видели только наброски и меморандумы мисс Додд, за которые мы обязаны любезности профессора Сейса.

[927] Отрывок из Пиндара, цитируемый Страбоном (XII. iii. 11), похоже, подразумевает, что в старом государстве Хатти в пределах Халиса амазонки стали признанными лидерами в войне. Есть также предположение, что эти события происходили одновременно с началом железного века.

[928] Pl. LVI., p. 186.

[929] Pl. LVII., p. 191.

[930] P. 190.

[931] P. 154.

[932] Цитируем Гекатея Милетского (*Polyhistor.*, ed. Mommsen, p. 129, с. 38, § 1 и ff.). Эта традиция легла в основу многих старых теорий о хеттах, в частности, выдвинутых Мордтманном, Леманом и Йенсенем, на которых нам нет нужды больше останавливаться.

[933] Профессор Масперо (*Struggle of the Nations*, p. 668), как нам кажется, проследил происхождение этой традиции в путанице между памятью о великом царстве Хилакку и сказочным владычеством царей Хатти.

[934] Надписи Бора, Булгара-Мадена и Ивриза явно ограничены двумя поколениями, не более; ср. с. 188.

[935] P. 375. На этой карте используются ассирийские названия государств, а современные названия приводятся в некоторых случаях, когда возможна идентификация. Столицы обозначают современные города, не обязательно хеттские, но полезные в качестве ориентиров.

[936] Ср. карту на обороте с. 390.

[937] С Хилакку мы склонны включать Киликию с Тарсом; северо-восточная Киликия, по-видимому, была отдельной под названием Куэ; см. выше, p. 326, прим. 3.

[938] Упоминаются "двадцать четыре царя", ок. 838 г. до н.э.

[939] Отождествляется Рамсеем с Фаустинополем, см. выше, p. 61, n. 4. Запись датируется 718 г. до н. э., к этому времени власть "килийских" царей в Малой Азии, вероятно, была сломлена фригийцами.

[940] См. примечание о Хали-раббате, с. 327, прим. 1; и описание памятников, с. 132 и далее. Имена царей, встречающиеся в ассирийских источниках: ок. 800 г., Лалле (к которому, кажется, не прилагается имя бога, ср. Субби-лулиума); 758 г., Хите-руадас; 717 г., Тарху-нази; и 672 г., Мугаллу, который, кажется, правил также Табалом.

[941] Имена трех царей встречаются в ассирийских записях: Кундашпи, ок. 859 г. до н.э.; Кушташпи, ок. 743 г. до н.э.; и Муталлу, ок. 717 г. до н.э.

[942] См. с. 13.

[943] Имя одного царя, Тутамму, появляется около 740 г. до н. э., чья столица находилась в Кинулуа. Ранее, ок. 884 г., Лубарна, царь Хаттины, имел свой дворец в том же месте, которое отождествляется с Гиндарусом. Ср. Maspero, *Passing of Empires*, p. 38, и Tomkins, *Bab. and*

Oriental Record, iii. p. 6, который указывает на название, сохранившееся в *Телль-Кунане*. Это была речная страна с лесами и рудниками; ср. Polybius, v. 59.

[944] Эта местная борьба отражена в одном из памятников, описанных выше, [стр. 280](#).

[945] "Двенадцать царей" упоминаются ок. 849 г. до н. э. (Maspero, *Passing of Empires*, p. 78). Три имени царей встречаются в ассирийских текстах: Лубарна, ок. 880 г. до н. э.; Шапалулме, ок. 860 г. до н. э.; и Гарпарунда, ок. 859 г. до н. э.

[946] Ср. Winckler, *Altorient. Forsch.* i. p. 3; Delattre, *L'Asie Occid. dans les Inscr. Assy.*, pp. 44-52.

[947] Ср. Schrader, *Keilinschriften und Geschichts-forschung*, pp. 221, 236.

[948] См. сказанное, [стр. 83, 84](#), об археологической проблеме плато.

[949] Ср. Maspero, *The Passing of Empires*, p. 589.

[950] Например, *Ахуни*, ок. 860 г. до н. э., и *Хаяни*, ок. 859 г. до н. э.; см. также [с. 272](#).

[951] См. выше, [с. 273](#). Ср. также скульптуру более позднего времени из Синджерли, которая сейчас находится в берлинском Vorderasiat. Музей, № 2996, где хетт помещен между двумя семитами, первый из которых отличается, *в частности*, типичным пучком волос, завитых за шеей, а второй - столь же характерным оформлением волос в колечки. Об этом интересном критерии см. ниже, [с. 380](#).

[952] Ср. памятники Бора, [Pl. LVII.](#), Ивриз, [пл. LVII.](#), Мараш, [с. 113](#), Сакдже-Геузи, [пл. LXXXI](#).

[953] Ср. [с. 222, 240](#).

[954] Храм Абу-Симбел, N. стена.

[955] См. также выше, [стр. 188, 194](#).

[956] Ср. [Pls. XLII., LXXIX.](#) и [pp. 109, 265, 297, 301](#).

[957] Ср. выше, [с. 297](#).

[958] [Рр. 203, 210](#).

[959] См. выше, [с. 110, 111](#), и ср. Strabo, *XL. iii. p. 32*.

[960] Ср. выше, [с. 108-122](#). Известны только два царя, а именно Гарпарунда, ок. 859 г. до н. э., и Тархулара, ок. 740 г. до н. э.

[961] На этом этапе мы постоянно обращаемся к работе Масперо "*Гибель империй*", а также к различным статьям Джонса, Уинклера и других авторов, приведенных в сносках.

[962] Опубликовано Сэйсом, *Jour. Roy. Asiatic Soc.*, xiv.

[963] *Тарзу* (Тарсус) был среди городов, которые пали.

[964] Мы помещаем Музри в данном случае в Тавр, вблизи Киликийских ворот, отчасти из-за характера подарков, которые в ассирийских записях называются данью и включают серебро (получаемое из Булгара-Мадена и Берекетли-Мадена) и соль (получаемую из Туз-Геула и других мест на равнине Конии). Ср., однако, мнения Тиле, *Babylonisch-Assyrische Gesch.*, p. 201, прим. 1; Хоммеля, *Gesch. Bab. und Ass.*, p. 609, и Винклер, *Alttestament. Forsch.*, p. 172.

[965] Maspero, *op. cit.*, p. 64.

[966] Вероятно, в тексте есть некоторая путаница в этом месте, где Гарпаруда фигурирует как царь и Гургума, и Хаттины, поскольку Хайани правил в Самалле, которая была промежуточной. Ср. Winckler, *Gesch. Bab. und Ass.*, p. 193.

[967] Ср. Maspero, *op. cit.*, p. 71.

[968] Maspero, *op. cit.*, p. 28. Tiele, *Bab.-Ass. Gesch.*, pp. 187, 201. Winckler, *Gesch. Bab. und Ass.*, p. 197.

[969] Sayce, *op. cit.*, pp. 558-592, No. xxxiii.

[970] Sayce, *The Cuneiform Inscr. of Van*; *op. cit.*, xiv. p. 642-649, также xx. pp. 18, 19.

[971] Это следует рассматривать как минимальный объем урартских завоеваний, поскольку источник информации - ассирийский, взятый из "Анналов Тиглата-Пилесера", p. 743, ll. 59-62.

[972] Maspero, *op. cit.*, p. 146 и прим. 3.

[973] *Анналы Тиглата-Пилесера*, iii. ll. 59, 73.

[974] Cf. [p. 271](#). Он был внуком предыдущего правителя с таким именем и сыном Барзара. Отражением этих локальных войн является памятник Синджерли, описанный на [с. 280](#). Полное обсуждение и библиографию этих инцидентов см. в Maspero, *op. cit.*, p. 150.

[975] Из местных географических соображений это место, возможно, идентично Киллизу. Но см. Tiele, *Bab. Ass. Gesch.*, p. 230; Hommel, *Gesch. Bab. und Ass.*, p. 660; Winckler, *op. cit.*, p. 225.

[976] Целью этой экспедиции было наказание Киакку из Синухты, чье княжество было отдано Матти из Атуны или Туны. О возможном отождествлении этого места с Тынной Птолемея (v. vi. 22) см. выше, [с. 61, прим. 4](#), а также с Фаустинополем, см. Ramsay, *Hist. Geog.*, p. 68. Олмстед (*Западная Азия в дни Саргона*, стр. 83, прим. 9) помещает его в самой Тиане, что открывает интересные возможности.

[977] Об отождествлении с "Митой из Муски" в ассирийских текстах см. выше, [с. 53](#).

[978] Об организации ассирийских провинций в эти времена см. Winckler, *Gesch. Bab. und Ass.*, pp. 210 ff.; Tiele, *Bab. Ass. Gesch.*, pp. 497-499. Ср. также Olmstead, *op. cit.*, pp. 163 ff.

[979] Об этих событиях, касающихся Уасарми, вождя Табала в 740 г. до н. э., и других, см. Maspero, *op. cit.*, p. 251.

[980] Как и в 706 г. до н. э., Pinches, *Bab. Chron.*, col. 2, l. 9; и позже, в 672 г. до н. э., Winckler, *Alt. Forsch.*, ii. pp. 125 ff.

[981] Ср. Иезекииль xxxii. 26, 27.

[982] Ср. египетскую надпись, *временная*. Тахарка, 673 г. до н. э., где упоминается также Митанни; и ассирийская запись, *времен.* Эсархаддон, 672 г. до н. э. (Maspero, *op. cit.*, p. 370).

[983] Дата приблизительная.

[984] Дата предположительная.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. - БИБЛИОГРАФИЯ

ЦИТИРУЕМЫЕ РАБОТЫ ПО ХЕТТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Работы по истории, путешествиям и общие ссылки см. в указателе авторов.

Андерсон, Журнал эллинских исследований, xxi. (1901), с. 322.

Barth, Reise von Trepesunt nach Scutari. Über die Ruinen bei Heyuk (Arch. Zeit., 1859).

Belck, Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Ges. (Dec., 1901.)

Калландер, см. Рамсей.

Chantre, Mission en Cappadoce. (Париж, 1898.)

Crowfoot, J. W., Jour. Hell. Stud., xix. 1 (1899), pp. 34-51, figs. 4, 5.

Davis, E. J., On a New Hamathic Inscription at Ibreez. (Trs. Soc. Biblical Arch., vol. iv. 1876.)

-- Life in Asiatic Turkey. (London, 1879.)

Davies, de Garis, El Amarna II. (Лондон, 1905.)

Фрейзер, профессор Дж. Г., Золотая ветвь, iv.; Адонис, Аттис, Осирис, 2-е изд. (Лондон, 1907).

Hamilton, W. J., Researches in Asia Minor. (Лондон, 1842.)

Хилпрехт, Исследования в библейских землях. (Эдинбург, 1905). Профессор П. Йенсен в том же: "Так называемые хетты и их надписи" (755-793).

Hirschfeld, Die Felsenreliefs in Klein-Asien und das Volk der Hittiter (Abhandlungen der Akademie in Berlin, 1887).

Hogarth, D. G. (i), Recueil de Travaux, ... xvii. [См. также Ramsay.]

-- (ii) Appendix xiii., § 9, in Macan's ed. of Herodotus. (Oxford, 1895.)

-- (iii) Ionia and the East. (Oxford, 1909.)

-- (iv) Liv. Annals of Arch., ii. (1909).

Humann and Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nord-Syrien (с атласом), 1890.

Jensen, P., Hittiter und Armenier (Strassburg, 1898).

Джерафанион (Гу. де), Два новых хеттских памятника в Каппадокийской Таврии. Proc. Soc. Bibl. Arch., XXX. (1908, февраль).

Liverpool Annals of Archæology, vols. i. ii. iii. (Liverpool, 1908 et seqq.) [Abbr. *Liv. Annals*].

Lenner, Van, Travels in ... Asia Minor. (Лондон, 1870.)

Luschan, Von, and others, Ausgrabungen in Sendschirli, i. ii. iii. (Mitteilungen aus den Orientalistischen Sammlungen, K. Museen zu Berlin.) Berlin, 1893, '98, 1902.

Macridy Bey, La porte des Sphinx à Euyuk. (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, 1908, 3, Berlin.)

Масперо, Борьба народов. (Лондон, 1896.)

-- The Passing of Empires. (Лондон, 1900.)

Мессершмидт, (i) Corpus Inscriptionum Hettiticarum. (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft.) Berlin, 1900, 4 и 5; 1902, 3; 1906, 5. [Abbr. *C.I.H.*]

-- (ii) Хетты. (Ancient East Series VI.) (Лондон, 1903, перевод Die Hittiter, Der alte Orient, Leipzig, 1903.)

-- (iii) Orientalistische Litteraturzeitung (1909, Sept.).

Meyer, Ed., Geschichte des Alterthums. (Stuttgart 1884, *et seqq.*).

Müller, W. Max, (i) Asien und Europa. (Лейпциг, 1893.)

-- (ii) Der Bündnis-vertrag Ramses II. und des Chetiter-Königs. (Берлин, 1902.)

Murray, Handbook for Asia Minor, etc. (London, 1895.)

Майрес, профессор Дж. Л., (i) Мидас за Халисом. (Liv. Annals, i, 1908.)

-- (ii) География Геродота (Roy. Geog. Soc., 1896).

Olmstead, Western Asia in the days of Sargon of Assyria, 722-7 B.C. (New York, 1908.)

Von Oppenheim, Der alte Orient, 1908. Heft. i.

Peiser, Die Bronze-figur von Schernen (Sitzungsber. der Altertumsges. Prussia. Heft 22.)

Перро и Чипес, История искусства в Сардинии ... Сирии и Малой Азии ii. (англ. изд. Лондон, 1890). [Abbr. *Art in ... Asia Minor*].

-- и Guillaume, Exploration Archéologique (Cappadoce, etc.).

Puchstein, O., (i) Pseudo-hethitische Kunst, ein Vortrag (Berlin, 1890).

Ramsay, Prof. Sir Wm., (i) On the early Historical Relations between Phrygia and Cappadocia, i. ii. iii. (Jour. Roy. Asiatic Soc. N. S. XV., 1883.)

-- и Hogarth, Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'archéologie Égyptiennes et Assyriennes, xiv. xv. xvii. [Abbr. *Recueil de Travaux*.]

Рамсей (ii) Исследования в Малой Азии, i. и ii. Jour. Hellenic Studies, iii. (London 1883), также *ibid.*, ix. p. 372.

-- (iii) The Historical Geography of Asia Minor. (Лондон, 1890.) Royal Geog. Soc. Suppl. Papers. Vol. iv. [Abbr. *Historical Geog.*]

-- (iv), Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire (Aberdeen, 1906); V. T. Callander. Exploration in Lycaonia and Isauria, 1904. [Abbr. *Stud. History and Art*].

-- (v) *Pauline and other studies*. (Лондон, 1906.) Эсп. гл. VI. XI.

-- (vi) Города святого Павла. (Лондон, 1907.)

-- (vii) Лука-врач (Лондон, 1908). Исп. гл. V. VI.

Reinach, *Chroniques d'Orient*. (Париж, 1891, 1896.)

Робинсон, У. А., Памятник из Цок-Гоз-Купрукёэ. *Proc. Soc. Bibl. Arch.*, XXX. 1. (1908, янв.).

Rott, Hans, *Kleinasiatische Denkmäler* (Leipzig, 1908), Messerschmidt in do., pp. 175-8, figs. 1, 2, 3.

Sayce, the Rev. Prof. A. H.

-- (i) *The Hittites*. (3rd ed., London, 1903.)

-- (ii) *Monuments of the Hittites*, *Trs. S.B.A.*, vii.

-- (iii) Надписи хеттов, в Трудах Общества библейской археологии; 1903, март, май, июнь, ноябрь, декабрь; 1904, янв., ноябрь; 1905, ноябрь.

-- (iv) Надписи из Кара-Дага. (*Ibid.*, vol. xxxi., 1909, март.)

Сейс, Хеттская клинописная табличка из Богаз-Кеуи. (Опубликована совместно Королевским Азиатским обществом, Лондон, и *Liv. Inst. of Arch.*, Oct. 1908.)

Ван Леннеп. См. Леннеп.

Фон Лушан. См. Лушан.

Winckler, H., *Vorläufige Nachrichten über die Ausgrabungen in Boghaz-Keui in Sommer 1907*. (*Mitteilungen der deutschen orient. Gesellschaft zu Berlin*. No. 35, Dec. 1907.) [*Abbr. Ausgrabungen in Boghaz-K.*, 1907].

-- Заметка об *Ausgrabungen in Boghaz-K.*, 1906, *Orientalistische Litteraturzeitung*, ix.

Wright, Wm., B.A., D.D., *The Empire of the Hittites*. (Лондон, 1884.)

ПРИЛОЖЕНИЕ В

УКАЗАТЕЛЬ ХЕТТСКИХ ПАМЯТНИКОВ С БИБЛИОГРАФИЕЙ

[*C.I.H.* = *Corpus Inscriptionum Hettitarum* (Messerschmidt). Другие сокращения см. в [Приложении А](#); полные названия книг для путешествий и общих ссылок см. в [сносках](#)].

Айнтаб: Скульптурный и надписанный угловой камень, стр. [106](#), [107](#), [пл. XLI](#).

Bibl: *Liv. Annals of Arch.*, i. (1908), p. 8 и рис. p. 7; Pls. X., XI.

Альбистан: Обелиск с надписью из Изгина, стр. [145](#), [146](#).

Библ: *C.I.H.* (1902), стр. 13 и [пл. XIX](#); *Recueil de Travaux*, xv. p. 30 и Pls. I., II. Сейчас находится в Константинопольском музее.

Алеппо: Камень с надписью, стр. 97.

Библ: C.I.H. (1900), p. 4, Pl. III. A; *Quart. St. Pal. Expl. Fd.*, 1873, p. 73; Wright, *Empire*, p. 142, Pls. V.-VII.; *Proc. S.B.A.*, v. (1883), p. 146, и 1908 (июнь); *Liv. Annals of Arch.* i. (1908), p. 8 и Pls. IX. (iii).

-- Скульптура льва и орла; рельеф "Церемониальный пир", без надписи.

Библ: *Liv. Annals of Arch.*, ii. p. 184 и Pl. XLII. (i, ii, iii).

Александретта: Небольшой камень с надписями с обеих сторон, возможно, из Мараша, стр. 99, прим. 1.

Библ: C.I.H. (1900), p. 8 и Pl. VIII.

Амаксиз. См. [Ангора](#).

Андавал: верхняя часть стелы с надписью и фигурой, стр. 188, 189.

Библ: C.I.H. (1900), p. 27 и Pl. XXXI. C.; *Recueil de Travaux*, xiv. p. 84 и Pl. I.

Ангора: Рельефы львов из Амаксиза, Калабы и Яланджака, стр. 161, 162.

Библ: Perrot and Chipiez, *Art in Asia Minor*, ii. p. 202 и fig. 352; *Jour. Hell. Stud.*, xix. pp. 45-48 и рис. 5.

Асарджик: Надпись на скале, стр. 153.

Библ: *Liv. Annals of Arch.*, i. p. 6 и Pls. VIII., IX. (i).

Бей-Кеуи: Надпись на черном камне, с. 167.

Библ: C.I.H. (1900), p. 32 и Pl. XXXVI. A; *Mitt. d. Deut. Arch. Inst. Athen.*, xiv. (1889), p. 181; *Jour. Hell. Stud.*, ix. p. 372; *Murray's Handbook for Asia Minor*, p. 135.

Богче: Камень с надписью *in situ*, p. 155 и Pl. XLVIII.

Библ: C.I.H. (1906), стр. 11, 12 и Pl. LI.

Богаз-Кеуи: (i) Наскальная надпись (Нишан-Таш); (ii) Два скульптурных блока с иероглифами, с. 158, 159. (iii) Остатки Птериис, с. 196-211, с пл. LVIII.-LXII. (iv) Скульптуры Иасили Кая, с. 211-241, с пл. LXIII.(ii)-LXXI., и план, с. 221.

Библ.: (i) C.I.H. (1900), p. 22; Perrot, *Exploration*, ii., Pl. XXXV.; *Mitteil. d. Deutsch. Arch. Inst. Athen. Abtlg.* (1889), xiv. p. 170. (ii) *Mitteil. d. Deutsch. Orient. Ges. Berlin* (1907), 35, pp. 57, 58, и рис. 6, 7. (iii) Имя: Геродот, i. 76; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 103; Ramsay, *Luke the Physician*, p. 215, note. Раскопки: Chantre, *Mission en Cappadoce*, pp. 13 ff.; Winckler, *Mitteil. der Deutsch. Orient. Ges.* (1907), pp. 57, 58; Winckler, *Orientalistische Lit. Zeitung* (1906), Dec. (iii и iv) Описательный: Barth, *Reise ... nach Scutari*, pp. 44-52; Humann and Puchstein, *Reisen in Kl. A.*, pp. 54 ff. и Pls. VII. ff.; Perrot, *Exploration Archéol.*, ii. Pls. XXXV. ff.; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, pp. 108 ff.; Texier, *Description de l'Asie Mineure*, i. Pls. LXXX. ff. (iv) Religion: Perrot and Chipiez, *op. cit.*, pp. 149-153; Ramsay, *Luke the Physician*, ch. vi.; Ramsay, *Jour. Roy. As. Soc.*, xv., N.S. (1885), pp. 113-120; *Expository Times*, Nov. 1909; Hamilton, *Researches in A.M.*, i. p. 396; Frazer, *Adonis, Attis, and Osiris*, i. vi. pp. 105-110. Скульптуры и иероглифы: C.I.H. (1900), Pls. XXVII.-XXIX.

Бор: (часть) Сцена поклонения с надписью, с. 185-188 и пл. LVI.

Библ: С.И.Н. (1906), р. 3 и Pl. XXXIII.; *Recueil*, xiv. Pl. I.; *Proc. S.B.A.*, xxviii. (1906), р. 94 и Pl. III.; Hogarth, *Wandering Scholar*, р. 16. Сейчас находится в Константинопольском музее, № 857.

Булгар-Мадан: Наскальная надпись, стр. 189, 190.

Библ: С.И.Н. (1900), р. 27 и Pl. XXXII.; *Recueil*, xiv. р. 85 и Pl. II.; *Proc. S.B.A.* (1905), р. 229. Отливки в Оксфорде (Ashmolean Mus.) и Берлине (Vorderas. Mus.). Крупномасштабные фотографии в Ливерпуле (Инст. арх.).

Кархемиш. См. Джераблус.

[Denek Maden: Ivory Seal, р. 160 и Pl. XL. (ii)].

Дерендех. См. Паланга, Хауз.

Доганлу; Гермес и другие наскальные скульптуры, с. 166, 167.

Библ: С.И.Н. (1900), р. 32 и Pl. XXXVI. В; *Jour. Hell. Stud.*, iii. (1883), pp. 6-11 и рис. 2; *Mitteil. d. Deutsch. Arch. Inst. Athen. Abtlg.* (1889), xiv. р. 182, Pl. VI.; Perrot and Chipiez, *op. cit.*, ii. р. 206 и fig. 353.

Эфлатун-Бунар: Скульптурный памятник "ликаонцам", с. 174, 175.

Библ.: Hamilton, *Researches*, ii. pp. 350, 351; *Revue Arch.*, 3^e ser. vol. v. pp. 257-264 и Pls. XI., XII.; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. р. 224, fig. 356.

Ekrek: Inscribed Stone (re-dressed), р. 148 and Pls. XLVI.

Библ: С.И.Н. (1900), р. 26, Pl. XXXI., и *ibid.* (1906), pp. 2, 3, Pl. XXXI. А. Сейчас находится в Константинопольском музее, № 1217.

Эмир-Гази: Три алтаря с надписями и угловой камень с надписями, стр. 183, 184.

Библ: С.И.Н. (1906), р. 9 и Pls. XLIX., L.; *Proc. S.B.A.*, xxvii. (1905), pp. 21-23, Pls. I.-III., и *ibid.*, xxviii. (1906), р. 134; Ramsay, *History and Art of the Eastern Provs. of Rom. Emp.*, р. 178 и Pls. IX., X., XI.

Эски-Япан: Неописанный скульптурный лев, р. 88.

Библ: *Liv. Annals of Arch.*, i. (1908), р. 9.

Эюк: Фундаменты обнесенного стеной города. Дворцовые ворота со скульптурами, стр. 242-269, пл. LXXII., LXXIII., план, стр. 246.

Библ: С.И.Н. (1900), pp. 24, 25; Hamilton, *Researches*, i. pp. 382, 383; Barth, *Reise ... nach Scutari*, pp. 42, 43; *Arch. Zeit.* (1859), с. 50-59; Van Lennep, *Travels in ... Малой Азии*, с. 129-148; Perrot, *Exploration*, ii. Pls. LIII. ff.; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. pp. 153-158; Chantre, *Mission*, р. 1; Maspero, *Passing of Empires*, р. 338; *Struggle of Nations*, р. 648; Humann and Puchstein, *Reisen*, р. 82, Pl. VII.; *Recueil de Travaux*, xiv. р. 91, fig. 5; *Jour. Roy. As. Soc.*, xv. р. 116; *Mitteil. d. Vorderas. Ges.* (1908), 3; *Liv. Annals of Arch.*, i. (1908), р. 3, Pls. II., III.

Фассилер: Скульптурный "ликаонский" памятник, стр. 175, 176.

Библ: Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. pp. 222, 223. Иллюстр: Города святого Павла, стр. 134, рис. 7.

Фрактин: Наскальные скульптуры, с. [150](#), [151](#), и пл. XLVII.

Библ: С.И.Н. (1900), pp. 25, 26 и Pl. XXX.; *Recueil de Travaux*, p. 87 и Pl. XIV.; Chantre, *Mission*, p. 125 и Pl. XXIII.

Гергер; Наскальная скульптура (сомнительного происхождения), с. [131](#).

Гяур-Калеси: Форт и наскальные скульптуры, с. [162-164](#).

Библ: Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 202, fig. 352.

Гурун: Наскальные надписи, с. [143](#), [144](#).

Библ: С.И.Н. (1900), p. 15 и Pl. XVIII.; *Recueil de Travaux*, xiv. p. 86 и Pl. IV.; Wright, *Empire*, p. 57; Sayce, *Trans. S.B.A.*, vii. p. 305; *Proc. S.B.A.* (1903), p. 148.

Хамат: Five Inscribed Stones, pp. [95-97](#) and Pl. XXXVII.

Библ: С.И.Н. (1900), с. 6-8 и пл. III. B-VI.; Wright, *Empire*, pp. 139-141 и Pls. I.-IV.; Sayce, *Hittites*, pp. 60-64; Burckhardt, *Travels in Syria ...*, p. 146; Burton, *Unexplored Syria*, p. 335; *Palestine Expl. Fund*, Q. S., 1871, p. 173; *ibid.*, 1872, pp. 74, 199; *ibid.*, 1873, pp. 35, 61, 74; *Amer. Pal. Expl. Soc.* (1871), p. 31; *Trs. S.B.A.*, vii. p. 429; *Proc. S.B.A.* 1903 (март), *ibid.*, 1905 (ноябрь), p. 218. Сейчас находится в Константинопольском музее, №№ 831-834.

Ильгин. См. Кёлит-оглу.

Ивриз: Наскальные скульптуры с надписями, с. [191-195](#) и пл. LVII.

Библ: С.И.Н. (1900), p. 30 и Pl. XXXIV.; *ibid.* (1906), p. 5 и Pl. XXXIV., и с. 19, 20; Davis, *Trs. S.B.A.*, iv. (1876). стр. 336, 346; *Жизнь в Азиатской Турции* (1879), стр. 245-260; Hamilton, *Researches*, ii. pp. 304-307; Ramsay and Hogarth, *Recueil*, xiv. pp. 71-85, Pls. III.-IV.; Ramsay, *Luke the Physician*, pp. 171, 179, and Pls. XXI.; Ramsay, *Pauline*, etc., pp. 172, 173; Sayce, *Proc. S.B.A.* (1906), pp. 133, 134, and Pl.; Frazer, *Adonis*, etc. (1907), pp. 93-97. Отливка хранится в берлинском Вормдерас. Музей.

Изгин. См. [Альбистан](#).

Джераблус, место Кархемиша. Стела с надписью, рельефом и фрагментами других. Надпись с крылатой фигурой. Угловой камень с надписью: Колонна с надписью. Надпись Фрагменты камня. Рельеф с изображением фигуры на спине льва. Рельеф с изображением "Поклонения Кибеле". Рельеф с изображением жреца между воинами, с. [123-129](#).

Библ: С.И.Н. (1900), pp. 9-12 и Pls. IX.-XV.; *ibid.* (1902), pp. 2-12 и Pls. X.-XV.; Wright, *Empire*, pp. 143, 148, Pls. VIII.-XIII., также XIX.-XXII.; *Trs. S.B.A.*, vii. p. 435; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 62, figs. 276, 277, и стр. 281, с рис. 390, 391; Ball, *Light from the East*, pp. 141-143; *Proc. S.B.A.* (1905), pp. 201 ff.; *The Graphic*, Dec. 11, 1880; *Liv. Annals of Arch.* (1909), ii. pp. 165-171, с рис. 1 и Pls. XXXV., XXXVI. (i); Maspero, *Struggle*, p. 145; Maundrell, *Journey to Euphrates* (1749); Drummond, *Travels to ... Евфрату* (1754), стр. 209. Надписи сейчас находятся в Британском музее (*Путеводитель*, стр. 27).

Калаба. См. [Ангора](#).

Кара-Бель. Наскальные скульптуры, с. [171-173](#) и пл. LIV.

Библ: С.И.Н. (1900), p. 37, Pl. XXXIX.; Sayce, *Hittites* (1903), p. 67, с пл.; Texier, *Description*, ii. Pl. CXXXII.; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 229 и fig. 362; Wright, *Empire*, p. 155 и Pl.

XVIII.; *Revue Archéol.* (1866), xiii. Pl. XII.; *Trs. S.B.A.*, vii. pp. 266, 439; *Proc. S.B.A.*, XXI. p. 222; Herodotus, ii. p. 106.

Карабурна: Наскальная надпись, с. [154](#), [155](#).

Библ: *C.I.H.* (1902), pp. 17, 24, Pl. XLVI.; *Jour. Hell. Stud.*, xxi. (1901), pp. 328-332, с пл.; *Proc. S.B.A.* (1905), p. 217.

Кара-буршлу: Скульптура с надписями, Церемониальный праздник, стр. [99-101](#).

Библ: *C.I.H.* (1900), p. 20 и Pl. XXVI. (1, 2).

Кара-Даг: Скальный проход с двумя надписями. (Kizil-Dagh): Крепость, с тремя надписями; скальный алтарь, с надписью: Скальный трон, с рисунком и надписью, с. [177-181](#).

Библ: Ramsay, *Luke the Physician*, pp. 160 ff. и Pls. XIV.-XVI. *Proc. S.B.A.* (1909), xxxi. p. 86 и Pls. VII. and VIII.

Келлекли: в восьми милях к северу от Джераблуса. Недавно найдены: (i) рельеф человеческой фигуры в длинном халате. (ii) Стела с рельефом двух фигур, обращенных друг к другу, с надписями на лицевой и двух боковых сторонах.

Библ.: Хогарт в *Liv. Annals of Arch.* (1909), ii. p. 172, рис. 2, 3, и Pl. XXXVI. (ii, iii).

Кизил-Даг. См. выше [Кара-Даг](#).

Куртс-оглу: Фрагмент статуэтки с надписью, стр. [98](#), [99](#).

Библ: *C.I.H.* (1900), стр. 8 и Pl. VII. Сейчас находится в берлинском Вормдерас. Музей, № 3009.

Куру-Бел: Алтарь со львами, стр. [146-148](#).

Библ: *Proc. S.B.A.* (1908), xxx., Pt. II., p. 42 и Pl. I. [Остатки *in situ*].

Малатия: Три рельефа с охотой на льва, охотой на оленя и церемониальным пиром, с надписями. Четыре рельефа с божествами и сценами обрядов и т. д., с. [135-140](#) и [пл. XLIV](#).

Библ: *C.I.H.* (1900), p. 13, Pl. XVI. (A, B); *ibid.* (1906), p. 7, Pl. XLVII.; Heuzy, *Les Origines Orientales d'Art*, i. Pl. X.; *Liv. Annals of Arch.*, i. (1908), Pls. IV., V.; *ibid.*, 1909, p. 180 и Pl. XLI.; Hogarth, *Recueil*, xviii., с Pl., p. 25; *Proc. S.B.A.* (1905), p. 212; *ibid.* (1904), xxvi. p. 13. Охота на льва и пиршество сейчас в Константинопольском музее, 846, 847; охота на оленя в музее Лувр, Париж.

Мараш: (a, b) Два львиных угловых камня (одна надпись), стр. [108-111](#) и [пл. XLII](#).

С надписью: (c) Рельеф церемониального пира, с. [111-112](#). (d) Часть статуи, с. [113](#). (e) Фрагмент статуи, стр. [113](#). (f) Царская стела, с. [114](#). (g) Четырехгранный монумент, с. [115-117](#). (h) Фрагмент базальта, с. [118](#).

Рельефы без надписей: (i) Женщина, сидящая с ребенком, стр. [118](#). (k) Церемониальный пир, с. [119](#). (l) Воин перед столом, с. [119](#). (m) Сцена поклонения, стр. [120](#). (n) Колесница и лошадь, с. [121](#). (o) Музыкант с трубами, с. [122](#). (p) Всадник на лошади, с. [122](#).

Библ: *C.I.H.* (1900), pp. 18, 19, и Pls. XXII.-XXV.; (1902), pp. 15, 16, и Pl. XXI.; (1906), с. 2 и пл. XXII.; Humann and Puchstein, *Reisen*, Atlas, Pls. XLVII.-XLIX.; *Recueil*, xv. p. 32 и Pl. II. B; Wright, *Empire*,

р. 162 и Pl. XXVI.; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. fig. 268 и pp. 64 ff.; *Proc. S.B.A.* ix. (1887), p. 374; (1905), p. 225.

Сейчас а в Константинопольском музее, № 840; литые в Британском музее; d, n, o в Берлине (V.A. Museum, № 973, 974); f, h, l Metropolitan Museum, New York, № 1904-6-5; l, k, m литые в Берлине (V.A.G., 61, 63, 62); g в Константинопольском музее, № 1625.

Nigdeh: Inscribed Altar or Moulded Base, p. 189.

Библ: C.I.H. (1906), p. 15 и Pl. LIII.

Паланга: Резной лев. Колонная фигура с надписью, стр. 141, 142 и пл. XLV.

Библ: C.I.H. (1900), с. 17 и Pl. XX; *ibid.* (1906), pp. 1, 2 и Pl. XX.; *Recueil*, xv. p. 95 и Pl. III.; *Proc. S.B.A.*, xxviii. pp. 93, 94 и Pl. II. Сейчас находится в Константинопольском музее, № 1215.

Рестан: Камень с надписью, стр. 85, прим. 2, и стр. 94.

Библ: *Proc. S.B.A.* (1909), p. 259.

Сакдже-Геузи: (a) Рельефы охоты на льва, церемониального пира, фрагменты львов и т.д., стр. 102-105 и пл. XXXIX. (b) Курганы, руины дворца и рельефы, стр. 298-314 и пл. LXXVIII.-LXXXII.

Библ.: (a) Humann and Puchstein, *Reisen*, Atlas, Pl. XLVI. Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. p. 64 и fig. 279; *Liv. Annals of Arch.*, pp. 101, 102, и Pl. XLV.; (b) *ibid.*, pp. 97-117 и Pls. XXXIII.-XLIX. Теперь "Охота на льва" в Берлине; слепки в Liv. Инст. арх.

Самсат: Камень с надписью и пьедесталом, с. 130, 131.

Библ: C.I.H. (1900), p. 14 и Pl. XVII.; Humann and Puchstein, *Reisen*, Atlas, Pl. XLIX. (1-3).

Синьерли: Город-крепость: скульптуры ворот, руины дворцов, резьба, стр. 270-297 и пл. LXXV.-LXXVII.

Библ: Luschan и другие, *Ausgrabungen in Sendschirli*. Сейчас половина воротных скульптур находится в Берлине, а половина - в Константинополе.

Сипилус: Наскальная скульптура матери-богини с надписью, стр. 168-170 и пл. LIII.

Библ: C.I.H. (1900), стр. 33-36 и пл. XXXVII., XXXVIII.; Perrot and Chipiez, *Art in ... Asia Minor*, ii. pp. 234 ff. и fig. 365; Weber, *Le Sipylus*, pp. 36 ff.; *Jour. Hell. Stud.*, iii. pp. 33-68; *Proc. S.B.A.*, iii. p. 49; *ibid.*, vii. Pl. V.; *Академия* (1879); Pausanias, III. xxii. 4.

Гергер: Наскальная скульптура, напоминающая хеттскую, p. 131.

Библ.: Humann and Puchstein, *Reisen*, p. 355 и рис. 50.

Суаса: Надпись на камне, стр. 153.

Библ: Rott, *Kleinas. Denkmäler*, pp. 175-179 и рис. 1, 2.

Ташджи: Наскальные рисунки и надписи, с. 149.

Библ: Rott, *Kleinas. Denk.*, p. 178, fig. 3; Jeraphanion, *Proc. S.B.A.*, xxx. (1908), pp. 43, 44, и Pl. II.

Телль-Ахмар: курганы хеттского городища, восточный берег Евфрата, к югу от Джераблуса, стр. [129](#), [130](#). (i) Стела из черного базальта, верхняя половина круглой формы; фигура одета в полусферу и держит предмет. (ii) Шесть разбитых блоков из базальта с иероглифами, образующих четырехугольный памятник, с мужским хеттским божеством, стоящим на быке, на лицевой стороне, и надписью в восемь строк иероглифами в рельефе на боковых и задней сторонах. (iii) Сломанная плита, две задрапированные фигуры, с бахромой на одежде и в туфлях. (iv) Сломанная плита с двумя рельефными фигурами, одетыми в туники и вздернутую обувь, с предметами в руках. (v) [Гигантские скульптуры львов, надписанные клинописью] (vi) [Большой блок без надписи, с рельефом двух разъяренных демонов-лошадей] (vii) [Плита, Т-образная, с рельефом быка] (viii) [Сломанный блок, рельеф предплечья и руки] (ix) [Базальтовый блок, рельеф орлиной головы крылатого божества в ассирийском стиле].

Библ.: Hogarth, *Liv. Annals of Arch.* (1909), ii. pp. 177-183 и Pls. XXXVI.(iv)-XL.

Яланджак. См. [Ангора](#).

Ямула: Скульптура орла на основании льва, стр. [155](#), [156](#) и [пл. XLIX](#).

Библ: *Proc. S.B.A.* (1908), стр. 27 и рис. 1, 2; *Liv. Annals of Arch.*, i. p. 5 и Pls. VI., VII.

Ярре: Relief Ceremonial Feast, pp. [164](#), [165](#).

Библ: *Jour. Hell. Stud.*, xix. pp. 40-45 и рис. 4.

Yapalak: Inscription seen, p. [145](#).

Библ: Sterrett, *Epigraph. Путешествие*, стр. 299.

Отпечатано Т. и А. Констеблями, печатниками Его Величества
в типографии Эдинбургского университета